

Си Цы

Возвращение
Прославленных

1

Annotation

Иногда я думаю, как было бы здорово, если бы это была просто выдумка. Иначе как они всё это пережили? Как справились и не сломались? Откуда, спрашиваю я вас, они черпали силы, не струсил и не свернули?

Эта книга бль. О пути моего народа, разбросанного по земле. О том, как они искали друг друга, а нашли себя. Написал её сто лет назад на визидарском Леонар Жобен. Я старательно перевёл её для вас, чтобы и вы прочли Невероятную Историю о Возвращении Прославленных. Ваш слуга, Си Цы

Жёлтая бабочка, Итиро и дУхи вещей

Предисловие

Отрывок из Визидарского Сказания о Чёрных временах.

...и белый день стал чёрным. Чернота эта падала с неба на лучших и пожирала их. Оставалась от визидарцев лишь пыль на камнях. На камнях, которые ожили и защитили. Ибо нет смерти для благородных, нет бесчестия для чистых душой, как нет забвения для Прославленных. Прославленных, которые вернутся, чтобы рассеять мглу.

Глава первая

Жёлтая бабочка Итиро и духи вещей.

С тёмного неба лило. Вода гулко стучала по деревянному настилу, скапливаясь в выбоинках и размывая песчаные гребни маленького сада камней во внутреннем дворике дома достопочтимого господина Кудо Таисуке.

Откатившись, скрипнула ставня, и из дома выскочил вихрастый паренёк. Он сунул тощие ноги в сандалии и, вжимая голову в плечи, побежал к сараюшке, откуда раздавались возня и ворчание.

Парнишка юркнул в тёмное помещение, закрыл за собой дверь и, нащупав, поднял тумблер выключателя. Свет залил корзинки и подстилки, на которых лежали живые пушистые комочки разных цветов. Как только стало светло, комочки ожили и побежали навстречу мальчишке. Это были померанские шпицы. Лишь четверо из них были взрослыми, остальные — щенки. Парень осмотрел малышей, и стал подкармливать тех, кто, по его разумению, в этом нуждался.

В это время, перекрывая шум дождя, во дворе опять взвизгнула ставня. В ночь высунулась лысая голова Таисуке и закричала:

— Итиро! Итиро! Ты снова у щенков?

Парень поднял голову и ответил:

— Да, дедушка. Ложись без меня. Я покормлю их и вернусь.

— Ладно.

Дед с громким вздохом закрыл дверь поплотнее, а Итиро расслабился — теперь здесь можно было посидеть подольше.

Сегодня ему исполнилось восемнадцать. Дед по этому случаю выпил рюмочку sake и теперь будет крепко спать до утра.

Итиро оглядел сарай, где на лежанках собаки сбились в кучки и приготовились ко сну. Когда-то это была комнатка его бабушки Минами. Именно она первая начала разводить этих славных щенков, в поисках путей заработать любимому внуку на будущую учёбу. И дело пошло. Да так бойко, что маленький Итиро помнил, что за щенками приезжали из самой Осаки и Токио. И не мудрено! Ни у кого в Японии не было шпицев, на них глядели, как на диковинку. И где их достала бабушка?

Итиро помогал ей выхаживать слабеньких, от которых достопочтимая Минами порой не отходила сутки напролёт. Тогда мальчик ложился прямо здесь, на соломенных циновках подле бабушки и слушал её долгие истории. Иногда они были страшными — как погибли в море его родители, но чаще — чудные. Бабушка, глядя Итиро по длинным прядям волос, рассказывала, что она — ёкай, из рода волшебников, и когда-нибудь совершит далёкое путешествие на родину. Но где эта родина она и сама не знала. Только повторяла: «Придёт время, солнышко, надо только подождать». А ещё она говорила, что когда умрёт, то станет жёлтой бабочкой с чёрным рисунком на крыльях и обязательно прилетит к Итиро, чтобы их с дедом оберегать.

Тогда, то, что смерть Кудо Минами случится так скоро, Итиро не мог и предположить. Но однажды поутру они с дедом обнаружили тело бабушки на настиле у дома. Минами лежала бледная, напуганная. Ночью выпал лёгкий снег, спрятавший грязь. По двору от калитки к настилу вели босые бабушкины следы. Видно было, что она заплеталась, падала, но стремилась к дому.

Дошла и свалилась перед дверью. Распластала руки, словно раненый лебедь. Её белая кожа вся была в тёмных пятнах — отпечатках от зубов. Но ни врачи, ни Итиро с дедом так и не поняли, что случилось с Минами. Женщина ничего не говорила. Лишь иногда открывала глаза, протягивала слабую руку к внуку и плакала.

Ночью бабушки не стало.

На вторые сутки после случившегося, дед с Итиро тихо развеяли её пепел в их крошечном саду. И Кудо Таисуке с удвоенной силой стал за ним ухаживать, как будто его любимая жена поселилась среди камней под горной сосной.

Так Итиро и жил с дедом. Но с того момента Таисуке пресекал любые разговоры о странной смерти жены, хотя всегда любил её больше жизни. Он только стал заботиться о внуке пуще прежнего — никуда его не отпускал одного, каждый день провожал и встречал из школы.

...Что-то заколотилось в маленькое оконце. Итиро вздрогнул и, аккуратно спустив с колен щенка, подошёл

посмотреть. В стекло билась жёлтая бабочка. С чёрным рисунком на крылышках.

Странно, бабочки же не летают ни ночью, ни во время дождя. А может... Неужели?! Сердце Итиро замерло. Он приоткрыл ставеньку, и бабочка ловко влетела в комнатку.

Мотылёк подлетел к Итиро, покружил над его протянутой рукой и поднялся выше. Бабочка впорхнула в темноту, куда не доставал круг света лампы. Итиро схватил фонарь и направил его на потолок. Он сразу её увидел. В углу. От фонаря тень бабочки причудливо выросла и чем-то напомнила профиль бабушки. Или Итиро так почувствовалось.

Его сердце колотилось так, словно это и правда бабушка сидела там, на потолке, и внимательно смотрела на него. Приглядевшись, парень заметил, что бабочка села на маленькую жестяную щеколду. Раньше он точно её не видел. Кажется, это был люк на чердак.

Итиро выглянул во двор, убедился, что дед потушил в доме фонари. Тогда парень аккуратно взял лестницу, втащил её в сарай, и легко открыл крышку на потолке. Бабочка залетела туда. Итиро подтянулся и, секунду поколебавшись, нырнул за ней.

На чердачке его оглушил дождь, стучавший по черепице. В узком пространстве не разогнёшься. Везде паутина. А дальше темень. Итиро пришлось спуститься вниз за фонарём. Подсветив себе, парень с досадой обнаружил, что на чердаке почти ничего нет. Лишь чемоданчик и небольшой сундук.

Первым Итиро стал исследовать чемодан. В нём оказалась аккуратно сложенная женская одежда. Бабочка сидела на сундучке. Её крылья подрагивали. Она ждала, когда Итиро её заметит.

Наконец, парень подполз к сундучку. Бабочка вспорхнула и села на голову Итиро. А он смахнул с сундука пыль, щёлкнул застёжками и открыл крышку.

Наверху лежал пучок трав, перевязанных лентой. Итиро поднёс его к носу и втянул воздух. Пучок пах бабушкой. Этими травами она полоскала свои густые волосы. Итиро вздохнул. Под пучком обнаружилась разрисованная ученическая тетрадь. Парень пролистал её — она была заполнена ровными иероглифами бабушкиного почерка. Каждая страница начиналась с даты. Это был дневник Минами. Под тетрадью лежала стопка писем. Их было шестнадцать. И все они были из неизвестного Итиро места в Норвегии. На дне сундучка обнаружился свёрток: что-то было обернуто плотной льняной тканью, перетянутой верёвочкой. Итиро понюхал и свёрток. Станный запах. Густой, непривычный. Фонарик замигал и погас.

Парень подполз поближе к свету, бьющему снизу, размотал узелки, аккуратно развернул находку и, вскрикнув, тут же выронил её из рук. Вот уж этого он никак не ожидал увидеть!

В полотнище оказалась завёрнута отрезанная ступня. Сразу было видно, что она хоть и высохшая, но настоящая.

Ступня упала вниз, на пол сарая. Щенки окружили и обнюхивали её.

Итиро быстро спустился по лесенке, прихватив сундучок с содержимым. Он подобрал ногу, чтобы собаки не стали её есть. Но, щенки, познакомившись со ступнёй, заскулили и разбежались по углам.

Парень рассматривал жуткую находку. Нога была похожа на человеческую, но всё же в ней было что-то необычное. Острые изумрудные загнутые ногти на волосатых пальцах, больше походили на когти. Истончённая, словно пергаментная, кожа, была тёмно-коричневой с зеленоватым отливом. И пахла нога болотом.

Парень завернул ступню обратно в тряпицу и взял дневник. Это была истрёпанная тетрадь в кожаном переплёте украшенная значком: круглая эмблема, напоминавшая колесо с изображением солнца в центре. Но рисунок почти стёрся, и его деталей было не разглядеть. Итиро стал листать дневник, и одна запись особо привлекла его внимание.

«13 сентября.

Таисуке сильно злится, что я рассказываю Итиро историю нашего рода. Но мальчик должен знать, что мы — когда-то породнились с ёкай. Люди называют нас волшебниками. Мы же зовём себя — визидары...»

Стоп. Ёкай — это духи. Итиро задумался. Как же он может быть из рода выдуманных созданий? Нет, он помнил, что бабушка всегда это говорила. Но в детстве это слушалось как сказки... Итиро опустил глаза в дневник:

«Визидары могут видеть и людей, и духов. Ибо в них текут обе крови. Нас было много на Земле, но когда напали малумы, визидаров почти не осталось. Большинство были убиты. Их толы и ауксилы уничтожены. Горстка ослабевших визидаров осталась жить в долине Сиреневых ветров. Они ждут нашего возвращения. Ждут нашей помощи. И мы обязаны вернуться.

Но даже здесь, в человеческом мире, нам стоит опасаться малумов. Они — дети Мрака, уничтожающие визидаров почти мгновенно. Бойся теней — в них таится невидимый малум.

Они напали четыреста лет назад. Это была Ужасная битва. Визидары гибли несчётно. Смерть приходила к лучшим. Тогда старейшины приняли решение спрятать среди людей десять последних из родов ремесленников с самыми сильными толами. Десять Прославленных кровей. Они дождутся, пока малумы ослабеют, вернуться и возродят Визидарию.

Придёт время, когда представители Прославленных родов найдут свои толы и друг друга. Они вернутся в долину, возродят мастерские, смогут противостоять врагу и очистить от него Землю. Каждому из рода Прославленных оставлено знание только об одном собрате. Надо найти свой тол и собраться, чтобы...»

Дальше было размыто и Итиро не смог прочитать. Он поднял голову и посмотрел в окно. Там, в темноте, дождь превратился в настоящую бурю. Ветер кидал пригоршни воды в стекло, где-то, взвизгивая, хлопала ставня.

Визидары. Ужасная битва. Толы и ауксилы. Так много непонятого. Итиро передёрнул плечами. Ему стало страшно. Он жил и не знал, что в мире существуют малумы — какие-то неведомые жуткие существа. До этого Итиро боялся змей в лесу, громких раскатов грома, старого продавца корзин на рынке — уж больно тот был грозным и злым. Но не этого следовало страшиться... Сейчас Итиро казалось, это не дождь, а неизвестные малумы пытаются до него добраться, колотясь в стены. Кто они такие? Парень перелистнул страницу и продолжил читать дальше.

«Я оставила Итиро ключ от Последних дверей. Когда мы дойдём до них, то сможем вернуться на родину. Так что мой маленький Итиро — Ключеносец и сыграет самую важную роль...»

Парень задумался. Он засунул руку за пазуху и вытащил ключик на цепочке. Сколько себя помнил, этот ключ висел у него на шее. Но что за Последние двери? Где они? В детстве этим ключом он перепробовал открывать всё, что только попадалось ему под руку. Но бороздки на ножке ключа, изображавшие резного ящера, не подходили ни к одному замку. Поэтому Итиро давно носил его талисманом — подарком бабушки.

Парень привычно поцеловал ключик и сунул его обратно под рубаху. Вопросов становилось всё больше, а ответов не было. Итиро снова склонился над дневником.

«1 октября.

Из Прославленных ремесленников я знаю только Стурлу Гутторсмена. Это визидар из рода гномов. Он живёт в Норвегии. И хоть я ещё не нашла свой тол, но подала ему весточку. Теперь мы с ним переписываемся и мечтаем, что кто-нибудь из нас обязательно найдёт свой тол и поможет другому. Тол — самый важный инструмент ремесленника, с помощью него он создаёт ауксилы. Ауксилы — это вещи, наделённые каким либо даром или силой. Но сами ауксилы создавать чего-либо нового не могут, чем они и отличаются от толов. Ауксилы — просто вещи. Им приходит срок, и они ломаются. А толы, как говорят, вечны. Их можно уничтожить только особым способом. Мне неизвестным. Но сейчас не до этого. Мне надо найти свой тол. И, мне кажется, что я уже близка к разгадке.

Мой ауксил — мёртвая ступня духа Аширай Яшки. Она спрятана на чердаке...»

Так вот оно что! В сундуке была ступня духа Аширай Яшки! Итиро, взглянув на свёрток, поёжился.

«Мне надо найти вторую — живую, которая бродит по свету. Люди боятся ногу духа Аширай, но я то знаю, что она просто ищет пару. К нам в деревню ступня Яшки не приходила. Говорят, её видели в соседней.

Я сторожу почти каждое полнолуние — под круглым глазом ночи яснее видно духов. Сажусь в темноте у дороги и жду духа Аширай. Верю, что когда-нибудь смогу его встретить. Ступни духа Аширай Яшки сильные. Они могут ходить хоть по жарким углям и воде. Им ничего не страшно.

Но только когда обе ступни духа соединятся, откроются ворота под плоским камнем у подножия вулкана Адзумы-кофудзи. Ворота эти находятся у хвоста белого кролика. Он появляется каждую весну на склоне вулкана, указывая мне путь. Я смогу войти туда и забрать свой тол. Но какой он и чем наделён, мне неизвестно».

Про белого кролика на горе Адзумы-кофудзи знали все в округе. Каждую весну, когда на вулкане таял снег, его остатки в какой-то момент напоминали очертания большого кролика, поднявшего хвост.

...Следующая запись в дневнике была последней. Она датировалась числом накануне бабушкиной смерти, и Итиро с волнением стал читать текст.

«7 января.

Наконец, скоро всё закончится, и я смогу найти свой тол! В последнее полнолуние я привычно пошла бродить по округе в надежде встретить дух Аширай Яшки. На всякий случай положила ступню в сумку и отправилась по полям. Одно поле сменялось другим. Было тихо, и пугали только незаснувшие лягушки, внезапно выпрыгивавшие из-под ног.

Я уже думала повернуть домой, но вдруг на заросшем поле под Великим Камфорным Деревом увидела кучу. Она чернела в темноте, освещаемая луной, и двигалась, словно дышала. Когда я подошла ближе, куча протянула ко мне костлявые руки. Это оказался Доро-та-бо — грустный дух заброшенного рисового поля. Он стонал и плакал. Его многочисленные ноги опутали старые сети, и дух увяз глубоко в канаве.

Доро-та-бо выглядел страшным, я очень боялась его, но вида не показывала. А решила помочь ему. Протянула палку и вытащила его из ямы. Пока распутывала его ноги, от него то и дело отделялись пузырьки. Они лопались, источая смрад, от которого к горлу подступала тошнота. Но я терпела зловоние, а Доро-та-бо сразу узнал во мне визидара, ибо только они могут разговаривать с духами. Он спросил, что я здесь делаю. Я рассказала о своих поисках Аширай Яшки. Доро-та-бо не встречал его, но за мои сережки пообещал поймать Баке-дзори — цукогами

старого соломенного шлёпанца. Он дальний родственник Аширай Яшики.

Доро-та-бо заверил меня, что Баке-дзори обязательно поможет найти Аширай Яшики, потому что умеет его призывать. Я с радостью отдала Доро-та-бо золотые серьги. И вот сегодня снова полночь, и я иду к Великому Камфорному Дереву, где мы договорились встретиться. Надеюсь, что сегодня в руках у меня будет цукогами старого шлёпанца...»

На этом запись заканчивалась.

Так вот кто убил бабушку! Её обманул дух заброшенного рисового поля Доро-та-бо! Пообещал ей помочь и нагло обманул. Бабушка пошла к нему на встречу, а дух напал на неё и искусал до смерти. И это за то, что она помогла ему накануне! Да ещё и отдала ему вперёд плату — свои серьги.

Итиро застряло от гнева. Он долго не мог успокоиться. Вскочил и отворил дверь во двор, чтобы немного остудить разгорячённую голову.

Дождь перестал лить. И на свете наступила такая тишина, что Итиро слышал лишь стук своего сердца, сопение щенков вокруг, да как журчит на улице вода из их домашнего родничка.

Когда дыхание Итиро успокоилось, он вернулся к сундучку и вытащил письма. Все они были на английском, но этот язык с малолетства его заставляла учить бабушка, наняв лучшего в округе учителя.

На каждом конверте стоял один и тот же обратный адрес: Стурла Гутторсмен, фьорд Оса, Норвегия.

«Как это далеко! — подумал Итиро. — Где же эта Норвегия находится? Где-то на севере? Наверное, там жутко холодно».

Но письма Стурлы были очень даже тёплые. В них он писал, как рад, что нашлась Минами. Во втором письме Итиро нашёл старый снимок — на фоне деревянного домишки стоял низенький толстенький паренёк — настоящий коротышка, рядом с ним — жена и двое детей. Все они были маленького роста и лошадь, привязанная поодаль, казалась по сравнению с ними настоящим великаном.

Стурла с большой любовью рассказывал о своей ферме и семье. Они разводили овец и изготавливали сыр. В одном из писем Стурла Гутторсмен писал: «Мне по наследству достался огромный клык на верёвке. Это мой ауксил. С помощью него я собираю закаменевшие яйца ящеров. Когда гуляю по фьорду, то вешаю клык на шею. Если яйцо близко, зуб тяжелеет и клонит к земле. В том месте и нужно копать, для этого у меня всегда с собой складная лопатка. Я насобирав уже целый сарай таких яиц, но что с ними делать дальше, не знаю. Уважаемая Минами, когда-нибудь эту загадку мы обязательно разгадаем вместе».

...Только под самое утро Итиро вышел из сарая, и встал посреди двора. Склонил голову, отчего тёмные волосы рассыпались и скрыли узкое лицо. Взгляд больших сливовых глаз застыл на кончиках башмаков. Итиро терялся — куда ему сейчас идти и что делать?

На остывшую от дождя землю опустился туман и клоками повис в каждом углу двора. Через его завесу и дом, и дедушкин садик, и ручеёк, убежавший под забор, казались таинственными и незнакомыми.

В голове у Итиро была каша. Всё, что он узнал ночью, там никак не укладывалось. Мир, который он знал до этого, рухнул, а новый, населённый неведомым, его ошеломил. Пролетев низко, ухнула припозднившаяся ночная птица. Её крик вывел парня из оцепенения, и он понёсся в дом.

Итиро тихо прокрался в комнату к спящему деду, нырнул под своё одеяло, но спать не мог. Его колотило от волнения и открывшихся тайн. В один миг вся жизнь перевернулась. Но что делать со всейэтой информацией? Так и крутился Итиро на циновке, пока дед не открыл глаза.

Только достопочтимый Кудо Таисуке сладко зевнул, не успев потянуться, как внук припечатал его вопросом.

— Дедушка, так мы из рода ёкай? — протараторил Итиро.

Старик насупился, подтянул одеяло и накрылся им с головой.

— Дедушка... — потянул за край покрывала внук.

— Не хочу об этом говорить, — сердито ответил Таисуке.

— Я нашёл дневник бабушки. Так мы визидары? — повторил вопрос Итиро.

Дед выпутался из одеяла, поднялся, глубоко вздохнул, приглаживая на лысеющей макушке волосы, и сказал:

— Не мы, а ты. Я из простого человеческого рода.

— А какая между нами разница? — удивился внук.

— Ну-у-у, — замешкался дед, — вот, пальцы у тебя длинные. Это от рода ёкай.

— Подумаешь, у многих людей пальцы длинные, — протянул разочарованно Итиро, глядя на свои руки.

— У визидаров, как я помню из рассказов Минами, почти все черты, которые им достались от нелюдей, стёрлись. Взглянув на визидара, их уже редко увидишь. А и увидишь, так примешь за особенность человека. Но всё же визидары не люди... Вот к примеру, помнишь, ты говорил, что иногда видишь, накопившиеся в других дурные мысли тёмным, а хорошие — светлым? Так вот. Люди такого не видят, — покачал головой Таисуке.

— А как тогда они понимают, иметь дело с человеком или нет? — растерялся Итиро.

— Никак. Людьми это понимается позже. Пойдём уж, попьём чая. Я тебе всё расскажу.

...Дед медленно ходил по кухне: разогревал чай, разливал его по плошкам, вздыхал и оттягивал разговор. Итиро же, напротив, спешил, он быстро накрыл на террасе низенький столик, вынес подушки, чтобы на них сесть и стал терпеливо ждать. Наконец, Таисуке вышел, устроился поудобнее, старательно расправил складки рубахи, долго сосредоточенно чесал нос, потом медленно отгонял муху. Но пришёл момент и он, отхлёбнув из чашки, начал неспешный разговор.

— Я познакомился с Минами, когда нам было по двадцать лет. Мы работали вместе. Минами была самая улыбчивая, самая быстрая в работе и самая добрая из всех людей, которых я знал, — Таисуке замолчал и уставился на кривую ветку сосёнки, что качалась недалеко от них.

Дед опять выдал порцию вздохов и продолжил:

— Она мне сразу понравилась, моя дорогая Минами. Мы много гуляли. Я всё больше молчал, а она рассказывала. Да всё такие странные истории. И я думал, что Минами — большая фантазёрка. Когда сделал ей предложение, она согласилась только на одном условии, что я отпущу её, как только придёт время. А когда придёт и придёт ли оно, Минами и сама не знала. Первое время я волновался, но потом мы зажили почти обычной жизнью, как все, и я успокоился. Минами рассказывала, что она из особого рода, что и не человек вовсе, указывая на свои удлинённые пальцы с ноготками чуть напоминавшими сердечки — точь-в-точь, как у тебя, Итиро. Но я не верил ей. Как не верил и в то, что, в конце концов, Минами покинет эти края, потому что у неё какая-то миссия. Она говорила, что общается с духами и каждое полнолуние уходила из дома бродить по округе. Возвращалась под утро с охапками трав, с сумкой набитой кореньями и камнями. Но это было всего лишь одну ночь в месяце. А в остальное время она была хорошей хозяйкой и доброй матерью нашей дочери — твоей матери. Я надеялся, что Минами никогда не уйдет. Но однажды... в полнолуние... ты сам знаешь, что произошло. И я запретил себе думать о волшебстве, странных рассказах жены, чтобы не потерять и тебя. Поклялся жить обычной жизнью и воспитывать тебя без этих сказок. Сохранил только одно чудо, которое осталось от Минами.

— Какое чудо, дедушка? — удивился Итиро.

— Вот, наш ручеёк, — показал в середину сада камней старый Таисуке. Туда, где у корней сосны из срезанной бамбуковой ветки вытекала вода.

— Какое же это чудо? — спросил Итиро, — обычный родник.

Дед кряхтя, встал, спустился в сад, подошёл к бамбуковой ветке и вытащил её. И тут же вода перестала течь. Таисуке ткнул бамбук острием в другом месте, и из него сразу заструилась вода.

— Он волшебный. Куда ткнёшь, там и польётся, — объяснил дед внуку.

Итиро взял бамбуковый стержень в руки и внимательно рассмотрел его: на нём в неприметном месте был изображён знак: колесо, внутри которого было три переплетающихся глаза. С одним зрачком посередине. Всё это окружало солнце, от которого расходились десять лучей, заканчивающихся маленькими треугольниками.

— Дедушка, такой же знак я видел у бабушки на дневнике. Значит, у неё был не один ауксил! Надо же! — обрадовано воскликнул Итиро.

Но тут же парень стал серьёзным.

— Я знаю, кто убил бабушку, — сказал он. — Это злой дух заброшенного рисового поля. Доро-та-бо. Он обманул её. Я прочёл это в её дневнике, который нашёл в сундуке под крышей сарая.

— Странно. Я сам когда-то заколотил тот чердак, сложив туда вещи Минами. Но никакого сундука там не было.

Тут над столом закружила та самая бабочка с жёлтыми крыльшками. Она села на лысину старого Таисуке и застыла. Итиро посмотрел на неё и, набравшись смелости, сказал:

— Знаешь дед, я должен продолжить дело бабушки Минами. Всё утро об этом думал. Нельзя так всё оставлять. Я знаю, что именно этого хотела бы бабуля.

В это время, словно соглашаясь с Итиро, бабочка помахала усиками. Дед снова завздыхал, ссутулился, сжался, отчего стал маленьким и беззащитным. Он искоса виновато взглянул на внука и вдруг, выдохнув, сказал:

— Хорошо, что всё закончилось...

Поймав непонимающий взгляд Итиро, объяснил:

— Ты не представляешь, как тяжело жить с грузом секретов. Чувствуешь себя обманщиком. Самое страшное, когда ты скрываешь что-то, это ожидание. Оно не даёт покоя, мучает. В глубине души я всегда знал, что так будет. Сейчас мне легче. Наверное, такова твоя судьба, Итиро. И как я не пытался уберечь тебя от этого, ты всё равно пойдёшь дорогой, которая тебе предначертана...

Они молча похлебали чай, думая о своём, а потом внук решился расспросить деда про ногу духа Аширай Яшики.

— О, — сказал Таисуке, — твоя бабушка мечтала его встретить. Была одержима этой идеей. Дух Аширай Яшики ходит от дома к дому, сильно воняет, покрытый грязью. Он топчет у порога, громыхает, роняет предметы и требует его помыть. В одну секунду может вырасти до огромных размеров и раздавить дом, если ему что-то не

понравилось. Говорят, много лет назад в соседней деревне Аширай Яшики уничтожил сарай у одного крестьянина за то, что тот отказался его омыть. Многие болтают, что по размеру этот дух как мельница, но на самом деле большую часть времени Аширай Яшики не отличается от ноги человеческой.

Итиро так и не решился рассказать деду о своей находке — второй ступне духа.

...С того дня, казалось, они зажили по-прежнему. Итиро ухаживал за щенками, дед наводил порядок в каменном саду. Но каждый день парень доставал свёрток со стопой и долго о чём-то шептал над ним, будто спрашивал. Или уходил из дома, поднимался на Лысую гору, откуда было видно кусочек вулкана Адзумы-кофудзи. Итиро смотрел, как на вулкане постепенно тает снег, и с каждым днём всё четче и яснее становится контур белого зайца.

Как-то вечером Итиро сотый раз спрашивал деда, не знает ли тот о Великом Камфорном Дереве. Таисуке опять покачал головой и Итиро приуныл. Где же оно? Парень чувствовал, что именно там, где закончилась эта история, надо искать её продолжение. Ибо, как говорят мудрецы, если ты зашёл в тупик, то выход ищи там же, где был вход. Но задача пока не решалась. Итиро спрашивал своих одноклассников, не знает ли кто о Камфорном дереве. Но и из них никто не мог ничего сказать путного.

Разрешилась задача неожиданно. Тогда, когда Итиро этого не ждал.

Как-то он взял тележку и пошёл в посёлок, чтобы привезти из лавки заказанный для щенков корм. Нагрузив телегу, парень вышел на улицу, завернул за угол и тут же столкнулся с соседкой — старушкой Миюке-сан. Она напоминала высохший бобовый стручок — кожа да кости. Но сегодня она чего удумала! Видимо, тоже закупила товары. Набила скарба в два мешка, связала их вместе и перебросила через плечо.

Она и так их еле тащила, но как только дорожка шла под уклон, груз перетягивал, и старуха начинала скакать, не успевая перебирать скрюченными ногами. Итиро увидел её в тот момент, когда казалось, что мешки победили и сейчас уташат Миюке-сан в придорожную канаву. Но она изловчилась и остановилась на самом её краю.

Итиро было трудно толкать нагруженную телегу. Но он пожалел старуху, подхватил её, посадил на мешки. И с удвоенной силой налёг на ручки. Колесо телеги жалобно вскрикивало, подпрыгивая на колдобинах, а соседка всю дорогу расхваливала Итиро.

— Ты добрый и сильный! Вот ещё немного подрастёшь и станешь могучим как Великое Камфорное дерево, — лила патоку старушка. — Оно тоже сначала было тоненьким да нескладным, а выросло и полнеба заслонило.

Итиро даже остановился от неожиданности.

— Расскажите, Миюке-сан, мне об этом дереве. И почему о нём мой дед не знает.

Старуха глухо засмеялась.

— Мужчины! Они мало на что обращают внимание. Великое Камфорное дерево росло в рисовых полях. Мы с твоей бабушкой каждую осень ходили к нему собирать священные листья. Сколько раз Минами лечила им твои хвори, и не сосчитать!

— А где оно растёт, Миюке-сан?

— Росло. Вон за теми холмами, — старуха махнула костлявой рукой влево. — Но десять лет назад, в ночь, когда умерла твоя бабушка, в дерево попала молния. И оно сгорело. Откуда она только взялась там? Ведь грозы то и не было. Но если ты пойдёшь вокруг Лысого холма, обогнёшь старую каменную изгородь, то придёшь как раз к его останкам.

У дома соседки Итиро распрощался с ней и воодушевленный повёз домой корм, радуясь, что узнал о месте, где росло Великое Камфорное дерево. Теперь его веселило всё: и безбрежное небо, и поблёскивающая в канаве вода, и яркие одуванчики, распутившиеся по обочинам дороги.

...Через неделю пришло полнолуние. Итиро с нетерпением ждал, когда заснёт дед. Но тот, как специально, не торопился. Сначала читал газету, потом в самых потёмках вышел в садик подравнять песчаные бороздки вокруг камней, а после долго сидел, наблюдая, как носятся в черничном небе летучие мыши. Но, наконец, достопочтимый Таисуке лёг, погасил свет и тихо засопел, отвернувшись к стене.

Итиро собрал волосы в хвост на затылке, схватил сумку, подготовленную накануне, и крадучись выбрался из дома. Он взял из сада камней бамбуковую палочку, сунул её к остальным вещам и отправился в путь.

Луна пряталась за облаками, пришлось почти на ощупь искать дорогу. Но парень быстро добрался до Лысого холма, прозванного так оттого, что на его вершине и правда не было растительности. Итиро обошёл его и, войдя в высокую траву, с трудом нашёл полуразвалившуюся каменную изгородь. Он довольно долго шёл вдоль неё, продрог и стал бояться, не пропустил ли нужное место. В травах шумели насекомые, ветер разогнал тучи на небе, и стало совсем светло. Почти как днём. Итиро даже тихо запел. Вдруг в низине он увидел то, что искал — искорёженный могучий пенёк. Его полусгнившие корни торчали во все стороны, словно конечности морского чудовища. Итиро подобрался поближе. У самых корней трава была примята, землю покрывали рытвины и канавки.

Парень остановился размышляя, что же ему делать дальше. Но тут в одном месте корни заходили ходуном, и земля стала приподниматься, словно её изнутри копал огромный крот. Итиро оробел и отступил назад. Земляная

куча перестала расти и из неё медленно высунулись две длинные крючковатые руки-ветви. Они потянули корявые пальцы к Итиро. За ними показалась противная веретенообразная башка с глазами навывкате. По бокам головы свисали рваные лохмотья огромных ушей, в которых сверкнули золотые капельки серёжек. Итиро сразу их узнал. Страх из его сердца улетучился, сменившись гневом.

— Противный Доро-та-бо! Я Итиро, внук Минами. Ты убил мою бабушку! — закричал парень и, вытащив из-за пазухи приготовленный нож, кинулся на духа. — Сейчас ты получишь за все свои прегрешения!

В одну секунду земляное тело Доро-та-бо вспенилось, взвилось смерчем до самого неба, вцепившись в Итиро. Дух мгновенно выхватил оружие из рук парня и откинул нож далеко в поле. Цепкие руки Доро-та-бо держали Итиро и отчаянно трясли. Парень чувствовал, как хрустят его косточки. А дух приблизил своё лицо к Итиро, обдав его зловонным дыханием помойной ямы, и пророкотал:

— Как смеешь ты обвинять меня в таких вещах?! Если что, так это я должен сердиться! Я жду Минами уже десять лет. Каждое полнолуние. И уползти не могу, потому что пообещал.

Доро-та-бо кинул Итиро в траву, но тот мягко приземлился на кочку. А чудище схватилось за голову и закачалось:

— Бедный я несчастный дух заброшенного рисового поля. Что случилось с Минами, теперь она никогда не придёт? Как же мне выполнить данное ей слово?

— Так ты не знаешь? — удивился Итиро, поднимаясь, — она погибла, и я пришёл за неё.

— Ты заберёшь Баке-дзори?! — ожил Доро-та-бо. — Это дрянное цукогами соломенного шлёпанца! Он изгрыз меня изнутри, измотал. Ни одной ночи я спокойно не спал, ни одного дня не отдыхал. Но обещание, данное Минами, связало меня по рукам и ногам.

— Да, я заберу Баке-дзори, — пообещал Итиро.

Доро-та-бо опять взвился, захохотал, и нырнул в яму. Через минуту вытащил оттуда мешок и кинул к ногам Итиро. В мешке что-то копошилось.

— Прощай Итиро, внук Минами, — сказал, сверкнув серёжками Дора-та-бо, и стал растворяться в земле раскидывая комья грунта, отчего образовалась огромная дыра, которая тут же завалилась сама собой, как только скрылся облезлый хвост духа.

— Так кто убил мою бабушку? — крикнул ему вслед Итиро.

— Не знаю. Видимо, какие-то пришлые духи, — глухо донеслось из-под земли, — и советую набрать корней камфорного дерева, если пойдёшь к духу вулкана-а-а-а...

И Доро-та-бо разразился затухающим смехом.

Итиро решил воспользоваться советом духа. Он пошёл искать нож, долго рылся в траве, почти отчаялся, но всё же нашёл его. Парень подошёл к пню, стал отрезать куски корня и складывать их в сумку. Работа давалась тяжело, Итиро быстро вспотел. Он откинул чёлку, устало вытирая лоб, оглядел кучку нарубленных корней, размышляя — хватит ли столько? Но тут его взгляд привлекло шевеление в траве. Мешок, брошенный Дора-та-бо, перекатываясь, улепётывал от него под горку.

Итиро еле нагнал его, схватил и, отдышавшись, развязал. Он засунул внутрь руку и вытащил извивающийся визжащий шлёпанец.

— Отпусти! Отпусти сейчас же, а не то откушу тебе палец! — пищал Баке-дзори.

— Я отпущу тебя тут же, как только ты призовёшь дух ступни Аширай Яшики. И потом у тебя зубов то нет! — сказал, встряхнув шлёпанец Итиро.

— Я в ссоре с Аширай Яшики, — попытался вывернуться цукогами.

— Призовёшь его, а я за это прилажу тебе на место лямку, — пообещал Итиро, показав на оторванный ремешок.

— Правда? Не врешь? — застыл шлёпанец.

— И даже отмою тебя. Прямо сейчас, — подтвердил Итиро.

Он подошёл к сумке, вытащил оттуда бамбуковую палочку и воткнул в землю. Тут же полилась вода. Итиро черпал её и тёр соломенный шлёпанец. Тот извивался, хохотал, подставляя под струю то один, то другой бок.

Потом они сидели на каменной изгороди у самой дороги и ждали, пока Баке-дзори высохнет. Итиро, как и обещал, привёл в порядок лямки старого шлёпанца и тот, после купания и ремонта, выглядел вполне сносно.

Довольный Баке-дзори сказал:

— Ну, ладно. Помогу тебе. Только предупреждаю Аширай противный. Характер у него такой же противный, как и запах.

— Он мне нужен, понимаешь? Ты уж его вызови, а я с ним сам договорюсь. Может, со мной он будет лучше? У меня для него подарок.

Баке-дзори вскочил, внимательно огляделся по сторонам, а потом вдруг завертелся на месте и тоненьким голоском стал пищать:

— Стучи-грохочи-приди-топочи.

Замолк, прислушался и взвыл громче:

— Стучи-грохочи-приди-топочи...

Толкнул Итиро:

— Чего сидишь? Помогай!

И они долго, до хрипоты, кричали: «Стучи-грохочи-приди-топочи», пока Баке-дзори не замер и не сказал: «Тихо!» Он втянул маленьким носиком воздух и спросил:

— Чувствуешь?

Итиро принял. Воняло стоячей водой.

— Это Аширай Яшки так пахнет, — пояснил цукогами. — Он сейчас сюда выйдет. Но я тебе не обещал, что буду с ним говорить, — добавил хитрый Баке-дзори, — прощай.

Итиро не успел ничего сказать, как шлёпанец ловко спрыгнул с изгороди и исчез в высокой траве. Будто его и не было.

Парень стал смотреть на дорогу и, действительно, через какое-то время, из-за кустов показалась ступня. Будто шёл незримый человек, у которого была видна только часть ноги. За ступней в дорожной пыли отпечатывалась цепочка чёрных следов.

Нога приблизилась к Итиро. Парень встал, поклонился ей и сказал:

— Достопочтимый дух Аширай Яшки. Я прошу вашей помощи.

— Вот ещё, — проворчал, увеличившись до размера стола, дух.

— Я прошу вас пойти со мной на вулкан Адзумы-кофудзи, чтобы попасть внутрь него.

— Да ты с ума сошёл, — ещё увеличился в размере Аширай. Он стал ростом с лошадь.

— Мне нужно найти там свой тол, — объяснил Итиро.

— А мне до этого какое дело? Я не служу людям. Даже если они из рода ёкай, как ты.

Дух вырос до размера дома. Но Итиро не показывал страха, хотя внутри холодел от ужаса. «Если сейчас убегу, то потом не прошу себе», — пронеслось у него в голове.

— Сейчас вот возьму и раздавлю тебя, — поднял над ним грязные пальцы Аширай Яшки.

— А у меня для тебя подарок! — сказал Итиро, словно ничего не происходило, и на него не сыпались мелкие камешки и мусор с огромной раздутой ступни. Парень засунул руку в сумку, вытащил оттуда свёрток. Аккуратно развернул его и поставил перед Аширай Яшике найденную на чердаке ногу.

Увидев её, дух подскочил, в одну секунду уменьшился и две стопы, наконец, встали рядом.

— О, Итиро, я обязательно помогу тебе, если ты отдашь мне моего брата, — взмолился дух, прижавшись к ступне из свёртка.

— Я же сказал, что это тебе подарок, — кивнул Итиро.

— Отправимся куда угодно, хоть в преисподнюю! — сказал дух, — хотя в вулкане жарко не меньше, чем в адском пламени. Но раз нужно, то пойдём. Надевай меня, — скомандовал Аширай.

И ступни встали перед ним. Итиро опасно оглядел их и попробовал надеть, как сапоги. К удивлению, получилось это весьма просто. Ступни сами нацепились на парня. Ноги стали лёгкими и побежали, да так, что Итиро только успел подхватить сумку.

Парень нёсся, не касаясь земли. Быстро, как ветер. Пробежал поле, начался лес. Дух поднял Итиро над деревьями, и они помчались по кронам. Итиро чувствовал, как молодые листья щекочут им пятки. Иногда путники опускались на полянки, покрытые ковром волшебных цветов: когда ночная роса, потревоженная беглецами, падала на их лепестки, цветы становились прозрачными. Итиро хотел бы остановиться, разглядеть это чудо, но ступни несли дальше.

Лес закончился, начались холмы. Аширай Яшки поднял Итиро очень высоко над землёй, и порой они неслись через мягкие прохладные облака. Выныривая из них, Итиро был насквозь мокрый от влаги.

Но вот впереди показался вулкан. Он грозно чернел под лунным светом, сверкая остатками почти стаявшего снега.

Не прошло и часа, как Итиро уже взбирался по склону вулкана Адзумы к тому месту, где торчал снеговой хвостик зайца. Здесь почти ничего не было, кроме крупных валунов. Один из них напоминал плоский люк. Парень подошёл к этому гладкому камню, а дух Аширай Яшки сказал:

— Сдвигай его!

Итиро навалился, но плита не поддавалась. Парень собрал все силы, толкал снова и снова и, наконец, камень сдвинулся и под собственным весом сполз по склону.

Открылась чёрная нора.

— Как там темно, — сказал Итиро, заглядывая внутрь.

— Не бойся, скоро будет слишком светло, — засмеялся дух и кинул Итиро внутрь.

Парень нёсся по туннелю, словно с бесконечной детской горки. Действительно, становилось всё светлее и жарче. И когда, наконец, Итиро вкатился в большой подземный грот, то от слепящего света на мгновение даже зажмурился.

Пол был покрыт огненными трещинами, от которых шло марево. Ступни духа Аширай Яшки задымились и завоняли сильнее, но ногам Итиро было лишь тепло, а вот тело сразу нагрелось. От стен шёл нестерпимый жар, стояла невозможная духота. Парню казалось, что он находится в кипящем котле. Первое время Итиро хватал ртом воздух, но не мог вдохнуть полной грудью. В конце концов, он приспособился дышать поверхностно и коротко, так, чтобы лёгкие не слишком обжигало.

По длинным коридорам и гротам Аширай Яшки, наконец, вывел его в центральную пещеру. Здесь то и дело со стен срывались камни и подкатывались к середине зала, где горел большой очаг. Вперемешку с пламенем там бурлила клокочущая лава. Перед ней на коленях стоял дух с четырьмя руками. Это был ёкай Адзумы. Его полное угольное тело было покрыто огненными венами. Нижними руками Адзумы загребал подкатившиеся камни и бросал их в огонь, а оставшимися черпал вскипавшую лаву и кидал себе в огромный рот, напоминая доменную печь.

Не отрываясь от своего занятия, дух вулкана повернул лохматую голову к парню. Итиро увидел его страшное раздутое лицо. Вместо глаз на нём были два кратера из которых, пузырясь, вытекал жидкий металл. Адзумы закинул в себя очередную порцию лавы и спросил:

— Чего тебе надо, Итиро?

— Здравствуйте, — поклонился ему парень. — Я пришёл забрать вещь, которую оставили для меня. Мой тол.

— Ишь, какой прыткий, — сказал, чавкая, ёкай. — Но за хранение надо будет заплатить.

И из его глаз выплеснулась порция металла, раскатившаяся шариками по полу.

— Что вы хотите за тол? — спросил Итиро.

— Накорми меня. Я есть хочу, — ответил, забрасывая пригоршню лавы в рот, Адзумы.

— Чем вас накормить?

— Я давно не был на поверхности. Ох, как я любил тамошнюю еду! Растекись, бывало, всё, до чего достану — сожру. Такая вкуснятина! — вспоминая, на мгновение Адзумы даже жевать перестал, но, опомнившись, вдвойне быстрее замолотил челюстями.

Итиро порылся в сумке и протянул ему корней камфорного дерева.

— Возьмите.

Ёкай схватил корни и забросил их в рот.

— М-м-м-м, вкусно то как! — причмокивал Адзумы, — Как много у вас в миру всего сладкого!

Постепенно Итиро скормил духу все принесённые корни. Но когда тот насытился, то сказал:

— Пить хочу!

Итиро достал бамбуковую палочку, ткнул её в кипящий пол, и из неё полилась вода. Ёкай Адзумы жадно припал к родинку и стал громко лакать. Пил он долго. Из его рта шёл пар. Но, наконец, дух откинулся, довольным. Отдышался, отвернулся от парня и снова стал забрасывать в огонь камни, а в рот лаву.

— Так вы отдадите мне мой тол? — напомнил Итиро.

Дух засунул руку в самое пекло огня, порылся там и достал палочку — металлический стержень с резной ручкой.

— Бери, — кинул он её Итиро, — Только облей её сначала водой из бамбука, чтобы Огненная палка остыла.

Скажешь ей «Адолебит!», и она зажжёт и нагреет всё, что ты хочешь.

— И воду зажжёт? — спросил Итиро, обливая кипящий стержень из бамбуковой палочки.

— Всё, что есть на земле, — ответил ёкай Адзумы.

— Спасибо вам, — поклонился Итиро духу, — но как нам теперь выбраться наружу?

— Садись на огонь, — приказал ему дух, ткнув в кострище перед собой.

— На огонь? Боюсь, я не смогу, — засомневался Итиро.

Не успел он опомниться, как дух ловко схватил его ближайшей рукой и посадил прямо на огонь. Пламя подскочило, пробило потолок и в одну секунду подняло Итиро с Аширай Яшки наверх. Они оказались на земле, а вынесший их огонь за клубился, забурился и ушёл вглубь.

Стало тихо, только звёзды с луной сверкали на небе. Аширай подбросил Итиро и понёс его домой.

Они проносились мимо деревушек поблёскивавших тёмными окнами; им были видны корабли в гавани и переливающиеся затопленные поля. Под ними, медленно извивались реки, напоминая сытых змей. Но, наконец, путники опустили у ворот дома Итиро. Ступни Аширай Яшки соскочили с ног парня.

— Прощай, Итиро! — сказали они.

И, поднимая пыль, ёкая Аширай Яшки, быстро засеменял по дороге. Итиро только успел помахать ему вслед.

Парень постоял немного, прислушиваясь. Потом прокрался домой и лёг спать.

Утром у них с Кудо Таисуке состоялся серьёзный разговор.

— Дедушка, я должен уехать, — сказал Итиро, — то, что не сделала бабушка, должен сделать я. Я чувствую, что меня очень ждут. Обещаю писать тебе письма и когда-нибудь забрать к себе. Когда я дойду до цели.

— До какой цели? — спросил дед.

— Не знаю, — честно признался Итиро, — но как узнаю, сразу тебе напишу.

...С этого дня парень начал подготовку к дороге.

Как раз пришла пора распродавать щенков. За ними приезжали люди, их лица светлели, когда они брали на руки пушистых зверят. Заработанные деньги Итиро честно делил пополам и клал в две коробочки: одну часть — себе на дорогу, другую — деду.

По найденному в сундуке адресу Итиро отправил в Норвегию телеграмму: «Я Итиро, внук Минами. Всё нашёл. Скоро приеду». И он не очень удивился, получив вскорости в ответ одно слово — «Жду».

После того, как был куплен билет на пароход, Итиро отправил в Норвегию ещё одну телеграмму — с точной датой прибытия.

И вот до дороги осталась одна ночь. Эту ночь они с дедом провели в разговорах и мечтах. Кудо Таисуке, казалось, смирился с отъездом внука, обещал ему выращивать новых щенков и заботиться о взрослых шпицах.

Наутро они вышли из дома. Со стороны всё выглядело обыденно — просто дед с внуком отправились в город за провизией. Изредка переговариваясь о незначительных вещах, они сели на автобус. Только когда Кудо Таисуке довёл Итиро до трапа парохода, пришвартованного у пристани, когда увидел на палубе матроса, который встречал пассажиров и проверял у них билеты, только тогда лицо деда исказилось. А в глазах появились слёзы, которые он старательно прятал, стыдливо опустив голову. Кудо Таисуке обнял внука и сказал:

— Я отпускаю тебя, потому что ты из рода Прославленных. Только ты и сам не забывай об этом. Великие и поступают как великие. Превыше всего честь рода, Итиро. Не посрами бабушку.

Потом Таисуке долго махал вслед пароходу. Путь у внука был неблизкий — Итиро предстояло плыть около месяца. Дед всё глядел и глядел на удаляющийся пароход, на белый путь пены, которую тот оставлял за собой, пока не вышел из гавани.

И всё это время на плече старого Таисуке сидела жёлтая бабочка с чёрным рисунком на крыльях.

Ферма Гуттросменов и те, кто обитают во фьордах

Стурла проснулся в полной темноте. Поворочался в кровати, боясь потревожить сон сопящей рядом жены, и стал привычно прислушиваться к тому, что происходит наверху, в доме. Слава богам Вальгаллы, там было тихо.

Стурла тихо оделся, кряхтя, забрался по лесенке и откинул крышку.

Он вылез из погреба и оказался под столом в кухне собственной фермы. Осторожно приподнял скатерть и ещё раз прислушался. Только когда Стурла убедился, что в доме спокойно, он, наконец, встал с четверенок и выпрямился.

Стурла был крепким малым. И пусть обычному викингу, из-за гномичьей породы, он еле доставал до пояса, но кулаки Стурлы были железными.

Он почесал бороду, прошёл к печи, начерпал воды из ведра, напился досыта. И вздрогнул — в дверь стукнули. Потом в стену, затем звякнуло окно. Стурла подскочил и быстро задёрнул шторы. Стук был всегда один, а, как известно, один раз стучат в ночи только мертвецы. Живые стучат трижды.

Стурла крадучись выглянул в окно. Так и есть — по двору медленно перемещались тени драугров. Это были страшные, молчаливые призраки. Сегодня их было уже пятеро, а раньше приходили только двое. Они столпились у сарая, в котором Стурла хранил найденные каменные яйца. Он понимал, что драугры ищут именно их, ведь откапывал то он эти яйца в основном из могильных курганов. Раньше в неприкаемые могилы обязательно клали такое яйцо — считалось, что оно держит душу мертвеца в земле. Видно, так и было.

До сих пор драугры ничего им не делали, только шатались ночью у дома, а утром, когда они исчезали, во дворе были перевёрнуты деревянные вёдра, разбиты глиняные горшки, но это была небольшая потеря.

...Стурла следил за ними сквозь маленькие кружевные шторы. На шее одного драугра болталась верёвка — значит, это был висельник. С двух других стекала вода, и их тела очень разбухли. Видно, эти бывшие утопленники. Остальные явно были погибшими воинами.

На всякий случай Стурла снял со стены топорик и надел шлем, в котором ходил постоянно, за что его в деревне прозвали Блестящая голова. Шлем свой он любил и почти каждый день начищал: и его мятые, выдавшие виды, стальные бока, и маленькую шишечку сверху.

Стурла подошёл к печи, схватил кувшин, наполненный мутной пенистой жидкостью, отхлебнул, выплюнул пару мух, попавших туда с вечера, допил, приговаривая: «Ух, хорошо... бодрит!» Потом сел у двери, прислонившись к косяку, да так и просидел, подрёмывая, до самого рассвета, пока его не разбудила жена.

— Эй, Стурла! — сказала она, надевая на пышную юбку фартук, — драугры что, опять приходили?

— Да, Дэгни, — кивнул ей, зевая и потягиваясь, Стурла.

Она заплела волосы в длинные косы, глянула в зеркальце и поправила кудрявые завитки, чтобы те прикрыли круглые волосатые, словно мышинные, ушки и, схватив ведро, собралась отпереть дверь.

— Постой! — подскочил к ней муж. Он опять взял топорик, поправил шлем и первым выглянул во двор.

Но там никого не было. Даже вёдра и горшки были на месте. Стурла выдохнул и пошёл в сарай к овцам, которые сегодня, в ожидании корма, блеяли отчаяннее, чем всегда.

Когда гном открыл загон, то вскрикнул. Одна овечка лежала с перегрызенным горлом. Стурла сел подле неё, к нему выскочила жена и, увидев безобразие, запричитала:

— Что же это такое? Теперь драугры не оставят нас в покое, пока не убьют. Сначала скот, а потом и нас.

— Надо что-то делать, — шмыгая носом, рассуждал Стурла. — Ещё немного и приедет Итиро. Осталось совсем недолго ждать. И с ним мы обязательно что-нибудь придумаем. А пока надо запирать овец в доме. И развесить вокруг ещё больше защиты.

Супруги убрали убитую овцу, подоили оставшихся. Дэгни понесла вёдра с молоком в пристройку делать сыр. А Стурла оглядел их дом, где под крышей висели деревянные таблички с рунами, были расставлены оберегающие камни, раскачивались цветные амулеты, и стал думать, куда бы ещё подвесить защитных знаков. К вечеру ими был обвешан и сарай, и ворота, и даже забор.

На ночь супруги Гуттросмен загнали оставшихся овец в дом, наложили им соломы, а сами, поужинав, снова спустились в подвал, где у них давно было оборудовано уютное спальное место. Перед сном Стурла подошёл к календарю, висящему на стене, и зачеркнул еще один день — до приезда Итиро оставалось всего четверо суток.

...Ночью драугры снова шумели во дворе. Но в дом не стучали. Это обнадёжило Стурлу и Дэгни. И в оставшиеся дни они даже повеселели, а в последнюю ночь перед приездом Итиро не спали — пекли пироги с рыбой, прислушиваясь, как громяхают во дворе драугры.

С рассветом, когда призраки рассеялись вместе с темнотой, Стурла вышел, запряг в маленькую повозку двух овец и поехал в город. Когда он проезжал через деревню, люди выглядывали, видя его шлем, и кричали:

— Стурла, старина! Блестящая голова, куда направился так рано?

— К нам приезжают гости! — важно раскланиваясь, объяснял Стурла, — я еду встречать.

И жители махали ему вслед — все любили маленького Стурлу. Ростом он не вышел, зато у него было доброе сердце. Блестящая голова всегда помогал, когда мог. А его жена Дэгни делала лучший во всём фьорде Оса сыр. У Стурлы на ферме была небольшая кузница, в которой он ковал подковы, крючки, ухваты и разную другую утварь. Над каждым воротами в деревне висели выкованные Стурлой защитные руны. Может быть поэтому, у всех жителей фьорда всё получалось? И хлеб у хозяек выходил пышным, и их мужья всегда возвращались с сетями, полными рыбы? Какой всё же славный был этот Стурла!

А Блестящая голова, напевая песню и весело качая ногой, ехал в город, чтобы встретить пароход Итиро.

Когда через пару часов Стурла появился на пристани, то у него оставалась ещё уйма времени до прихода парохода.

Стурла привязал овечек на маленькой рыночной площади, пошатался между рыбными рядами и даже успел выпить кружечку ядрёного эля настоящего на болотной клюкве в местном пабе.

...Итиро он узнал сразу — высокий темноволосый юноша с умным цепким взглядом кошачьих глаз. А парень ещё с парохода узнал Стурлу — на пристани из встречающих только один круглый мужичок с пышной седой бородой и странным шлемом на голове, был хоть и самым мелким, но очень юрким. С палубы Итиро было видно, как Стурла бойко протискивался среди разнокалиберных ног в жуткой толчее, и когда спустили трап, оказался в первых рядах. И потом на старом изношенном шлеме коротышки, прямо надо лбом, была выбита знакомая Итиро печать: колесо с лучами к десяти треугольникам.

Стурла и Итиро обнялись, как старые друзья, и двинулись к повозке. Всю обратную дорогу гном рассказывал гостю о жизни во фьорде. Стурла расстегнул тугий ворот, почесывая натёртую шею — ради гостя он с утра пораньше подравнял бороду и выбрился, и сейчас шея нещадно колелась. Но, косясь на Итиро, Стурла думал, что такой гость, как живой визидарец, стоит любых неудобств.

А Итиро крутил головой — никогда он не видел настолько красивого места: высокие, почти отвесные, поросшие зелёной скалы, падающие в чистые воды фьорда. На вершинах гор и в ложбинах ущелий всё ещё лежал кристально белый снег. И это тоже удивляло: здесь, в Норвегии, тепло и холод везде жили по соседству.

Наслаждаясь пейзажем и слушая рассказ Стурла о драуграх, Итиро спросил:

— Так отчего вы не закопали эти яйца ящеров снова в землю, раз драугры приходят за ними?

— До этого момента драугры не так-то и сильно нас обижали. Но что-то творится в мире, — остановился Стурла и огляделся по сторонам, потом прислонился к Итиро совсем близко и тихо сказал, — я думаю, что как только визидары стали собираться вместе, так и чёрные силы активизировались!

— Драугры?

— Драугров мы, конечно, опасаемся. Но гораздо страшнее малумы. Мой отец говорил, что малумы не появляются там, где бродят драугры. Драугры пахнут смертью. Так что, приманивая одних, мы спасаемся от других. И потом сейчас темнеет лишь на час-два, ведь у нас наступает полярный день, когда солнце не заходит за горизонт. И скоро драугры нам совсем не будут страшны. Но надо что-то решить до осени — осенью придёт полярная ночь и тогда будет постоянная крошечная темнота. А вот малумы да, малумы — это жуть.

— Я читал о малумах в дневнике бабушки. Неужели они так страшны?

— Они погубили почти всех визидаров. Злые духи — малумы бегают по земле, летают по воздуху и везде ищут нас. Для них визидарская кровь сладкая. Они выпивают её одним залпом, и от тебя остаётся только горстка пепла. Мне рассказывал отец, а ему — его отец, что много лет назад в Визидарии, которая находится в долине Сиреневых ветров, была Великая битва. И тогда малумы одновременно ворвались почти в каждый дом ремесленников — самых лучших визидаров. Никто не знает, как они смогли это сделать. Но нет семьи визидаров, в которой кто-то бы не погиб от рук малумов. Что в них ужасного? Они нам не видны, пока не напьются крови. Только когда умрёт и рассыплется визидар, на короткое время можно увидеть малума. Но легенды гласят, что когда мы соберёмся вместе, все десять сильнейших родов, то каждый из нас станет в десять раз сильнее. И мы сможем вернуться на далёкую родину и освободить мир от этой нечисти.

— Может, это малумы убили мою бабушку? — размышлял Итиро.

— Скорее всего. Но тогда это были слабые, возможно, истощённые малумы, которые смогли её только покусать, — предположил Стурла, почесав бороду.

— Расскажи мне, что ты знаешь о Медикате, — попросил Итиро, — я не сколько раз встречал это название в дневниках Минами.

— Я знаю только, что это — главный город Визидарии, а где он есть, непонятно. Где находится долина Сиреневых ветров? — Стурла тряхнул плечами. — Никто не знает. Живут ли ещё на земле визидары? Или их уже и след простыл и мы с тобой последние? До нас дошли лишь рассказы предков, больше похожие на легенды.

— Точно, — согласился Итиро. — Я тоже в детстве думал, что всё это лишь чудесные выдумки.

Так, за разговорами, они доехали до фермы Гутторсменов. Отсюда открывался, пожалуй, самый красивый вид на фьорд. Домики хозяйства были крошечными и милыми, выкрашенными в бордовый цвет с белыми ставенками.

Во дворе Стурлы беспрестанно что-то шумело — это раскачивались и задевали друг друга разные защитные амулеты, развешанные по заборчику и скатам крыш. Чего тут только не было: бумажные ленты с заклинаниями; различные крестики; древние кельтские символы, выбитые на деревяшках; какие-то пучки перьев. Итиро с удивлением разглядывал всё, что здесь видел.

Но больше всего ему понравился большой красивый морской колокол, покрытый вязью старинных узоров, который висел у калитки. Из него, вместо языка, свисал металлический скелет рыбы. Стурла сказал, что это и не колокол вовсе, а их входной звонок. Итиро схватил скелет за хвост, потряс, и на всю округу полилось сочное: «Дин-дон, дин-дон!»

Их вышла встречать розовощёкая улыбающаяся Дэгни. И пригласила в дом. Когда, склонившись перед низким порогом, Итиро зашёл внутрь, то его макушка задела потолок. Дом был светлым, и, наверное, для гномов просторным. Нехитрая деревянная мебель, печь с утварью, салфеточки, а под ногами цветные дорожки половиц. Всё в доме тоже было маленьким: тарелки, деревянные ложки, вёдра...

— Уютно тут у вас, — сказал Итиро, оглядывая белые стены, плотно увешанные оружием.

Здесь были боевые топоры, секиры, мечи, ножи, стилеты, копья, гарпуны различных форм и конструкций.

— Половина всего этого досталась мне по наследству, а остальное я выковал сам, — важно объяснил Стурла, указывая на оружие, — нам, визидарам, надо уметь себя защищать.

— Идите есть, — позвала их за стол Дэгни.

Еду Итиро пришлось накладывать на большое блюдо для мяса — оно ему заменило обычную тарелку, а чай для него налили в супницу. Сел Итиро прямо на полу, но ему это было привычно с детства.

После того, как Дэгни сытно их накормила, Стурла повёл показывать Итиро ферму. Первым делом он открыл ворота сарая, где были сложены ровными рядочками каменные яйца. Гном снял со своей шеи огромный жёлтый клык, висящий на верёвке, и дал его Итиро в руки. Парень почувствовал — как только подносишь его к каменным яйцам, зуб действительно тяжелеет, словно наливался свинцом, и тянул вниз.

Потом Стурла показал гостю свою кузницу, овец и сыроварню. Когда они вернулись в дом, Итиро спросил:

— Стурла, а где ваши с женой дети?

— Они, слава богам, уехали в город, — ответила за мужа Дэгни, помешивая на печи варево, — может там, среди людей малумам да другой разной нечисти, найти их будет труднее? — добавила она, и с тревогой посмотрела на мужа, ища в его взгляде поддержки.

— Дэгни, мы защитим их, — кивнул гном.

А Итиро снова приступил к расспросам:

— Скажи, Стурла, а почему мы, визидары, видим потусторонних, чаще, чем люди?

— В чём-то мы слабее людей. Мы связаны с миром духов больше, чем они. Видим то, чего не видят люди, чувствуем то, что они не чувствуют. Из тонкого мира черпаем мы силы свои, но оттуда же проникает и зло, которое нападает на нас в первую очередь. Знаешь, у гномов есть старинная пословица: «Маргюг показывается лишь моряку». Она гласит, что только тот, кто заходит в море, видит того, кто там живёт.

— А кто такой маргюг? — спросил Итиро.

— Вредный дух моря с рыбьим хвостом, — объяснил Стурла и налил Итиро душистого чая с брусникой.

Они болтали и не могли наговориться, пока часы не стали бить полночь и Итиро стал зевать. Он глянул за стекло и увидел, что за окном ещё светло.

— Так будет до трёх ночи, не жди, пока стемнеет, — кивнул ему Стурла, — ложись спать.

Как ни уговаривали гномы спуститься Итиро в подвал, но тот остался ночевать наверху.

После того, как старая кукушка из часов на стене два раза прохрипела «ку-ку», дом окружили драугры. Они снова стучали в двери и стены, заглядывали в окна. Но как только от них раздавался стук, Итиро вскакивал, подбегал к тому месту, откуда был шум и стучал в ответ. Внизу Стурла с женой только вздрагивали, слушая этот перестук. Видимо, Итиро поставил в тупик и драугров, потому что они быстро утихли и рассыпались в тумане с первыми утренними петухами. А парень, растянувшись на полу и заняв собой всё пространство кухни, даже успел сладко выспаться.

С утра Дэгни накормила их сытным завтраком, и Стурла с Итиро стали держать совет.

— Как ты думаешь, Итиро, что нам с тобой делать дальше? — спросил гном.

— Я думаю, Стурла, что яйца ящеров надо нагреть, — поднял вверх палец Итиро.

Стурла засмеялся:

— Итиро, неужели ты думаешь, что я этого не делал?! Я таскал их на ледник и замораживал. Клал их в воду. Бил по ним молотом, кидал в раскалённую печь горна. А они только трещали, но ничего с ними не случилось.

— Знаешь, Стурла, у меня есть тол. Это Огненная палочка. И она может зажечь всё, что захочешь. Давай попробуем её.

Стурла недоверчиво покосился на Итиро, пока тот доставал палочку из сумки. Они поразглядывали её и пошли

в сарай.

Там Итиро прикоснулся к ближайшему каменному яйцу и произнёс: «Адолебит!»

Яйцо закачалось, стало краснеть, задымилось, лопнуло и рассыпалось. Из него выскочил огромный ящер, посмотрел на визидаров мутными глазами и медленно пошёл к выходу, покачивая длинным хвостом.

Итиро касался одного яйца за другим, произносил заклинание, и появлялись всё новые и новые ящеры. Из окна дома на идущих их сарая ящеров смотрела удивлённая Дэгни, но выходить не решалась.

Когда последнее яйцо рассыпалось, Стурла и Итиро вышли за ящером, вылезшим из него. Медленно переступая лапами, он догнал остальных и пошёл следом. За ними двинулись и визидары.

Ящеры растянулись длинной лентой и шли одним им ведомым маршрутом. То они спускались вниз под гору, то снова поднимались. И так петлял их путь, пока они не дошли до тупика фьорда. Тут гора была пологой, и можно было подойти к самой воде, образуя неглубокую заводь. Туда и спустились ящеры. Они доходили до воды, ступали в неё и шли по броду к небольшой пещере за выступом скалы.

— Кажется, раньше её здесь не было, — сказал Стурла, указывая на пещеру, — впрочем, я тут бываю нечасто. Гиблое место, его все обходят стороной, здесь в воде обитают злые нёкки.

— Кто? — переспросил Итиро.

— Нёкки — демоны воды. Они утаскивают под воду и пожирают. А тут их логово.

— Но в воде никого не видно, только камни торчат, — успокоил друга Итиро, — по ним мы и можем добраться до пещеры.

— В северной воде нельзя верить камням. Смотри! — Стурла подошёл близко к воде и осторожно опустил в неё ногу в сапожке. Тут же ближайšie бульжники приподнялись, пуская круги по воде. Это оказались жуткие головы странных существ, с большими пустыми глазами и ртами, набитыми зубами. Существо совсем рядом быстро протянуло из воды страшные руки, но Стурла ловко отскочил. Нёкке зашипело и опять ушло под воду, показывая только макушку, так похожую на гладкий камешек.

— Надо найти, чего эти нёкки боятся? — спросил Итиро.

— Они боятся только огня, но когда машешь перед ними зажженной палкой, одна бросается и тушит её, а другие кидаются на жертву, — ответил Стурла.

Итиро вытащил Огненную палочку, взмахнул ею, тихо произнёс: «Адолебит!» И до самой пещеры проложилась по воде огненная дорога, раскидавшая по сторонам шипящих от злости нёкке. Они высунулись из воды, подпрыгивали, тянули к Итиро и Стурле руки, но ничего поделать не могли — их обжигал огонь. Но всё же Стурле пришлось помахать боевым топориком — несколько, самых отчаянных нёкки, кинулись в огонь, чтобы попытаться схватить визидаров за ноги.

Когда они подошли к пещере ближе, Стурла указал на рисунок четырехглазой собаки над пещерой.

— Это Гарм. Он охраняет ворота на тот свет. Поэтому сюда шли ящеры, они же уже давно этот свет покинули. Нам надо быть осторожнее!

— Пойдём. Там решим, что делать дальше, — потянул его за рукав Итиро.

Они зашли в тёмный коридор, который освещали только отблески горячей позади воды. Каменные стены кровоточили. Кровь сочилась, стекая под ноги. Ящеры лизали её, а потом, напившись, уходили сквозь стены и пропадали.

— Это кровь мёртвых, не вздумай её коснуться открытой кожей. Тут же умрёшь! — приказал Стурла.

И визидары осторожно двинулись дальше, стараясь не касаться стен, пока не дошли до тёмной пещеры. Итиро подсветил Огненной палочкой, оглядывая пространство.

В глубине пещеры на плоском камне лежала старуха с чёрным лицом. Кожа да кости. Она глубоко дышала, глаза её были закрыты. Старуха спала.

Стурла побледнел, покрылся капельками пота, и тихо сказал:

— Это Чёрная Песта. Человеческая чума. Песта много спит. Но если она просыпается и выходит наружу, наступает мор. Песта пожирает всех, кто попадёт без разбора — стариков, младенцев. Лишь бы насытиться. В последний раз она выходила в мир несколько лет назад. Люди до сих пор помнят, каких дел тогда натворила на земле Чёрная Песта.

Старуха повернулась на другой бок, и на её руке звякнул браслет. На нём висели три знака: маленький шлем, крохотный боевой топорик и изящный колокольчик.

— Это же браслет моего рода! — зашептал Стурла. — Он пропал много лет назад. Мне от предков достался шлем, топорик и колокольчик, тот, который висит у нас над дверью. Помнишь?

Итиро кивнул.

— Значит, этот браслет — мой тол! — понял Стурла. — Но как его снять с Чёрной Песты, не разбудив её? Любой живой, кто коснётся Песты, её разбудит.

— Пойдём отсюда, — потянул из пещеры друга Итиро, — надо всё обдумать.

Они, поджигая Огненной палочкой воду, добрались до берега. Нёкки бесились, но снова не могли их достать.

Выбравшись на сушу, визидады долго сидели, размышляя, что же предпринять, пока Итиро не сказал:

— Возвращаемся домой. У меня есть план, но пока я его не опробую, тебе не расскажу, чтобы не давать лишних надежд.

Грустные, они вернулись домой. Дэгни уже подмела опустевший сарай и стала расспрашивать Стурлу об их походе. Она охала, слушая рассказ о страшных нёкке, которых очень боялась. И залилась слезами, когда услышала о пещере:

— Я так горжусь тобой, Стурла! — сказала она, прижавшись к мужу, — ты настоящий воин, и я верю, что вы добудете тол.

Вечером, перед тем как лечь, Итиро выпросил у Стурлы его зуб ящера на верёвке.

— Если ты собрался искать новые яйца, то в округе их уже нет, — сказал Стурла, — да и искать их лучше по светлу. Не уходи без меня никуда, ты не знаешь здешних мест.

— Нет-нет, я без тебя никуда не пойду, — успокоил его Итиро.

И все улеглись спать. Гутторсмены, как всегда, полезли к себе в нору, а Итиро устроился наверху.

Глубокой ночью Стурла проснулся от того, что кто-то его осторожно толкал в плечо. Он открыл глаза, рядом, стоял Итиро. Парень шёпотом, одними губами, сказал:

— Собирайся.

И тихо поднялся наверх.

Стурла вскочил, стараясь не шуметь, натянул одежду, схватил шлем и вылез наружу. Когда из-под скатерти показалась его голова, Итиро прислонил к губам палец и прошептал:

— Мы сейчас пойдём на улицу. Ты только не бойся и не кричи, что бы ты ни увидел.

Стурла кивнул и пошёл за Итиро на двор. Там они подошли к сараю. Как только Итиро открыл дверь, то Стурла действительно, чуть не заорал от ужаса, но схватился за бороду и удержался.

Да и как тут будешь спокойным? Перед ним, стоя на крыльце, покачиваясь, близко-близко, стоял драугр. Тот самый висельник с верёвкой. Из его пустых глазниц капала какая-то жижа, одежда висела лохмотьями. А на шее висел зуб ящера.

— Я поджидал его ночью, — объяснил Итиро.

Стурла непонимающе уставился на друга.

— Ты же сам сказал, — объяснял Итиро, — что Чёрную Песту может разбудить любой живой. Но это значит, что мёртвые могут снять с неё твой тол, и она не проснётся. Поэтому я дождался драугра и попросил об одолжении. Мы договорились с ним об обмене: мы отдаём ему зуб дракона, а он достаёт нам браслет. Он с зубом успокоится в могиле, а мы получим тол.

Стурла почесал голову. В идее Итиро была логика. И процессия двинулась к пещере. Так они и шли цепочкой: сначала Итиро, потом тащил ноги драугр, замыкал странное шествие маленький Стурла. Когда процессия шла мимо кладбища, к ним вышли другие драугры. Сначала они злобно зашипели, но, увидев на шее висельника зуб ящера, молча потащились за компанией.

Когда шествие спустилось к отмели, и Стурла обернулся, за ним стояла целая толпа драугров. Но они смотрели только на висельника с зубом.

А нёкки уже поджидали визидадов. Злых водяных чудовищ стало так много, что казалось, вся отмель усеяна камнями. Итиро вновь поджёл воду и нёкке опять расступились. Они плевались, визжали, кидали друг друга в огненную дорожку. Но тут за визидадов неожиданно заступились драугры. Они первыми вошли в воду, оберегая от нёкки Стурлу, Итиро и висельника. Пока те добирались до пещеры, водяные демоны кидались на толпу, пытаясь добраться к визидадам. Но драугры ловко их хватали и разрывали на части.

Тройка вошла в пещеру. И двинулась к старухе. Итиро размышлял, как объяснить драугру, что снять браслет надо аккуратно. Но тот, не останавливаясь, двинулся к спящей, схватил Чёрную Песту за руку и сдёрнул зазвеневший браслет. Итиро обомлел, приготовившись к смерти, Стурла замер от ужаса. Но Песта только перевернулась на другой бок и продолжила спать дальше.

Драугр протянул браслет Стурле и выплыл в коридор. Все драугры уже собрались там. Каждый из них хватался за зуб ящера, потом касался кровавой стены и исчезал. Последним за зуб взялся висельник. Он обернулся к визидадам, и те увидели, что на секунду взгляд умершего стал живым и ясным, а на лице появилась улыбка. Он хотел что-то сказать, но не успел. Его утянуло в стену.

— Наконец, они обрели покой, — вздохнул Итиро.

— Но как же мы выберемся обратно? Ведь снаружи нас ждут нёкки? — спросил Стурла.

Но когда друзья вышли из пещеры, все нёкки были мёртвыми. Драугры их посбрасывали в кучи. И эти кучи постепенно каменели, превращаясь в причудливые валуны.

Добравшись до берега, Стурла обернулся, но там, где была пещера, теперь виднелся лишь выступ, хотя,

кажется, на одном из камней, если приглядеться, можно было увидеть изображение злобного Гарма.

Когда визидары возвращались домой, Стурла рассматривал свой тол.

— Смотри, — сказал он Итиро, — здесь на каждом знаке что-то написано. Друзья склонились над браслетом. На колокольчике было выведено: «Аurum».

— Золото! — перевёл Итиро.

На топорике: «Аrgentum».

— Серебро, — улыбнулся Стурла.

А на шлеме было написано: «Арена».

— Что бы это значило? — удивился Стурла.

— Я такого слова не знаю, — пожал плечами Итиро.

Стурла махнул рукой, на которой был надет браслет и громко сказал:

— Аурум!

И тут же везде вокруг них заблестел мелкий золотой песок. Итиро и Стурла стали его собирать. Кое-где попадались даже большие самородки. Они набрали целый карман золота.

Довольный Стурла распрямился и, взмахнув браслетом, пропел:

— Аргентум!

Серебра было вокруг гораздо меньше. В основном оно блестело под одним огромным камнем. Всё, что увидели волшебники, они собрали.

— Представляешь, у нас теперь будут деньги, чтобы продолжить поиск ремесленников! — радовался Стурла.

— А ты знаешь, куда нам надо отправиться дальше? — спросил Итиро.

— Знать-то знаю, и даже имя знаю визидара, но точного адреса у меня нет, — нахмурился Стурла.

— Как же так? — удивился Итиро, — а я думал, что каждый ремесленник знает другого по цепочке.

— Я думаю, так и было. Но мы много раз переезжали и, возможно, адрес потерялся. Но мать мне говорила, что когда мы добудем наш тол, то надо будет отправляться в Танзанию. Искать Тафари.

— И всё?! — развёл руками Итиро, — как можно найти человека по имени в целой стране?! Мы на это можем год потратить.

— Ну, теперь у нас хотя бы есть деньги на такие поиски, — сказал Стурла, ему сейчас мало что могло испортить настроение, тем более такие мелочи, о которых говорил Итиро, — давай проверим, что обозначает слово «арена»?

Он взмахнул рукой и крикнул:

— Арена!

Тут же вокруг них мягкими голубоватыми переливами засветился весь песок.

— Ух, как красиво! — выдохнул Итиро, оглядывая сверкавшую дорожку.

— Оказывается, имелся ввиду обычный песок, — разочарованно сказал Стурла. — А я надеялся на бриллианты. Но как это заклинание может нам пригодиться?

— Поверь, впереди нас ждёт долгая дорога. Пригодится, в конце концов, когда-нибудь, и это, — похлопал его по спине Итиро.

...Когда они зашли домой, Дэгни их уже ждала. Стурла молча высыпал на стол золото и серебро. Жена, всплеснув руками, спросила:

— Откуда столько добра?

— Сначала поедим, — устало сказал гном и плюхнулся на стул.

Герои долго молча ели, а потом стали рассказывать о своих приключениях. Дэгни внимательно слушала, а когда они закончили, взяла в руки браслет мужа.

— Хорошая вещь. Нужная. Вам очень пригодится, — качнула она косами.

— Дэгни, ты же понимаешь, что всё это значит? — медленно спросил её муж.

Она встала, подкинула в печь дров. Отряхнула фартук и, наконец, ответила:

— Это значит, что тебе пора в дорогу?

Дэгни помолчала, а потом, глядя как языки пламени лижут чугун чайника, добавила:

— Мы же оба знали, что это когда-нибудь случится. Но я с тобой не пойду. Ты же знаешь, у меня больные ноги.

Они не для долгих дорог. И потом наше хозяйство. Кто за ним присмотрит?

— Может, ты отправишься к детям? — предложил Стурла.

— Нет, — покачала головой Дэгни, — я останусь здесь. Как настоящая жена викинга — беречь огонь очага. И ждать от тебя вестей. А когда ты мне напишешь, просто приеду к тебе, куда позовёшь.

Стурла задумался. Он сел на скамейку у окна и долго смотрел, как в небе носятся чайки. Иногда были слышны их пронзительные крики.

— Вот так живёшь-живёшь, — вздохнул он, — и вроде хорошо всё и отлажено. Привыкаешь к проблемам, и

даже перестаёшь их замечать. Но мучает внутри какая-то тревога. Тоска по тому, чего не сделал... Мой отец, славный был визидар, всю жизнь прожил на этой ферме. И ещё мальчишкой он хотел побывать на том берегу фьорда. Там. На горе, которая называется Шапка тролля, — Стурла кивнул на высокую скалу с противоположной стороны залива, — жизнь его подошла к концу, а он так туда и не добрался. Всё было некогда да недосуг. Отец поведал мне об этой мечте уже перед смертью, когда тяжело заболел. Он сказал, что жалеет только о том, что так и не взглянул на свой дом с той стороны. Мне было двенадцать. Но после рассказа отца я не спал всю ночь. А с утра подошёл к его постели, молча взвалил его на плечи и потащил. Мать плакала и бежала рядом. Сначала она приказывала мне остановиться. Потом умоляла. А после причитала, что мы не дойдём. Но я отправил её домой, сказав, что точно не передумаю и не сверну. Тяжело ли мне было? Сейчас не стыдно сказать, что очень тяжело. В начале пути, пройдя милю, я и сам стал сомневаться — дойду ли, смогу ли дотащить отца? Но потом приспособился. Иногда мы делали остановки, и тогда отец глядел на Шапку тролля и улыбался. Когда мы прошли полпути, он сказал мне: «Молодец, Стурла. Никогда не останавливайся. И всегда иди до конца, что бы ни случилось. Ты славный воин, сын, и настоящий визидар. Хочу сделать тебе подарок...» Он снял с себя шлем. Вот этот, — Стурла показал себе на голову, — И отдал мне. Когда на очередном привале я положил отца на землю, то понял, что он умер. Его душа вылетела где-то по пути, когда он прижимался к моей спине. Да так тихо, что я даже не заметил. Отец лежал, раскинув руки. Вокруг качалась трава, небо отражалось в его глазах, но улыбка навсегда осталась на его лице. Я растерялся. Что теперь делать? Наверное, надо вернуться назад? Но потом опять взвалил отца себе на спину и понёс...

Итиро молчал, Дэгни натирала тарелку. Она уже не единожды слышала эту историю. Первый раз муж поведал её в день, когда делал предложение. Тогда, много лет назад, услышав этот рассказ, Дэгни тут же приняла решение ответить Стурле согласием. И никогда не пожалела об этом.

— Там я и похоронил его, — охрипшим голосом продолжил Стурла, — и домой вернулся один. В его шлеме. Мать сразу всё поняла... Да... Давно это было... Но я всё чаще вспоминаю ту дорогу. И сам отправляюсь сейчас в такую же. С тобой, Итиро. И нам многое, я думаю, предстоит пережить. Но если мне дано погибнуть, то донеси до конца дороги хотя бы мой шлем. Ибо я так хотел. А ты, Дэгни, если что, не печалься обо мне. Ибо, если я и умру в этой дороге, то с улыбкой...

Дэгни подошла к нему, сняла с него шлем, шлёпнула легонько по лысине, и ласково сказала: «Не помрёшь ты, старый мой Стурла, ещё помотаешь мне нервы». Чмокнула его в затылок, и две слезинки скатились с её носа в его седые волосы.

...С этого дня на ферме начались приготовления в дорогу. Стурла собирал вещи, ездил на рынок, закупать продукты, а по вечерам они с Итиро брали карты и прокладывали по ним маршрут. Как ни крути, надо было лететь на чудо-самолёте. Стурла его очень боялся, а Итиро мечтал подняться в небо. Лишь недавно самолёты стали перевозить первых пассажиров, вызвав фурор в мире. И как только Итиро увидел фотографию первой стальной птицы, то сразу захотел побывать в её брюхе.

Чем ближе приближался намеченный день отъезда, тем грустнее становился гном.

Когда они накануне поехали с Итиро на деревенский рынок, то, кажется, уже все прохожие заметили печаль в глазах Стурлы. Люди переговаривались, удивляясь, куда делся задор Блестящей головы?

Итиро держал сумки, а Стурла подошёл к одному из лотков купить рыбы. Продавец заботливо придвинул перевёрнутый ящик, чтобы старичку было проще взобраться и выбрать подходящую сельдь. Стурла копался в рыбе, а жители деревни, не выдержав, окружили его стали расспрашивать.

— Стурла, чего ты такой грустный? Не заболел ли наш Стурла? Отчего приуныл Блестящая голова? Может, нужно что? — летело со всех сторон.

У Стурла задрожали руки. Сельдью, которую держал, он промокнул влажные глаза, повернулся к толпе и сказал:

— Спасибо, что любите меня, волнуетесь за меня. Но заслужил ли я эту любовь? Ведь все эти годы я скрывал от вас, что из гномичьей породы. Визидар я... помесь то есть. Гнома с человеком.

Он снял шлем и всем показал волосатые ушки. Склонил голову. Так и стоял на ящике из-под рыбы, печальный.

— Стурла, — улыбнулся пекарь из лавки, — мы давно догадывались. Мы же не дураки. Но думали, что ты не хочешь ты об этом говорить, так и не надо. Зачем сейчас то эту тему поднял? Из гномов, так из гномов. Хорошо, что не из троллей, — тут пекаря пихнула под бок жена, и он, осёкшись, добавил, — да мы не против визидаров и из троллей, только уж больно они... воняют... так говорят... Сам то я не нюхал...

— Друзья, — затряс шлемом в руках Стурла, — я с Итиро ухожу в поход, — голос его дрогнул, — в суровый поход биться со злом и искать братьев. Моя Дэгни остаётся совсем одна.

— И вовсе она не одна, — сказала крестьянка, продававшая зелень.

— Мы будем приносить ей рыбу, — пообещал продавец лавки.

— Мы поможем ей, Стурла, — поддержали их люди.

— Раз так, — вышел вперёд один рыбак, — давайте устроим вечеринку и проводим старину Стурлу!

Все подхватили его предложение.

И вечером в деревне были такие гулянья, каких давно не видели здешние края. Лились рекой пиво и эль, съели пять ящиков сёмги, опустошили девять бочек сельди и сточили пятьдесят хлебов. Был пир на весь мир. Устроили танцы, от которых сотрясалась земля. Говорят, что даже в отдалённых деревнях фьорда от тех плясок с полок падала и разбивалась посуда. Музыканты не жалели струн лангелейки со скрипкой, а танцующие не берегли обуви и не щадили ног — танцевали, как в последний раз.

Под конец мужчины встали в круг, обнялись, издали воинственный клич, и, притоптывая, запели протяжную песню. При этом они так хлопали друг друга по спинам, что иной бы упал, да им, викингам, всё было нипочём.

— Со Стурлой — хоть на край света, — сказал Итиро сидящий рядом старичок.

Древний дед был тощим, с бельмом на глазу и дрожащими руками. Казалось, он еле сидит. Но Итиро с удивлением увидел, как старик подскочил, схватил кружку пива с подноса проходящей мимо розовощёкой девушки, успев при этом шлёпнуть её по заду. Но та только рассмеялась. Потом дедок ловко приземлился на скамью, до дна осушил пиво, не пролив ни капли и звонко стукнул кружкой по столу.

«Да, — подумал Итиро, — с вами тут с каждым можно идти в поход. Вы, викинги, народ стойкий».

...Через день Стурла прощался с Дэгни. Он поцеловал её в лоб, крепко обнял, а жена, спрятав слёзы, грубовато сказала:

— Ну, будет-будет...

Но когда их повозка скрылась за выступом скалы, Дэгни села на скамью за домом и, глядя на воды фьорда, наплакалась от души.

Когда Стурла и Итиро проезжали деревню, многие жители вышли провожать их до Главной развилки, снова обещая гному не оставлять его Дэгни в беде.

Но всё же с тяжёлыми думами покидал Стурла родной фьорд. Лоб его хмурился. На каждой кочке, на которой подпрыгивала повозка, гремело в кожаном мешке гнома его оружие: всё, что мог, он взял с собой и, вздыхал, сожалея о каждом оставленном доме топоре и ноже.

...Сначала Стурла и Итиро приехали на вокзал. Тут их ожидал большой, словно кит, паровоз. Он пыхтел, выпуская клубы дыма, пока визидары в него забирались.

Потом наши путники долго плыли на пароходе. И, наконец, в большом шумном городе подошли к огромному, с вентиляторами, будто крылья от мельницы, самолёту.

— Я в жизни не видел столько волшебной техники, — сказал Стурла, залезая по трапу.

Это невероятное чудо инженерной техники взмыло в небо, потряхивая крыльями, громяхая металлом обшивки и шумя двигателями, так, что они, слава богам, заглушали громкий стук сердца сурового Стурла, который сидел весь полёт бледным, вцепившись потными ладонями в кресло. Зато Итиро с восхищением смотрел в квадратный иллюминатор — под ними начались жёлтые пески Африки.

С ними летели два немецких офицера, которые весь полёт с недоверием посматривали на соседей и выразительно переглядывались. Как только самолёт приземлился, офицеры выскочили, сели в поджидавшую их машину и укатили, оставив за собой лишь длинный пыльный шлейф.

Итиро со Стурлой сошли по трапу и огляделись. Они увидели заброшенный сарай и саванну вокруг. И всё. Больше ничего не было. Не так они себе представляли своё путешествие.

За ними вышел пилот. Растерянный Итиро спросил у него:

— А вы не знаете, где здесь живут люди?

Пилот снял шлем, почесал потный лоб и неуверенно показал направо:

— Кажется, там.

А потом махнул налево:

— Или там.

Из самолёта выскочил его помощник, и они с пилотом тут же, забыв о пассажирах, направились к сараю. Отперли его и выкатили оттуда бочку с горючим.

Через час, заправившись, самолёт улетел. Стурла с Итиро остались одни.

Они так и стояли в тени сарая, растерянно оглядываясь по сторонам.

— Удивлён, что Танзания — это не пески, — вдруг сказал Итиро, — я готовился к тому, что мы будем блуждать по пустыне.

— Я тоже, — вытер лоб Стурла и, прислушиваясь, добавил, — ещё я думал, что в Африке тише.

Отовсюду неслись звуки: казалось, траву колышет не ветер, а цикады. Птицы надрываясь, старались перепеть друг друга. Невидимые звери из зарослей время от времени протяжно вскрикивали, а недалеко, в залитой низинке, по воде бродили остроносые цапли и гортанно переговаривались между собой.

Визидары, конечно, не знали, что здесь недавно закончился сезон дождей, и природа буйствовала: зеленела трава, баобабы раскидали широкие кроны. Вдалеке паслось стадо животных, похожих на оленей, но с длинными витыми рогами. Глядя на чудо-оленей, Стурла спросил:

— Ну, что будем делать?

— Пойдём по дороге. Куда-нибудь да дойдём, — ответил Итиро. — Сушёной рыбы у нас много, воды вдоволь. Найдём людей и спросим про Тафари. Кто-нибудь да подскажет. В конце концов, будем разыскивать каждого Тафари, который здесь живёт. Уж визидара то мы отличим.

Итиро стянул с себя лишнюю одежду и остался в шортах и майке. А Стурла, так и стоял в штанах, фуфайке с заплатками и шлеме на голове.

Друзья двинулись к дороге. Выйдя к ней, они поразмышляли у обочины и так как, собственно, им было всё равно, выбрали идти налево.

Они шли и шли, но порой им казалось, что они двигаются на месте — в пейзаже вокруг мало что менялось, кроме положения солнца на небе — а оно припекало всё жарче. Стурла семенил и задыхался, поэтому Итиро старался идти медленней. Пару раз путники делали остановки и пили — в этом им помогала бамбуковая палочка.

— Стурла, почему ты не снимаешь шлем? — спросил на очередном привале Итиро. — Он же наверняка нагрелся. Не хотел бы я идти сейчас с кастрюлей на голове.

— Это не кастрюля, — обиделся Стурла, — а моя защита. Ни в жизнь его не сниму.

И они отправились дальше. Часов через пять показалась развилка дорог. Налево она расширялась, а направо, наоборот, становилась еле приметной тропинкой.

— Я думаю, — сказал Стурла, — что теперь нам направо.

— Но ведь большая дорога уходит налево, — возразил Итиро.

Показав на тропу, Стурла объяснил:

— В том то и дело. Здесь явно ходят люди. Иначе бы дорожка быстро заросла.

И они углубились по тропинке в саванну.

Вскоре показались невысокие горы. Скорее, заросшие холмы. Друзья свернули к ним — казалось, у их подножия вьётся дымок, виднеются крыши домов и идёт какое-то движение. Но когда они подошли ближе, это оказалось не деревня, а всего лишь группа больших округлых камни, у которых паслось стадо буйволов. То, что они издали приняли за дым костров было жарким маревом.

Подходить близко к буйволам Стурла и Итиро не стали. А, надеясь на удачу, просто двинулись вдоль холмов.

Иногда Стурле чудилось, что за ними кто-то следит. Тогда он останавливался, пригибался, заставлял присесть Итиро, и, сквозь высокую траву, долго вглядывался вдаль. Но никого не видел. Порой они останавливались на передышки. Пили, сидя в скудной тени деревьев, не спасавшей от жары. Потом обычно Стурла норовил прилечь, называя это «минуткой размышления», но Итиро дёргал его и убеждал продолжать путь. Стурла недовольно сопел, но, вздыхая поднимался и тащился за другом.

...Африканский закат застал их врасплох. Огромное солнце вдруг окрасило небо в алый и быстро скатилось за горизонт. Мгновенно стало темно и тихо.

А визидары так никуда и не дошли. За день они никого не встретили, кроме диких буйволов, пары страусов и многочисленных стай птиц.

Итиро разжёл Огненной палочкой костёр. Визидары поели и сделали себе из травы подстилки. Стурла разложил большой круг из камней вокруг них, а Итиро поджёл его, чтобы дикие животные не напали неожиданно. Так они и спали до утра в кругу из раскалённых камней, прислушиваясь к незнакомым звукам саванны.

На следующий день, они еле встали, потирая затёкшие ноги. Итиро, конечно, привык спать на циновке, но на земле ночевал впервые. Кажется, каждый мелкий камушек оставил на его теле вмятину. А спина болела так, будто его пинали.

Визидары хмуро поели. Стурла вдыхал жаркий воздух, тосковал и был сердит.

— У вас в Японии сауны есть? — неожиданно спросил он у Итиро.

— А что это? — удивился парень.

Стурла оживился и пустился в подробные объяснения, рисуя палочкой на песке домик с трубой. Было видно, что рассказ доставляет ему самому удовольствие.

— Такого у нас нет. Но есть горячие купальни — онсены, — сказал Итиро.

— Не то это! Не то! — нервно вскочил гном.

И следующие полдня, пока они шли, Итиро пришлось слушать, каково это — иметь счастье помыться после зимнего мороза в жаркой норвежской бане. Стурла рассказывал об этом, кидая жалостливые взгляды на Итиро, как смотрят на слепого, не видевшего солнца.

Друзья продолжили путь вдоль холмов, которые становились всё ниже.

В обеденный привал Стурла сидел на поваленном дереве и долго сооружал какую-то конструкцию из палочек и веревок, поглядывая на равнину, где носились пёстрые птицы.

— Что это ты делаешь? — спросил его Итиро.

— Силок, — немногословно ответил сосредоточенный Стурла.

Потом он встал, сказал Итиро: «Подожди здесь», и скрылся в траве.

Через час Стурла вернулся с охоты с двумя рябчиками. Друзья приготовили их, досыта наелись. А птичьего мяса хватило ещё и на ужин. После сытного перекуса, идти стало веселее, особенно Стурле. Он стал напевать.

Итиро давно заметил, что когда гном был сыт, то любил погорланить песни.

Ночные потёмки для них уже не были неожиданными. Готовиться к закату они стали заранее. Пока ещё было светло, устроили удобный ночлег под открытым небом. А когда стемнело, поели, легли, и долго смотрели в чужое небо, разглядывая широкий шлейф из миллиардов звёзд.

— Скажи, Стурла, а ты счастлив? — вдруг спросил Итиро, — потому что мне кажется, что я не знаю, что такое счастье.

— Счастье — это когда тебе достаточно того, что у тебя есть, — ответил Стурла, — мне не хватает Дэгни, но я понимаю, что ей был бы труден этот поход. Неизвестно, сколько он продлится и что нас ждёт впереди. Но я обязательно заберу Дэгни с собой, когда мы дойдём до конца. В остальном, мне всего вполне достаточно. Поэтому, наверное, Итиро, я счастлив.

— А кем бы ты был, если бы был простым человеком? Как бы прожил жизнь? — задал новый вопрос Итиро.

— Я бы имел маленькую кузню, сыроварню и иногда выходил бы в море вместе с рыбаками. Так что я бы имел то, что и так имею. А о чём мечтал ты, Итиро? — спросил гном.

— Я мечтал стать волшебником. Старшие мальчишки из соседней деревни нас, младшекласников, очень обижали. Мы ходили с ними в одну школу, а они поджидали нас после занятий и то толкали в канаву, то забрасывали камнями или пачкали нам одежду. И по ночам я мечтал, что буду сильным волшебником и отомщу им.

Стурла приподнялся и спросил:

— Ну, сейчас то ты понимаешь, что месть — это глупость?

— Сейчас да.

— С врагами надо сражаться в равном бою. А иначе ты их ничем не лучше, — сказал Стурла, поудобнее усаиваясь на лежанке.

Они еще долго беседовали, косясь на силуэты пугливых зебр. Они паслись недалеко и тревожно поднимали головы, прислушиваясь к незнакомым речам.

Под утро друзья задремали. Но выспаться не успели. Они одновременно проснулись, от того, что то самое стадо зебр вдруг сорвалось с места и с шумом пронеслось мимо них.

— Что это они? — спросил, потирая глаза, Стурла.

— Не знаю, может, кого испугались, — потянулся, зевая, Итиро.

Но внезапно оба получили ощутимые удары по голове, и в одно мгновение кто-то на их головы накиннул мешки.

Визидары ничего не видели, но чувствовали, что человек шептается между собой на отрывистом незнакомом языке, связывают их и подвешивают за ноги и за руки на шестах.

Сначала Итиро и Стурла барахтались, кричали, но на их слова никто не обращал внимания.

Потом их долго несли, видимо, меняясь местами. Итиро только переживал, чтобы незнакомцы забрали со стоянки и их вещи. Как их потом найти?

Наконец, визидаров сняли с шестов и куда-то бросили. Ушло много времени, покуда они, барахтаясь и катаясь по земле, не развязали руки, и не содрали с себя мешки.

— Уф, — сняв шлем и потирая голову, вздохнул Стурла, — а ты ещё спрашиваешь, зачем я всё время его ношу и порой даже сплю в нём.

— Как ты думаешь, где мы? — спросил Итиро.

Друзья огляделись. Они находились в глиняном домишке с плотной соломенной крышей. Окон в нём не было. Только дверь, тоже из соломы, за которой мелькала чья-то тень.

Тихо подкравшись, визидары стали смотреть в щели двери. За нею расхаживал рослый масай, разодетый в цветные одежды, в руках он держал длинное копьё. Отсюда же был виден большой двор, окружённый по кругу домиками. Вдали у костров что-то готовили люди племени. Одна хижина была крупнее других. Рядом со входом в неё Итиро заметил свою сумку и мешок Стурлы. Но тут же дома вышел масай-воин и занёс вещи внутрь.

— Эх, если бы здесь была моя Огненная палочка! Я бы проделал ею дыру в стене, и мы бы сбежали, — расстроился Итиро.

— Надо ждать ночи, — сказал Стурла, — и попытаться сделать подкоп.

— А, может, поговорить с ними? — предложил Итиро и подошёл к двери.

Он постучал об косяк и, как можно более дружелюбным голосом, обратился к охраннику:

— Уважаемый господин масай, мы пришли с миром. Мы разыскиваем человека. Мы никого не хотим обижать...

Охранник приоткрыл маленькую щель, больно ткнул в плечо Итиро копьём, что-то сердито приказал и снова закрыл дверь.

— Наверное, он тебе сказал, чтобы ты молчал, — предположил Стурла. — Ой, смотри, мой браслет то на мне. Может, мы сами себя у них выкупим?

Стурла произнёс заклинание золота, но вокруг ничего не изменилось. Видно, именно в этом месте металла не было. Какое-то время они с Итиро рыли песчаный пол в поисках золотого песка. Но его было немного, и крупинки были слишком мелкие. Друзья смогли насобирать лишь маленькую горсточку. То же получилось и с серебром.

— Да, не густо, — оглядев добычу, грустно сказал Стурла.

Но они аккуратно сложили золото с серебром на платок Итиро. И он спрятал узелок в карман.

Тут на улице что-то стало происходить. Масаи выходили из домиков, галдели, откуда-то зазвучали барабаны.

В поселение зашла процессия. Люди тащили носилки, на которых сидел человек с раскрашенным лицом в огромной короне из страусиных перьев. Все падали перед ним ниц, беспрерывно кланялись, возводя вверх руки, и произносили ему какие-то хвалебные речи.

— Видно, прибыл кто-то из тутошних главных, — наблюдая за происходящим сквозь щель, шёпотом предположил Стурла.

«Главного» внесли в тот самый большой дом и несколько человек зашли следом. Остальные разбрелись по поселению.

Наконец, к домику пленников приблизились четверо и открыли дверь. Они схватили Итиро и Стурла и потащили их туда, где сидел «Главный».

Визидаров завели внутрь и кинули на пол. Человек в короне, грозно сдвинув брови, долго на них смотрел, а потом на ломаном английском спросил:

— Что вам надо, злые люди?

— Мы не злые, — возразил Итиро и протянул Главному бушмену узелок с золотым и серебряным песком, но тот посмотрел на него и равнодушно отпихнул.

— Белые всегда злые. И глупые. Думают, что нас можно купить, — сказал он. — К нам приходили разные белые. Но все они были не с добром. Африка — колыбель всех людей, но из-за белых нет мира в этой колыбели. И пока здесь нет мира, не будет его и на всей земле. Там где белые, всё становится алым. Все белые приходят, и хотят что-то у нас забрать. Что хотите забрать вы?

— Уважаемый человек, — начал Стурла.

Он встал во весь свой маленький рост, прокашлялся и, с достоинством, продолжил:

— Мне, действительно, жаль ваши земли и ваших людей, раз тут происходит такое дело. Но мы пришли издалека в поисках брата. Он одной с нами крови. Он — Великий волшебник.

Главный посмотрел на Стурла, потом на Итиро и спросил:

— И как же зовут этого волшебника, которого вы ищите?

— Его зовут Тафари, — громко ответил Итиро.

Все, кто был в доме, заговорили одновременно, а у Главного вытянулось лицо. К нему подбежал один масай, обильно обвешанный бусами, и, присев, что-то быстро стал объяснять, тыча пальцем на Стурлу и Итиро.

— Вы, конечно, не знаете Тафари, но он, действительно, настоящий волшебник, — добавил Стурла, глядя на суету вокруг.

Главный поднял руку, и все разом замолчали. А он стал медленно говорить:

— Все в Танзании знают Тафари. Многие даже считают его богом Бокеро, который должен прийти на нашу землю, чтобы освободить её. Тафари сделал для нас очень много хорошего. Он объединил племена саванн. Был учителем нашим детям. Обладая мудростью, он был и моим наставником тоже. Я успел состариться, но Тафари — всегда молодой, потому что в его жилах течёт кровь богов. У Тафари большое сердце. Не одно племя он спас, умея выследить добычу в самых пустынных местах или находить воду там, где никто не мог этого сделать. От этого его

второе имя — Следопыт. Но ни один из вас не выглядит как его брат.

— Мы с ним визидары — одного рода. Хотя родители у нас разные, — разъяснил вождю Итиро.

— А где сейчас Тафари? — спросил Стурла. — Жив ли он?

— Да, жив, но он далеко. Следопыт сказал, что ему надо победить зло. И уплыл на остров. Он предупредил всех вождей, что к нему придут двое, и чтобы мы тем двоим указали путь, где его найти. Но мы никак не знали, что эти двое будут белыми, — объяснил растерянно Главный.

— Так вы отпустите нас? — спросил Итиро.

— Мы не только вас отпустим, но и проводим до Тафари, — пообещал Главный.

— Вы отдадите нам наши вещи? — попросил Стурла.

Вместо ответа Главный что-то сказал тому самому масаю в бусах, и тот выскочил из домика, притащил сумку и мешок. И отдал ремесленникам.

Когда визидары вышли из дома, остальное племя встречало их уже совсем по-другому. Их накормили козым мясом, напоили странным чаем и стали расспрашивать. Главный переводил вопросы, которых было бесконечное множество.

...Рано утром масаи собрали отряд из пяти человек и отправили их с визидарами к Тафари.

Они шли на север по саванне несколько дней, останавливаясь лишь на ночные передышки. Стурле было труднее всего — шёл то он медленно. И ему, в конце концов, соорудили что-то вроде гамака из плаща, посадили его туда, и двое масаев понесли его, как на носилках.

Через четыре дня они, наконец, достигли огромного озера Виктория. Оно посверкивало перед ними, словно раскалённая лава, миллиардами отражений разлившихся солнечных лучей.

— Вон там, — сказал один из масаев, указывая на полосу земли на горизонте, чуть видную над медовой водой, — остров Рубондо. Там Тафари. Но наши ноги не должны туда ступать. Мы лишь поможем вам добраться до Следопыта.

Ремесленников посадили в лодку и перевезли на остров. Масаи указали направление, где искать Тафари, и уплыли обратно.

Стурла и Итиро оказались одни на пустынном берегу заросшего острова.

— Ну, — сказал Стурла, — пойдём?

И смело углубился в густую чащу, куда указывали масаи. Но идти было не так то просто — никаких дорог или даже крохотных тропинок не было. Переплетённые между собой растения стояли стеной. Каждый листок и стебель здесь вёл борьбу — душил и ломал окружающие растения в попытке урвать себе места. Стурла достал боевой топорик и стал им прорубать путь. Итиро предложил:

— Давай я пойду первым. Я повыше, и мне сподручнее будет рубить.

Но гордый гном упрямо мотнул головой и ответил:

— Викинги всегда идут впереди.

И, сопя, упорно продолжил рубить лианы, углубляясь всё дальше в джунгли. Сверху на них с удивлением смотрели обезьяны, а из зарослей постоянно взмывали перепуганные птицы.

Наконец, лес расступился и показалась крыша дома. Когда они вышли на небольшую поляну, перед ними предстало странное строение — узкая покосившаяся, почерневшая от времени, деревянная башня с пристройками и террасой. Над нею вразнобой были натянуты белые простыни, видимо, заменявшие маркизы. От этого дом напоминал то ли птицу, то ли упавший набок парусник. Видимо, это и было жильё Тафари.

Ремесленники взобрались на высокое крыльцо, постучали в двери. Но им никто не ответил. Но дверь была не заперта, и Стурла с Итиро зашли внутрь.

В комнатах оказалось неожиданно уютно: аккуратный шкаф, стол с посудой и даже полки с книгами на разных языках мира. На столах в вазах стояли цветы, на стене висел цветной ковёр.

Но во всём доме тоже никого не было. Тогда визидары решили обойти окрестности.

Когда они завернули за угол дома, то увидели мощное дерево, с синими бархатными корнями. Они напоминали жирных червей, толстыми сизыми лианами корни свисали с середины ствола, обволакивали собой землю и собирались в огромном глиняном горшке у основания дерева. Он был такой большой, что даже высокий Итиро не мог в него заглянуть. С корней беспрестанно стекала жидкость и капала в горшок. Жидкости было так много, что она постоянно переливалась через край. К горшку была приставлена лестница. Стурла залез на неё и заглянул внутрь. Но тут же отпрянул.

— Ты чего? — удивился Итиро.

— Посмотри сам, — показывая пальцем внутрь, сказал Стурла.

Итиро поднялся по лестнице и склонился над водой. На самом дне горшка, обняв колени, сидел человек. Он медленно поднял голову, посмотрел на Итиро и широко улыбнулся, выпустив изо рта пузырьки воздуха. Итиро быстро скатился с лестницы.

Голова незнакомца оказалась над краем горшка, потом он опять исчез, а через пару секунд вынырнул, и легко выбрался наружу. Он был мускулистым, высоким — наверное, футов шесть, не меньше, с красивой тёмной, почти угольной, кожей и большими выразительными глазами. И ещё. Незнакомец был абсолютно голым.

— Здравствуйте, — ничуть не смущаясь, сказал темнокожий красавец, уперев руки в бока, — не ожидал сегодня гостей, хотя птицы мне о вас говорили. Я думал, вы доберётесь только завтра.

— Вы нас ждали? — удивился Итиро.

— Конечно, — сказал красавчик, обворожительно белозубо улыбнулся, и представился, — меня зовут Тафари. Я Следопыт. Извините, пойду оденусь. А вы подождите меня на террасе.

Тафари пошёл в дом, пятернёй встряхивая кудрявые волосы, чтобы те быстрее высохли. Итиро и Стурла, переглянувшись, пошли за ним и уселись на террасе обсуждая возраст Тафари — на вид ему было лет двадцать пять от силы.

Через пару минут вышел Тафари и снова их удивил. А вы бы не удивились, увидев в джунглях красавца, одетого, как денди? При этом, ещё секунду назад он был перед вами голым. Следопыт был в элегантном пиджаке (заметьте — по последней европейской моде!), штанах, жилете, белой рубашке из ворота которой торчал узел изысканного шёлкового платка. На ногах Тафари были щегольские ботинки. Выбивалось из элегантного наряда две вещи: на голове у Следопыта возвышалась острая валяная светлая шапочка, напоминавшая трюфельную конфету. А на его шее болталось маленькое мумифицированное крыло летучей мыши. На него-то в итоге, оглядев Тафари с головы до ног, и уставились Стурла и Итиро.

— Я рад. Очень рад, — теперь уже официально потряс Следопыт руки визидаров.

— Но...но... вы такой молодой, — растерялся Итиро.

— Обращайся ко мне на ты, — улыбнулся Тафари, — на самом деле, я не знаю, сколько мне лет. Много. Долгожительство у меня в крови от предков-визидаров. А здоровье поддерживает сок Плачущего дерева. Здесь его посадила моя бабушка. Она рассказывала, что привезла его росток из Визидарии. И, представляете, он прижился! Если в соке этого дерева, погрузившись полностью, сидеть долго, то будешь здоров.

— А насколько долго надо в нём сидеть? — поинтересовался Итиро.

— Часов двенадцать, не меньше, — сказал Следопыт.

— Но кто же сможет двенадцать часов сидеть под водой? — спросил Стурла, — кому это под силу?

— Мне, — сказал Тафари, и, махнув в сторону двери, добавил, — пойдёмте, я угощу вас, и мы побеседуем.

Они пошли внутрь дома. Там Следопыт быстро накрыл на стол. И, разложив по тарелкам аппетитные куски мяса, стал рассказывать:

— Я из такого же древнего рода, что и вы. Как возникли визидары? На Земле развивались две ветки: чудовища и люди. Чудовища, обладающие сверхъестественными способностями, пожирали людей. Люди охотились на чудовищ. Но постепенно две ветки переплелись и иногда появлялись смешанные дети. Они то и стали визидарами. Дети, рождённые от сверхъестественных существ, все больше приобретали человеческие черты, но обладали силами и знаниями, которыми не обладал человек. Люди называли визидаров волшебниками, магами. Первых детей визидаров часто воровали и показывали в цирках за деньги, как уродцев. Их родителей изгоняли, ведь смешанных браков чудовищ и людей не принимала ни одна сторона. От мелких троллей и людей произошли вы, Стурла, гномы. От духов в браке с людьми родились вы, Итиро, ёкаи. Я же из рода людей и русалок. Поэтому и могу жить под водой. Мои предки вообще были зависимы от воды и умирали, если не жили в ней. Я же могу выбирать среду. Постепенно визидары осели среди людей, стали на них похожими, хоть и обладали сверхъестественными способностями. А вот мир чудовищ стал с визидарами враждовать, чтобы их уничтожить.

— Почему всегда кто-то с кем-то враждует? — вздохнул Итиро, — разве нельзя жить в мире?

— Философский вопрос, — кивнул Стурла.

Тафари же пожал плечами и продолжал рассказ:

— Вот поэтому визидары и решили отселиться. Они нашли на Земле место, где их бы никто не трогал. В долине Сиреневых ветров. Там и была расположена Визидария. Люди всю жизнь истребляли существ из магического мира. Поэтому боялись волшебства. А визидарцы, были им пропитаны. И потом, как бы визидарцы не были похожи на людей, всё же каждый чем-то от них да отличается. Часто эти отличия люди называют дефектами — шесть пальцев, идущих от рода сфинксов; волосатость от фавнов...

— Видно, у нас в крови тяга к магии, оставшаяся от наших предков, — предположил Итиро.

— Верно, — кивнул Следопыт, — визидарцы разные по характеру и сути, но объединяет их одно — магические корни. И среди них всегда были ремесленники. Самые сильные визидарцы. Они открывали мастерские, где создавали магические предметы...

— Толы и ауксилы, — добавил Стурла, поглощая остатки мяса.

Под конец он избавился от вилки и просто хватал их руками с тарелки. И как в него столько умещалось? Итиро и Следопыт давно закончили трапезу и за разговорами пили чай.

— Да, — подтвердил Тафари. — Визидария процветала. Подрастали её дети. Лучшие из них после школ поступали в Мастерские и становились ремесленниками — визидарцами, создающими волшебство. Такие Мастерские были похожи на людские лаборатории, заводы и университеты вместе взятые. Это были центры развития науки, культуры и промышленности. И самым известным был Стоунбон...

— Стоунбон, — повторил Стурла, жуя, — красивое название.

— Переводится как «каменная кость», — пояснил Итиро.

Тафари кивнул и продолжил.

— Я не знаю, кто породил малумов. Но они пришли внезапно и за одну Ужасную битву, длившуюся всего несколько дней, уничтожили лучших визидаров. В первую очередь ими были убиты ремесленники — мастера волшебства. Сожжены их мастерские. Мой прадед рассказывал, что Визидария спрятала в мире людей десять ремесленников. Которые должны вернуться, чтобы возродить страну. Мы с вами — из десяти Прославленных родов мастеров. Мы вернёмся на родину. Создадим заново разрушенные толы, вернём ауксилы и вернём к жизни самый важный предмет, о котором ходили легенды. Это волшебные палочки. Сложно поверить, но визидары создали их. А потом все палочки разом потеряли силу. Я не знаю, как и что случилось. Но мы обязательно это узнаем, когда соберём всех ремесленников и вернёмся на родину. Смотрите, нас уже трое! — засмеялся Тафари.

— Рассказываешь ты складно. Но, кажется, нас то ты не искал. Забрался в такую глушь — поди найди его. Спрятался от всех. Умник, — засопел сердито себе под нос Стурла.

Он отодвинул пустую тарелку и отвернулся.

— Не обижайся на него, — тихо шепнул Итиро Следопыту, — он устал сюда добираться. Но вообще, у Стурлы очень доброе сердце.

— Я знаю, — мягко ответил Тафари и снова широко улыбнулся, — я давно для себя решил, отказаться от обид. Это глупо. Знаешь, какой у меня секрет, который помогает найти язык с любым живым существом?

— Какой? — спросил Итиро.

— Как только встречаю на пути нового человека, про себя говорю ему: «Счастья тебе». И потом слушаю. По-настоящему плохих людей мало. И мне кажется, это всегда больные люди. Что-то у них внутри сломано...

— Согласен, — кивнул, вернувшись в беседу, Стурла. — А какой у тебя, кстати, ауксил, Следопыт? — перевёл он тему в нужное русло.

— Вот этот, — Тафари показал крыло мыши на груди, — Оно даёт память и дарует мудрость. Владелец крыла говорит на всех языки мира и на языках животных. Я объединил племена саванн, потому что мог их понять, и меня в этих землях сделали главным жрецом. Но всю жизнь у меня была ещё одна цель — я занимался поиском злейших наших врагов — малумов. И нашёл одну из их нор. Иногда они выползают оттуда по ночам в полнолуние. Я знаю, как убить их, но не знаю, как уничтожить само гнездо.

— А где это гнездо находится? — спросил Стурла.

— Это колодец. И он прямо под этим домом.

Итиро вздрогнул. Страшные малумы оказались так близко!

— А, так вот почему ты тут, так далеко от людей! Ты, Тафари, как стражник у входа в Хельхейм — загробный мир викингов, — подскочил Стурла. — Но как ты видишь малумов, ведь, говорят, для нас они невидимы?

— Я придумал один способ. Малум становится видимым, если напьётся крови визидарца. К сожалению, мне приходится брать свою, разливать её по чашам и расставлять на краю их норы. Так я их ловлю и уничтожаю. Но потом приходится неделю сидеть в слезах Плачущего дерева, чтобы восстановить силы. Сегодня как раз полнолуние. И я рад, что вы пришли. Может, мы вместе придумаем, как разрушить этот проход?

Визидарцы приняли решение осмотреть нору прямо сейчас. И все вместе двинулись к ней. Они спустились в подвал.

Оказалось, что дом примостился на скале. Он цеплялся за её неровные края и со временем перекосялся. Но всё ещё отважно стоял на страже, скрывая в скале огромную отвесную дыру. Предки Итиро окружили её каменной площадкой и построили над ней башенку. Тафари говорил, что пока здесь жили его предки, то пытались придумать всё новые и новые ловушки для малумов. Но завалить яму не удавалось никому.

— Не бойтесь, это много лет назад малумов в норе было много. Сейчас их остались единицы, — успокоил Следопыт.

Глубоко внутри ямы что-то копошилось. У Итиро по спине побежали мурашки. Здесь, по краям норы везде были разложены чаши в которых пенилось что-то зелёное.

— Моя кровь не алая, — сказал Тафари, — а изумрудная.

Стурла кинул внутрь ямы камень, и они втроём слушали, как долго тот падает, гулко стучась об стенки колодца.

Итиро вытащил Огненную палочку и разжёл один бульжник, а потом и его скинул внутрь. Но тот пролетел какое-то время, освещая неровные чёрные стены в подтёках, а потом погас.

— Бездонный, — подытожил Стурла.

— Даже не знаю, что делать, — в отчаянии сказал Итиро, — Стурла, есть какие-то идеи?

— Ну, может применить мой тол? — задумчиво сказал гном.

— Как он здесь поможет? — пожал плечами Итиро.

— Попробуй, — попросил Тафари, — мы пока не знаем, что сработает. Поэтому надо пробовать всё.

— Аурум! — сказал, взмахну браслетом Стурла.

Но ничего не произошло. Видимо, золота здесь не было совершенно.

— Аргентум! — крикнул Стурла и снова взмахнул рукой.

И тут же вся яма засветилась белым ровным светом. Она состояла из чистого серебра.

Тафари подскочил:

— Мы спасены!!!! Знаете ли вы, что слёзы Плачущего дерева раздувают металлы? Поэтому их нельзя набирать в стальную посуду. Она вспенится, закипит и разрастётся. Скорее пойдёмте!

Визидары вылезли наверх и стали делать подкоп под ту часть стены, которая была ближе всего к глиняному горшку. Стурла и Тафари рыли под стеной в подвал. А Итиро прокладывал в земле канаву, по которой будет литься жидкость от кувшина до дома. Визидары спешили, но вечер надвигался ещё быстрее.

Когда рыть оставалось совсем немного, солнце потухло.

— Времени нет! Бросайте лопаты, — скомандовал Тафари, — сейчас опрокинем горшок, и жидкость размоет остатки земли.

Итиро заставил светиться Огненную палочку, укрепив её на стене дома.

Визидары побежали к глиняному горшку. Но хоть Итиро его подкопал, перевернуть такую махину было не так просто. Они пробовали много раз, наваливаясь со всех сторон. Но горшок стоял, как влитой. И все они втроём похолодели, когда услышали громкое чавканье. Они обернулись и увидели страшное.

В подвале у чаши постепенно проявлялось жуткое существо: издали его фигура напоминала человеческую, с удлинёнными руками и ногами на которых выделялись безобразно утолщённые суставы. Череп малума был сплюснут, словно срезан на макушке. Шеи почти не был видно — между головой и туловищем лишняя кожа собралась складками. Его кожа напоминала тёмно-зелёную, почти чёрную кору деревьев — сморщенную и высохшую, покрытую трупными пятнами. С ужасного лица, не моргая, смотрели глубоко вдавленные янтарно-красные глаза с белыми зрачками. Большой безгубый рот его и острые кривые зубы были покрыты чёрной жижей смешанной с запёкшейся кровью. Кисти рук походили на пауков, у которых вместо ног были пять кривых вытянутых пальцев с острыми когтями.

И тут существо посмотрело на них, поднялось и двинулось в их сторону. Стурла вытащил меч и быстро перерубил лианы плачущего дерева, чтобы освободить горшок от опутавших корней. С утроенной силой визидары налегли на ёмкость и, наконец, перевернули его.

Он раскололся, и все слёзы, которые там были, оглушительным потоком понеслись под дом, снеся в яму малума и ещё одного, который, видимо, вылез недавно, но успел налакаться крови.

Стенки колодца задрожали, вспенились и сомкнулись. Но процесс не прекращался: пузырящееся серебро столпом пены вылезало из ямы и, в конце концов пробило потолок подвала. Его выбросило струёй вверх. Дом подкинуло и раскидало в стороны.

Когда ремесленники вылезли из-под обломков, кашляя от поднявшейся пыли, дома не было. Вместо него стояла застывшая вспученная серебряная масса, напоминавшая замки из песка, которые возводят дети на побережье.

Они отошли в сторону, глядя на развалины. За ними раздался треск, только визидарцы успели расступиться, как рухнуло и Плачущее дерево. Без корней оно не держалось на земле.

— Жаль твоего дворца, — сказал Стурла, стирая с лица грязь.

— И плачущего дерева, — добавил Итиро.

— Ничего, — засмеялся Тафари, — я рад, что мы уничтожилилогово малумов.

Итиро еле нашёл Огненную палочку — благо она немного мерцала в крошечной темноте. И, освещая её округу, визидары собрали вещи, какие смогли найти.

После они отправились на берег, где в кустах у Тафари была спрятана лодка. Ремесленники втроём вытолкали её в воду, сели и поплыли. На вёслах были Тафари и Итиро. А Стурла сидел на корме. Он освещал дорогу, высоко поднимая Огненную палочку.

— Куда мы теперь? — спросил гном у Следопыта.

— Добывать мой тол. Он хранится у племени Вакобинго. Это воинствующие гномы, живущие у горы Килиманджаро. Я как-то пытался с ними поговорить, но в диалоги они не вступают.

— С гномами я всегда договарюсь, — махнул рукой Стурла, — главное веди нас, туда, где они находятся.

Переплыв на берег, путники устроили ночлег, а с утра двинулись в путь.

По дороге к Килиманджаро Стурла и Итиро много раз убеждались, что Тафари знают все и недаром называют Следопытом. Везде он ориентировался так, словно в давно знакомом доме. Всё видел и чувствовал. Шёл по звериным следам. Легко предсказывал погоду, наперёд знал все окрестные новости и заранее предупреждал Стурлу и Итиро о встречах с животными и людьми. В любом племени Тафари были рады так, словно к ним, действительно, спустился бог. К нему шли с вопросами и просьбами, и каждого Тафари выслушивал, кому мог — всегда помогал.

...Через несколько дней похода визидары, наконец, увидели сияющую вершину Килиманджаро. Стурла всё боялся, что они пропустят нужную гору — во фьордах Норвегии это обычное дело. Но не заметить Килиманджарс было нельзя. Она одиноко возвышалась среди равнины, украшенная снежной шапкой, словно пирог сахарной глазурью.

Когда они подошли к ней вплотную, то были уже достаточно уставшими. Итиро всю дорогу думал, как не хватает здесь духа Аширай Яшки. Он бы донёс их, куда надо, за одну секунду. Хорошо хоть воды они могли напиться досыта — спасала бамбуковая палочка.

Начали восхождение, но из-за наступивших сумерек пришлось сделать новый привал.

— Завтра к полудню доберемся, — сказал Тафари, после длинного ужина.

Стурла поев, повеселел и запел песни. Снег, который он увидел на вершине Килиманджаро, вернул его к жизни и вдохнул оптимизм. Весь поход давался Стурле с трудом из-за жары, хоть гном и отказывался раздеваться и снимать шлем. Дорога на жаре ему казалась бесконечной. Но сейчас Стурлу было не узнать — подпевая сам себе, гном пустился в пляс.

Итиро и Тафари хлопали ему в ладоши и смеялись — так ловко Стурла танцевал, как будто и не было длинного похода и изматывающих нагрузок. В конце танца гном снял шлем и поклонился. Потом плюхнулся рядом с Тафари, отдышался и спросил:

— Ну, вот найдём мы завтра твой тол. А куда дальше путь держать?

— Я не знаю, — пожал плечами Тафари.

— Как не знаешь? Ты должен знать! — вскочил Стурла, — поройся в вещах, поищи. Где-то же должна быть информация, куда нам направляться дальше!

— У меня кроме шапочки и крыла мыши ничего нет, — сказал Тафари.

Он снял шапочку, и они втроем внимательно её осмотрели, но ничего не нашли. Потом все по очереди оглядели крыло мыши. Стурла его и понюхал, и даже попробовал на вкус. От крыла в его голове, конечно, прояснялось, но никакой новой информации не появилось.

— А предки тебе ничего не передали? — спросил Итиро.

— Нет, — покачал головой Тафари.

— Так что же нам делать? — растерялся Итиро.

Помолчали. Где искать следующего визидарца? Может, всёэто выяснится завтра, когда они получат тол? Но всё же тревожная морщинка опять пролегла меж бровей Стурлы. Он лёг на импровизированную из жилетки лежанку и, подперев щёки руками, затянул протяжную песню.

— Какая она красивая, — сказал Итиро, когда гном пропел последний куплет.

— Это колыбельная, — объяснил Тафари. — В ней Стурла пел о красоте севера и о младенцах, которые засыпают тёмной полярной ночью, когда звёзды падают в холодный фьорд.

Стурла кивнул.

— Чудесно, — покачал головой Итиро, услышав перевод.

— Наверное, колыбельные всего мира красивые, — размышлял Тафари, заложив руки за голову и глядя в небо. — Ведь матери вкладывают в них всю свою любовь. У нас в семье тоже была своя колыбельная. Бабушка пела её моей матери, когда она была малышкой. А потом, когда она выросла, то пела её уже мне. А я научу этой песне своих детей, когда придёт время.

— Спой! — попросил Стурла.

— Да нет, — смутился Тафари, — петь так, как ты, я не умею.

— И не надо как я, спой как ты, — возразил Стурла.

— Ну, спой, — подключился к разговору Итиро, — интересно послушать африканскую колыбельную.

— Ладно, — опустив голову, засмеялся, сверкнув зубами, Тафари.

Он немного помолчал, а потом затянул песню. Тягучая, словно мёд диких пчёл, и красивая, как выпуклые африканские звёзды над ними... Она была на наречии Тафари, для Стурла и Итиро недоступном, но звучала так печально красиво! Щемящие сердце звуки колыбельной неслись над травами, камнями, и всё в природе вокруг от неё остановилось, замерло. Казалось, вся саванна примолкла, слушая Следопыта. Когда он замолчал, и снова запели цикады, Итиро, которого песня тронула до глубины души, задумчиво спросил:

— Грустная песня. Надо было взять твоё крыло, чтобы понять её. А о чём она?

Тафари опять широко улыбнулся.

— Да, грустная. Ну, если переводить точно, то она о девушке Дилман. «Дилман, Дилман, бедная Дилман, — поётся в ней, — покинула она любимые края, и хоть живёт с любимым, но очень скучает по холмам и пустошам родины. Арканзас нравится Дилман, и городок их Эльдорадо. Но будет скучать Дилман по озёрам покинутого края до конца своих дней. А когда умрёт, то станет птицей и полетит на родину».

Итиро вскочил.

— Тафари, так вот кто следующий визидарец! Дилман. И живёт она в Арканзасе.

— Но Эльдорадо — это город выдуманный, — возразил несмело Тафари.

— А я уверен, он там есть, — тихо сказал Стурла.

Они повскакивали и стояли, застыв, вокруг костра, пока языки пламени освещали их потрясённые лица.

— Так что, после того, как найдём твой тол, отправляемся в Арканзас? — спросил гном.

— Получается, что так, — медленно ответил Итиро.

— Ох, ну и дела, — протянул Тафари, размышляя. — Я с детства знал эту колыбельную, но никогда не думал, что это подсказка. Надо же! Если бы ты Стурла не запел, то мы бы и не узнали истины.

— А это всё потому, — сказал, укладываясь и позёвывая, Стурла, — что всё в этом мире неслучайно. Всё связано между собой и в итоге так, как нужно.

— И тогда, когда нужно, — добавил Итиро, — даже если иногда так не кажется.

С этой мыслью друзья и заснули.

Рано утром они двинулись дальше по каменистой дороге вверх к вершине Килиманджаро, которую скрыл густой туман. К обеду в дымке стали встречаться странные деревья.

— Словно их нарисовал ребёнок, — удивился Стурла, разглядывая стволы.

Каждое дерево представляло собой завораживающее зрелище: от тонкого ствола разветвлялось по множеству перевёрнутых конусов из сухих листьев. Наверху каждая ветвь заканчивалась пышной зелёной шапочкой. Деревья были такими высокими, что их пушистые верхушки скрывались в тумане.

— Да, удивительные растения, — задрал голову Итиро.

— Мы пришли, — сказал Тафари. — Это гигантские крестовники. В их кронах и укрываются ваконьинго. Это их дома. И, поверьте, ваконьинго давно нас видят.

Как доказательство его слов, на ближайшем крестовнике что-то зашевелилось и маленький человечек с огромной головой, быстро спустился вниз. Он с удивлением разглядывал Стурлу, хоть тот и был выше ваконьинго на целую голову, но всё же местный житель сразу признал в нём гномичью породу.

— А ну-ка дай мне свой крыло, — попросил Стурла Тафари, — ты то их язык, наверное, давно знаешь?

— Да, — подтвердил Тафари и, сняв свой ауксил, протянул его Стурле. Итиро подошёл и тоже коснулся краешка крыла летучей мыши.

— Достопочтимый ваконьинго, — сказал Стурла, — этот славный визидар, — он показал на Тафари, — пришёл забрать к вам свой тол.

— Уходите, — сказал низким голосом большеголовый гном, сделав шаг назад и приняв угрожающую позу, — нам без вас бед хватает. Убирайтесь, а не то мы закидаем вас камнями.

— Давайте мы вам поможем с вашими бедами, — предложил Стурла, который не собирался отступать так просто, — а вы помогите нам.

Ваконьинго молча вспрыгнул на дерево и исчез. Ремесленники остались стоять, в неведении, окутанные туманом.

Минут через пять все крестовники разом закачались и из них кучами стали выпрыгивать ваконьинго. Словно они оттуда вываливались потоком. Не прошло и минуты, как визидары были окружены полчищем маленьких человечков с огромными головами. Было их видимо-невидимо.

Вперёд выступил один, самый большой и толстый, его тело было полностью покрыто рисунками. Видимо, это был предводитель племени ваконьинго. Он сказал:

— У нас большая проблема. Мы питаемся нутром камней. Удачного камня хватает на день прокормить целую семью. Одни камни в середине сладкие, ореховые. А внутри других песок. Но этого не узнаешь, пока камень не расколешь. Сделать же это очень трудно, порой уходит пару дней, которые расходуешь впустую. Если расколоть неправильный камень, то семья ваконьинго остаётся голодной. Камней с песком в последнее время встречается всё больше. Мы голодаем. Вы можете нам помочь?

— Запросто, — улыбнулся Стурла и переглянулся с Итиро, который тихо сказал:

— Так вот для чего тебе маленький песочный шлем на браслете!

— Если вы нам помогите, то мы отдадим вам то, что принадлежит чёрному великану, — показал на Тафари предводитель ваконьинго.

— Мы поможем вам, только надо дождаться, пока уйдёт туман, — предупредил Стурла.

— Ой, это не проблема, — махнул рукой вождь.

Он отрывисто свистнул в маленький свисток, висевший у него на груди. Тут же все большеголовые гномы разбежались врассыпную, взобрались на самые верхушки деревьев и тоже начали свистеть. И туман стал стягиваться в их свистульки. Через минуту плато было чистым.

— Тут всё чаще появляются люди, — объяснил предводитель ваконьинго, — свистками мы прячем в тумане свои дома и запутываем незваным гостям дорогу, чтобы они здесь не шастали.

Теперь всё плато было как на ладони. Перед визидачами предстали нескончаемые заросли крестовников, а вся земля между ними была покрыта разнокалиберными камнями.

Стурла поднялся на ближайший валун и прокричал:

— Братья мои! Славные ваконьинго! Сейчас, я сделаю так, что все камни с песком внутри засветятся. Собирайте себе оставшиеся.

Сухие листья крестовников зашатались, отовсюду торчали удивлённые лица гномов, которые не могли поверить в слова Стурла. Он же прокашлялся и, торжественно, надо сказать, не без доли пафоса, взмахнул рукой с браслетом, прокричал:

— Арена!

И тут же, до куда хватало взгляда, замерцали камни. Многие из них так и стояли как прежде, но другие же светились, словно внутри разгорелось солнце.

Ваконьинго взвизгнули и снова посыпались с деревьев. Они кидали светящиеся камни ближе к дорожкам, а к крестовникам подкатывали остальные. Стурла, Тафари и Итиро им помогали.

Глубоко за полночь сортировка камней была закончена. Конец работ всем освещал своей Огненной палочкой Итиро. У основания каждого крестовника появилось по большой куче сладких камней. Уставшие, но довольные ваконьинго окружили визидагов. Они восклицали, радовались и благодарили.

— Спасибо вам, — сказал предводитель, — Стурла, может, ты останешься с нами? Я подарю тебе северный склон Килиманджаро!

— Нет, — покачал головой Стурла, — спасибо, конечно, но нам надо идти дальше.

— Жаль, — вздохнул предводитель, — но вот вам ваша вещь.

И главный ваконьинго протянул Тафари маленький фонарик.

— Надо сказать «Лукиат!». И он засветится, — объяснил большеголовый гном. — Но это не просто фонарь. С помощью него можно увидеть малумов.

— Спасибо, — поклонился Тафари и взял фонарик в руки. На фонарике был всё тот же знак — колесо с переплетением трёх листиков-глаз посередине. Указав на него, Тафари сказал:

— Это знак ремесленников-визидаров. Жаль, что не было у меня этого фонарика раньше — много бы своих сил я сохранил.

...Всю ночь пировали маленькие ваконьинго. Итиро Огненной палочкой подогревал им камни и те разваливались на части, обнажая дымящуюся серединку. Гномы тут же набрасывались на неё.

— Теперь мы знаем, как и готовить! — кричали, подпрыгивая ваконьинго. — Мы будем жечь костры и кидать в них камни. Так они будут раскаляться быстрее!

Попробовали каменное кушанье и визидагы — это была тёмная масса, по вкусу напоминавшая прогорклый жир. Но ваконьинго были от неё в восторге.

— А они говорили, что камни ореховые и сладкие, — разочарованно выплюнул кусок Стурла, — не ели они орехов, вот что я вам скажу.

...После ночёвки ваконьинго проводили визидагов до того места, где заканчивались гигантские крестовники и долго смотрели уходящим путникам вслед. Когда визидагы обернулись в последний раз, то увидели, что плато снова окутано непроглядным туманом.

По дороге вниз друзья с помощью браслета Стурлы насобирали золотого и серебряного песок. В ближайшей деревне за горсть серебра они смогли нанять повозку, на которой доехали до самого города Пуэнт-Нуар в Конго.

В порту они продали часть золотого песка и купили билеты на большой белый пароход до Америки. Им предстояло пересечь Атлантический океан.

...До отплытия оставались сутки, спешить было некуда, и друзья пошли побродить по большому восточному рынку.

Первым делом Итиро и Стурла зашли на маленькую пыльную почту и вручили сонному работнику письма для родных. Затем уже отправились гулять по рядам с товарами. Стурла быстро набрал припасов снеди и ходил, навьюченный мешками. Тафари купил себе новый костюм, а Итиро — удобные высокие ботинки на шнуровке, которые тут же надел. Когда он проходил мимо одной лавки со снадобьями, его подозвала к себе старуха. Она зашептала ему в самое ухо:

— Ты — сын демона. Но хороший.

Потом она долго глядела в глаза Итиро и сказала:

— Недавно ты видел зло. И перестал спать ночами, — она ещё раз посмотрела на него и протянула узелок, — на, это порошок лунного камня. Он даст тебе сон. Но впереди вас ждёт целая армия такого зла. Невидимая армия. Готовьтесь. Сходите вон к тому оружейнику, — она погладила Итиро по плечу, и показала на старую, почти провалившуюся под землю хибарку на отшибе с кривой вывеской, — там купите оружие, которое вас защитит.

И старуха скрылась в дверях лавки.

Визидары переглянулись, Стурла хотел пошутить, что торговля здесь идёт не больно бойко, раз приходится заманивать клиентов таким образом, но Тафари и Итиро уже двинулись к домишке, на который указывала старуха.

А как только они спустились в лавочку, глаза Стурлы загорелись и из рук выпали мешки. Оружие здесь было отменного качества! Стурла вцепился в старинный нож, а Тафари снял со стены короткий меч с интересными ножнами на ремешках.

— О, — подошёл к нему продавец, — это особое оружие, заговорённое против злых духов. Наплечный меч телек.

Он помог надеть Тафари меч под руку.

— Вот, теперь хорошо, — кивнул продавец, — посмотрите, как легко и быстро вы сможете его выхватывать, а для врага телек всегда останется незамеченным.

Итиро продавец предложил длинный охотничий нож, который подвешивался на поясе. Его ножны были украшены арабской вязью.

— Здесь написано, что это нож победителя, — перевёл ему надпись Тафари.

Визидары расплатились с продавцом и, довольные покупками, вышли на улицу, подхватив мешки Стурлы.

...Пароход отплыл вовремя, и жёлтые берега Африки быстро скрылись из глаз, сменившись бесконечными волнами, убаюкивавшими путников в их каютах.

Итиро, после встречи с малумами, действительно, плохо спал — права была та старуха. Как только парень закрывал глаза, виделось ему, как малум склоняется над ним, чтобы высосать кровь. И Итиро просыпался. В первый же вечер на пароходе он растворил порошок лунного камня в чашке, выпил его и, наконец, смог выспаться. После порошка Итиро снился добрый сон про дедушку с бабушкой.

Днём визидары гуляли по палубе, ведя беседы. А вечером устраивали в каюте тренировки с оружием, стараясь набить руку в точности удара. И везде, где только можно, Тафари пользовался фонариком. Он ходил по пароходу, заглядывая в тёмные уголки. Тихо восклицал «Лукиат!», но, конечно, малумов не находил. Зато совершенно случайно обнаружил, что в свете фонаря у Итиро, Стурлы и у него самого весьма странные светящиеся тени. Но что это за тени такие, никто из них не знал. Видно, это было что-то визидарское, потому что от людей свет его фонаря никаких светящихся бликов не давал.

Мэдлин и страшное

Шумный Нью-Йорк обрушился на них многоэтажками, державшими на себе небо, гудящей толпой и бесконечным потоком машин.

В Нью-Йорке, казалось, всё механизировано. Так, визидары простояли целый час у входа в метро, наблюдая, как люди кидают монетки в аппарат для чистки обуви и два валика щёток натирали им туфли. Ещё и цвет крема можно было выбрать! Вы такое видали? Настоящее чудо! Итиро почистил свои новые ботинки дважды, Тафари — трижды, а Стурла сказал, что всё это глупости и свои потёртые сапоги на растерзание щёткам не дал.

Когда визидары сели в такси, то попросили водителя отвезти их хорошую гостиницу — волшебный браслет Стурлы, вернее добытое золото, дало им такую возможность.

Через час швейцар гостиницы «Плаза» открывал двери перед странной процессией: африканцу в хорошем костюме-тройке и смешной шапочке на голове, маленькому человечку в шлеме и восточному юноше.

В гостинице визидарцы заказали роскошный номер. К ним прикрепили специального человека — помощника в любых вопросах. Но вопрос к нему у странных гостей был только один: как найти в Арканзасе город Эльдорадо? Помощник, привыкший ко всяким просьбам, меланхолично кивнул головой, прошелестел: «Сию минуту узнаю» и неслышно исчез за дверью.

Визидары быстро освоились в череде красивых комнат своего номера. Стурла бегал по ванным комнатам и то крутил краны с водой, то заглядывал в начищенный унитаз, то разглядывал цветные бутылки:

— Понюхайте, — восторженно тыкал он полотенцем в лица друзей, — оно же пахнет, как розы. И на ощупь такое же нежное!

Визидары заказали еду прямо в номер.

Часа через два, когда вернулся их помощник, он застал визидаров в весьма благожелательном настроении: Итиро, сидя на подоконнике, восхищённо рассматривал город комментируя увиденное, Тафари читал прессу, а Стурла занимался любимым занятием — доедал всё, что осталось от обеда. Ну не виноват он был, что никогда не мог отойти от стола, пока там оставалось что-нибудь из съестного.

Помощник деликатно кашлянул. Подождал, пока все присутствующие повернутся к нему и вкрадчиво начал свою речь:

— Господа, я постарался выполнить ваше задание, но, к сожалению, пересмотрев несколько справочников, могу с уверенностью сказать, что в штате Арканзас нет города Эльдорадо.

Визидары грустно переглянулись. Тафари покачал головой. А помощник, выдержав паузу, продолжил:

— Но есть городок Эль Дорадо. Возможно, именно его вы имели в виду. В любом случае, — он протянул Следопыту проспект, — на этой карте я позволил себе его для вас отметить. Как и проложить красным карандашом маршрут от Нью-Йорка до Эль Дорадо.

Стурла подбежал и, вытирая руки об штаны, спросил помощника:

— Уважаемый, а как найти в этом Эль Дорадо девушку по имени Дилман?

Мужчина задумался.

— Ну, во-первых, это, скорее всего, не имя, а фамилия. Во-вторых, не самая распространённая. В маленьком городке, я думаю, найдётся всего одна-две семьи с такой фамилией. Вам надо доехать до Эль Дорадо и там по телефонному справочнику её найти.

... Уже завтра Стурла, Итиро и Тафари тряслись в поезде. Совсем скоро за окном замелькали поля Арканзаса. Нужная им станция оказалась потрёпанным ураганами сараем, окружённым полями, и выглядела заброшенной. Из нового и работающего на ней был лишь заросший семафор.

Зато дальше до самого Эль Дорадо визидары ехали одни на новеньком автобусе, водитель которого сиял не меньше, чем бока его машины. Всю дорогу, заглушая шум двигателя зычным голосом, он гордо вешал о пневматических амортизаторах, американских клаксонах и изображении «шикарной борзой» на боку его автобуса.

К вечеру визидары, наконец, вылезли у вокзала Эль Дорадо. И сразу же двинулись в центральное фойе. Нашли телефонную будку и стали листать справочник с жёлтыми страницами. По пустому залу шатался лишь дворник с метлой, он искоса поглядывал на странную группу посетителей, но выглядели они, кажется, мирно. В любом случае, дворник нащупал в кармане свисток, готовый в любую минуту свистнуть полицейскому. Особо он сосредоточился на темнокожем франте — тем, у кого был такой цвет лица, так одеваться в их городе было не принято.

Семья Дилман оказалась в городе одна. Тафари с волнением опустил в прорезь автомата два цента и набрал указанный номер. Итиро и Стурла, не отрываясь, смотрели на выражение лица Тафари. Сначала он хмурился, потому что в трубке были длинные гудки. Но вот лицо Следопыта расцвело — кто-то на том конце поднял трубку.

— Здравствуйте, уважаемая семья Дилман, — сказал как можно вежливее Тафари, — мы визидары. Ремесленники. И прибыли в город к вам на встречу. С кем я могу поговорить на эту тему?

Тафари очень обрадовался, потому что мелодичный женский голос на другом конце провода его сразу понял. Значит, такой долгий путь они проехали не зря и попали куда надо.

— Меня зовут Мэдлин Дилман, возможно, вам нужна моя мать, — ответил голос. — Вы можете подъехать к нам сейчас?

И она назвала адрес.

Они вышли на улицу, Тафари привычно произёс заклинание и включил фонарик, посветившим в тёмную подворотню вокзала. Мелькнула тень. Словно кто-то быстро провёл по воздуху грязной тряпкой. И она исчезла. Что-то в этой тени было бесконечно противное, хотя Тафари толком её не рассмотрел.

— Ты видел?! — спросил он стоявшего рядом Итиро, потому что Стурла суетился, собирая мешки с вещами.

Тот нерешительно кивнул. Видел-нет? Он сам не был уверен.

Тафари вытащил меч и двинулся к чёрным мешкам с мусором в глубине переулка. Осторожно осмотрел тёмные закоулки, подсвечивая себе фонарём. Но никого там не обнаружил.

— Неужели показалось? — растерянно спросил он сам себя.

Недалеко сидела собака. Она подошла к Тафари и сказала:

— Чёрное создание. Оно иногда появляется здесь.

— Что оно такое? — спросил его Следопыт.

— Не знаю. Не из здешнего мира. От него пахнет падалью, — ответила собака, — но вроде бы никого не обижает. Словно ищет кого-то. Или что-то. Говорят, его чаще всего встречали на заброшенном кладбище.

Тафари погладил собаку по мохнатой голове, переведя её слова друзьям. Стурла угостил собаку печеньем, и она отошла. А визидары пошли искать такси.

Машина довольно быстро довезла их в тихий район уютных домов, окружённых ровными рядами деревьями. Дом, где жила Мэдлин оказался последним в тупике. Пассажиры расплатились и вышли. Они стояли перед аккуратным беленьким домиком и думали, с чего начать разговор с хозяевами. Но дверь сама распахнулась и в тень веранды вышла хрупкая светловолосая девушка лет восемнадцати. Она огляделась по сторонам, а потом, махнув рукой, быстро сказала визидарам:

— Заходите скорее!

В доме она проводила их в гостиную, посадила на диван. А сама, напряжённо сцепив руки, села напротив них в кресло. Теперь визидары могли рассмотреть её как следует. Мэд была альбиносом. У девушки были белые волосы, белёсые ресницы и светлая, почти голубоватая, кожа.

— Ты знаешь, что из рода эльфов? — спросил её Тафари.

Мэд быстро спрятала под волосами заострённые ушки и сказала:

— Да, знаю, мама об этом рассказывала, — а потом добавила, — я жду, когда смогу сделать операцию на уши, чтобы быть...как все.

Было видно, что Мэдлин занервничала ещё больше. Она сжалась, постукивая пятками по полу, и быстро отводила в сторону взгляд, как только с кем-то из визидаров встречалась глазами.

— А где твоя мама? — спросил Стурла. — Можно поговорить с ней?

— Мама...мама умерла год назад... Вернее, она пропала без вести. Так говорят полицейские. Но я знаю, что она умерла. Они никогда не бросила бы нас с Тиной...

Мэд замолчала. Она снова сцепила руки в замок, покачалась, потом продолжила, — мамину одежду и кольцо нашли в мавзолее, который находится на старом кладбище. А больше...больше ничего не известно. Официально опеку над нами взяла соседка, но скоро службы узнают, что мы с Тиной сами по себе...Я боюсь, что у меня её заберут...

Мэдлин прикусила губу.

Тут со второго этажа спустилась маленькая девочка, лет пяти. Девочка была в голубом платьице, а в руках она держала затасканного плюшевого зайца. Девочка встала на последней ступеньке и сказала:

— Мэд, я хочу пить.

Потом она внимательно посмотрела на незнакомцев, видимо, решила, что они не представляют угрозы и спросила у них:

— А вы кто?

— Мы друзья, — ответил ласково Итиро, — пришли чтобы защитить вас.

Мэд встала, налила сестре сока, и предложила остальным тоже, согласился только Стурла. Девушка принесла ему стакан с напитком.

— Нас не надо защищать, — сказала Мэд, а потом обратилась к сестре, — Тина, иди к себе в комнату, и ложись спать. У нас взрослые разговоры.

Девочка, подхватив зайца, послушно потопала по лестнице вверх.

Мэдлин собралась с силами, покрутила в руке пустой стакан и решительно сказала:

— Я знала, что когда-нибудь вы придёте. Мама всё время об этом говорила. Она ждала вас и готовилась. Всё время рассказывала, что мы вместе отправимся куда-то в путь. В детстве мне нравились эти разговоры, но потом... потом я поняла, что ненавижу их.

Она сделала паузу, налила себе воды, быстро выпила её и продолжила:

— Я позвала вас чтобы сказать — наша семья... я. мы выходим из игры... Я больше не хочу ни секунды слышать о визидарах, малумах и прочей ереси... Все моё детство было пропитано этим бредом. Я больше не хочу жить в этом аду. Я хочу просто жить. Обычной жизнью. Ради сестры. Я ей нужна. И она нужна мне. Я не хочу спасать мир, искать других ремесленников и заниматься всей этой чепухой.

— Не мы объявили эту войну. Не мы напали. Но мы обязаны защищаться, — ответил ей Тафари.

— Я — мирный человек. Я ничего не знаю и не умею, — качнула головой Мэд.

— Ты не человек, а визидар, — возразил Стурла.

— Иногда самым мирным приходится сражаться, — добавил Итиро.

— В любом деле всегда нужна команда. Только тогда ждёт успех, — сказал Тафари. — Нам нужно объединиться. Иначе нас перебьют поодиночке. Побеждают только те, кто сплотились. Но мы ещё не вместе, поэтому мы слабы.

— Я не хочу ничего решать. Я слишком молодая и глупая. И слабая. У меня куча своих проблем, — ответила Мэд.

— Если ты не будешь решать. За тебя решат другие. И всегда не в твою пользу, — сказал Тафари.

— Но почему я?! — в отчаянии закричала Мэдлин. — Почему я должна спасать других? Почему все они, — она показала в окно на другие дома, — просто спокойно могут жить, а я должна куда-то идти и кого-то там спасать?! Не хочу! Не буду!

— У каждого наступает время спасти кого-то. И у них тоже придёт. Всегда приходит время жертв и отказа от прошлой жизни. Главное не смалодушничать. Иначе за этим всегда стоят потери и беды, — ответил ей Стурла.

— Но разве я своё ещё не потеряла?! — заплакала Мэдлин, — разве я не принесла ещё своих жертв? Все, кого я любила, умирали или пропадали. Я устала.

Итиро хотел её утешить, подошёл и погладил по плечу, но она сбросила его руку и сухо сказала:

— Не надо. Я справлюсь.

— У вас есть на что жить? — спросил её Стурла.

— Да, мама позаботилась об этом, — кивнула Мэд.

— Вам нужно идти с нами. Вы в опасности, — ласково сказал Тафари.

— Нет-нет-нет! — повысила голос Мэд. — Я не хочу слушать!!! Не хочу слушать! — Мэдлин закрыла уши руками и затопала ногами, — уходите! Я сейчас вызову полицию! Оставьте меня в покое! Всё, что я хочу — просто жить нормальной жизнью. Я и Тина. Вон!

Она вскочила, кинулась к двери, открыла её. Мэд обняла себя дрожащими руками, опустила глаза в пол и повторила:

— Вон!

Тафари первый поднялся, несмело потоптался и двинулся к выходу. Стурла быстро заглотив оставшийся в стакане сок и засеменяя за Следопытом, вытирая бороду. У порога он обернулся и посмотрел на Итиро. Тот с надеждой взирал на Мэдлин и протянул было к ней руку, но она отдернулась.

— Ты в опасности, понимаешь? Ты и твоя сестра. Вы должны идти с нами, — повторил Итиро.

— Ты не понял?! Здесь мы в безопасности. Здесь наш дом, — упрямо повторила Мэд.

Итиро вышел за друзьями. И девушка громко хлопнула дверью, повернув замок.

Визидары стояли, не зная, как поступить. Стемнело, на улице зажглась вечерняя иллюминация. Слева от дома Мэдлин был тупик и начинался небольшой парк. Итиро предложил посидеть там, чтобы всё обмозговать и принять решение.

Они зашли за дом Мэд. Тут, рядом с аккуратно подстриженной зелёной изгородью, обнаружилась скамейка, на которую они и присели. Но здесь было всё же достаточно темно — в тупик не доходил свет уличных фонарей. Тафари достал из наплечной сумки фонарь и включил его. Фонарик залил зеленоватым светом маленький пятачок, на котором они устроились.

— Мы не знаем, куда нам идти. Не знаем, что искать. Что нам делать? — рассуждал Стурла.

— Да, ситуация неожиданная, — согласился Тафари, — я не думал, что кто-то не захочет признавать особого визидарского рода.

— Я думаю, надо поискать гостиницу, — предложил Итиро, — а завтра попытаться поговорить с Мэдлин ещё раз.

— Дело говоришь, — одобрил, вставая Стурла, — так и сделаем.

Тафари посветил вперёд, потом случайно взмахнул рукой и осветил торцевую стену дома Мэдлин с

единственным окошком на втором этаже. И они втроём замерли, увидев, что у самого окна на стене, словно на полу сидит огромный малум. Он повернул к ним противную голову, думая, что они его не видят, облизнулся, потом приподнял одной рукой ставню окна и юркнул внутрь дома.

Визидары, сломя голову, кинулись в дом Мэдлин, на ходу вытаскивая оружие.

Они выбили замок в двери, оттолкнули удивлённую Мэдлин и понеслись вверх. Девушка помчалась за ними. Вчетвером они ворвались в комнату и увидели висящую в воздухе спящую Тину. С зайчиком в руках. Тафари осветил спальню фонариком. И Мэдлин отпрянула, увидев ужасного малума, склонившегося над Тиной. Он допивал её, облепив лицо девочки ртом.

Всё произошло в одну секунду: трое визидарцев кинулись к малуму и стали рубить. Но тот не собирался сдаваться. Малум их отшвыривал, словно щепки. Казалось, что победить его невозможно. Он никому не давал ни подойти близко, ни подняться с пола. Малум двигался резко и быстро. Его хищные глаза видели каждое движение вокруг, а голова крутилась на шее, как ветряк — всегда в сторону опасности.

Но визидары тоже не отступали, продолжая битву. Они нападали с разных сторон, нанося удары. В конце концов, Тафари изловчился и отрубил чудовищу голову.

Он не издал ни звука. Словно не испытывал боли.

Как только отлетела голова малума, он обернулся пеплом, который, взвился, наполнив собой комнату. И словно чёрная сажа стал оседать вниз.

Но среди этой мглы был силуэт и белого пепла — на пол упали заяц и пижамка в сердечках. Это всё, что осталось от Тины.

Мэдлин осела на пол и заорала. У неё началась истерика. Визидары не знали, как её успокоить. Принесли воды, она пила её, захлёбываясь, но продолжала плакать.

В дверь позвонили. Итиро выглянул в окно. Там стояли полицейские.

— Иди, встретить их. Только старайся быть спокойной, — сказал Тафари. — Мы спрячемся в саду позади дома.

Мэд, словно робот, спустилась вниз, вытерла лицо первой попавшейся вещью с вешалки и открыла людям в форме.

— Мэм, доброй ночи. У вас было шумно, и соседи вызвали нас, — сказала усталая полицейская.

— У вас всё в порядке? Я смотрю, у вас выломан замок, — спросил её напарник.

— Да-да, я потеряла ключи...и была расстроена, — тихо сказала Мэд, — Извините, я плакала и кричала. Меня...бросил парень...

— А-а-а, — расслабилась женщина-полицейский, — бывает.

И кивнула напарнику. Но он сомневался.

— Мэм, — сказал полицейский, — можно мы всё же осмотрим дом?

— Да, — кивнула Мэдлин.

Полицейские прошли по дому, выборочно открывая двери. В комнату Тины они не зашли, иначе увидели бы там абсолютный разгром. Ничего не найдя, работники полиции спустились вниз. Они вышли и парень сказал:

— Запирайте дверь, мэм. И не сильно расстраивайтесь. Такое бывает.

— Да, такое бывает, — глухо повторила Мэдлин и закрыла дверь. Она села прямо на пол у двери. И снова заплакала. Когда слёзы кончились, она ещё какое-то время сидела, глядя в пустоту. Потом пошла на задний двор.

Визидаров она нашла у садового домика. Они успели привести себя в порядок, смыв грязь, и сейчас перевязывали раны и смазывали синяки.

— Я иду с вами, — решительно сказала она им, — меня здесь больше ничего не держит. Но теперь я точно знаю, что хочу уничтожить тех, кто убил мою семью. Не будет мне покоя, пока я этого не сделаю. Иначе, это будет повторяться снова, и снова, и снова. И этому не будет конца. Малумы сеют зло, и оно размножается, как плесень. Мы должны это остановить!

Они вернулись в дом. Мэдлин стала собирать вещи. Она складывала их в большой чемодан. Туда же сунула и зайца сестры. Потом она притащила ещё один чемодан, набила и его.

— Подожди, — остановил её наблюдавший за всем этим Тафари, — мы не можем взять столько вещей, — сядь.

Он усадил Мэдлин, смотревшую на всё остекленевшими глазами, и сказал:

— Мы должны сделать ещё несколько вещей. Найти твой тол и ауксил. Что является ауксилом вашей семьи?

— Я...я не знаю. Что это такое? — спросила Мэдлин.

— Ауксил — это инструмент, обладающий какой-либо волшебной силой. Мой — это крыло, которое помогает понимать людей и животных. У Итиро — это бамбуковая палочка, дающая воду... Вспоминай, были ли у вас какие-то странные вещи.

— Не знаю, — задумалась Мэдлин, — наверное, не было.

Она с минуту посидела, размышляя. Потом сказала:

— Никаких волшебных вещей у нас дома не было. Если только сумочка Санта-Клауса подходит под ваше

описание. В ней реально была странность.

— Сумочка Санта-Клауса? — удивился Итиро, — кажется, это ваш рождественский дед, разносящий подарки?

— Да, — кивнула Мэд.

— У вас есть сумка Санта-Клауса? Насколько я понимаю, это мешок, — размышлял вслух Стурла.

— Конечно, никакого мешка у нас не было. Просто у мамы была сумочка. Она всегда в ней столько умещала!

Мы смеялись, что эта сумочка реально без дна. Как мешок Санты.

— А где эта сумка сейчас? — спросил Стурла.

— Ну, наверное, в мамином шкафу, — неуверенно сказала Мэд.

Она встала и пошла наверх. Итиро двинулся за ней, он боялся отпускать Мэд куда-то одну. Вскоре они спустились.

Мэдлин держала в руках красивую голубую женскую сумку. По форме она напоминала большой кошелек, застёгивающийся на две крупные бусины. Один бок сумки состоял из лоскутов странной кожи, похожей на змеиную. На другой стороне были вышиты два больших глаза. Мэд открыла сумочку, но ничего, кроме обычного носового платка, внутри не было.

Ремесленники обступили девушку и стали разглядывать сумку. Тафари взял её в руки, покрутил. Потом подошёл к открытому чемодану Мэдлин и спросил:

— Можно я возьму отсюда вещи?

Мэд кивнула. Он брал её кофточки и аккуратно засовывал в сумочку. Потом туда же, словно фокусник, положил фен, косметичку...

Он клал и клал туда вещи, а они словно проваливались. Сначала сумку немного раздувало, она начинала чавкать, а потом становилась прежней формы. Всё, что в неё клали, она проглатывала.

Тафари протянул сумку владелице, и она продолжила сборы сама.

Когда оба чемодана были уложены в дамскую сумочку, Мэдлин сказала:

— У нас в подвале лежит отличная большая палатка. Может, попробовать впихнуть и её?

Они спустились вниз, Мэдлин потихоньку засунула в сумку палатку, и со словами: «Могут пригодиться», следом ещё и кучу инструментов.

— Боюсь спросить, Мэд, но ты не знаешь, где искать твой тол? — Стурла заёрзал, сидя на ступеньках подвала.

— Я думаю, он может быть только в одном месте, — подумав, ответила Мэдлин, — там, где погибла мама. У нас в лесу находится заброшенное кладбище. Мама часто ходила туда, но мне не разрешала. Она что-то там искала. Я думаю, тол.

— Где находится это кладбище? — спросил Итиро.

— Я не знаю. Мама не разрешала туда ходить. Где-то в Лесу теней, — растерялась Мэд, — есть у нас такой лес, там часто видят привидения.

— Мы пойдём туда прямо сейчас, — сказал, вставая Тафари.

— Ночью?! — удивилась Мэдлин.

— Ну, во-первых, уже скоро будет светать. Во-вторых, так нас никто не увидит. И никто не помешает, — кивнул Тафари.

— Но как мы его найдём? — спросил Стурла.

— Есть те, кто знает такие вещи. Уходим! — двинулся к двери Тафари.

Отряд пошёл за ним. Мэдлин выходила последней. Она осмотрела гостиную, потушила свет, тихо сказала: «Прощай Тина, спи спокойно, малышка», и закрыла дверь.

Группа собралась у парка. Тафари легонько свистнул, и на ветку рядом с ним сел ворон.

— Здравствуй, доброе создание, — обратился к нему Тафари.

— Привет, — прокаркал ворон.

— Знаешь ли ты, где у вас мавзолей, посреди кладбища?

— Конечно. Мы там живём. Всегда есть чем поживиться.

— Ты покажешь нам путь? — попросил его Тафари.

Ворон молча взвился и закружил над ними, указывая дорогу.

Он летел, хорошо видимый на фоне рассветного неба, иногда садился на ветки, поджидая, пока путники его нагонят. И как только они подходили, ворон снова поднимался в воздух.

Отряд шёл очень долго. Они давно вышли из города, углубились в лес, который скоро превратился в непролазную чащу.

Наконец, показалась полуразрушенная ограда. Ворота давно сорвало с петель, и они, наполовину сгнившие, валялись тут же, загораживая собой проход. За оградой начиналось старое кладбище. Ворон каркнул и улетел. А друзья стали перебираться через ржавые решётки, которые словно капканы, цеплялись за края одежды, зажимали меж прутьями ноги визидарцев, пытаясь их остановить. Наконец, ремесленники перебрались на территорию

кладбища.

Здесь давно уже правил лес. Многие могильные плиты были опрокинуты, другие стояли, скрытые зарослями. Все склепы были разрушены, от одних остались лишь стены, от других — только груды камней. Лишь на холме, среди старых корявых деревьев, стояло небольшое здание с резными барельефами по стенам казавшееся достаточно прочным.

— Я думаю, нам нужно попасть в этот склеп, — указал на него Итиро.

Все с ним согласились.

Визидары, преодолевая заросли, забралась по каменным ступенькам и подошли к резным дверям здания. С жутким скрипом, словно где-то придавило кошку, двери открылись. Все вытащили оружие и Тафари, произнеся заклинание, включил фонарик.

Но их встретил пустой зал с мраморными колоннами. Крыши в склепе не было. Она давно сгнила и трухлявые доски, валявшиеся под ногами на полу, покрытом мусором, старой листвой и паутиной, видимо, были её останками. Один зал переходил в другой. И визидары прошли дальше.

В следующем помещении, которое было меньше первого, стояла статуя, склонившаяся над большим каменным гробом. Он был закрыт тяжёлой плитой, испещрённой надписями.

— Какой-то странный язык, буквы необычные, — сказал, разглядывая плиту, Итиро.

Тафари смахнул с плиты мусор, посмотрел внимательно и произнёс:

— Я знаю его. Это древний язык визидаров. Язык заклинаний. Значит, мы на верном пути.

— Ага, я тоже заметил! — поднялся на цыпочки Стурла и указал на выбитый под надписью круг знака визидаров.

Тафари склонился ещё ближе и прочёл: «Я держу в руках время. И лишь скажи «Tincidunt tempus», оно остановится, пока течёт».

— Остановится, пока течёт? — повторил Стурла, — белиберда получается.

— В любом случае, нам нужно снять эту плиту, — сказал Тафари, — смотрите, её уже пытались открыть, но безрезультатно.

Следопыт указал на множество зазубрин между крышкой и гробом.

Сначала визидары, как и кто-то много раз до них, пытались просунуть ножи и клинки, чтобы расширить щель, но даже самые тонкие лезвия не пролезали под плиту.

Потом Итиро предложил сделать рычаг. Визидары притащили ствол дерева, выломали из оставшегося забора металлические стержни и с помощью них, создав простую конструкцию, попытались сдвинуть крышку. Но она не поддавалась.

После Стурла притащил камни, которые Тафари с высоты своего роста, кидал на плиту, но бульжники оставляли еле заметные отметины, отскакивали от тяжёлой плиты и разбивались об пол.

Больше идей не было. Все выдохлись.

И тут Стурла сказал:

— Давайте, попробуем наши толы. Что-то да должно помочь.

— Отличная идея! — поддержал его Итиро.

Он первым вытащил Огненную палочку, произнёс: «Адолебит!» и направил её на плиту. Но, странное дело, это первый камень, который при этом не загорелся. Да что там, даже не нагрелся!

Визидары прикладывали к плите крыло летучей мыши, клали на неё сумочку Мэдин, светили фонарём, трясли браслетом. Ничего не происходило.

— Всё, — сдался Тафари. — Надо передохнуть.

Ремесленники вышли на ступени мавзолея, подумать.

— Нельзя сдаваться, — возбуждённо бегал среди других Стурла, — я чувствую, что разгадка рядом!.

— Дай обмозговать, — успокаивал его Тафари, но гном продолжал нервничать.

— Я уверен, что его открывает какая-то конфигурация толов! — говорил он. — Мы не всё попробовали!

Стурла нервничал и отчаянно бил себя по лбу кулаком, видимо, пытаясь что-нибудь придумать.

— Давайте послушаем Стурлу и вернёмся в склеп. А то он себе сейчас голову разобьёт от напряжения, — опасливо глядя на друга, сказал Итиро.

Все вернулись внутрь, обступили гроб. И стали пробовать новые варианты применения толов вместе.

Наконец, совершенно случайно, каждый из четырёх визидаров встал по разным сторонам саркофага. Стурла, стоящий у изголовья гроба, звеня браслетом, сказал «Арена», по разным сторонам стояли Мэд с сумочкой и Итиро с Огненной палочкой. В основании саркофага оказался Тафари, взмахнув фонарём он произнёс: «Лукиат». И плита затряслась, засветилась, приподнялась и рассыпалась.

— Не, ну нормально? — сказал Стурла, — и как бы мы об этом могли догадаться? Хоть бы инструкцию написали: так мол и так, Стурла, встань сюда, напротив Тафари...Эх...

Но никто уже не слушал гнома. Все смотрели внутрь саркофага.

В неё лежала молодая женщина в старинном платье. Она была такой же альбинос, как и Мэдлин. Только черты эльфа у неё были выражены ярче — высокие скулы на вытянутом лице, острые уши. На груди девушки лежал маленький засохший веночек из белых цветов.

— Это же дева Лилит! — воскликнула Мэд, — говорили, что она была первой в нашем роду. Но я думала, что всё это сказки и её не существует!

— Почему? — спросил её Тафари.

— Ну... — растерялась Мэдлин, — вы видели наш городок? Моя мать, бабушка, прабабушка...да все, кого я знаю из нашего рода, жили в этих краях. В легенде говорится о замках, большой любви, о волшебстве. Какое же в нашей округе может быть волшебство и замки?

— Волшебство и бывает там, где меньше всего его ждёшь, — покачал головой Тафари.

А Итиро спросил:

— Так что за легенда о деве Лилит? Расскажи.

— Родилась она от эльфа, — стала вспоминать Мэд, — умела делать чудеса, и поэтому её очень боялись. И мать — простая земная женщина, с детства прятала Лилит от людей. Девушка выросла настоящей красавицей, и однажды её случайно увидел богатый землевладелец. Он влюбился в Лилит, и на завтра же от него пришли сваты. На собственную свадьбу девушка украсила голову невиданными цветами лилелой с которых падали звёзды — это был подарок её отца-эльфа. Мать отговаривала дочь, но Лилит верила, что волшебные цветы защитят её брак. Она вплела их в волосы и пошла к венцу. Звёзды скатывались с её головы, оставляя шейф на земле. Одни посчитали это богохульством — слишком Лилит напоминала Мадонну, другие просто испугались. А уж когда на свадьбу явились родственники девушки — эльфы, то люди решили отравить её, посчитав ведьмой. Лилит провела с мужем только одну ночь. И к утру она должна была умереть от подлитого в вино яда. В судьбе не исправишь предначертанного, но волшебством можно его изменить. И дева Лилит попросила эльфов подарить ей девять месяцев. Они создали для неё магические часы, которые останавливали время. Лилит умерла, как только родила сына. Муж похоронил её с почестями и до последних дней хранил ей верность... Вот такая сказка... А теперь я вижу перед собой Лилит. И понимаю, что она не была выдумкой.

Все посмотрели на девушку в гробу. Даже сейчас, через много веков, она была прекрасна.

В руках девы Лилит, скрещенных на поясе, были вложены необычные песочные часы: серебряные ладони держали меж собой два стеклянных шара, соединённых узким проходом. А внутри стекла, вместо песка, трепетала искрящаяся густая масса. Мэдлин склонилась над могилой и взяла часы. Она поставила их на ладонь, заморожено глядя внутрь. Там, за стеклом, в таинственном потоке, плескались переливающиеся перламутровые волны.

— Тут заперта минута, — прочла она на одной из серебряных ладоней. — И лишь скажи «Тинкидунт темпус», оно остановится, пока онотечёт, — медленно повторила Мэд то, что прочитал на плите Тафари.

Она подняла глаза и увидела, что остальные застыли так, как стояли. Только волосы развивались у Итиро, ветер чуть шевелил цветок в петлице костюма Тафари и покачивался топорик на поясе Стурлы.

Пока густая жидкость не перелилась из одной половинки в другую, а заняло это около минуты, визидады так и стояли застывшими. Но как только последняя искорка упала на дно часов, друзья ожили, и даже, кажется, не заметили того, что было.

Все смотрели на деву Лилит. Казалось, что вокруг неё поднялся ветер, прижимавший девушку ко дну саркофага.

Неожиданно она упала куда-то вниз. В саркофаге осталась зиять чёрная дыра. За ней открылось тайное помещение, в которое вели ступеньки.

— Надо туда спуститься. Там что-то есть, — сказал, взглядываясь в темноту, Тафари.

Заворожённая происходящим, Мэдлин на автомате сунула песочные часы в карман. Все визидады по очереди перелезли через стенки саркофага и спустились.

Они оказались в небольшой камере со спёртым воздухом. Тафари снова включил фонарик. Он слабо осветил пространство вокруг. Здесь было пусто — дева Лилит растворилась: лишь голые стены, дыра в потолке и пыльный кусок ткани, что-то прикрывавший на полу. Тафари сдёрнул ткань, и визидады обнаружили под ней резную шкатулку.

— Ой, — воскликнула, увидев её Мэд, — это музыкальная шкатулка моей матери! Откуда она здесь?

Девушка присела перед ней, и взяла в руки.

— Она стояла в маминой комнате, и когда мама хотела нас с Тиной повеселить, то заводила её. Вот здесь должен быть рычажок для завода, — Мэдлин повернула шкатулку другой гранью.

И, действительно, там оказалась ручка, которую девушка стала крутить.

— Сейчас раздастся музыка, верхняя крышка откинется, и вы увидите пять танцующих балерин! — объяснила Мэд.

Остальные обступили её, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Мэдлин завела музыкальную шкатулку и поставила её на пол. Случилось так, как она описывала. Стала играть мелодичная музыка, крышка медленно поднялась, и на блестящей пластинке внутри стали крутиться маленькие балерины. Но не успели они дотанцевать, как внезапно из середины шкатулки выросла огромная чёрная тень. Сначала визидары испугались, но это был не малум. Тень стояла неподвижно, чуть колыхаясь от лёгкого сквозняка.

Итиро хотел дотронуться до неё, но его рука прошла сквозь ступок тёмной энергии, не встретив никакого препятствия. Кажется, это было просто чёрное густое облако, контурами напоминавшее крупную человеческую фигуру. На вытянутом лице выделялся большой хмурый лоб и широкий волевой подбородок. Тень казалась мёртвой, только маленькие, близко посаженные глазки с тёмной пергаментной кожей вокруг, выглядели живыми. Существо вперилось в визидаров и, не мигая, разглядывало их. Его череп был практически лыс, а те волосы, которые остались, свисали жидкими кудрявыми патлами.

Неожиданно тень стала двигаться. Она медленно и плавно отплыла к стене, неспешно развела руками и вдруг, резко повернувшись, молниеносно раскидала визидаров, ударив по ним волной страшной силы. Ремесленников подбросило. Они, словно пули, пробили телами потолок, мгновенно оказавшись высоко над склепом. Несколько секунд бултыхались, беспомощно болтая в воздухе конечностями. А потом так же стремительно упали обратно. И снова оказались в склепе под могилой девы Лилит, прижатые к стенам длинными полосами развивающихся одежд тёмного существа. А на упавшего Стурлу тень просто наступила ногой.

— Кто ты? — захрипел гном.

— Я Сэр Хьюго Вендиг Хармус, — загрохотала тень. — А вы — слабые визидары, оставшиеся без волшебства. Так кто вы такие? Скот. Неудачники. Я — бог, потому что из визидара создал себя и тёмную материю, которая мне подчинена.

— Что тебе нужно от нас, Хьюго Хармус? — спросил, прокашлявшись, стиснутый Итиро.

— Я запер свою тень здесь, чтобы остановить вас. Я — создатель малумов и их управитель. Я владею всем и я везде, и если вы не хотите умереть быстро, то должны мне подчиниться.

— Мы не будем никому подчиняться, — сказал Тафари, — у тебя нет на это никакого права. Правда на нашей стороне. Все: визидары ли, люди, должны быть свободными.

Тень метнулась к Тафари, вплотную приблизившись к его лицу.

— Правда — всегда мораль большинства. А сейчас большинство — это я. Так что твоя правда — всего лишь твоё никому ненужное мнение, — прошипел Хьюго.

— Ты всё равно нас всех не перебеёшь, — решительно сказал Стурла, вытирая со лба кровь.

Хьюго зашёлся в хохоте.

— Какие же вы глупые. Если бы мы хотели, то давно вас уничтожили. Стурла, кажется, ты держишь овец? Неужели ты их всех режешь за раз? Нет, самых жирных ты разводишь и употребляешь по мере надобности. Я — пастух. Вы — мои овцы. И овцы обязаны быть тупыми. Но приходится вас строить и наказывать. Возвращайтесь по домам. Не ищите других. Иначе...

Он сильнее надавил на Стурлу.

— Ты всего лишь бесполой дух... — прохрипел прижатый гном.

— Иначе я приду сам. И уничтожу вас. Раздавлю каждого. Как клопа. Вас, потом примусь за людей. Знаете, откуда я беру зло, чтобы делать малумов?

Он засмеялся.

— Как вы даёте нам кровь, так люди — дают зло для создания малумов. Мы собираем людскую ненависть по всей земле, и накапливается её все больше, поэтому малумы будут существовать всегда. Они непобедимы. Я создал вечный двигатель и вечный породитель зла. Я...

Тафари, наконец, высвободил руку, выхватил меч из-под плеча и рубанул им по шкатулке, расколов её. Дух взвился вверх, развалившись на куски, и растворился в воздухе. Стало абсолютно темно. Итиро вытащил Огненную палочку и зажгёт ею часть стены, которая засветилась. Остальные помогали друг другу встать, отряхивались, осматривали раны.

Друзья выбрались из мавзолея, и присели на его ступеньках. От пережитого Мэд трясло. Стурла достал из своего мешка кусок вяленого мяса и протянул девушке. Она механически взяла его и стала жевать.

— Кто такой, этот Сэр Хьюго Вендиг Хармус? — спросила Мэд.

В её глазах был ужас.

— Я не знаю. Никогда не слышал этого имени, — задумался Тафари, — он точно визидар. Я это чувствую. Но кто он, и почему так обижен?

— Но он сказал, что он сильнее всех визидаров, — со страхом произнесла Мэдлин.

— Мой жизненный опыт подсказывает, что нельзя верить тем, кто называет себя богами. Обычно в их словах нет ни слова правды, — возразил Стурла, по-отечески погладив руку Мэд.

— И потом, это была всего лишь его тень. Может, он сам давно умер и обрёл покой, если можно его обрести, погубив столько душ? — заметил Тафари, — ты понимаешь, что Ужасная битва была четыреста лет назад?

Мэд его аргумент убедил, она, наконец, выдохнула и слабо улыбнулась.

Итиро произнёс заклинание, взмахнув Огненной палочкой, и разжёл костёр.

— А вот интересно, — вдруг сказал Тафари, — если твоей палкой поджечь мой ауксил — крыло летучей мыши, оно загорится?

— Ну и мысли у тебя, Тафари, — удивившись, пожал плечами Итиро, — зачем же одной хорошей вещью портить другую хорошую вещь?

Тафари же снял с себя крыло, положил его на ступень и сказал:

— А ты попробуй. Мне не даёт покоя одна мысль!

— Тебе не страшно, что я его уничтожу? — спросил Итиро.

— Попробуй, — настойчиво повторил Тафари.

Итиро взмахнул палочкой и произнёс: «Адолебит!»

Из палки вырвался голубой свет и окружил крыло. Они слились, обвязанные лучами, которые, переливаясь, клубились, напоминая кипящий шар. Потом процесс прекратился. Крыло так и осталось лежать, безо всяких изменений. Но когда Тафари его поднял, то под ним обнаружился красивый гладкий вытянутый медальон с чёрным, гранёным, похожим на мышинное крыло, кристаллом внутри.

Тафари поднял его и протянул Мэд. Она взяла его в руки и с удивлением подняла голову. Над ними летели две птицы, и она поняла, что они обсуждали свой путь.

Стурла присвистнул и сказал что-то на норвежском. Но она тоже его поняла. Он сказал: «Чудесами полон мир».

— Кажется, я понимаю языки людей и животных, — растерянно сказала Мэдлин.

— Я так и думал. Знаете, что не давало мне покоя? Мы же из родов Прославленных мастеров, значит должны мастерить. Ауксилы — это всего лишь помощники, а вот толы — инструменты. С помощью толов из ауксильев можно создавать новые предметы.

— Какие-то странные у нас толы, — высказался Стурла. — Вот если бы я их создавал, то придумал бы что-нибудь поинтереснее.

— Какие есть, — присел рядом с ним Тафари, — хорошо, что хоть такие остались. В Ужасной битве они должны были быть уничтожены все.

— Давайте попробуем ещё! — сказал Стурла.

Он вытащил из рукава свой тол — браслет и обратился к Мэд:

— Сними-ка свою сумку и положи вот сюда, — указал он ей на ступеньку.

Мэд сделала, как он велел. Стурла сосредоточенно взмахнул рукой, сказал: «Аурум!» и положил руку с браслетом на сумку. Они засветились так же, как и до этого крыло с Огненной палочкой. Когда всё погасло, под сумкой обнаружился кожаный кошелек. Стурла открыл его — там была золотая монета. И сколько бы он ни доставал их, монеты в этом кошельке не заканчивались.

Потом на сумку Мэд направил Огненную палочку Итиро. Из их слияния получилась вонючая шкурка. Она была горячей и дымилась. Её даже рукой нельзя было взять. Итиро разочарованно подхватил её палочкой и откинул в сторону.

— Глупый получился ауксил, — вздохнул Итиро.

— Но мы сделали вывод, что не все ауксилы хороши. Могут получиться и такие, — похлопал его по плечу Тафари.

Из браслета Стурла и палочка Итиро получился маленький горячий золотой слиток-лепёшка. Можно сказать, это тоже был несколько бесполезный ауксил, потому что доставать золотые монеты из кошелька было гораздо проще.

А браслет, скрещенный с крылом Тафари, не дал ничего.

— Как так? — удивился Стурла, уставившись на пустое место.

— А вот нам второй урок — не всегда вообще что-то может получиться, — сказал Тафари.

— Мы ещё не пробовали что-нибудь сделать с фонариком Тафари, — вспомнил Итиро.

Осветив фонарём браслет Стурла они ничего не получили, как и из сумки Мэд. Точно так же, произошло с мышинным крылом — ничего не случилось. Но толы тоже перестали работать. Они просто больше не реагировали на заклинания.

— Видимо, им нужно время отдохнуть и зарядиться, — предположил Стурла.

— Будем надеяться, что мы их не испортили, — вздохнул Тафари.

В суматохе все забыли о толе Мэдлин. О песочных часах вспомнила она сама. Вытащила и показала их визидам. Они с удивлением рассматривали часы.

— А почему этот сэр-Как-его-там-Хьюго не забрал тол Мэдлин? — задал мучивший его вопрос Итиро.

— Не знаю, — задумался Тафари, — возможно, просто не смог?

Стурла же встал и несколько раздражённо добавил:

— Да к чему это знать? Гораздо важнее думать, куда нам идти дальше.

И все повернулись к Мэд.

— Э-э-э, — подбирал слова Итиро, не зная, как начать. — Мэдлин, конечно, эта тайна тебе могла быть неизвестной, но всё же... Может, ты вспомнишь какой-нибудь таинственный адрес? Или страну, которая чаще других возникала в рассказах твоих предков?

Девушка непонимающе на него уставилась.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Мэд, понимаешь. Твоя семья должна была хранить секрет о следующем ремесленнике, — разъяснил Тафари, — ты не знаешь, где он живёт?

— Знаю, конечно, — спокойно кивнула девушка.

— И где? — хором спросили её визидарцы.

А Стурла так аж подпрыгнул в нетерпении.

— Нам надо попасть на ферму Холлов, — ответила Мэд.

— Где она? В какой стране? — быстро спросил Стурла.

— В пяти милях от нашего города, — махнула рукой Мэд.

— Так близко? Ты уверена, что это визидары? — удивился Итиро.

— Да. Мама с ними часто общалась. На ферме сейчас живут хромоногий Джон Холл и его дочь Бёрнис. Мы с ней одногодки.

— У вас ведь в городке, наверняка только одна школа. Значит, вы учились с ней вместе? — предположил Стурла.

— Конечно же, нет! — с вызовом сказала Мэд. — Я не знаю, где она...училась...Мы общались с Бёрн два от силы за всю жизнь. Когда приезжали к ним на ферму покупать овощи. Мать хотела, чтобы мы с ней дружили, но...

Мэд пожала плечами.

— А почему? — спросил Итиро, — вы же обе из рода визидаров.

— Ты сейчас говоришь, как моя мать, — сказала Мэдлин. — На это много причин. Ну, во-первых, у нас нет общих интересов, а, во-вторых... — она, замявшись, кинула взгляд на Тафари, — они темнокожие.

— Ты плохо относишься к темнокожим? — спросил Тафари, — но ведь ты сама не совсем обычная — слишком белая для людей.

У Мэд порозовели щёки.

— Нет, но некоторые говорят, что это... что они не такие... Я никогда не обижала людей с тёмным цветом кожи, не то что другие! Наши мальчишки даже пару раз кидались в Бёрнис камнями... — ответила она, — а я — нет... просто держалась подальше.

— Мэд, видеть, как нападают другие, и молчать, значит бить вместе с ними, — сказал Тафари.

Мэд покраснела ещё больше и опустила голову.

Волчица и тряпичная кукла

Уже через два часа отряд визидаров входил в ворота фермы, которую окружали бесконечные поля молодой кукурузы и пшеницы.

Издали они видели, что хромой темнокожий мужчина, видимо, хозяин, заметив их на дороге, сначала выскочил из дома с ружьём, потом, когда визидары подошли ближе, он разглядел их получше, кинул оружие и в волнении побежал навстречу, что-то крича. Двигаться ему было тяжело — его штаны были закатаны, и бросалось в глаза, что одной ноги до колена у него не было. Вместо неё торчалдеревянный протез.

— Неужели?! Неужели это случилось?! Я сразу узнал, кто вы! — задыхаясь, кинулся обнимать их мужчина.

Ему было лет пятьдесят. Лицо мужчины пробороздили морщинки, разбежавшиеся от светившихся радостью карих глаз.

— Я думал, что не доживу, — он не скрывал слёз.

Потом выдохнул, отдышался и сказал:

— Простите, не представился... Я Джон Холл, из рода вампиров. По преданиям в нас есть немного и от рода нагуалей — оборотней-колдунов, но пока мы ни в кого не превращались. Конечно, кровь мы не пьём, но мясо едим лишь сырым. Как и рыбу, — широко улыбнулся он, показав два маленьких еле заметных заострённых клычка, — пойдёмте в дом, я обрадую Бёрн.

В доме Джон много суетился, не знал, куда посадить гостей и чем их угостить. Но чем больше он волновался, стараясь угодить визидарам, чем был радушнее, тем тяжелее становилось на сердце у Мэдлин. Ей было жутко стыдно и совестно. Она тихо села с краю дивана, опустила глаза, стараясь не вступать в разговоры.

На взволнованные возгласы Джона со второго этажа спустилась его дочь Бёрнис. Она, действительно, была ровесницей Мэд, но чуть ниже её ростом. Скромная, худенькая, тихая, с такими же кофейными глазами, как у отца, и большой копной роскошных кудрявых волос. Бёрнис была одета в лёгкое цветастое платье, подпоясанное ленточкой, и от этого казалась совсем уж тростинкой. Каждому визидару по очереди она протягивала узенькую ладонь. Её тонкие пальчики заканчивались желтоватыми длинными ногтями, больше похожими на коготки. Она здоровалась и представлялась:

— Моё имя Бёрнс, или, как с рождения меня звали в семье, Волчица.

Действительно, это прозвище очень ей подходило: было в Бёрнис что-то от грациозной поджарой молодой волчицы. И рукопожатие её хрупкой ручки оказывалось похожим на тиски.

— Говорят, — погладил её по голове Тафари, — тебя тут обижали за цвет кожи?

— Меня не сильно то и пообижаешь, — улыбнулась Бёрн и показала ему свои сильные кулачки, — я умею за себя постоять!

...Визидары рассказали семье Холлов, что случилось в доме Мэдлин — о сражении с малумом и гибели Тины.

Джон подошёл к Мэд, присел рядом, взял её за руку. В его глазах стояли слёзы.

— Мэд, дорогая, я очень тебе сочувствую. Бедняжка, сколько ты пережила за последнее время... — от волнения он не мог подобрать нужных фраз. — Нет таких слов, чтобы тебя утешить. Когда пропала твоя мама, мы с Бёрнс решили, что должны поддержать тебя, приехали, но ты нам не открыла. Видимо, девочка, тебе было не до этого, мы понимали. Но каждую неделю я клал тебе на ступени корзину с овощами.

— Так это были вы? А я думала, что соседи, — растерялась Мэд.

— Это неважно, — отмахнулся мужчина. — Важно, чтобы ты знала и чувствовала, мы любим тебя и оплакиваем твои потери вместе с тобой.

Потом Джон повернулся к остальным и сказал:

— Я, так понимаю, что вы сможете найти нам тол? Но вот в чём загвоздка — мы его ищем, сколько себя помним.

— Что вы знаете про него? — спросил в волнении Итиро.

— Бёрнис, принеси наш ауксил и книжку, — обратился Джон к дочери.

Девушка сбегала на второй этаж. Когда она спустилась обратно, то держала в руках красивую наряженную куклу и толстую детскую книжку.

Визидары внимательно разглядывали принесённые вещи. У тряпичной куклы были плотно закрыты глаза. У неё были чёрные гладкие волосы, собранные в два узла. А на шею, поверх расшитых восточных одежд, намотаны ряды разноцветных бус и бубенчиков.

— По преданиям, эта кукла открывает глазки. Но когда и где, непонятно. Мы носили её по дому и окрестностям. Но она оставалась прежней.

— А зачем вы носили куклу по дому и окрестностям? — спросил Стурла.

— Для этого надо прочесть книжку, — сказала Бёрнс, — дедушка говорил, что предки оставили нам загадки, которые расшифровать может даже ребёнок. Но сам он в своё время так её и не разгадал. Хотя очень хотел. И так,

смотрите!

Девушка показала им небольшую квадратную книжку, перевязанную потрёпанной бархатной лентой. На обложке был нарисован короб со знаком визидаров и подписью: «Сундучок с отгадками».

Книжка состояла всего из пяти толстых страниц. Когда Бёрнис открыла первую, все ахнули. Прямо на развороте вырос маленький бумажный зал дворца — пол, покрытый чёрно-белой плиткой, резной столик и трон. Посередине была милая картонная принцесса. Она развела нарисованными ручками и пропела: «Посмотри внимательно вокруг и закончи начатое много лет назад».

— Начатое много лет назад...возможно, имеется ввиду Ужасная битва, которая была четыреста лет назад? — сразу стал размышлять Тафари, — в этой битве визидары сразились с малумами.

— Да погоди ты, — пихнул его Стурла, — давай рассмотрим до конца.

Бернс перевернула страницу, и на новом развороте возник рыцарь на коне. Он стоял на поляне, покрытой цветами. Конь бил копытом. Рыцарь поднял шлем и продекламировал: «Если разум дал тебе глаза, то ты всё поймёшь».

На следующем развороте перед ними предстало озеро, в котором плавала утка. На берегу стоял милый утёнок, и мама-утка сказала ему: «Шагни сюда, тебя ждёт вода!»

Перевернув страницу, визидары увидели кухню. На ней румяная темнокожая женщина мяла тесто, а потом вытащила из него колечко, сообщив: «Как находка твоя близка!»

На последней сценке возникло большое дерево с дуплом посередине ствола. Оттуда показался мальчишка с флажком в руках и прокричал: «А белая победа укажет дальше путь!»

Ремесленники пролистали книжку много раз подряд. Пока они рассматривали живые картинки, Бёрнис и Джон шёпотом повторяли слова за героями рисунков — они давно их выучили наизусть.

Когда книжку захлопнули в сотый раз, Джон сказал:

— Тут говорится про то, что отгадка рядом. Надо сделать лишь шаг. Вот поэтому мы и искали в доме, в округе. Но ничего не нашли. Да и что искать то ведь тоже непонятно.

— Столько загадок сразу в одной книжице! — разочарованно вздохнул Стурла, он постучал по своему шлему, — моей голове такое не решить.

— Надо обмозговать. Но нас много, как-нибудь да решим эту задачку, — сказал Тафари, — у вас можно остаться на ночь?

— Конечно! Наш дом — ваш дом, — улыбнулся Джон.

...Вечером ремесленники во дворе фермы разожгли костёр. Джон вынес мясо, они с дочерью отложили себе пару сырых кусков, остальные его поджаривали на огне. Компания ела и общалась. Первые минуты Мэд было непривычно смотреть как Бернис и её отец с аппетитом забрасывали в рот сырые куски, но потом это перестало её напрягать.

— Когда вы пойдёте дальше, — сказал Джон, — с вами отправится Бёрнс. Я верю в неё. Она станет Прославленным ремесленником, каким был раньше наш род. А я останусь здесь, ждать вестей. Мне с моей ногой сложный поход не выдержать.

Пока все ужинали, Итиро снова и снова рассматривал детскую книжку, листая её волшебные страницы. Он пытался поскорее разгадать зашифрованное в ней, но пока у него это не получалось даже близко. Он никак не мог уловить алгоритм или связь между сценками. Но ведь она должна была быть!

...На ночлег все расселились по комнатам фермы. Берн позвала Мэд спать к себе в мансарду. Девушка с благодарностью приняла предложение. В спальне Волчицы была кровать и маленький диванчик. Свою кровать хозяйка уступила госте. Бёрнис же легла на диван, положив рядом с собой тряпичную куклу с закрытыми глазами.

— Я с детства привыкла спать с ней, — объяснила она Мэд, — бабушка рассказывала, что эта кукла очень умная, расскажет всё на свете и разбудит при опасности. Но ничего подобного пока не происходило.

Мэдлин покопалась в сумке и вытащила зайца.

— Это игрушка моей сестры Тины, никому не расскажешь, что я буду спать с ней? — спросила она у Бёрнс.

— Конечно! Разве о таком рассказывают? — улыбнулась девушка.

— Ты такая добрая, Волчица, — сказала Мэд, когда девушки потушили свет.

Некоторые слова легче произносить в темноте, и Мэдлин сейчас была рада, что её не видно.

— Знаешь, — почти прошептала она, — прости меня за всё.

Бёрнис приподнялась на диванчике и Мэд увидела, что глаза Волчицы светятся в темноте.

— Ты мне ничего не сделала, — ответила спокойно девушка. — Другие порой обижали, а ты нет.

— Вот за это прости.

— За то, что не обижала? — засмеялась Бёрнс.

— За то, что не заступалась.

— Прощаю, — сказала Бёрнс, — я всегда знала, что ты хорошая. Как твоя мама. Она была очень доброй ко мне.

Мэдлин встала, подошла к Волчице и обняла её. С ней рядом ей было не так страшно и не так одиноко. Девушки легли вместе на кровать, положили меж собой зайца и куклу и стали тихо болтать. Обо всём на свете — о своих страхах и надеждах. О своих родных. О мечтах и страшных секретах. И обо всём том, о чём могут болтать только две девушки до рассвета, когда за одну ночь становятся близкими. Одной крови, одной веры, одних убеждений.

...Наутро дом огласился возгласами. Все проснулись, повскакивали, собрались в гостиной, зевая и протирая глаза.

Только Джон, испуганный криками, зашёл с улицы. Он давно встал и кормил скот.

— Что случилось? — спросил мужчина с тревогой в голосе.

Шумел Итиро.

— Я понял! Я разгадал! — плясал он посередине комнаты, тряся детской книжкой.

— Говори же скорее, — строго сказал Стурла, — ох уж мне эти дурацкие паузы... Бери и выкладывай, раз что-то понял.

— Всё гораздо проще, чем мы думали! — начал объяснять Итиро, — надо было смотреть более поверхностно, а не рыть глубоко. Ошибка в том, что...

— Ну, говори уже, — нетерпеливо перебила его Мэд, поджимая пальцы ног на холодном полу.

Они стояли с Бёрнис в сорочках и сонно жались к друг другу от утренней зябкости.

— Надо было просто сложить первые буквы первых слов в каждой загадке между собой. И всё, — протараторил Итиро.

— Как это? — не понял Стурла.

Итиро ещё раз пролистал книжку. Все сосредоточенно его слушали.

— Смотрите, — нервничал он — первая загадка начинается на «п». Вторая на «е»...

— Пешка, получается пешка! — закричала Бёрнис.

— Пешка? При чём тут пешка? — занервничал Стурла. — Дай сюда, — он выхватил у Итиро книжку, — может, там надо ещё сложить вторые буквы, или последние?

— Есть ли у вас шахматы? — спокойно спросил Тафари.

— Да, — кивнул Джон. — И довольно старые — это тоже реликвия нашей семьи. В детстве отец играл со мной каждый вечер по партии. Он говорил, что шахматы развивают мозг, — поэтому, когда Бернис подросла, мы тоже стали продолжать традицию вечерних игр, но теперь уже с ней. Дочь, почему мы её забросили?

— Не знаю, — пожалла плечами Бернис, — я часто вспоминаю наши шахматные вечера, было интересно.

— Там в коробке, правда, не хватало пары фигур. Но мы их заменяли пробками из-под вина, — сказал Джон.

Джон подошёл к большому шкафу в гостиной. Он открыл его, порывлся в пыльном нутре и выудил оттуда огромную коробку с шахматами.

Визидары окружили Джона, рассматривая фигурки. Красивые резные короли, ферзи, пешки. На одной чёрной пешке обнаружилась печать в виде герба. На ней на фоне щита сидел человек, державший в руках палочку и шар. Окружали его 10 символов.

— Это знак Медиката — столицы визидаров, — воскликнул Тафари.

— Неужели он и правда где-то существует? — удивился Джон.

— Да, — подтвердил Тафари. — Возможно, он и сейчас стоит где-то прежним — красивый город наших предков. Мой дед рассказывал, что этот город необычайной архитектуры... А может, Медикат давно разрушен. В любом случае, нам нужно туда вернуться.

— Если эта пешка тол или ауксил, что же нужно с ней сделать? — спросила растерянная Бёрн, крутя в руках фигурку.

— Надо подумать, — сказал Тафари, — за свой долгий путь, мы уже успели убедиться, что всё происходит неожиданно. А пока нам надо собираться в дорогу.

— Есть ли у вас здесь по близости рынок, чтобы закупить снеди? — поднял любимую тему Стурла.

— Да. Мне и самому надо подкупить продуктов тоже. Поедем после завтрака, — сказал Джон.

Визидары проверили работу толов, которые набрались сил и действовали, как раньше. Заодно они сделали Джону в подарок кошелек с золотыми монетами, чтобы он ни в чём не нуждался, когда они его покинут. Но больше силу толов не расходовали. День только начинался и ещё неизвестно, где они могли сегодня понадобится.

Когда все завтракали, устроившись, кто где в гостиной, Тафари задал Джону и Бёрн самый главный вопрос:

— Куда мы будем держать путь дальше?

— Мы не знаем, — покачал головой Джон, — бабушка говорила, что когда найдётся то, о чём говорится в книжке, мы всё узнаем. И вот пешка нашлась. А мы не узнали практически ничего.

— Постойте, — воскликнула Мэдлин, — надо вернуться к шахматам.

Они снова обступили деревянную коробку, в которой нашли пешку.

Шахматная доска была очень красивой. На каждой клетке был выбит знак визидаров. На чёрных квадратах проступал красный узор, а на белых — лимонный. Расставили на доске фигуры. Но, действительно нескольких не хватало, как и чёрной пешки, которая теперь была у Бёрнис. Она выудила её из кармана и поставила на шахматную доску. Сели вокруг и стали думать. Но ничего не приходило в голову. Кто-то предложил принести куклу.

Принесли. Положили игрушку рядом с доской. Но, конечно, опять ничего не случилось.

Тафари предложил попробовать куклу «разбудить» с помощью их толгов. Но ни один на неё не действовал. Зато когда Итиро вытащил Огненную палочку и направил на куклу, её свет попал на шахматную доску.

И тут же все фигуры сдвинулись в сложную комбинацию. Теперь стало понятно, почему в коробке были не все шахматы — для этой партии некоторые из них просто были не нужны.

Все склонились над игральным полем.

— Помните последнюю страницу книжки? — тихо сказала Бернис, — «белая победа укажет дальше путь». Теперь совершенно ясно, что эту партию надо доиграть, пока не победят белые.

— Не получится — через один ход белым будет шах и мат, — покачал головой Тафари, — вот если бы начать всё сначала, тогда было бы проще.

Но когда они пытались сдвинуть шахматы на первоначальные места, те снова возвращались на старые позиции и стояли там как влитые.

— Так вот что означало: «закончи начатое много лет назад»! — поднял руку Стурла, — видимо, это партию начали именно тогда. А нам сейчас заканчивать... Вот интересные дела... А некоторые то и играть не умеют, — надулся он.

— Ладно, попытаемся так, — сказал Итиро и сел перед чёрными.

Напротив него устроился Джон.

Партия была сложной. Остальные сидели вокруг, и следили за игрой, затаив дыхание. Стурла, не умея играть, пытался подсказать то одной, то другой стороне, но в конце концов, сердито выскочил на веранду, и нервно там бегал, заглядывая в окна.

Победил Итиро. Белый король упал.

И тут же все фигуры плавно передвинулись и встали на место, с которого партия началась.

Играли снова и снова. Менялись местами. Но из той конфигурации фигур, которая складывалась на доске, победить белыми было невозможно.

Стурла, кажется, вырвал себе пол бороды от волнения, Мэдлин нервно кусала губы. Мужчины ходили по комнате. Но вот опять очередная партия закончилась проигрышем белых, и шахматы снова вернулись на свои места.

— Надо просто отдохнуть и подумать, — вздохнул Тафари.

— Поедем на рынок, — предложил Джон. — Вернёмся и попробуем ещё.

Он пошёл запрягать в повозку молодую лошадку.

Когда Джон, Итиро и Тафари уехали, и за ними на дороге улеглась пыль, Бёрнис и Мэд поднялись наверх собирать вещи. На ферме, сторожить девушек, остался Стурла. Он вытащил топорик и расхаживал по веранде, грозно глядя из-под своего шлема на окрестности.

Иногда Стурла заходил в дом и косился на шахматы. В очередной раз, заглянув в гостиную и, наконец, решившись, он подошёл, подвигал фигуры, но когда те опять встали на места, вздохнул, покачал головой и вышел.

Троица же быстро доехала до сельского рынка. Он находился в пригороде Эль Дорадо. Джон Холл поставил лошадь с повозкой на углу площади и, прихрамывая, пошёл к ближайшей лавке.

Перед входом в магазин стояли несколько мужчин, среди которых мелькнул Редли — фермер, живший недалеко от Джона. Это был белый полный мужчина в засаленной майке. Чернокожего соседа он недолюбливал, считая его человеком второго сорта. Поэтому всегда, когда мог, гадил ему. Вот и сейчас, когда Джон поднялся на крыльцо, фермер незаметно сделал соседу подножку, и тот полетел на землю, отчего Редли и стоявшие рядом заржали.

Подбежали Итиро и Тафари. Они помогли Джону подняться.

— Сколько бы ты здесь ни жил, Джон Холл, ты никогда не станешь таким, как мы, — сказал Редли и толпа одобрительно загудела.

— А почему вы думаете, что он хочет становиться такими как вы? — спросил Итиро, — вряд ли такого горя кто-то для себя хотел бы специально.

Смеявшиеся замолчали, а лицо Редли налилось кровью.

— Молчи, узкоглазый щенок! И ты, чёрный дылда, — Редли кивнул Тафари, — чего уставился? Хватит буравить меня взглядом. Убирайтесь отсюда. Вам здесь не рады. Это город для белых людей.

Тафари сжал кулаки и хотел ему поднадавать, но его остановили Джон и Итиро.

Троица зашла в лавку, и Джон стал покупать то, что планировал. Пока они ходили по рядам и выбирали товар, Тафари спросил у Джона:

— Как ты останешься здесь один?

— Ты про Редли? В основном он один так себя здесь ведёт, остальные не такие агрессивные. И потом, ты же знаешь, на ферме у меня есть оружие.

Тафари промолчал. Казалось, ответ Джона его удовлетворил. Но когда они, расплатившись, вышли из лавки, Джон и Итиро понесли мешки с товарами за угол в повозку, Тафари неожиданно встал рядом с Редли и его собеседниками и, глядя вверх, заговорил тарабарщину. Он то пришёптывал, то выкрикивал некоторые слова. Со стороны казалось, что Тафари прочищает горло и одновременно пытается петь на незнакомом языке.

— Смотрите, — заржал Редли, показывая на него — придурок сошёл с ума. У него приступ. Я же говорил что все эти черномазые дурные!

Но вдруг над головой Тафари стали кружиться осы, пчёлы, шершни. Постепенно они собирались в маленький смерч. Следопыт замолчал и рой насекомых резко сорвался с места. Он налетел на Редли и стоявших рядом с ним. Насекомые облепили их со всех сторон и стали жалить. Люди разбежались по площади, они орали и махали руками. Кто-то нырнул в бочку. Редли, подскользнувшись, упал в большую навозную кучу, но она его и спасла. Когда Тафари посчитал достаточным, он дал команду и насекомые разлетелись в стороны. Через секунду вокруг было пусто, словно роя и не было.

— Так будет всегда, — сказал Тафари, склонившись над орущим и катающимся по дороге грязным Редли, — всегда и с каждым, кто обидит Джона и подобного ему. Ты понял?

Редли мелко затряс головой, встал на четвереньки и на полусогнутых руках пополз от Тафари под крыльцо лавки.

А Следопыт двинулся за угол к друзьям, которые уже сложили груз и ожидали его, сидя в повозке.

Когда компания вернулась на ферму и Бёрнис позвала всех к ужину, заметили, что Тафари куда-то исчез. Его стали искать.

Вдруг Мэдлин сказала:

— Смотрите!

И показала в окно на задний двор. Там, посередине пшеничного поля, стоял, раскинув руки, Тафари. Над ним кружил целый смерч из птиц и насекомых. Наверное, все виды, кого можно было встретить в этих краях. Вокруг Следопыта шевелилась трава, хотя никого в ней не было видно. Тафари что-то говорил. Обращаясь то к небу, то к земле.

Визидары наблюдали за этим с крыльца, но не подходили, чтобы не мешать Следопыту. Скоро он опустил руки, и все животные разлетелись и расползлись.

Когда Тафари поднялся на крыльцо, он сказал:

— Теперь мы можем уезжать со спокойной душой. У Джона будет защита и помощь.

Все пошли в дом, а Мэдлин тихо спросила у Тафари:

— Скажи честно, мы можем с помощью амулета понимать животных, а ты ими ещё и управляешь? Ведь они нас так не слушают, как тебя.

Но Тафари лишь загадочно улыбнулся в ответ.

— Это сила моего рода, — сказал он. — Недаром же мы всегда были Следопыты, хотя, отец говорил, что в Визидарии мы такой силой и не обладали. Надеюсь, всё же, что и там я смогу общаться с животными.

Во время ужина ни о чём не могли говорить, кроме шахматной партии, поэтому после еды все снова пошли к столу, где стояла доска с фигурами. Опять играли, меняясь местами. К трём часам ночи Стурла и Мэд уснули, прикорнув на диване.

Тафари покопался у себя в мешке и достал связку кореньев, похожих на высушенные пальцы. Он пошёл на кухню, взял кастрюлю, налил туда воды и кинул в неё корешки.

Вода вспыхнула, забурлила. Он помешал напиток крылом мыши, разлил по стаканам и поставил их на поднос.

— Господи, — шумно втянула воздух Бёрнис, — честно говоря, пахнет так, как будто ты жёг грязные тряпки.

Следопыт же протянул ей стакан и сказал:

— На вкус не так страшно. Это не даёт уснуть и проясняет голову. Берите и вы, — он положил поднос перед остальными.

Все стали пить. Напиток был кисловатым, но в остальном сносным.

В голове действительно прояснилось. В очередной заход перед шахматной доской сели Тафари и Итиро с одной стороны, Джон и Бёрнис — с другой. Сделали по ходу, и вдруг Тафари хлопнул себя по лбу, схватил ту самую волшебную чёрную пешку, сдвинул её по диагонали и крикнул: «Вот же как надо было ходить! Шах и мат!»

Фигура белого короля подскочила и упала. А на той самой чёрной пешке засветилась надпись: «Aperta».

Бёрнис прочитала её вслух и тут же там, где должен стоять белый король, выдвинулся до этого незамеченный маленький ящичек.

В нём лежала изящная деревянная рыбка, блестящая подкрашенной чешуёй. На одном из её бочков была

вырезана надпись, гласившая: «семейство рыбаков Руис, Носабá, Мексика».

— О, так вот для чего у нас на чердаке хранятся подробные карты Мексики! — воскликнула Бёрн, — пойду поищу их, но они точно там были. Я играла ими всё детство.

И она убежала наверх.

...Когда рано утром Стурла проснулся на диване в гостиной, вокруг шла суета. Обычно он вставал рано, но сегодня заспался. Все давно уже вели сборы в путь.

Итиро сосредоточенно изучал найденные Бёрнис карты Мексики в поисках города Хокаба. Тафари чистил свой пиджак. Джон помогал дочери собирать вещи.

— Мы знаем, куда сегодня отправляемся, — весело сказала гному Бёрнис, — в Мексику.

Она показала рыбку и стала рассказывать о сыгранной и, наконец, законченной ночной шахматной партии.

— Нашёл! — радостно воскликнул Итиро, тыча пальцем в бумагу.

Все собрались у карты. Да, действительно, на мексиканском полуострове Юкатан нашёлся небольшой городок Хокаба.

— Если это семья рыбаков, то живут они у воды. Но вот что странно, — почесал бороду Стурла, — ведь рядом с этим городком нет ни моря, ни приличной реки. Как это понимать?

— Выясним на месте, — успокоил его Тафари, — Джон позвонил на станцию и узнал, что поздно вечером отъезжает нужный нам поезд. Сейчас же мы пойдём спать. Всем надо отдохнуть.

...Когда к вечеру все собрались внизу, вещи были уже собраны. Мэдлин положила к себе в сумочку и то, что приготовила в дорогу Бёрнис. Девушки теперь постоянно держались вместе.

— Как хорошо, что вы сдружились, — улыбнулся Джон, — твоя мама, Мэд, была бы счастлива.

Мэдлин кивнула.

— Надеюсь только, что она с Тиной сейчас вместе. И им хорошо, — тихо сказала она, опустив голову.

В комнате повисла тишина. Только Стурла пыхтел, начищая свой шлем. Когда он закончил, то соскочил с дивана и сказал:

— Всё, можем отправляться.

И компания двинулась во двор. Там их уже ждал Джон и сложенные в повозку вещи. Поехали на станцию, и всю дорогу Стурла напевал песни, отчего на душе у других визидаров становилось легче — под его пение предстоящие трудности казались приключениями.

Успели купить билеты, попрощались с Джоном и сели на поезд, заняв целых два купейных отсека. Бёрн долго махала отцу, пока дым паровоза не скрыл полностью вокзал.

Мэд и Стурла, как маленькие дети, долго спорили, кому сидеть у окна. В итоге, Стурла победил, открыл окно и подставил ночному ветру бороду. Никто не хотел спать. Они тихо болтали под стук колёс, Бёрн задавала вопросы о прошлом визидаров, о том, на какие племена они делились, а Тафари рассказывал ей всё, что знал.

На второй день поездки всем начало казаться, что поезд тащится слишком медленно. Солнце застыло в зените, словно приколоченное, и пекло на полную катушку. Ничто не спасало от жары. За окном мелькали жёлтые, будто подгоревшие пироги, поля. Вагоны нагрелись, и каждый себя чувствовал, словно в печи. Только Тафари было привычно в этом пекле. Стурла, покопавшись в карманах, выудил колоду затёртых карт и сказал, обращаясь в Тафари:

— Я, конечно, так как вы, в шахматы не умею. Но со старушкой Дэгни мы частенько по вечерам перекидывались картишками. Давай, сыграем?

Тафари не отказался, но когда он выиграл у гнома шесть раз подряд, Стурла надулся, спрятал колоду обратно, забрался на полку и всю оставшуюся дорогу дремал. Иногда он открывал один глаз, как старый деревенский кот, и наблюдал за тем, как остальные развлекаются. А им было чем заняться.

Визидары превратили купе поезда в мастерскую. Компания каждый день трудилась над ауксилами. Но их ждало неожиданное открытие: толы иногда действуют и на обычные предметы. Например, Фонариком можно было воду превратить в сладкий шипучий лимонад, всегда разный. А Огненная палочка часто видоизменяла еду. Правда, тут надо было быть осторожнее и приноровиться — дважды палочка за мгновение ока превращала блюда в угольки. Но из кусочков сахара она делала забавные вспененные леденцы. Из куска хлеба можно было получить удивительный слоёный пряник с зелёными желейными прожилками. Они его называли Оживающим. Потому что сначала пряник вскакивал, подпрыгивая, не хуже Стурлы, а потом, засахарившись, падал на стол. Но самое важное открытие сделали браслетом гнома: если им потрясти над оружием сначала с заклинанием серебра, а потом золота, оно становилось ещё более прочным, острым.

За время дороги каждый изготовил себе пояс, на котором был прикреплен его тол. Итиро назвал это Поясом Ремесленника и очень гордился своим, на который повесил Огненную палочку и меч.

Когда пятеро друзей, наконец, вышли на нужной им станции, у каждого, кроме Стурлы, на шее висел Переводной медальон, а на поясе — Неиссякаемый кошелёк.

— Ничего, скоро и у меня появится свой медальон, — оглядев других, сказал гном, — Жаль, что толпы не могут работать бесконечно, и им нужны перерывы. А пока Мэд, дай мне свой. А то ведь до Хокабы ещё надо доехать.

Он протянул руку к её медальону. Надел его и пошёл к рядам у вокзала, где шла бойкая торговля. Там, поторговавшись с суровым мексиканцем в большой широкополой шляпе с загнутыми краями, Стурла купил еды и повозку с двумя лошадьми. Ещё и его шляпу выпросил. Вернулся к своим он уже с повозкой, надев прямо на шлем огромную шляпу, отчего стал похож на гриб.

Визидары побросали в повозку вещи и поехали, ориентируясь на скудные указатели. В дороге больше приходилось рассчитывать на подсказки прохожих, которые удивлённо смотрели на разномастную компанию. Их принимали за бродячих артистов. Особенно, когда Стурла горланил песни.

Пользоваться бамбуковой палочкой Итиро пришлось часто. Все изнывали от жары, а палочка давала вдоволь прохладной чистой воды, словно из самых недр земли.

Ночевать остановились в заброшенном поле. Мэд достала из сумочки платку и инструменты, Стурла поохал, что «собирать конструкцию долго и уж лучше так, по старинке просто завалиться под куст, погода то вон какая хорошая». Но, друзья, привыкшие за долгую дорогу к его беззлобному ворчанию, будто бы не слышали. Визидары быстро собрали палатку и обустроили себе ночлег, разведя и костёр.

Поужинали. Девушки легли в палатку, положив подушки у входа, чтобы видеть сидящих у костра мужчин. Когда разговоры стихли, Мэдлин вдруг задумчиво спросила:

— Вам не кажется, что наши предки визидары были не дураки. Они разделили нас всех и разбросали среди людей не просто так. Как вы думаете, почему? Чтобы защитить нас. Дать нам спокойную жизнь.

— Но они верили, что когда-нибудь мы объединимся, — сказал Итиро.

— Откуда такая уверенность, что у них был именно этот план? — спросила Мэдлин, подбивая поудобнее подушку.

— Иначе они бы разрушили все ауксилы и толпы. Не оставили бы цепочки адресов и подсказок, — уверенно сказал Итиро, помешивая угли в костре и добавил, — посмотри, ты думаешь, совпадение, что у каждого из нас практически нет семьи, а те кто нам дороги, погибают при странных обстоятельствах? Ты думаешь, малумы дадут нам жить?

Мэдлин покачала головой:

— Да, Итиро, ты прав.

— Ну что, Стурла, пришло время сделать последний медальон, для тебя? — сказал Тафари, снимая своё крыло.

Когда медальон был готов, Стурла с радостью повесил его на шею.

Девушки, уставшие от бесконечной дневной жары и палящего солнца, плававшего, словно блин в растопленном масле, быстро уснули, обласканные ночной прохладой. Остальные остались их сторожить. Тафари постоянно светил в темноту, выглядывая малумов. Но на его свет пришли лишь три койота. Они протявкали, что малумов не видели в этих краях уже больше ста лет. И малумы здесь, скорее предания, которым пугают детей.

Итиро угостил койотов мясом, они пообещали сторожить лагерь, и мужчины тоже улеглись спать. Только Стурла всю ночь не сомкнул глаз. Он поглаживал Переводной медальон и вслушивался в темноту. Ему нравилось понимать голоса животных. Они не умничали, как другие. Говорили простые понятные вещи. И Стурла до рассвета слушал перекрикивания ночных птиц о том, кто сколько наловил мышей.

Закрыв за собой маленькую дверцу, Алаун вылезла из-под висящих платьев и оказалась в гардеробной. Она встала с колен, отряхнулась и оглядела длинные ряды одежды, которой была набита небольшая комнатка. Тут были наряды всех стран мира: и красивые старинные платья, покрытые рядами кружева, и японские шёлковые кимоно, и расшитые китайские рубашки. Шубы разных фасонов, шляпки, пальто, вуали.

Алаун выбрала наряд — синее шёлковое платье, и, сняв халат, осталась в диковинном одеянии: оно было похоже на корсет с пришитыми к нему лентами, которые то сплетаясь, то расплетаясь, обвивали её руки, ноги и шею. Это странное бельё Алаун сшила себе сама, когда она скинула и его, то стало ясно, почему. Каждая лента скрывала тонкий шрам на коже девушки.

Она подошла к зеркалу и предалась занятию, с которого начинала почти каждый день: разглядывая своё отражение, Алаун пыталась отгадать — из скольких визидарок её создали?

Конечно, Алаун была совершенна: и бледное лицо, и длинная шея с покатыми плечами, и изящное тело, и волосы, струившиеся до пола мелкими золотисто-рыжими волнами, и даже руки с маленькими пальчиками на которых были необычные ногти в виде закруглённых сердечек. Но разве всё это было её? Вот эти пальцы — кому они принадлежали? Кто она? Кто?

Алаун задумчиво расчёсывала волосы.

Наконец, она вздохнула, решительно позвонила в колокольчик, и вскоре в комнату вплыла Рейчел.

— Вам помочь одеться, мисс? — тихо прошелестелавошедшая женщина.

— Да, — кивнула ей Алаун.

Рейчел отстраненно сняла с вешалки платье и подошла к хозяйке.

Алаун наблюдала за женщиной в зеркало. У Рейчел, как и остальных консунтов, живущих в Дагхэде, был ещё один шрам — вокруг лица, уходивший под волосы. Вот только у самой Алаун такого шва не было. Порой девушка задумывалась: почему? Иногда, когда Рейчел высоко поднимала руки, оголялись и остальные её шрамы — более неровные и неаккуратные, чем у самой девушки. Но, казалось, Рейчел это волнует мало. Сейчас она сосредоточенно завязывала длинную шнуровку на спине Алаун. Когда были уложены волосы и надеты драгоценности, служанка отошла к двери и покорно спросила:

— Что доложить Хозяину? Вы спуститесь к ужину?

— Да, — опять кивнула Алаун.

Рейчел поклонившись, тихо вышла из комнаты. Ун смотрела ей вслед. Здесь эта женщина была ей самым близким человеком. Иногда, очень редко, они даже болтали, словно подруги. Но всё же, как и остальные консунты, Рейчел чаще всего пребывала в прострации, мало говорила, выглядела по большей части подавленной и забитой. На её небрежно пришитом лице ничего не отражалось — мимика у консунтов отсутствовала. И Алаун старательно училась у них владеть лицом. Живя в Дагхэде, это было необходимо.

Служанка же, затворив за собой дверь, пару секунд постояла, прислушиваясь, потом кинулась вверх по коридору. Дела не ждали! Рейчел была здесь главной по хозяйству и руководила другими работниками: теми, кто трудился на кухне, кто прибирал комнаты, обслуживал Хьюго и его приближённых. Но Алаун она прислуживала сама. Рейчел нравилась эта девушка, но служанка не понимала, отчего та, в выгодном положении, при своей красоте, всегда грустна.

«Видно, мозги мне достались от какой-нибудь весёлой работающей служанки, а ей — голова меланхоличной особы, — обычно думала Рейчел, выходя от Алаун. — Вечно она сидит часами в гардеробной, может целый день выбирать себе наряд. Странная. Плачет украдкой постоянно. Нет в её глазах покоя. Я вот в душе всегда спокойна, меня, не терзают сомнения, как её. Радуйся, что живёшь, пусть и сшитая из частей. А впрочем, скорее всего, всё это у госпожи это от слишком большого количества свободного времени...»

«Да, все мы здесь — соединения из осколков чужих, разрушенных судеб, — думала в это время Алаун, сидя на кровати и безвольно сложив на коленях руки. — И Джейкоб, и Тим, и Рейчел, и все те остальные, кто тут работают. Да и сама я. Кто я? Кто мои родители? Я всего лишь консунта».

Эти тяжёлые размышления накрывали её после снов. Или это были и не сны вовсе, а видения? В этих кошмарах Алаун накрывал калейдоскоп хаотичных обрывков. Фразы, образы, звуки, боль: её резали по живому, разрубая на части. Из тьмы представляли незнакомые лица. Они истошно кричали. Эти сны возвращались к ней снова и снова, заставляя тело Алаун биться в конвульсиях. После она вставала вымотанной и больной. Её трясло и мутило. Но что хуже — мучили тысячи мыслей, смешанных меж собой многоточиями и знаками вопросов.

Однажды она спросила Рейчел, снятся ли той сны. Служанка покачала головой — консунты не могут их видеть. Только черноту. Но Ун то их видела! А Рейчел объясняла, что всё это фантазии впечатлительной девушки.

Алаун встала, и, тяжело вздохнув, направилась в столовую. Она шла по тускло освещённым каменным коридорам, спускаясь вниз. Окон нигде не было. Какие окна в глубоких подвалах замка? Да и зачем они были

нужны Алаун? Больше всего на свете она мечтала увидеть рассвет, но знала, что солнечные лучи испепелят и убьют её. Как и любого консунта. Каким бы жестоким ни был Хьюго, он всегда ей об этом напоминал, боясь, что Алаун нечаянно себя разрушит.

Когда девушка зашла в зал, то сэр Хьюго Вендиго Хармус уже восседал на своём месте. Он скривил рот в скупой улыбке.

— Садись, — кивнул он ей на стул, — сейчас спустятся другие.

И Хьюго тут же углубился в какие-то записи.

Алаун присела на краешек стула и привычно оглядела парадный зал. Здесь всё ей безумно надоело. Но каждая вещь была дорога самому Хьюго. Их запрещалось менять или передвигать. А Алаун казалось, что это не зал, а склад безумного старьёвщика, который стащил сюда самые дорогие вещи из своей коллекции: теснившие друг друга резные комоды, пыльные кресла, дорогие гардины, обшитые тяжёлой бахромой, невпопад расставленные скульптуры. Над всем этим висело с десятков разномастных люстр, блестящих подвесками, одна богаче другой. Везде со стен взирали портреты с угрюмыми, надменными лицами. Впрочем, здесь, в подzemелье Дагхэда, почти каждая комната была обставлена так.

Девушка опять вздохнула и украдкой посмотрела на массивную фигуру Хьюго. Он читал, бормоча себе под нос. Весь его вид: взлохмаченные волосы, серое вытянутое скуластое лицо, маленькие глаза без ресниц, ходившие ходуном желваки и поддрагивающие тонкие губы, выражал беспокойство. Алаун не посмела задавать вопросов — в таком состоянии Хьюго был непредсказуем.

Так они и сидели в тишине, пока не вошли профессор и его помощник Тим. Тогда Хьюго оживился. Только этих двоих Хозяин выделял и приближал к себе чаще других консунтов. К остальным он относился пренебрежительно. Сколько их было здесь? Пятьдесят? Сто? Ун не знала, но все консунты исправно работали на Хьюго. Были его рабами.

Рейчел с помощницей внесли еду и разложили по тарелкам. Алаун вяло ковырялась вилкой в салате, прислушиваясь к разговорам мужчин.

— Тим, малумы сыты? — поинтересовался сэр Хьюго.

Тим, тощий, сутулый, с вечно воспалёнными глазами, утвердительно качнул головой, набивая рот едой.

— Ну, как продвигается, Джей? — обратился Хьюго теперь уже к профессору.

Лохматый профессор отложил вилку, поправил сбившуюся на бок бабочку, отряхнул сюртук и сказал:

— Продвигается, Хозяин, насколько это возможно, но сложно творить волшебство практически с чистого листа, как я уже не раз говорил. В любой науке всё развивается поступенчато — от простого к сложному. Вы слишком много требуете... Вы ждёте от нас слишком быстрых результатов.

И профессор Джейкоб качнул седыми бакенбардами, блеснув стёклами очков. Его ответ не понравился сэру Хьюго. Ребром ладони он сбил со стола бокал. Подбежала Рейчел и стала собирать осколки.

— Это ты стал слишком смелым, Джи, — прогрохотал сэр Хьюго, — может, уже пора на покой, раз тебе так тяжело работать? Вниз, к малумам?

Все за столом застыли. Даже у Рейчел задрожали руки.

Каждый из них в своё время заглядывал в нижние подвалы, и все совершенно точно знали, о чём речь. Сэр Хьюго любил этот аттракцион — показывать консунтам малумов. Алаун передёрнулась. Она вспомнила жуткий мерзкий звук, который можно было услышать при приближении к двери, отделявшей малумов. Звук лакания тысячи языков. Звук сосущий, уничтожающий. Животный и беспощадный. Словно полчище огромных пиявок впились в чьё-то тело и истязают его.

Малумы жили в огромном тёмном святилище, где у одной из стен был дыра. Там заканчивался глубокий колодец, тянувшийся сверху. Из колодца к малумам стекала чёрная жижа, приносимая кармами — чёрными душами. Когда то Хьюго подчинил их себе при помощи силы Амулета Мощи. Кармы летали по свету, питаясь грехами и человеческими страстями. Они приносили впитанное зло к колодцу и выливали вниз. Жижа разливалась пятном на полу, и малумы, чавкая, постоянно её слизывали. Вечно голодные демоны.

Кинь в святилище человека или визидара, они гибли. Но если запереть там консунта, сколько бы он ни держался — неделю, месяц, в конце концов, от безысходности начинал пить чёрную жижу. И постепенно мозги консунта растворялись, он терял память, менял облик, превращаясь в малума.

И дальше он жаждал лишь наесться жижи и напиться крови визидаров. Это превращалось в чёрный смысл его жизни. Так что любого неудачного консунта можно было быстро превратить в послушную агрессивную массу — малума.

Консунтов Хьюго считал своим лучшим изобретением. Он научился их шивать из кусков визидаров или людей. «Отличная рабочая сила, — хвалился Хьюго, — а главное, можно собрать нужные тебе качества в одном консунте из визидаров по частям, словно собирать мозаику». Сколько же их погибло? Людей... визидаров? Хьюго был равнодушен к таким мелочам, как число затраченного материала, его всегда интересовал лишь результат. Как-

то он объяснил Алаун, что создавая консунтов, открыл закономерность: чем больше фрагментов чужих тел используется, тем сильнее подавлена их воля и выше послушание. Сейчас, глядя на трясущегося профессора Джейкоба, Алаун понимала, что тот испытывает — она и сама от слов Хьюго цепенела. Его приказы довели над разумом и сопротивляться им было сложно.

— Так ты хочешь к малумам? — повторил Хьюго.

— Нет, сэр. Мне нравится работать. Я полон сил и идей, — дрогнувшим голосом ответил профессор, — мы стараемся с Тимом. Я лишь хотел сказать, что мы обязательно добьёмся успеха. Обязательно!

Хьюго успокоился так же внезапно, как и завёлся. Его лицо просветлело, и он обратился к Алаун:

— А ты чем занималась сегодня?

— Немного читала и вышивала. Как всегда. И много думала.

— И о чём может думать такая хорошенькая головка? — спросил у неё Хьюго.

— Я думала о том, что у нас нет даже фамилий.

— У кого — у нас? — уточнил Хозяин.

— У консунтов.

Джей с Тимом бросили быстрые взгляды на Алаун и снова застыли.

— Меня лично это никак не беспокоит, — быстро сказал Профессор.

Тим закивал, поддерживая Джейкоба.

— Выбери любую фамилию, — дружелюбно предложил девушке Хьюго.

— Это неправильно. Не имеющие фамилии, вырождаются. Это словно дерево без корней — простоит, сколько сможет, и погибнет, — сказала Алаун, а потом печально добавила, — все консунты погибнут.

— Ты же знаешь, Алаун, я не люблю, когда ты себя так называешь, — приподнялся Хьюго. — И потом, чем ты недовольна? Я создал профессора и Тима из умнейших визидаров. А тебя — из самых красивых. Ты даже представить себе не можешь, чего мне это стоило! Ты — самая дорогая вещь в этом доме!

Он подошёл к ней и взял за лицо.

— Это всё эти глупые романы, которые ты бесконечно читаешь. Я, конечно, горжусь, что у меня самая шикарная библиотека. Лучше её только библиотека Стоунбона. Но... Но и она когда-нибудь будет моей... Романы задурили тебе голову. Подумай о том, Алаун, что ты — прекраснейшее создание на Земле. И никогда не состаришься. Всегда будешь молодой. А со временем мы с профессором обязательно найдём способ, чтобы твоя кожа могла выносить солнечные лучи. И я отстрою тебе лучший замок на берегу.

Он взял её за кисть.

— Посмотри на эти изящные пальчики. Разве ты видела более совершенные руки? Я помню ту визидарку, которой они принадлежали. Она продавала хлеб. Когда я увидел эти пальцы, то понял — они должны быть у тебя...

Алаун, застыв от ужаса, аккуратно вытащила свою руку из его ладони. В эту секунду она была рада, что умеет управлять лицом, которое сейчас не может выразить всей гаммы её эмоций.

Девушка подняла на Хозяина глаза и спросила:

— Можно я пойду прогуляться? Ведь там, наверху, уже стемнело.

— Да, конечно, иди, — разрешил сэр Хьюго.

Алаун встала и двинулась из зала. Хозяин же бросил ей в спину:

— Но недолго, чтобы не пришлось посылать за тобой Кармов.

Алаун вздрогнула, и молча вышла.

Сейчас она находилась на третьем этаже под землей. Вниз вели лестницы в мастерские, где обычно сутки напролёт проводили время профессор и Тим. Ещё ниже, среди лабиринтов узких длинных проходов, было и другое помещение. Святилище. В нём копошились малумы. Даже через два этажа, Алаун казалось, что она слышит их шуршание.

Весь подвал замка был пронизан тайными ходами. Одним из таких лазов сейчас и воспользовалась Алаун. Девушка откинула гобелен и нырнула в узкую щель, откуда вела винтовая лестница прямо в её спальню.

Оделась потеплее и по кривым переходам Алаун, наконец, выбралась наружу. И оказалась в развалинах.

Здесь когда-то был замок предков сэра Хьюго. Дагхэд. Но после Ужасной битвы о величии построек теперь напоминали лишь руины бального зала с остатками фресок на стенах, да высокие каменные своды резных окон. В одной из ниш чудом остался целым древний витраж. Алаун любила рассматривать его, ставя за стекло фонарь. От бликов света на витраже оживала сценка: девушка водружала корону на преклонившего колена рыцаря. Кто они были друг другу? Алаун не знала.

Однажды Алаун спросила у Хьюго, почему имея столько работников, он не восстановит Дагхэд? Хозяин объяснил все заботой о малумах и самой Алаун. Мол, жить на поверхности опасно — там солнце. Но Ун казалось, что есть иная причина, почему Хьюго не восстанавливает замок. Страх. Под землей ему было спокойнее и проще.

На протяжении десятков лет любимым занятием Алаун было исследование развалин Дагхэда. Она блуждала

среди камней в поисках вещей. Как будто с ними Алаун собирала кусочки памяти. Любая находка для неё была сокровищем. Чашки, чернильницы, обрывки одежды... Кому они принадлежали? Что значили для хозяев?

Однажды Алаун нашла кованую люстру и попросила Хьюго устроить в подвалах танцевальный зал. Люстру починили и повесили в пустой комнате. Порой, закрыв глаза, Алаун танцевала в этом зале, и как будто что-то вспоминала. Обрывки разговоров, движения. Но принадлежали ли эти осколки памяти ей, или чужим телам, из которых она была сплетена, Алаун не знала. Иногда ей чудилась женщина, гладившая её по волосам. Порой она слышала смех девушек. Алаун представлялось, что они бегут за ней по витой лестнице меж домов высоко в горах. В такие мгновения Алаун была почти счастлива. Словно действительно вот-вот и поймает за шлейф ускользающие воспоминания.

Но сегодня девушка не пошла бродить по развалинам. Сквозь дыру в заборе она выбралась за пределы замка и отправилась к скалам. Было темно, но Алаун хорошо знала дорогу. Она могла бы пройти её даже с закрытыми глазами. Справа земля обрывалась в холодное море. В укромном месте до воды можно было спуститься по узкой лесенке. Но только в хорошую погоду. Сейчас же было ветрено и море билось о камни так, что брызги иногда долетали до Алаун. Но она лишь сильнее укуталась плащ и решительно зашагала вперёд.

Показались выступы скал. У их подножия начинался Забытый лес.

Алаун поднялась на холм и даже через шум моря услышала хлопанье больших крыльев. Домой возвращались кармы. Говорят, для людей они были невидимы, как малумы для визидаров.

Кармы тоже были созданиями Хьюго. Их он сшивал из мраков.

Увидев кармов, девушка поёжилась. Они походили на огромных тёмных птиц с рваными крыльями. Сбившись в стаю, кармы напоминали густую тучу — словно в воду капнули чернил и теперь они, колеблясь, расползаются, заполняя собой пространство. Но страшнее всего были их лица — фарфоровые маски с идеальными пропорциями. Бледные, безжизненные и от этого бездушные. Вместозрачков на них зияли дырочки — две маленькие бездны. Они притягивали, гипнотизировали. Но лишь взглянешь в них — засасывали сознание, все в голове мешали, переворачивая с ног на голову.

В мире людей, куда кармы летали питаться, они всегда собирались в местах зла, бед и боли. Кармов тянуло туда, где мелькала искра ссоры или порока. Они их раздували. И люди начинали скандалить, срывать и ненавидеть друг друга. Обжору кармы толкали кинуться на еду, пугливого — струсить, супругов — ругаться, мать — стукнуть дитя. А потом, когда всё это происходило, кармы приоткрывали фарфоровые рты, жадно впитывали дурные человеческие эмоции, и, разбухнув, отяжелевшие, возвращались в Дагхэд. Они, словно злые пчёлы, жалили человека в самую душу. Только пчёлы собирают нектар, а эти питались падалью: сюда несли людские слёзы и слабости.

С холма Алаун было видно, как стая кармов подлетела к колодезю и стала сливать туда тёмное месиво человеческих страстей. Масса всхлипывала. Раздавались крики, стоны, но попав в колодец, жидкость густела, остывала, и на дно оседала уже мёртвая чёрная жижа. А там, внизу, её ждали малумы.

Однажды Алаун заглянула в колодец и увидела, что он наполнен почти доверху. Чернильная масса источала нечто ужасное, пугающее, от чего кровь стыла в жилах. Лицо Алаун исказилось, волосы встали дыбом... Из глаз брызнули кровавые слёзы. Она еле отползла от края колодца. И больше туда не подходила, боясь пережить это вновь.

Алаун отвернулась и углубилась в Забытый лес. У неё была своя тайна. Секрет. Именно здесь была её работа, которую она назначила сама себе. Это дело придавало смысл её существованию.

Она шла по редкому лесу, но с тёмных дорожек не сходила. Насколько хватало глаз, вся земля в лесу была покрыта, словно снегом, белым налётом, крошкой, мелкими меловыми камешками. Но это были вовсе не камешки. Это были истлевшие кости визидаров. Которые ушли на опыты сэра Хьюго. Иногда Алаун с печалью думала, что где-то здесь лежит и она.

Девушка порылась под одним из камней и вытащила черепок тарелки. Алаун подошла к месту, где белоснежная земля, наконец, становилась тёмной. На краю чёрного и белого, черепком стала рыть непослушную землю и закапывать костяной песок. Получался маленький холм. Таких холмиков за многие годы она сделала здесь немало, обернёшься — позади весь лес стал напоминать холмистую местность, но сколько ещё оставалось белой земли — не объять глазами.

Алаун сосредоточенно копала и иногда сквозь редкие кусты поглядывала на бушующее море. Там на горизонте с рассветом появлялась бледная полоска — предупреждение, что надо возвращаться. Иногда Ун останавливалась и заправляла выбившиеся пряди волос, падавшие на глаза. «Смогу ли я когда-нибудь похоронить все эти косточки?» — в отчаянии думала она. Но тут же понимала, что будет заниматься этим, пока хватит сил. Тогда их души обретут покой.

Под утро Алаун вернулась в подвал замка. Прокралась в ванную комнату, быстро смыла землю с рук, ополоснула лицо. И пошла показаться Хьюго на глаза. На верхних этажах его не было, и девушка решила спуститься

в мастерскую, поискать Хозяина там. Когда Алаун подошла к приоткрытым дверям, то услышала злого Хьюго и не решилась войти.

— Мало, мало... У нас мало толлов! — воскликнул Хозяин. — Мы не можем продвинуться в делах. Никогда себя не прощу за ошибки. Когда мы с тобой, Джи, создали армию малумов, то совершили их две. Но роковые. Мы не подумали, как управлять всеми малумами. И тогда некоторые из них улизнули и расползлись по свету. Живут себе в норах и спокойно обходятся без нас. Ты должен что-то придумать, Джи, чтобы вернуть над ними власть. Ибо тех, которые подчинены нам... их недостаточно, чтобы управлять каждым уголком Земли. И потом эти твари на свободе пожирают и техиз визидаров, кого я бы хотел оставить себе. Я хочу руководить малумами. Всеми! А не только нашими. В конце концов, я их создатель.

— Но теми, которые в замке, мы уже управляем. Вы их мозг, — возразил профессор, — а, значит, в итоге, мы подчиним и других.

— А вторая ошибка ещё более непростительная! — перебил его Хьюго. — Дав приказ начала Ужасной битвы и уничтожения всех ремесленников, мы не учли, что визидарцы не оставят нам своих толлов. Кто мог рассчитывать на их глупость — уничтожить собственные инструменты? Но я уверен, что в мастерских города Ремесленников их осталось немало.

— У нас всё же есть достижения — мы сделали ауксил, управляющий, кармами и малумами! — сказал профессор.

Хьюго потрогална груди амулет Мощи — гладкий металлический треугольник на цепи.

— Да, — согласился он, — это правда.

— И у вас в распоряжении самый сильный в мире ауксил, — сказал Тим, — больше нигде и ни у кого такого нет! Воскрешающий ящик ставит вас на равнее с богами.

— И тут правда, — удовлетворенно сказал Хьюго.

Алаун слышала, как хлопнула крышка. Она знала, что сейчас Хьюго подошёл к Воскрешающему ящику.

— О! Как я обожаю его! — восторгался Хьюго, его голос охрип от волнения. — Воскрешающий ящик! Это моё могущество! Жаль, что можно воскресить только те ткани, которые были живыми в течение часа. Но если поместить их сюда, то они могут жить бесконечно. Только чтобы собрать всю Алаун у нас ушло около месяца, помнишь Джи?

Алаун опять передёрнуло, на неё напал страх, она стала задыхаться. Девушка осела прямо у двери на пол и схватилась за горло. Да. Она помнила себя в том ящике. Себя, разделанную на куски. Там ей мучительно не хватало воздуха, она не умирала, и не жила. Алаун пыталась отогнать от себя видения и, наконец, придя в себя, смогла встать. На дрожащих ногах на поднялась к себе в комнату.

А в мастерской разговор продолжился.

— У нас для вас важный сюрприз, Хозяин, — воодушевлённо изрёк профессор. — Наконец, заработал Вещающий Глаз Дракона. Мы с Тимом его нагрели и подержали в Воскрешающем ящике. И вот результат!

Все трое склонились над большим драконьим глазом, который лежал перед ними на подносе. Око поморгало и открылось. В его зрачке сверкнул зеркальный хрусталик. И там, внутри затуманенной поверхности, показались путники, сидевшие у костра в далёкой Мексике.

— Кто это? — спросил Хьюго, вглядываясь в лица.

— По-видимому, в миру начали собираться остатки ремесленников. Они ищут свои толлы, — размышлял Профессор.

— Как жаль, что мы здесь в ловушке. А Кармы ремесленникам не страшны, — побелел от ярости Хьюго. — Ну что же, соберут толлы, принесут их нам сами. Нам останется их только забрать. Но нельзя допустить того, чтобы визидарцы снова набрали силу.

В это время в глубине драконьего глаза отразилось, как Тафари легко создал переводной медальон для Стурлы, и Хьюго захлебнулся в злости:

— Почему у них это получается так легко? У этих тупых овец?

— Ну, они же истинные визидары-ремесленники. У них это в крови. И потом у них, как я вижу, сильные толлы, — сказал Тим и тут же замолк, натолкнувшись, на полный ненависти взгляд Хьюго.

Наутро отряд визидаров собрал лагерь и отправился дальше.

Дорога сильно пылила. Песок забился в одежду, скрипел на зубах, попадал в глаза, отчего они у всех быстро стали красными. Стурла уже не пел, чтобы лишний раз не открывать рот. Он надвинул длиннополую шапку поглубже на шлем, и тихо болтал ногой, грустно осматривая окрестности, которые за каждым поворотом снова и снова, повторяли сами себя. Девочки устроились под большим зонтом, который Мэд выудила у себя из сумки.

Вот, наконец, зоркий Итиро первый увидел у дороги покосившуюся ржавую табличку с названием «Хокаба».

Они въехали в обычный обшарпанный мексиканский городок — выбеленные стены, покрытые пылью цвета ржавчины, черепичные крыши и чахлые деревья.

Стурла повеселел — теперь оставалось лишь найти нужный дом.

Но все, кого они встречали: пастух с тремя тощими козами, торговка лепёшками, группа весёлых детей, брызгавшихся у колонки, абсолютно все отвечали, что совершенно не знают никакой семьи Руис.

Городок был таким маленьким, что путники быстро объехали его пустынные улочки и сотый раз выехали на центральную площадь с церковью посередине. Как раз в это время на колокольне лениво забил колокол, возвещая полдень. От этого звука очнулась старая бабка в тёплом почно, дремавшая на скамье в тени забора. Визидары проезжали мимо неё много раз, но до этого она крепко спала, не реагируя даже на мух, бродивших по её морщинам. Бабка потянулась и с удивлением уставилась на повозку ремесленников, стоящую перед ней.

— И чего вам здесь надо? — беззлобно спросила она.

— Добрая женщина, — обратилась к ней Бёрнис, — не подскажите ли вы, где можно найти семью Руис?

С минуту пошамкав беззубым ртом, бабка сказала:

— Руисы... А ведь такие здесь когда-то жили. И хоть они были черноволосы, как остальные, но не были похожи на мексиканцев.

Дальше она долго разглагольствовала о том, как выглядят местные и чем отличались Руисы. «Потому что волосы их были хоть и черны, но вились, вот так...», — и она накрутила на кривой палец свою седую прядь, — и вообще, они были не такие, как мы, и всё тут, — закончила она свою речь, выпучив глаза для пущей убедительности, — а потом Руисы переехали в Проклятую деревню и исчезли».

— А где эта деревня? — вежливо спросила её Мэдлин.

Старуха внимательно посмотрела на её белую кожу и почему-то не ответила.

— Бабушка, подскажите нам, — обратилась к ней Бёрнис, — нам очень нужно их найти.

Старуха подошла к темнокожей девушке, которая вызывала у неё больше доверия, чем та, чья кожа была блёклой, как бумага, и сказала ей:

— Деточка, так их поди и в живых нет. Мы туда давно не ходим. А если кто в те места и забредает, рассказывают ужасы. Будто живут там чудовища. Незачем вам туда.

— Мы будем себя беречь, — пообещала ей Бёрнис.

Старуха зевнула. Ей до смерти надоели разговоры с этими странными людьми, и она снова села на скамью:

— За церковью увидите синий дом с белыми ставнями. Едьте по дороге, которая будет за ним.

Она махнула им рукой, указав направление, откинулась и захрапела.

Тафари тряхнул поводьями, и повозка двинулась по улице дальше. Дома постепенно стали отставать друг от друга, между ними всё больше были пустыри и покинутые жилища. Друзья не заметили, как городишко закончился. На последних заброшенных домах были нарисованы странные разноцветные животные: некоторые безобидные, другие с разинутыми зубастыми пастьями.

— Наверное, — заметил Тафари, — это местный фольклор. А, как известно, в нём и надо обычно искать подсказки. Знаете ли вы, мои друзья, что почти все существующие толы и ауксилы, которые видели люди у визидарцев, они описали в своих сказках? Живя среди людей не так то просто было скрыть инструменты. Кто-то что-то нет-нет, да и увидит. Вот и появились истории, которые другие называли сказками. Так что мы двигаемся в правильном направлении.

Поехали дальше.

Девушки дремали, прислушиваясь к спору Стурлы с Итиро о толах.

— Почему они так быстро отключаются и перестают действовать? — размышлял Стурла. — Если мы ремесленники и это наш инструмент, то он должен работать всегда и быть наготове. Разве нет?

— Думаю, — почесал чёрный чуб Итиро, — им чего-то не хватает, может, они потеряли силы со временем? Даже те ауксилы, которые мы создаём, ведь их хватает тоже ненадолго.

— Я чувствую, что когда мы доберёмся до Визидарии, когда найдём мастерские, там они и заработают, — успокоил их Тафари, — вот увидите, будет что-то подобное.

Дорога начала петлять в лесных зарослях. Ремесленники проехали пару часов, но кроме деревьев, густых

кустарников и двух полуразрушенных домиков, ничего не увидели.

— Ну что ж. Видно это и есть Проклятая деревня, — вздохнул Тафари, глядя на ещё одно разрушенное здание, над остовом которого успело вырасти раскидистое дерево, — без младших друзей нам, видно, не обойтись и в этот раз?

Тафари сложил ладони рупором и протяжно по-звериному крикнул в самую чашу. Никто не отозвался. Он подождал и крикнул ещё раз.

— Ой, смотрите, — вдруг сказала Мэдлин.

И указала им на то самое дерево, которое росло на развалинах. С ветки за ними наблюдало огромное животное. Но сидело оно так тихо, что было почти незаметным. Когда животное увидело, что обнаружено, то вздохнуло, бесшумно спрыгнуло и нехотя вышло к ним.

Оно было похоже на огромную пуму, только коричневого цвета, покрытое светлыми полосами. Вдоль всей спины и на кончиках лап у него была густая вьющаяся шерсть. Из пасти торчали два длинных клыка.

— Кто это? — насторожилась Волчица, а Мэд поёжилась.

— Я, — поставило животное лапы на повозку, отчего лошади стали дрожать и фыркать, — гривастая кошка.

— Неужели кошки бывают такими большими? — удивился Стурла.

А странная кошка махнула длинным хвостом и промолчала.

— Скажи, ты знаешь, где живёт семья рыбаков Руис? — спросил у неё Тафари, пока шла тихая битва за мешок с провизией: кошка принюхивалась и тянулась к нему, а Стурла подпихивал его ногами глубже под скамью, стараясь не делать резких движений.

— Конечно, знаю. Только никакой семьи нет. Руис живёт один, но он точно рыбак, — не отрывая взгляда от ног Стурлы, промурлыкало кошачье чудище.

— Ты отведёшь нас к нему? — спросил Итиро.

— Только если этот маленький человек отдаст мне то, что у него в мешке, — сказала гривастая кошка.

Все посмотрели на Стурлу. И ему ничего не оставалось, как вздохнув, согласиться.

Кошка тут же побежала впереди них по дороге. Повозка двинулась за ней. Они заезжали всё глубже в лес, и заросшая дорога становилась всё уже. Ехать стало тяжело — колёса постоянно застревали в траве.

— Как рыбак может жить в таком лесу? — бурчал Стурла, — помяните мои слова, эта дьявольская кошка нас обманет.

— Я всё слышу, — не поворачивая головы, сказала кошка.

Но бега вперёд не остановила.

Когда заросли перед ними сомкнулись, и дорога закончилась, кошка остановилась и промяукала:

— Дальше недалеко. Вы и сами дойдёте. Отдавайте плату.

Стурла с сожалением вытряхнул ей припасы, бормоча, себе под нос, что на этом свете только двухметровых кошек не хватало. Гном вообще относился с подозрением ко всему, что было выше среднего роста. А Тафари всё же, особо ни на что не надеясь, спросил у животного:

— Так куда же нам идти дальше?

Кошка, не жуя, проглатывала огромные куски вяленого мяса, и на его вопрос, неопределённо качнула головой в мангровые заросли. Она схватила последний кусок и исчезла в кустах.

— Вот спасибо, довела до Руисов, — глядя ей вслед, растерянно сказала Мэдлин.

Команда спешила и взяла вещи. Отстегнули лошадей, навьючили груз на них и повели их под уздцы.

Лес будто вымер, дальнейшую дорогу спросить было не у кого. Целый час путники лазали по округе, но, наконец, увидели хижину. Она стояла посреди заросшего и захламливаемого двора. И чего тут только не было! Сваленные в кучу доски, поломанная мебель, камни. Подойти к самой хижине можно было по тропкам, огибавшим мусорные кучи. Подойдя поближе к домишке, больше напоминавшем сарай, визидары заглянули внутрь.

Они увидели очень бедную обстановку. В лачуге была одна комната. В ней стоял грубо сколоченный стол, над ним висели покосившиеся полки. У другой стены, сквозь которую пробивались солнечные лучи, подсвечивавшие столпы пыли, стояла старая лежанка. На ней спал юноша.

Бёрнис случайно опрокинула какой-то горшок, невесть откуда-то взявшийся у неё под ногами. Он с грохотом упал и разбился. Юноша проснулся. Увидев перед собой незнакомцев, он очень испугался.

— Вы кто? — его смуглое скуластое лицо вытянулось и побледнело, а чёрные кудрявые волосы от ужаса встали дыбом.

— Мы — визидары. Пришли искать кого-то из рода Руисов. Кто является прославленным ремесленником.

— Так вы существуете?! — парень подскочил, — я думал, всё это сказки! И мы с семьёй из визидаров остались одни на всём белом свете.

— Как зовут тебя? — спросил его Тафари.

Парень опасливо покосился на стоящего ближе всех к нему коротыша в сомбреро надетом на шлем, и ответил:

— Я Марио Руис. Мы — из рода людей и фавнов, — парень вздохнул, — вернее, я... Я остался один. И давно не выхожу к людям. Хотя... хотя я всегда их сторонился. От фавнов мне достались слишком волосатые ноги.

Все посмотрели на его ноги. Они, действительно были покрыты шерстью. Кроме того, голые стопы юноши были маленькими и узкими, и если бы не излишне удлинённые пальцы, казались бы детскими.

— И ещё вот это, — Марио провёл по кудрявым волосам, сильно оттянув их назад, показав маленькие рожки, — если они вырастут ещё, то все их увидят.

Марио завздыхал, заохал.

— Как с таким жить, — заговорил он плаксивым голосом, — только прятаться здесь и ждать смерти. Которая обязательно придёт — мир состоит из страшного.

— Ну, не всё в мире страшное... — начал Тафари.

Но Марио его перебил:

— Конечно. Кроме страшного, остальное — ужасное!

Стурла с Итиро переглянулись. Бёрнис удивлённо вскинула брови и сказала:

— Не похож ты на настоящего визидара. И потом, фавны, они же вроде в Италии обитали.

— Мы оттуда родом и есть. Но после перебрались сюда. Дед говорил, что здесь, у нашего сенота, нам и жить. До похода в Визидарию. Ну, потише, — насторожился, приставив к губам палец Марио, — кто это шумит?

Все прислушались к звукам за хлипкими стенами.

Марио вытянул голову, шаря по окнам. Но это всего лишь лошади перебирали копытами, да на покосившийся забор села птица.

— Мне кажется, — сказал Бёрн, — что сюда кому-то не так-то просто добраться. Что с тобой, Марио? Визидары — народ смелый.

— Да-а-а, вам-то легко говорить. Вы вон какие, — Марио забился в угол кровати, обнял свои колени и стал рассматривать гостей, — ты вот, — он показал на Тафари, — умный и сильный, сразу видно.

— Ты знаешь, зачем мы пришли? — перебил его Тафари.

— Чтобы спасти меня? — спросил Марио.

— Нет, это ты должен спасти мир, — сказала Мэдлин, присаживаясь к Марио. — И помочь возродиться славному роду визидаров. Марио, ты должен пойти с нами. Потому что ты из рода ремесленников.

Парень же втянул голову в плечи и зашептал, скорее своим коленям, нежели стоящим перед ним визидарам:

— Но я ничего не знаю... Ничего не умею.

— Все умения у тебя в крови, — успокоил его, прокашлявшись Тафари. Он стоял, облокотившись на дверной косяк, и размышлял, как разговаривать с таким трусишкой.

— Я выйду, а меня увидят люди, — опять начал Марио, — а вдруг они начнут надсмехаться?

— Ты очень симпатичный! Пусть любят, — сказала Мэд. — А если бы ты был чуть поувереннее, то все девушки были бы твои.

— Правда? — оживился Марио. — Ну раз, так, то, можно и подумать. Можно и пойти... Я отправлюсь с вами, если только вы пообещаете, что со мной ничего не случится. Об этом походе мечтал мой отец. И отец моего отца. Но одно дело мечтать — я бы тоже это занятие выбрал. И совсем другое — взять и двинуться в путь. Ведь там, в миру, слишком много опасностей.

— Когда при мне говорят о мечтах, — заметил Тафари, — я всегда представляю человека у подножия горы. И у каждого есть такая тайная гора. С непокорённой вершиной. Взобраться на гору может каждый. Кому хватит сил, терпения и выдержки. Остальное всё домыслы и поиск причин. Просто надо начать подъём. Ты можешь спрятаться в нору, подальше ото всех, там, где тебе ничего не грозит. И превратиться в крысу. А можешь стать славным продолжателем рода — выбрать то тебе. А гарантий тебе не даст никто.

— Я боюсь, — мотнул головой Марио.

— Визарадры живут по-разному. Одни проживают жизнь длиною в человеческую, другие — намного больше. Представь, что ты будешь жить триста лет. Что ты потом вспомнишь? Как сидел в хижине и боялся? — спросил его Тафари.

— В таких походах сплошные трудности, — искал аргументы Марио.

— В таких походах есть и приключения, — вступил в их разговор Итиро.

До этого он наблюдал за всем со стороны, и то, что видел и слышал, ему не нравилось. Итиро был сильно разочарован. Он остановился, подбирая слова, и добавил:

— В конце таких походов остаются лишь хорошие воспоминания. Потрать жизнь на то, чтобы они были.

Марио стал нервно чесаться, размышляя.

— У тебя есть какой-нибудь волшебный ауксил? Нашли ли вы ваш тол — инструмент визидара? — нетерпеливо спросил Стурла.

Его ужас как раздражал этот Марио. Так и хотелось дать ему затрещину, и гном еле сдерживался.

— Нет, — покачал головой парень. — Всё, что имею, то здесь и находится, — развёл он руками.

Все ещё раз оглядели бедную обстановку — взгляду здесь было зацепиться не за что. Ничего, похожего на тол или ауксил, на полках не наблюдалось.

— А ты совсем не выходишь из дома? — спросила его Бернис. Она облокотилась об стол и тут же отдёргнула руку, испачкавшись о что-то липкое, давно пролитое на столе. Вытираясь, девушка неодобрительно взглянула на гору грязной посуды.

— Ну, нет, иногда я выхожу. Когда сильно проголодаюсь. Мне же надо есть. Тогда я стрелой бегу до сенота. Быстро ловлю рыбу и срочно возвращаюсь домой.

— Ты уже второй раз упоминаешь сенот, — сказал Итиро, — что это?

Марио замер, подумал и, хмурясь, ответил:

— Ну, вот, пожалуй, сенот и есть здесь самое волшебное место в округе. Но он огромный. Разве такие ауксилы бывают?

— Так что это такое — сенот? Объясни, — толкнула его в бок Мэдлин.

— Ну, это дыра. Огромная дыра в земле, — вздохнув, ответил Марио, — я, конечно, сегодня до него идти не рассчитывал. Но лучше это один раз увидеть, чем объяснять.

Он нехотя встал, натянул на себя какую-то рванину. Вышел за дверь и, кивнув головой, позвал за собой остальных. Во дворе Марио подхватил большую корзину и опять кивнул головой, показывая дорогу.

Визидары обогнули хижину и углубились в лес по красивой дорожке. Хоть и она заросла, но ещё была видна расписная плитка, которой эта дорожка была выложена.

— Марио, а кто сделал такую красоту? — показав на изящный рисунок плиток, спросила Мэдлин.

Утончённая Мэд, замечала во всём красоту, и уж такая плитка в этих заброшенных заросляхне могла ей не приглянуться. А вот Стурла плиточки даже не заметил, хотя по росту был к ним ближе всех. Он шёл и сосредоточенно отмахивался от веток, которые так и норовили наотмашь хлестнуть его по лбу.

— Эту тропинку выложили мои прадеды. Она ведёт до самого сенота, — объяснил Марио.

И тут его лицо радостно осветилось:

— Ой, так, может, вы по дорожке и сами дойдёте до сенота? Как же я сразу не догадался...

— Нет уж, — мотнул головой Стурла, — пойдём вместе. Ты и так толком ничего объяснить не можешь. А если у нас там возникнут вопросы?

— Ну, ладно, — быстро согласился Марио, — с вами идти по дороге не так и страшно. Даже весело!

Стурла аж плюнул в сторону от его слов. Тафари нагнулся и успокаивающе погладил гнома по плечу. Тот выразительно показал на спину Марио и закатил глаза.

Минут через пятнадцать лес просветлел, заросли расступились и визидары оказались на краю большой карстовой дыры.

Почти отвесные стенки сенота заросли мохом, папоротниками и мелкими кустами. Там, внизу, плескалось озеро, до которого пытались дотянуться длинные мангровые лианы. Через чистейшую воду, было видно, как солнце играет бликами, блуждая по каменному дну.

— Как красиво! — склонившись над сенотом и вдохнув его восхитительную свежесть, сказала Мэд.

Бёрнис тоже расцвела. Сенот был похож на маленький кусочек рая. Девушки сели на край обрыва и свесили ноги.

— Хочется там искупаться. Давайте? — предложила Бернис.

Она быстро встала и отошла на пару шагов, чтобы разогнаться и прыгнуть.

— Нет! — резко закричал Марио.

Все на него обернулись.

— Нет, — повторил он тише.

Марио трясло. Его лицо побелело и покрылось капельками пота.

— Я не разрешаю! — мотал головой парень. — Здесь очень глубоко, обманчивое дно и трудно вылезти.

— Ну, ладно, — согласилась Бёрн, пожав плечами. — Нет, так нет. Чего ты так завёлся?

— Там... погибли мои дед и отец, — сказал Марио.

Он сел на камень и обхватил голову руками, взгляд его стал потерянным.

— Они... туда... ныряли. Больше... я никому... не разрешу этого... сделать.

Все замолчали. Но парень продолжил:

— Сеноты образуются, когда обваливаются крыши подземных пещер. А здесь, под землёй, этих пещер бесконечное множество. Этот сенот много лет принадлежит нашей семье. Я бы сюда не приходил. С детства боюсь этой ужасной дыры. До дрожи боюсь. Но здесь мы всегда ловили рыбу. Поэтому мы и рыбаки.

— А разве там есть рыба? — недоверчиво спросил Итиро, вглядываясь в прозрачную воду сенота.

— Смотри, — устало сказал Марио.

Он достал из кармана рыболовный крючок на тонкой верёвке. Закинул его в воду. И тут же стал эту верёвку энергично сматывать на локоть обратно. Визидары смотрели вниз — на крючке извивалась большая рыбина.

— Гляди-ка, да ты реально Рыболов, — уважительно засмеялся Тафари.

— Не может быть! — раскрыл рот Стурла. Уж он-то знал толк в рыбалке. Но такого ещё не видел.

Гном уставился в воду. «Вырви мои глаза, да там нет ни одной рыбины!» — бормотал он возмущённо.

Марио же снял с крючка сверкавшую чешуёй рыбу, положил в корзину и повторил свой фокус ещё несколько раз. Только крючок попадал в воду, откуда ни возмись, выпрыгивала рыбина и заглатывала его.

— Ну, вот, будет что нам поесть! — удовлетворённо сказал Марио, оглядывая полную добычи корзину. — Эх, надо было ещё ведро взять, набрать воды, — расстроено вспомнил он.

— Я тебе дам воды, когда вернёмся в дом, сколько захочешь, — кивнул Итиро, но Марио недоверчиво на него покосился. «Откуда у этого парня вода, тем более целое ведро?» — читалось в его взгляде.

Визидары отправились обратно.

Когда они вернулись к хижине, для Марио начались сплошные чудеса. Сначала визидары налили ему полное ведро воды из бамбуковой палочки. Потом разожгли палочкой огонь, и Стурла взялся готовить рыбу. А уж когда Марио дали поносить Переводной медальон, и он стал понимать всю окружающую речь, парень был в восторге.

— Ух ты. Какие вы везучие, — разглядывая чужие ауксилы и толы, восхищался Марио, — жаль, у меня ничего такого нет.

— Вот это и странно. Ну, вспомни, ты точно не знаешь, где ваш тол? Где живёт следующий визидар? Ты должен это знать, — подошёл к нему Тафари и попытался узнать у парня хоть что-нибудь, пока у того было хорошее настроение.

Но ему это не удалось. Марио покачал головой и вжал голову в плечи:

— Я ничего такого не знаю.

Но как-то быстро он качнул головой. Слишком быстро. И все переглянулись. А Итиро шепнул сидящему рядом Стурле:

— Мне кажется, что он что-то скрывает.

Стурла утвердительно кивнул.

Подоспел ужин. Все расселись вокруг костра и в его бликах напоминали стаю урчащих котов, поедающих рыбу, хрустевшую золотистой корочкой.

— Славная рыба, — причмокивал Стурла.

И все с ним соглашались, кивая, но молча. Рты были заняты. Только Бёрнис не ела.

— Ты не любишь рыбу? — удивился Марио.

— Люблю, — качнула головой Бёрнс, — только...только сырую. Мясо и рыбу я ем лишь сырыми.

— Прости, — хлопнул себя по лбу Стурла, — это я забыл. И пожарил всю.

— Ничего страшного, — улыбнулась Бёрнс, — я могу и потерпеть.

— Знаете, я думал об одной вещи, — сказал загадочно Итиро, — и хотел поговорить с вами об этом после ужина. Но теперь, думаю, самое время.

— Ты о чём? — спросил его Тафари, отложивший рыбу — сейчас, раз Бёрнис была голодной, еда никому в горло не лезла.

— А хотите, я вам покажу фокус? — вдруг перескочил на другую тему Итиро, — если я, конечно, кое-что правильно понял.

— Что за фокус? — не понял Тафари.

И все с удивлением уставились на Итиро. Он же, вытер руки, потом пошёл в хижину и принёс ведро воды. После попросил у Марио его крючок на верёвке.

Итиро медленно опустил его в ведро и мгновенно дёрнул наверх. На крючке, расплёскивая хвостом воду, извивалась огромная рыба.

— А-а-а-а, — вскочил побледневший Марио, — что это такое?!

Он схватился за голову, заглядывая в ведро. Там ничего не было. Однако же Итиро повторил свои действия и вытащил ещё две рыбины подряд. Он снял последнюю рыбу с крючка и сказал, протягивая его Марио:

— Познакомься, это ауксил вашей семьи. Он всегда был с вами.

Марио выглядел ошарашенным. Он стал заикаться.

— Так, п-п-получается, всё э-т-то врем-м-я м-м-мне д-д-даже к сеноту н-н-е надо был-л-ло х-ходить?

— Чтобы наловить рыбы? Нет. Этот крючок вытащит рыбу из любой воды, — улыбнулся Итиро. — Мне подсказал эту мысль Стурла на обратной дороге от сенота. Он сказал, что таких рыбалок, как у тебя, не бывает.

И Итиро протянул самую большую рыбину Бёрнис, которая с удовольствием тут же вонзила в неё хищные зубы.

Дальше посиделки пошли веселее. До потёмок Марио слушал о приключениях визидаров. Об их долгом пути к

нему. Как только рассказ подходил к неожиданному повороту, Марио каждый раз бросал есть рыбу, шлёпал себя по тощим волосатым коленям, и восклицал:

— Вот это жизнь! Да, смелые вы ребята. Я б такого не пережил.

— Но ты такой же, как и мы, — возразила Бёрнис.

Они с Мэдлин уже успели возвести во дворе хижины палатку, и устроиться там.

— Нет, я не такой. И я должен быть здесь. У сенота, — махнул рукой Марио, — я не такой сильный, как вы.

— Ремесленникам нужна не сила, а ум, — задумчиво проговорил Тафари.

— Пойдём с нами! Пойдём. Ты из рода Прославленных визидаров. И нас очень всех ждут, — сказала Мэдлин, расчёсывая гребнем белые волосы.

— Да вы такие ловкие! И без меня справитесь, — ответил ей Марио и пошёл в хижину.

— Что мы его уговариваем? — глядя ему вслед, наконец, не выдержал, Стурла. — Чёртов Рыболов. Пойдём без него! Не думаю, что он нам может чем-то помочь. Будет только обузой. Нам всю дорогу ему сопли вытирать?!

— Успокойся, Стурла, — сказал назидательно Тафари, — мы не знаем, что он пережил. Но если в нём течёт кровь визидаров, то вряд ли он такой от природы.

Тафари обошёл с фонариком окрестности, и, успокоившись, что им ничего не угрожает, пошёл спать. Постепенно лагерь путешественников затих. Все, найдя себе место поудобнее, заснули.

У костра осталась Бёрнис. За ней, сквозь щель из хижины, наблюдал Марио. С одной стороны, он привык жить один и желал, чтобы ремесленники поскорее ушли, а с другой — его ужасно тянуло к визидарам. Обычно ночью он не спал, прислушиваясь к звукам из зарослей. А сегодня впервые ему не было ночью страшно. Марио ещё немного постоял у двери, а потом всё же решился — вышел и подсел к огню.

— Ты думаешь, я очень плохой? — спросил Рыболов, не смея поднять на девушку глаза.

— Я думаю, ты чем-то напуган, — спокойно ему ответила Волчица, — как и все мы. Столетия наши предки живут, боясь, — она вздохнула, — но всегда приходит время дать бой. И самый главный бой в жизни — всегда со своими слабостями и страхами. Победишь себя — победишь любого.

Они помолчали.

— Знаешь... я ведь знаю, где наш тол, — шепотом, оглянувшись на спящих, сказал Марио.

Волчица внимательно посмотрела на него. В его глазах стоял ужас. Кажется, он сам испугался того, что сказал. Бёрнис кивнула ему, но промолчала. Она ждала, пока Марио заговорит сам.

— Он там... в этом чёртовом сеноте, — тихо сообщил Рыболов. — Отец с дедом всю жизнь его искали. Дед был самым ловким ныряльщиком в семье. Он говорил, что там, внизу сенота есть ходы в пещеры. Даже план начертил. Но потом... потом однажды он вынырнул весь израненный, словно его жевали...

Марио замолк. Бернис взглянула на него. Он вперился в одну точку. Его мелко трясло, зрачки расширились, губы дрожали, лоб покрылся испариной.

— И вынырнул дед седым, — добавил Марио. — Когда он смог говорить, рассказал, что там, в пещерах живёт кеатли. Кеатли сторожит наш тол...

— Кеатли? — переспросила Бёрнис.

— Да... Мой дед... если бы ты знала, какой это был храбрый человек! Ничего не боялся, — Марио помолчал, — потом, когда его раны зажили, то дед упорно продолжал нырять в сенот снова и снова. Пока не погиб... После него это стал делать отец. И однажды... однажды кеатли вынырнул из сенота. Это было огромное чудовище... Я никогда не забуду его жуткую пасть, полную зубов. Зубов... тысячи зубов... один ряд за другим... острых зубов...

Марио опять задрожал. Бернис успокаивающе погладила его по спине.

— Он заглотил отца, в одну секунду... Отец только успел крикнуть: «Сынок, найди тол».

Марио заплакал, размазывая кулаками слёзы по лицу.

— Но я вернулся домой, нашёл бутылку, положил туда все дедовы планы. К ним сунул адрес того господина, которому отец собирался написать. И зарыл эту бутылку. Чтобы забыть. Но не забывается... Стоит перед глазами, как только приходит темнота. Поэтому я не сплю. Меня каждую ночь пожирает кеатли. Всё, что мне досталось от родни-визидаров: вот этот нож, — он показал на небольшой ножик, в самодельных ножнах у себя на поясе, — крючок, и этот жуткий страх внутри...

Марио закрыл лицо руками и, качаясь, завыл. От этого звука визидары повскакивали, озираясь.

— Что с ним? — спросил Итиро.

Тафари подошёл и стал гладить Марио по волосам. А тот не мог остановиться и всё плакал и говорил. Потом, когда почти выдохся, сквозь рыдания стал бормотать:

— Я хочу идти с вами! Хочу! С вами надёжно. Я чувствую в вас своих. Но чтобы идти, надо достать тол. А я не могу... И потом даже дед говорил, что до главной пещеры не доплыть — не хватает воздуха. Так что, если я прыгну туда, то, в конце концов, погибну как они. Невозможно оттуда достать тол. Разве только что стать рыбой и научиться дышать под водой...

— Это как раз дело нехитрое, — мягко сказал Тафари, — не плачь. Мы поможем тебе. Где ты закопал планы деда?

Марио махнул рукой на заброшенный огород.

— Вон там, где растёт перец.

Кусты перца давно уже росли сами по себе. За долгое время они разрослись и заполнили собой пол огорода. Длинные жгучие перцы разных цветов, похожие на скрюченные пальцы, висели повсюду. Старые стручки падали на землю и прорастали новыми кустами.

Пока визидары перерывали огород в поисках записей, пропитались этим перцем вдоволь. Он жёг, и их кожа покрывалась волдырями. А Стурла случайно потёр лицо рукой и долго скакал от горячей боли в глазах.

Наконец, в руках Мэдлин мелькнула пузатая бутылка.

— Эта? — спросила она с надеждой у Марио.

— Ага, — шмыгнул он носом.

Вернулись к огню, вскрыли бутылку и вытащили оттуда две записки. Одна была очень старой. Казалось, она сейчас развалится в руках у Тафари. Но он бережно её развернул и прочёл:

«Франция, Шер. Замок Дурдуа-Кашон. Граф Леонар Жобен».

— Ничего себе, — почесал бороду Стурла, заглядывая через плечо Тафари, — наверное, этот граф Жбан — предок следующих визидаров?

— Не Жбан, а Жобен, — поправил его Тафари.

Во второй записке был план хитроумных ходов и переходов пещер сенота. На большом листе из странного материала, но это никак не был бумага, дед Марио оставил много сносков и приписок. Некоторые были короткие: «Тупик!» или «Не пролезть». Другие подлиннее, что-то вроде: «Здесь между гротами сильное течение» или «Тут в пещере красивые сталактиты, но какой-то странный воздух — после него хочется спать, так что долго не задерживайся». Некоторые записи они не поняли, но их и Марио не смог объяснить: на обозначении многих пещер были записи о цветах: зелёная, синяя. Но чем ближе была пещера чудовища, тем чаще встречалось слово: «Алая».

Внимательнее всех карту проходов изучал Тафари.

— Так как же туда можно доплыть? — почёсываясь от волнения, спросил Рыболов.

— Тафари может долго находиться под водой. Он из рода русалок, — ответил ему Стурла, сосредоточенно натирая какой-то вонючей мазью волдыри от перца.

Гном потом предлагал её всем, но она так воняла, что никто не согласился.

— Так, — сказал, наконец, Тафари, складывая планы, — как посылнее рассветёт, все вместе идём к сеноту. Мы всё равно не знаем, что нас там ждёт. Каждому будет работка. А пока давайте вздремнём.

...Как только солнце осветило верхушки деревьев, и они полыхнули оранжевым, опять обещая зной, команда уже стояла у начала дорожки, поджидая только Бёрнис. Она не выспалась и была раздражена.

— Не обращайтесь на меня внимания, — сказала она, когда ускорив шаг, подошла к остальным. — Сегодня полнолуние, самое сложное время для тех, у кого в родне были вампиры.

Ремесленники быстро добрались до сенота. Всю дорогу Марио пытался вспомнить, всё, что знал из детства о подземных гротах и кеатли. Он старался рассказать любую деталь, постоянно дёргая Тафари за рукав со словами: «А я говорил тебе, что...» и повторял то, что сказал уже дюжину раз, пока Тафари, не успокоил его:

— Марио, не волнуйся. Я не боюсь смерти. Но и не собираюсь умирать. Я сделаю всё, чтобы достать твой тол.

Когда они подошли к сеноту, то Тафари сказал:

— Я решил, что поплывём мы с Итиро. Итиро, мне понадобится твоя ловкость и хладнокровие.

— Спасибо за доверие, — обрадовался Итиро.

— Я поплыву с вами! — вдруг сказала Мэдлин, — эльфийские предки и мне подарили дар хорошо и быстро плавать. Я всегда легко выигрывала любые соревнования в бассейне.

— Но там опасно, — возразил Марио, схватив её за руку.

— Я поплыву, — повторила Мэд.

— Хорошо, — кивнул Тафари, — Стурла, подбери нам оружие полегче. Такое, с которым мы могли бы плыть. Бёрнис, собери все толы в один мешок, мы не знаем, что нам там пригодится.

Стурла начал рыться в мешке с оружием. Он крутил в руках мечи и ножи, примеряясь, чтобы клинок был подлиннее, обтекаемый и лёгкий.

Тафари и Итиро развернули карту деда Марио, чтобы ещё раз наметить маршрут. Когда все были готовы, те, кто собирался в поход, скинули тяжёлую одежду. Стурла помог Тафари и Итиро приладить на пояс ножны мечей.

Итиро спрятал на груди карту, замотав её, чтобы она не промокла, а на спину надел рюкзак Бёрнис, в который сложили толы.

— Постой, — сказал ему Тафари,

Он подошёл, покопался в рюкзаке и достал свой фонарь. Попросил у Бёрнис пояс её платья и с помощью него

приладил фонарик над левым ухом.

— Ну что? Готовы? — спросил Тафари у остальных.

Он подошёл к краю, постоял, выбирая место поглубже и прыгнул. За ним последовала Мэд, последним был Итиро.

Вода в сеноте оказалась прохладной и приятно освежающей.

— А вы пока думайте, как нас потом вытащить, — крикнул наверх Итиро.

— Привяжи мой крючок с веревкой куда-нибудь, — быстро сказал Марио Стурле и сунул ему в руки моток. —

Не смотри, что она тонкая, по ней отец с дедом и вылезали.

И неожиданно Марио с разбегу прыгнул в воду за остальными.

— Куда? — только и успела крикнуть ему Бёрнис.

— Я должен идти со всеми, — вынырнув, отфыркиваясь, прокричал ей в ответ Марио, — это же мой тол. И потом я знаю, где вход.

Рыболов подплыл к мангровому кусту у большого выступа скалы, откинул его длинные корни и показал вход в пещеры. Вода не заливала проход полностью, но внутри было темно. Тафари включил фонарь. Они увидели длинный извилистый коридор с неровными светло-песочными стенами. Когда они проплыли пару метров, под ногами появилось дно, и дальше визидары пошли пешком. Итиро достал карту, стараясь её не намочить, но увидел, что она, пропитанная каким-то особым составом, не промокает. Это облегчало работу.

Вскоре группа дошла до первого грота. Он поразил размером — словно дворцовый зал, украшенный сталактитами и залитый прозрачной изумрудной водой.

— Итиро, погляди, там в карте эта пещера указана, как зелёная? — догадался Тафари.

— Угу, — подтвердил Итиро, взглянув на план.

— Очень хорошо. Получается, здесь в каждом гроте вода разного цвета. И как только мы будем приближаться к кеатли, то озёра станут красными.

Из пещеры было несколько выходов. Сориентировавшись по карте, они выбрали нужный проход. И дальше двинулись по нему. Вода в подземных коридорах становилась всё холоднее.

Иногда пещеры и проходы были затоплены полностью, и тогда первым плыл Тафари, здесь пришлось кстати его умение дышать под водой, а остальные оставались ждать его. Итиро поджигал Огненной палочкой какой-нибудь камень, и они любовались тем, как мерцают сталактиты со сталагмитами, пока не возвращался Тафари.

Вода в пещерах, действительно была разной. Сначала она встречалась изумрудной, потом стала глубокого синего цвета, но везде просматривалась до дна.

Визидары нашли пещеру, о которой в дневниках деда Марио писалось, что в ней опасно находиться. Стены здесь покрывали крупные выросты кристаллов. Пахло в пещере смесью трав и цветов. Здесь быстро начала кружиться голова. Эхо голосов ремесленников отражалось от кристаллов, множилось и звучало, словно музыка.

Мэд растянулась на маленьком островке и отказалась идти дальше. Она опустила руки в воду, смеясь, рассматривала камни на дне и без остановки говорила имена ремесленников, вслушиваясь в мелодию эха. Особенно красиво звучал смех. Он превращался в музыкальную трель, словно где-то рядом пели соловьи.

Марио лёг рядом с Мэд. Тафари и Итиро, стараясь дышать как можно реже, потащили отсюда друзей насильно. Рыболов был вял, и его нести было легче, а Мэд сопротивлялась, царапалась, пыталась вырваться от Тафари, покуда он бесцеремонно не погрузил её в ледяную воду другой пещеры.

Из воды она выскочила, с ужасом показывая на дно. По нему сновали длинные толстые змеи. В скудном свете фонарей их шкуры переливались всеми цветами радуги.

— Не бойся. Кажется, они не опасные, — успокоил её Итиро, сверяясь со значками на карте.

Но дальше пришлось плыть между змей, которых прибавилось. Следующая подземная река была ими переполнена. Было непонятно, чего здесь больше — змей или воды. Пресмыкающиеся постоянно касались кожи. И Мэд каждый раз вздрагивала и вскрикивала, представляя, каково было здесь плавать предкам Марио, в крошечной темноте.

— Смотрите! — показал на стену в очередной пещере Итиро.

Там был нарисована стрелка, куда идти дальше.

В соседнем гроте с потолка в озеро, образуя прозрачные колонны, спускались солевые сталактиты, но сама вода стала мутно-красной и пахла мертвечиной.

— Кажется, мы уже близко, — сделал вывод Тафари.

Как подтверждение его слов, раздался приглушённый рык. Марио вздрогнул, втянул голову в плечи и тихо запричитал старинную молитву, косясь на чёрный проход дальше. Его пытались успокоить, но он не слушал, качал головой, и зубы его дробно стучали друг о друга.

Визидары присели на узкой полоске берега и стали разрабатывать план.

— Дальше извилистый, самый неисследованный проход. Он затоплен. Неизвестно, какой он длины и что нас

там ждёт. — Тафари оглядел остальных, — вы остаётесь здесь. Итиро, приготовься, будешь меня подстраховывать. А я поплыву в разведку.

Тафари подошёл к проходу скрытому водой. Постоял, собираясь с силами, и нырнул. Бордовая вода за ним сомкнулась, и стало совершенно тихо.

Итиро, освещая Огненной палочкой пространство, рассматривал стены.

— Гляди, Марио, — сказал он, указывая на стену.

Трясущийся парень подошёл ближе. На гладком выступе бурой краской было написано: «Дорогой мой сын. Я знаю, что ты это сделаешь. Что именно ты достанешь наш тол. Я горжусь тобой, сынок. И всегда буду рядом. Вернись в Визидарию, и наши души обретут покой».

Рыболов побледнел. Он читал запись снова и снова, а потом сказал дрогнувшим голосом:

— Я думал, что отец стыдится меня. А он меня любил...

Мэдлин полагала, что Марио сейчас опять расплачется, но лицо парня просветлело и стало задумчивым.

Сзади раздался всплеск. Все трое разом обернулись. Из разведки вернулся Тафари. Он был очень возбуждён.

— Ну, что? — спросил его Итиро, — чудовище там?

— Да. Я его не видел, но слышал. Он спал за выступом, — кивнул Тафари, вытряхивая воду из ушей, — но доплыть до него по затопленным туннелям вам будет невозможно. В пещере, где он спит, есть второй выход. Он шире, и, по-видимому, короче. Поэтому чудовище и могло вылезать незаметно, внезапно нападая уже в сеноте.

Тафари, размышляя, сел на камень. Итиро присел рядом, пытаясь прочесть по лицу друга, насколько всё серьёзно. Тафари был суров и сосредоточен.

— Как будем действовать? — наконец, спросил его Итиро.

— Не знаю, — честно признался Тафари.

— Давай попробуем его сжечь? — предложил Итиро, — возьми мою Огненную палочку, направь на него, скажи заклинание, чудовище загорится. И всё будет кончено.

— Огненная палочка не всё поджигает, — возразила Мэдлин, — кеатли — существо волшебное. На него она может не подействовать.

Но глаза Тафари заблестели.

— А я считаю, что Итиро предложил хорошую идею. Стоит попробовать, — мотнул он головой.

— У тебя будет лишь одна попытка, — предупредила Мэд.

— Я думал об этом ещё по дороге сюда, — признался Итиро, — жаль, что не могу проплыть с тобой. Я бы попытался сжечь кеатли сам. Меня Огненная палочка слушается лучше, чем остальных.

Мэдлин подкачала головой, но достала тол Итиро, и отдала его Тафари. А он снял фонарик с головы:

— Там светло, и он мне не нужен, — объяснил он.

Марио молчал, Мэд суетилась, поправляя меч на Тафари. Итиро закрепил фонарик на одном из сталагмитов, чтобы руки были свободны.

Потом они все вместе двинулись по броду к затопленному проходу. Их ноги снова задевали водяные змеи, но теперь на их холодные касания они не обращали внимания. Змеи сейчас были такой же мелочью, как лай собаки, когда горит дом. У самого прохода, перед тем, как нырнуть, Тафари остановился, обернулся к друзьям и широко им улыбнулся. Ни у кого не было такой светлой улыбки, как у Тафари.

— Береги себя, — сказал Итиро, и, не выдержав, крепко обнял друга.

И Тафари скрылся под водой. Раздался плеск, и стало тихо. Остальные визидары стояли, стараясь не шевелиться и не дышать. Они прислушивались к тому, что происходило в пещере кеатли.

Было слышно, как где-то со сталактитов капает вода. Мучительно долго тянулось время.

Но вдруг раздался душераздирающий вой, стены содрогнулись от грохота, будто рядом взорвали вагон с динамитом. В мгновение ока из подземного коридора вырвалась волна такой силы, что сбила всех троих с ног и отшвырнула до дальней стены пещеры. Этой волной выбросило и тело Тафари.

Мокрые Мэдлин, Итиро и Марио откашляваясь, вскочили и побежали к Тафари. Они перевернули его и быстро оттащили в сторону, к узкой полоске песчаного берега. Он был жив, но тяжело дышал. Из уголка его губ стекала струйка крови.

Визидары не сразу заметили, что из разрушенного прохода за их спинами вылезло нечто. Это было что-то вроде огромного раздутого червя со страшным раздвоенным концом.

— Это и есть кеатли? — упавшим голосом тихо спросила Мэдлин.

— Это только его язык! Язык кеатли! Застыньте! — зашептал Рыболов.

Язык кеатли шарил по стенам, бил по воде. Он, двигался, не останавливаясь. Всё это происходило под утробное урчание, визг и рык, раздававшийся из подземного коридора. Ремесленники прижались к стенке, заслонив собой Тафари, и не двигались. Когда язык оказался совсем близко, Мэдлин из последних сил подавила крик, зажав рот рукой. Но её глаза остекленели от ужаса. Как тут застынешь? Когда хочется бежать со всех ног к спасительному

выходу. В какой-то момент Мэд почти сорвалась и даже сделала маленький шагок в сторону прохода из которого они пришли.

Но тут она случайно встретилась глазами с Марио. Парень видел её состояние и очень хорошо его понимал. Он понимал, что если Мэдлин побежит, кеатли мгновенно их обнаружат. И тогда погибнут все. Марио сделал над собой усилие, унял дрожание побелевших губ и улыбнулся Мэд. Он медленно поднёс руку к своему лицу и показал ей знаками: «Закрой глаза, не смотри».

Мэд последовала его совету. И эти полминуты в темноте дали ей время взять себя в руки. Когда девушка их открыла, кеатли уже втянул язык обратно. Но тишина была недолгой.

Кеатли стал биться о стены, чтобы попасть в пещеру к визидарам. Потолок грота затрясся, на ремесленников посыпались камни. От ударов чудища ходил ходуном пол. Срывались вниз сталактиты, поднимая волны, от которых визидары захлёбывались. Проход, из которого ремесленники пришли, постепенно завалило камнями.

— Мы в ловушке, — с тоской проговорила Мэдлин.

А чудовище все билось и билось о стену, камни летели в разные стороны.

Тафари пришёл в себя.

— Я потерял оружие и...твой тол, Итиро, — стал рассказывать он, — я зашёл в пещеру кеатли, навёл на него Огненную палочку, сказал заклинание, но чудовище не загорелось, его лишь раздуло. Он увеличился и впал в ярость...

В это время от стены отломился огромный кусок, и в образовавшейся дыре визидары с ужасом увидели выпуклый глаз чудовища. Кеатли ещё не мог к ним проникнуть, но пытался их разглядеть. Его огромный кровавый зрачок вращался, заставляя цепенеть от страха.

— Надо потушить свет, — крикнула Мэдлин и кинулась к сталагмиту, где был прикреплён фонарь.

Дальше всё произошло молниеносно. Итиро увидел эту сцену, словно в замедленном сне.

Как Мэд бежит и снимает фонарь. Как врывается в пещеру язык чудовища, в одну секунду обвиняет тело девушки и тащит к проходу. Как высоко взлетает фонарик, разбрасывая блики по стенам. И как Марио неожиданно выхватывает длинный меч Итиро, подбегает к почти втянувшемуся в дыру языку, и в одно движение перерубает его, у самой талии Мэдлин. Взметнувшиеся длинные белые локоны Мэд попали под меч и упали на воду, отрезанные, как и жуткий язык. Марио обдало такой мощной грязно-лиловой струёй крови, что она сбила его с ног.

Раздался оглушительный вой, от которого все на короткое время оглохли. Они стояли, схватившись за уши, пока не наступила тишина.

Какое-то время все глядели друг на друга, прислушиваясь.

— Наверное, оно умерло, — предположил Рыболов. — Мне отец рассказывал, что слабое место кеатли — кончик его языка. Отрежь его, и чудовище погибнет.

Тафари вытащил из воды фонарик. Ремесленники собрали вещи и осторожно пошли в пещеру кеатли по наполовину обмелевшему коридору.

Шли тихо и осторожно, потому что вода была мутной от крови, и дно не просматривалось. Приходилось ставить ноги наощупь, чтобы не упасть.

Наконец, они дошли до норы кеатли. Пахло здесь нестерпимо едко. Но пещера была пуста. Удивительно — в самой пещере вода была прозрачной. И всё дно было покрыто разными предметами, которые кеатли сюда стащило за долгие годы. Как найти среди них тол?

Поглядывая на огромную дыру в стене, сквозь которую, по-видимому, ушло чудовище, визидары стали вылавливать то, что лежало под водой. Тут было много ржавого оружия, предметы быта.

— Кажется, нашёл! — обрадовано закричал Марио.

Он держал на ладони призму, огранённую в серебристый ободок. Это была большая выпуклая линза из горного хрусталя. По её краю шёл узор, в которое вплелось переливающееся слово: «Crescere» с одной стороны, но если линзу перевернуть, то слово было другим: «Multiplicatum».

— Да. Это точно твой тол, — подтвердил Тафари, — смотри, значок визидаров-ремесленников, — он показал на выбитый по ободку узор.

Марио поднял перед собой линзу, посмотрел через неё на лежащий рядом старый меч и произнёс:

— Крескере!

И тут же меч стал в два раза больше. Марио перевернул линзу и проче второе слово:

— Мультипликатум!

И мечей стало два. Лицо Марио посветлело, он, рассматривая тол, улыбался.

— Я чувствую, как он придаёт мне силы, — сказал Марио, — я стал таким же, как вы.

— Вот тут ты ошибаешься, — похлопал его по плечу Тафари, — ты всегда был таким, как мы. И не тол тебе даёт силу. А твой род. Эта сила всегда была в тебе.

— Смотрите, — закричал лазавший в опустевшем гнезде кеатли, Итиро. — Тут ещё один странный предмет!

Из слежавшейся мокрой соломы он достал гладкий чёрный каменный шар.

— Тяжёлый, — взяв его в руку, сказала Мэдлин. Прикидывая, сколько он весит.

— Может, их надо совместить с моим толком? — предположил Марио.

Он положил шар на выступ и применил к нему обе стороны линзы. Но шар не увеличился и не размножился.

— Странно, — разочарованно протянул Рыболов, — ничего не поменялось.

— Ты неправ, — ответил ему Итиро, взявший камень, — посмотри!

И он показал, что на шаре появилось слово: «Нет».

— И то это значит? — спросил Марио.

— Я не знаю, — пожал плечами Итиро. — Надо подумать.

Шар и призму они положили в рюкзак.

Потом они долго искали Огненную палочку Итиро. Но так её и не нашли.

По широкому проходу уставшие, грязные герои, вышли к обмелевшему сеноту. За время сражения, вода ушла куда-то во внутренние пещеры. Теперь почти весь сенот занимало тело чудища. Кеатли лежало, вытянув кривые лапищи кверху. Мутные глаза его были полужакрыты, а из широко раскрытой острозубой пасти торчали остатки языка.

— Если бы он не был таким огромным, — сказала Мэдлин, — я бы сравнила его с жабой. С мерзкой раздутой жабой.

Сверху на них глядели Стурла и Бёрнис.

— Вы живы! Какое счастье!!! Это было очень страшно, — крикнула им Волчица, — оно жутко выло и билось.

Мы боялись за вас.

Итиро, Мэдлин, Тафари и Марио, помогая друг другу, поднялись по склизкому боку чудища на его живот. Стурла скинул им верёвку Марио и помогал подняться.

Сначала вытащили Мэдлин. Она лезла по верёвке вверх, цепляясь за корни мангрового дерева.

— Мэд, ты успела там сходить к парикмахеру? — пошутила Бёрнис, увидев, что волосы подруги теперь еле прикрывают лопатки.

Но девушка лишь устало отмахнулась. Она села на землю, пытаясь очиститься от липкой грязи.

Потом на поверхность поднялся Марио. Когда его серьёзное сосредоточенное лицо, забрызганное кровью, увидел Стурла, он сказал:

— Прыгал туда мальчишка, а вылез воин. Ты выглядишь, как викинг. Только шлема не хватает. Зато доблести в глазах — хоть отбавляй.

Парень поправил ножик на поясе и выпрямился. Взгляд Марио действительно изменился. Меж бровей пролегла морщинка бойца. Его движения и мимика стали сосредоточеннее, а глаза... Глаза у всех меняются, кто заглянул в лицо смерти.

Быстро вскарабкался наверх Тафари и, обернувшись, махнул Итиро, подавая знак обвязаться верёвкой. Парень обмотал её вокруг пояса, и уже хотел было крикнуть, чтобы его поднимали, как нечто привлекло внимание Итиро в пасти кеатли.

— Опустите меня туда! — крикнул он наверх, указав вглубь глотки чудища.

Тафари и Стурла переглянулись, но спорить не стали. Перекинув верёвку через плечи, они медленно опускали друга в страшную пасть. Через мгновение Итиро скрылся меж зубов чудища, напоминая ряды кривых сабель.

Мэд и Бёрнис, не отрываясь, смотрели на морду кеатли. В какое-то мгновение Мэд показалось, что огромный мутный глаз дёрнулся, и девушка еле сдержала крик. Но тут же из пасти показался облепленный тошнотворной слизью Итиро. А в руке он победно держал Огненную палочку.

— Ура! Ура! — запрыгали от счастья девчонки.

И когда Итиро подняли на поверхность, кинулись его обнимать, не обращая внимания на его жуткий вид и запах...

— Ну что же, друзья, вперёд. Франция ждёт нас! — сдержанно сказал Рыболов.

Он обернулся на мёртвое чудище, окинул прощальным взглядом сенот. И первым двинулся по дорожке домой.

Теперь визидаров было уже шестеро и вдохновляло их то, что они точно знали, где живёт седьмой ремесленник.

...Когда на корабль в порту поднималась их разномастная компания, поглядеть на них на палубу высыпала чуть ли не вся команда.

Первым по мосткам шёл щеголь Тафари в новом костюме-тройке с пышной белой гвоздикой в петлице. Дальше следовал Итиро в длинной подпоясанной рубашке и свободных штанах заправленных в высокие сапоги. После него шествовали Мэд и Бёрнис, похожие на день и ночь: такие же разные, но такие же прекрасные. Особенно сегодня — обе в длиннополых шляпках и модных дорожных костюмах. Замыкали шествие Марио и Стурла. Намедни Рыболов приобрёл белую шляпу и льняной костюм. К тому же Марио заставили подстричься, и он выглядел под стать остальной компании. Одеждой выделялся лишь Стурла. Команда корабля сразу записала его в слуги. Поверх

одежды на гноме был старый жилет на котором можно было найти следы всех переделок, в каких побывал хозяин. К тому же Стурла ежесекундно поправлял огромное сомбреро. Но если он слуга, то почему покрикивает на остальных и те его слушаются? Непонятно. Моряки рассматривали диковинных пассажиров, но так как те выкупили лучшие каюты, никто из обслуживающего персонала не решился комментировать что либо вслух. Лишь, поднимая брови, выразительно глядели друг на друга. Только помощник капитана — дядька с грустно висящими усами и тоскливым взглядом бассет-хаунда, переведя взор с дорогого костюма Тафари и его странной шапочки на коротышку, боровшегося в этот момент за свою шляпу с очередным порывом ветра, печально сказал себе под нос:

— Странная компания. Помяните мои слова, с ними будут проблемы.

...Как только большой белый пароход отшвартовался от пристани, ветер всё же победил. Он подхватил сомбреро Стурлы, оголив шлем. Гном подпрыгнул, но поймать шляпу так и не смог. Она взвилась, накрыв лицо помощника капитана, который вышел из рубки. Шляпа больно ударила его по переносице. Помощник капитана только и успел, что удержаться на ногах и в испуге скинуть с себя дурное сомбреро. И оно полетело дальше. Стурла провожал его грустным взглядом, пока сомбреро не спланировало на белые дорожки волн за пароходом и не скрылось из вида.

— Жалко, — тяжело вздохнув, сказал гном, — хорошая была вещь.

Остальные переглянулись, и тоже вздохнули. Но с облегчением — так им это сомбреро надоело. А помощник капитана, глядя на всё это с мостика, покачал головой — его пророчества начинали сбываться.

— Что же, пошли по каютам, — предложил Тафари остальным визидарам. — Можно, наконец, выспаться и отдохнуть. Дела переделаны, впереди Франция. Надеюсь, Жобен получит телеграмму и встретит нас. Ну, кто-нибудь из Жобенов. Граф Леонар, упоминаемый в записке, вряд ли жив, скорее всего, давно лежит в фамильном склепе.

Все разошлись по роскошным каютам. И уже через час один из стюардов божился в ресторане, что «тот самый, молодой, с волосатыми ногами» увеличил подушки и шоколадные конфеты в вазе. А второй стюард ему вторил, что вот этими собственными глазами (при этом он так отчаянно жал на свои глазницы, как будто от этого зависело, насколько ему поверят) видел, как «тот темнокожий в костюме» разговаривал с чайкой, севшей на иллюминатор.

Всё это слышал помощник капитана, вздохнул, потёр переносицу и повторил:

— Я говорил, и это лишь начало рейса.

В это время в каюте Марио, которому обстановка вокруг казалась дворцовой, Итиро вёл эксперименты с новым толком. Увеличительное стекло Марио никак не действовало на живые ткани: Итиро попробовал на насекомых и цветах, но стекло не увеличивало бабочек и мух, не размножало растения. На толы оно тоже не влиял. И если любую вещь Итиро мог размножить или увеличить в два раза несколько раз, то ауксил (они взяли медальон-переводчик), стекло размножило единожды, но после этого сразу помутнело и отключилось.

...В последующие дни на пароходе царил безмятежность. Жизнь вошла в спокойное размеренное русло. Визидары отдыхали после длительных походов. Они высыпались, дышали морским бризом, встречая каждый закат вместе. Бёрнс и Мэдлин чаще всего можно было застать болтающими на палубе, где на загадочных девушек бросали взгляды все пассажиры мужского пола. Стурла и Тафари отсыпались. Марио бродил по каюте, наслаждаясь окружавшими вещами. Он постоянно щупал скатерти и кружево на постельном белье, трогал цветы в вазах, и вообще, как ребёнок, восхищался каждой безделицей, попадавшейся под руку, чем очень напрягал и вводил в недоумение стюардов. Чего стоил его восторг, когда за столом в ресторане им подали серебряные приборы! После Марио нюхал фрукты и любовался желе, словно всё это может пропасть. Когда им подали бифштекс, он с воодушевлением сказал Тафари: «Я живу в сказке. Вокруг меня — одно волшебство».

И только Итиро не унимался — опять собрал все толы и ауксилы у себя в каюте и экспериментировал. К ужину он приходил с каким-нибудь удачным или нет экспериментом. Например, однажды он притащил охапку светящихся цветов. В другой раз показал воняющие резиновые золотые монеты, которые стали никуда не годные или несъедобный, но красивый пирог. Тот выглядел, словно был испечён из прессованного пепла.

— Настоящий мастер-ремесленник! — смеялся над ним Стурла.

Проблема случилась на шестые сутки рейса.

Ночью в дверь к помощнику капитана кто-то постучал. Он откинул с головы одеяло, посмотрел в потолок каюты и бесцветно сказал сам себе:

— Гарантию даю, это та странная компания.

Они и так напрягали его каждый день за обедом, а за завтраком стюарды в кают-компании рассказывали новые небылицы, обсуждая лишь этих пассажиров.

Помощник капитана был прав. Когда он оделся и открыл дверь, перед ним стояли Мэдлин и Тафари.

— Простите нас за вторжение, — сказал растерянный темнокожий мужчина. — Но у нас проблема. И, кажется, нужна ваша помощь.

Помощник капитана перебирал в уме, что эти странные люди выкинули на этот раз. Господи, да кто же они

такие? Сумасшедшие миллионеры? Клуб богатых циркачей? Но вслух он всего лишь спокойно спросил:

— Что случилось?

— У нас пропал один товарищ, — выпалила заплаканная Мэд.

— Кто? — спросил помощник упавшим голосом.

— Кудо. Кудо Итиро, — выдохнула Мэдлин и шмыгнула носом.

Уже через пятнадцать минут семь человек команды, и вся странная компания пассажиров набились в каюту Итиро.

Приступили к осмотру.

Здесь была обнаружена нетронутая постель. Нигде не было видно следов борьбы. На прикроватной тумбочке, среди кучи всякого хлама лежало недоеденное яблоко. Помощник подошёл к столу ближе и стал оглядывать странную коллекцию: чайник с синим, словно чернила, чаем... старинный затёртый кошелек... какое-то мерзкое засохшее крыло... мухи, прикрытые перевернутым стаканом... Металлические палки, вонючее печенье, линза, горелые куски резины... Это всё походило на лабораторию безумного учёного.

«Да, и это каюта Итиро Кудо — того, кто ему лично казался самым нормальным из этой компании. Возможно, стюарды не так уж неправы, рассказывая о том, что творится у других пассажиров, — подумал помощник с тоской, — и почему это всё в мой рейс?»

А вслух, обращаясь к проблемным пассажирам, спросил:

— Вы проверили, ничего не пропало? Ничего не появилось лишнего?

— Нет, — вразной помотала головой компания.

— Мне кажется, чего то здесь не хватает, — медленно осмотрев каюту сказал Марио, — но я никак не могу понять, чего...

— Может, самого Итиро? — надувшись, спросил его Стурла.

...Начались поиски Итиро по кораблю. Искали везде. Проверили лодки, рабочие отделения, каюты. Расспросил других пассажиров. Итиро помнили все, но никто не видел его после ужина. Дождались рассвета, развернули корабль, искали в воде: на корму высыпала команда и равнодушные пассажиры. Все вглядывались вдаль. От напряжения в глазах рябило. Но...Итиро не нашли.

Компания была в отчаянии. Мэд и Бернис всё время плакали, причитая: «А вдруг его поглотили малумы?» Тафари на них ругался. Стурла просто ругался в никуда. Марио ходил печальным и молчаливым. Но они расстроились ещё больше, когда капитан корабля отдал команду продолжить маршрут. Он отправил на берег телеграмму о пропаже пассажира с просьбой приезда полиции к моменту их прибытия в порт.

Тафари облазил все потаённые уголки корабля, пугая встречных пассажиров и матросов светом своего фонаря. Но нигде не было следов пребывания Итиро или малумов. Следопыт даже пытался выпросить мух, которых Итиро закрыл колпаком стакана, но они лишь нервно прожужжали ругательства, вырвавшись наружу, и разлетелись по делам.

К очередному ужину компания не спустилась. За их большим столом сиротливо сидел только Стурла и без аппетита, постоянно вздыхая, жевал мясо.

Перед сном, на всякий случай, Тафари обошёл всех визидаров и скомандовал на ночь обязательно закрыть все окна и двери. Он вернулся в каюту, проверил засовы, зашторил иллюминаторы и лёг в кровать. Тафари долго крутился, но потом, с мыслями об Итиро, забылся беспокойным сном.

В три ночи он проснулся от того, что кто-то его тряс за плечо. Следопыт открыл глаза. Над ним склонился... Итиро.

— Тафари-Тафари, я здесь!

В первые секунды Следопыту показалось, что это продолжение сна. Тафари включил свет. Перед ним на краю кровати сидел бледный, но живой Итиро.

— Я очень голодный. У тебя есть что-нибудь поесть? — спросил он.

— Где ты был? — удивился, обняв Итиро, Тафари, — где ты был? Мы думали, что потеряли тебя!

— Я всё время был здесь, — ответил Итиро.

И рассказал, что с ним случилось.

...После ужина Итиро отправился в свою каюту. Ему не давали покоя мысли о каменном шаре, найденном в сеноте. Итиро не мог понять, что это за предмет. Зачем он? И почему на нём светилась надпись: «Нет» Что всё это обозначало? Он крутил шар в руках, потом решил попробовать на нём все имеющиеся в его распоряжении толы. И первый же тол — его Огненная палочка, сработал. Шар нагрелся и скинул первый слой. Тот сошёл, словно скорлупа. Под ним обнаружился новый шар, но уже голубой. И тоже со словом: «Нет». Итиро опять его нагрел. Повторилось старое — голубой шар развалился, обнажив зелёный. Итиро не удивился, что надпись осталась прежней. И так он нагревал шары, пока не остался последний — красный. И на нём засветилось: «Да».

Итиро нагрел и его. Шар развалился, обнажив флакончик из кусочков неогранённых сапфиров, спаянных меж

собой золотыми нитями. Итиро долго вертел её в руках и, наконец, обнаружил, что если покрутить выпуклость на резной крышечке, то бутылёк открывался. Внутри был розовый порошок. Он вдохнул его — порошок сладко пах персиками.

И тут в отражении серебряного чайника, стоящего перед ним, Итиро заметил, что стал исчезать. Он побежал в туалетную комнату к зеркалу. И в отчаянии увидел, что исчез полностью. Итиро бегал по каютам легко проходя сквозь стены и двери. Хотел взять ручку и написать записку. Но стал словно приведение — в его руках ничего не держалось. Итиро ничего не мог схватить. Он кричал, но его никто не слышал. Парень видел, как его ищут. Ему было жалко плакавших девушек и бегущей команды. Но он ничего не мог поделать. Только старый пёс одной из пассажирок почуял его. Он глядел Итиро в глаза, рычал и лаял. Но на Итиро не было медальона переводчика, чтобы попросить пса передать кому-то информацию. Да и сработал ли медальон, парень не знал.

Итиро оставалось только сесть в каюте Тафари и ждать, чем это всё закончится, отгоняя от себя мысли, что он останется таким навсегда.

— Но странно, мы не увидели никакого огранённого бутылёк у тебя на столе, — выслушав друга, удивился Тафари, — я бы заметил.

Они отправились в каюту Итиро. Да, бутылёк появился на столе. Тафари аккуратно, не дыша, взял её в руки и рассмотрел.

— Видимо, — сказал он, — флакон пропадает, когда пропадает и тот, кто им воспользовался.

...В четыре ночи помощник капитана опять проснулся от стука.

— Помяните мои слова... — сказал он, но не договорил, встал, накинул китель и открыл дверь.

За ней стояли Тафари и Итиро.

— Господин помощник капитана, — поклонился ему Итиро, — я нашёлся. Извините, заснул на палубе в лежаке. И проспал стуки...

У помощника капитана открылся рот. Он сам лично проверял все палубы лежаки.

— Извините ещё раз за доставленные неудобства, — кротко продолжал кланяться Итиро, смиренно сложив перед собой руки.

— Так мы пойдём? — спросил Тафари.

Потерявший дар речи помощник, смог лишь кивнуть. Когда парочка удалилась, он вернулся в постель и закрылся с головой одеялом, пытаясь не думать, как будет выглядеть в глазах береговой полиции, когда завтра сообщит в телеграмме, что пассажир нашёлся.

За завтраком, когда компания сидела в ресторане парохода и старалась не обращать внимания на косые взгляды других пассажиров, Тафари, нагнувшись через стол, тихо сказал:

— Ещё два правила. Отныне мастерим и проводим эксперименты с толами и ауксилами лишь в компании. Хотя бы вдвоём. И второе, толами надо пользоваться экономно. Невозможно понять, когда они пригодятся. А вы их постоянно разряжаете.

Все кивнули, соглашаясь.

Флакон с Исчезательной пудрой, Тафари и Итиро плотно закрыли и спрятали.

...В первых числах августа, пароход, наконец, достиг берегов Франции. Когда странные пассажиры спустились по трапу, счастливый помощник капитана улыбался и отчаянно махал им вслед, как собственно, и вся команда, выстроившаяся у бортика корабля.

Тайны поместья Леонара

...В порту их встречали два Роллс-ройса с вышколенными водителями. Они стояли рядом с машинами, держа в руках табличку: «Для гостей Графа Жобена».

Растерянная группа визидаров подошла к Роллс-ройсам.

— Вот это, да — глядя на себя в лакированный бок машины, присвистнул Стурла.

В один автомобиль сели Мэдлин, Бёрнис и Марио. В другой — Тафари, Стурла и Итиро. Когда все, наконец, разместились по машинам и двинулись в путь, Тафари спросил у водителя:

— Долго ли нам ехать?

— В замке Дурдуа-Кашон мы окажемся вечером, — ответил водитель. — Граф Леонар Жобен вас очень ждёт.

— Леонар? — удивился, бормоча Итиро.

— Наверное, его назвали в честь предка. В знатных родах Европы это принято, — сказал Тафари и снова обратился к водителю, — скажите, а среди предков рода Жобенов были ещё Леонары?

— Возможно, — кивнул водитель, — хотя я не знаю этого наверняка.

Для Марио поездка на машине была первой, и почти всю её он промолчал, ошарашенный машиной не меньше, чем боем с чудовищем.

А за окнами перед ремесленниками расстилались пасторали летней Европы. Почти во всех домах, мимо которых они проезжали, были распахнуты окна — люди спасались от духоты. Вокруг цвели сады, в них и не сосчитать было цветов, не передать оттенков — оставалось лишь втягивать носом их густой сочный аромат. На полях созрела пшеница. Она резко качала налитыми колосьями вслед машинам, когда они проносились слишком близко.

Пару раз визидары видели взбиравшиеся на холмы виноградники, где уже начался сбор урожая, и работники неспеша таскали корзины, полные матовых ягод и складывали их в повозки, стоящие на обочинах. Весь увиденный ими мир после полудня постепенно накрыло густое небо, вившееся сытыми тёмными тучами, в которых иногда по горизонту сверкали зарницы. Собиралась гроза.

Франция свалилась на них, невообразимым букетом вкусов, цветов, видов. И от этого кружилась голова, размякло нутро. Визидары один за другим расслабились и на их лицах появились блаженные улыбки. Первыми расцвели девушки и Марио, чуть позже Итиро с Тафари, но под конец поездки даже суровый Стурла стал весел, хохотал и снова начал напевать, чего он давно не делал. Его песня касалась горячих капотов машин, пробегала по разнотравью, пыльным листьям придорожных кустов и растворялась в знойном лете. К визидарам вернулась беззаботность их прежней, уже далёкой, жизни. Когда никого не надо было искать и ничего серьёзного решать, кроме насущного. Хотя, даже в той жизни, если вспомнить, у каждого из них в душе была заноза — тайна, которую они не понимали. Да, сейчас они ослабили внутреннюю пружину, но спроси каждого из них — они не жалели о своём пути. «Это наша миссия — сказал как-то Тафари, — наше предназначение. Без него жизнь проще, но бессмысленна». Наконец, когда машины накрыла грозовая туча, и частый тяжёлый дождь застучал по капотам, визидары в обеих машинах громко запели, подхватив песню Стурлы.

...Они въехали в ворота имения Дурдуа-Кашон, когда уже была глубокая ночь. С наступлением темноты ещё не осела дневная жара, но она стала мягче. В траве громко стрекотали сверчки. За воротами начался лес, и машины долго неслись по холмистой дороге, разгоняя в низинах первый ночной туман.

Потом, лес перешёл в парк, подсвеченный фонарями. Визидары с удивлением уставились на большие самшитовые фигуры: животные, арки, целые чудные аллеи, где кусты то стелились волнами, то лежали гигантскими жемчужными ожерельями вокруг пышных роз.

И вот показался величественный замок из светлого камня. По сторонам возвышались башни увитые плющом. Над парадным входом покачивались флаги.

У крыльца стоял сухонький поджарый мужчина в светлом костюме. Он заложил руки за спину, прохаживаясь туда-сюда в модных штиблетах, и улыбался в белую щеголеватую бородку и завитые усы.

Когда визидары вылезли из машин, он подошёл и потряс руку каждому, повторяя:

— Леонар Жобен. Рад, очень рад.

Потом радушно пригласил их в дом. Путникам выделили красивые покои с видом в сады и пригласили отужинать.

Когда слуга в ливрее вёл их через череду залов, визидары только и успевали крутить головой: лепнина с позолотой, красивые фрески, хрустальные люстры и разноцветный паркет. Везде водопадами ниспадали бархатные шторы, подхваченные массивными кистями. Всё, что видели визидары, могли поразить каждого, даже самого изысканного господина.

В замке стояла тишина, лишь шаги гостей эхом отражались в длинных пустынных переходах, но иногда краем глаза можно было заметить странные тени. Казалось, что через проходы или лестницы пробегают серые сгустки, а в

тёмных углах скопились теснящиеся фигурки. Но приглядевшись, визидары видели лишь плотный ночной мрак.

В гостиной был накрыт длинный стол. На нём с высоких ваз падали каскады цветов, с тарелок на длинных ножках свисали виноградные кисти.

Девушек же особо впечатлил столик со сладостями на котором возвышалась горка всевозможных пирожных и стоял величественный метровый торт из круглых шариков, покрытый тонкой карамельной сеткой.

— Что это? — показав на него, заморожено спросила Мэд.

— Ах, это Крокенбуш. Торт из профитролей. Может, по виду он не так изыскан, но в этом, моём любимом, вы встретите двенадцать видов крема: от лавандовой помадки, до муслинового пломбира. Но это ничто, по сравнению со сладостями Визидарии, о которых рассказывали мои предки. Говорят... Ах, я сейчас вас снова заболтаю... Прошу за стол, господа! — махнул Леонар рукой на тарелки из костяного фарфора и резные приборы.

— Какие красивые вилочки, — восхитилась Мэдли, взяв одну в руки. Вилка была покрыта мелким теснением изящной канвы.

— Обрати внимание, — сказал Леонар, — среди узоров там выгравирована буква Ж — Жобены. Этот столовый набор состоит из 120 частей. Это самая древняя вещь нашей семьи. И я ею, несомненно, горжусь.

— И все 120 остались целы и невредимы за столько веков? — удивился Итиро.

— Ну, кроме одной вещи. Солонки, — Леонар указал насередину стола.

Там на серебряном подносике стояли соусники, маленькие пузатые бутылочки и перечница, покрытые той же вязью и с той же буквой Ж. Но, действительно, солонка отсутствовала.

— Ты мог бы заказать её. И мастер тебе бы выковал такую же солонку, — взяв в руки перечницу, сказал Стурла.

— Но это была бы уже не солонка моего рода, — с достоинством возразил Леонар.

— Ох уж эти графские замашки, — проворчал Стурла себе в усы и схватил аппетитный пирожок с ближайшего подноса.

За ужином одно блюдо сменялось другим. А хозяин замка вёл неторопливую беседу. Он выпросил каждого о его роде, толах и ауксилах. Визидары рассказали ему о своих приключениях.

— Скажите, — вдруг спросил Марио, — в записке, которую мы хранили, был указан ваш адрес и имя. Ваше имя. Но ведь записка древняя, наверное, в ней упоминается ваш предок?

Леонар ухмыльнулся в усы:

— Нет, я тот самый Леонар. Сюда приехал мой отец, здесь я уже и родился. Так что историю Ужасной битвы и жизни визидаров до неё, я слушал из уст свидетеля. Мне же отец передал для хранения ауксил и подсказки, где в своё время, найти тол... Мне так много лет, что я и сам не знаю, сколько точно. Мы из рода башахаунов — лесных духов. Какое-то визидарское лекарство мне дало долгожительство. Но, к сожалению, не моим детям. Последний мой потомок женился на простой женщине, и пятнадцать лет назад они умерли, не оставив детей.

— Соболезнуем вашей утрате, — сказала Бёрнис.

— О, они умерли глубокими стариками. К сожалению, участь долгоживущих — хоронить близких, — вздохнул граф Леонар.

— А как же люди? Они не задают вопросов? — удивился Тафари.

— У людей короткая память. Места здесь глухие. Прислуга меняется. К новому поколению Жобенов меня всегда приписывали дедом. И потом удивительно, как меняет внешний вид соблюдение моды! Так что, как ни странно, вопросов почти никогда ни у кого не возникало, — сказал Леонар, — к тому же, я много путешествую, уезжаю в другие страны и учусь. Всю жизнь учусь. Я закончил 256 университетов! Скопил очень ценную библиотеку. В последние годы я увлёкся новой наукой — психологией, и был, между прочим, учеником самого Вильгельма Вундта.

Леонар поднял указательный палец и многозначительно окинул взглядом визидаров. Никто за столом не знал, ни кто этот самый Вильгельм, ни что это за наука такая — психология, но все уважительно замолчали.

Чтобы перевести тему разговора, Итиро прервал тишину.

— Здесь в замке много слуг? — спросил он, — ведь обслуживать такое здание — надо много народа?

— В замке на чердаке и в башнях живут флерусы. Сначала они обитали по окрестным деревням, но сельчане их не жаловали, хотя флерусы добры и безобидны. Они большие помощники по дому. Но люди начали про них сплетничать, изгонять, искать укрытия флерусов и разрушать их. Вот я и разрешил им селиться здесь. А они взялись выполнять всю работу по дому. Но флерусы скромные, не любят показываться на глаза. Только не надо забывать их благодарить — я всегда оставляю им еду и сладости.

— А кто такие флерусы? — спросила вежливо Бёрнис, промокнув рот салфеткой. Сейчас она выглядела аристократкой, а минуту назад с удовольствием поглощала сырую баранью ногу. И даже Стурла, глядя на неё за этим занятием, уважительно кряхтел, обгладывая свой бифштекс.

— Флерусы — это духи дома. Они молчаливы, редко покидают родные стены и помогают хозяину во всех его

делах. Загляни под скатерть или в любой тёмный уголок — если флерусы живут в доме, то всегда увидишь их там.

Волчица недоверчиво, но с любопытством приподняла скатерть и среди ног увидела серых мохнатых существ, которые тут же разбежались от её взгляда туда, где потемнее.

— Значит, когда мы шли сюда, тени нам не казались, — улыбнулся Марио.

— Флерусы обожают подсолнухи, и специально для них я посадил их целое поле. Мы собираем их в конце лета, и складываем в верхних комнатах. Флерусы под ними живут и щелкают любимые семена. Они вечно чем-то заняты, нет им покоя. Но флерусы любят все делать по-своему и переставлять на свой лад. Спорить бесполезно. Если они поставили стул посреди коридора — нельзя его двигать, пока они сами не захотят. За много веков я смирился — если флерусы перетаскивают мою постель в другой угол, значит так надо. Иногда непонятно, чей это замок — мой или их, — Жобен весело рассмеялся, а потом, оглядев стол, сказал, — раз уже все поели, пойдёмте в библиотеку, я покажу вам свой ауксил. И немного расскажу историю своего рода.

По длинному коридору они отправились в другое крыло замка. Они шли по бесконечным коврам, которые из причудливых теней через решётчатые окна нарисовала луна. Переходы сменялись арками, арки переходили в лестницы, но, наконец, Леонар открыл небольшую утопленную в стене дверь. За нею оказалось огромное пространство. Здесь расположилась красивая библиотека, к которой примыкал зимний сад с куполообразной крышей. Стены двухэтажной галереи библиотеки украшали деревянные панно. На них старинные охотники, сидя на парящих лошадях, сражались с драконами. Леонар указал на изображения и сказал:

— Это моя гордость. Их вырезал мой отец, добрейший Фуциус Жобен. Он рассказывал, что многие наши предки были охотниками на драконов. Они ездили на летающих лошадях...

— Летающих? — удивился Марио.

— Да, это была особая визидарская порода — чёрные летающие лошади. Вернее, они не рождались с умением парить. Как-то потом этому их учили визидары. Это породу отличало небольшое тело, сильные длинные ноги и густая грива. Для удобства её заплетали в косы, за которые держались возничие. О..., - перебил сам себя граф, — об этом я могу говорить бесконечно. Пойдёмте лучше в зимний сад.

И Леонар повёл их туда, где под стеклянным куполом отбрасывали таинственные тени листья пальм. Хозяин показал на большой сейф, спрятанный за листвой. С помощью кодов и рычагов открыл его и вытащил на свет... потёртую кожаную перчатку.

— Это ваш ауксил? — спросила Мэдлин.

— Да, — кивнул ей граф, — это Врачующая перчатка. Стоит её наложить на рану, и она затянется. Конечно, мертвых перчатка воскресить не может, но кровотечения, переломы, вывихи и раны мы лечим только ею.

— А почему вы так серьёзно её охраняете? — удивился Стурла.

Гном очень устал, его глаза почти закрылись. Стурла позёвывал, прикорнув на скамье и задавая свой вопрос, одновременно пытался пристроить свою голову на заду каменной нимфы.

— Вот тут то и проблема. Вы видите, какая здесь библиотека? — указал Леонар на два этажа фолиантов. — Здесь есть книги по философии и самолетостроению, учебники, эссе по различным наукам. А самой главной книги нет.

Леонар Жобен присел рядом со Стурлой, который уже умудрился уснуть и сладко похрапывал, обняв холодный стан статуи. Но граф обращался к остальным, те устроились напротив него на парапете небольшого фонтана и внимательно слушали.

— У моего отца был брат Луи. Они были близнецами. Но очень разными. Говорят, где-то здесь рядом, они обнаружили колодец с малумами и победили их, завалив его каменной плитой. Но вся эта история очень повлияла на Луи. В коротком сражении с малумами он потерял руку и стал калекой. У Луи испортился характер, появилась жестокость в поступках, но мой отец всё списывал на тот страшный бой и всё прощал брату. Луи считал, что надо забыть покинутую родину и историю визидаров. Осесть здесь и жить спокойно, как люди. Он захотел уничтожить ауксил и тол... Братья сильно рассорились. И Луи настоял, чтобы земли были поделены поровну, что и было сделано. Но дела у него пошли не так хорошо, как у нас. И Луи во всём обвинял моего отца, укорял в магических происках, хотя у отца не было ни визидарских инструментов, ни желания. При любых невзгодах Луи обрушивался на брата бранью и укорами. Отец пытался поддержать, помочь брата, но Луи всё воспринимал в штыки. И эту ненависть передал следующим поколениям. Луи давно умер, но его нынешний потомок, Базиль Жобен, продолжает поддерживать идею вражды и ненависти, и мы не общаемся. Хотя живет он недалеко, но к нему не так-то просто попасть. Из своего дома они устроили настоящую крепость, окружив земли высоченным забором и сделав их неприступными.

— А причём здесь перчатка и некая книга? — уточнил Тафари, посматривая на зевающего Итиро.

— Луи выкрал книгу и спрятал у себя. Но где, никто не знает. А перчатка... Я охраняю её, потому что пару раз родня дядюшки пыталась проникнуть в замок, но зачем? Конечно за перчаткой. Поэтому я сделал для неё этот сейф.

— Может Луи или Базиль давно уничтожили книгу? — спросила сонная Мэд, прислонившись к плечу Бёрнис.

— Нет, она волшебная. Уничтожить её невозможно. Поэтому они явно её где-то хранят. И нам обязательно надо узнать, где...

Тафари взглянул на клюющих носами девушек и сказал:

— Давайте оставим решение этой задачи на утро. То, на что не можешь ответить вечером, легко решается посветлу.

— Да-да, простите меня, — всплеснул руками, оглядев почти спящую компанию, воскликнул Леонар, — извиняет меня то, что я столетиями ждал этой встречи! Но, сейчас, конечно, нам всем надо в кровати!

Вскоре в коридорах замка стало тихо. Везде погасли огни. Только по углам сильнее закопошились тени, в столовой задвигалась посуда и стали исчезать пирожные, а остатки Крокенбуша таяли, словноснежная горка. Зато облепившие их тени с каждой секундой увеличивались, словно их раздувало.

Закончив с едой, флерусы растащили по местам посуду и прибрали комнаты, хотя в темноте казалось, что предметы движутся сами, плавно передвигаясь по воздуху.

...Наутро визидары завтракали в саду. С полей лёгкий ветерок доносил сочный запах скошенной травы, от которого отчего-то рот наполнялся слюнками. В воздухе разлилась нега. Никому никуда не хотелось идти. Лишь бы осталась эта разморённая медовая тишина, пропитанная стрекотанием кузнечиков; все эти летние ароматы покоя; суровые самшиты, закрученные в фигуры и весёлые наперстянки с левкоями, покачивающиеся у ног.

Девушки сидели в лёгких шелковых платьях, мужчины, кроме Стурлы в костюмах. Нежный ветерок разносил приглушённые голоса их разговоров и аппетитное позвякивание кофейных чашек о блюдца. Издали могло показаться, что беззаботная компания устроила пикник. Но это было не так. Шло бурное обсуждение вчерашнего разговора.

— Я думаю, — говорил Тафари, — что надо пойти к Базилю и попросить эту книгу. Вот и всё. Ну, выкупить её, в крайнем случае.

— Так просто? — задумался, положив ногу на ногу и откинувшись в кресле, Леонар.

— Да. Давайте начнём с этого, — кивнул, одобряя Стурла. Его борода была испачкана — до этого он пытался языком вылизать банку с остатками клубничного варенья, но внимательно слушал план.

— На переговоры к Базилю пойдём все вместе? — уточнила Бёрнис.

— Я думаю, что надо идти втроём, — раздумывал вслух Тафари. — Одного Леонара отпускать не хочется, но большая компания может Базиля напугать. Я, конечно, пойду с Леонаром. Но кого взять ещё?

— Я пойду! — сказал Итиро.

— Нет, друг, — мягко ответил ему Тафари, — у меня для тебя другое задание. Потом объясню.

— Тогда я, — предложила Мэдлин.

— Пожалуй, — кивнул Тафари, — так будет хорошо. Пойдёшь ты.

— Но сначала Базиля надо предупредить. Я же сказал, к нему не так-то просто попасть, — напомнил граф, — он может и отказать.

Послали слугу, отнести Базилю письмо. Вернулся тот скоро. В ответе Базиля было всего несколько строчек: «Жду сегодня вечером в шесть пополудни у себя».

— Хорошее начало! — обрадовался Леонар, — может, вражде конец?

— Было бы прекрасно, — кивнул Тафари.

...Когда часы пробили пять с половиной, вниз спустились все, кроме Итиро.

— Я дал ему задание, и он очень занят. Итиро у себя в комнате, — объяснил его отсутствие Тафари.

— Ну что ж. В путь, — несколько взволнованно сказал Леонар.

Он и Тафари надели лучшие костюмы. Оба стояли у зеркала подтянутые, сосредоточенные. Сейчас они очень походили друг на друга напряжённым выражением серьёзных глаз и пытливого вертикальной морщинкой между бровей. Только Леонар держал в руках тёмную элегантную трость, а на голове у него была модная светлая шляпа-таблетка.

— Мы поедem? — уточнила у них Мэдлин, поправляя завязки маленькой летней шляпки перед зеркалом. Она тоже принарядилась и была невероятно хороша в голубом платье.

— Нет. Мы пойдём пешком, — ответил ей граф и махнул рукой в сторону коридора, приглашая их выйти в дверь, ведущую на задний двор.

За замком располагались конюшни и хранилища. Визидары обогнули их и вышли к милому низкому заборчику. За ним начинался холм, засеянный яркими подсолнухами. Все они были повернуты к путникам огромными головками жёлтых цветов.

— Ах, как красиво! — всплеснула руками Мэдлин. И сорвала один, самый большой подсолнух. — Под ним можно укрыться, как под зонтиком.

— Надо не забывать о времени, — сказал Тафари, глядя на солнце, и повторил громко, — нельзя забывать о

времени.

— Мы успеем, — успокоил его Леонар.

Но Тафари заметно нервничал, и граф Жобен прибавил ходу, углубившись в еле заметную дорожку меж высоких цветов.

Когда они поднялись на холм, то увидели перед собой как на ладони огромную долину. До самого горизонта простиралась поля, перелески и кое-где среди зелени уютно посвёркивали кольца спокойной река. Внизу холма, там, где заканчивалось подсолнечное поле, был ещё один забор, но уже высокий каменный. Он казался бесконечным, то исчезая в деревьях, то неожиданно снова появляясь на возвышениях.

— Мы называем его Великой китайской стеной, — показал на забор Леонар, а потом, указав на крыши, торчащие из-за него, добавил, — вот там Базиль и живёт. Это его поместье и есть. Левее, во-о-он там, за деревьями, ворота. Отсюда их не видно.

Визидары двинулись туда, куда указывал Леонар. Вскоре они вышли на дорогу и уже по ней, в тени высокого забора, добрались до входа.

Ровно в шесть часов граф Жобен колотил в дверное кольцо больших массивных ворот. Открылась маленькая задвижка, кто-то секунду их разглядывал, хмыкнул и открыл калитку.

Компания вошла внутрь и попала на большой двор. Справа от ворот к дому вела красивая дорожка, но сейчас она была завалена. Казалось, на неё спешно накидали бочек, старую разбитую телегу и прочий мусор. Везде, куда ни глянь, по двору сновали большие толстые свиньи. Пару из них тут же подошли к компании и стали бесцеремонно трепать им одежду. Мэдлин опасалась этих огромных хрюкающих животных, она замерла, вжалась в ворота, но старалась не показывать вида.

К визидарам шагнул лысый круглый мужичок и, хитро прищурившись, сказал:

— Я Базиль. Здраваться не будем, у меня руки грязные, — он тут же продемонстрировал чёрные ладони. — Извините, у нас тут перестройка, ходим пока в обход, — и он показал налево — там была сплошная жижа. В неё кинули пару кирпичей и досок. Одна из свиней плюхнулась в грязь прямо перед визидарами, обдав их чёрными брызгами.

Мэдлин глубоко вдохнула, улыбнулась, и сказал:

— Ничего страшного, — смело шагнула в грязь, — главное, — добавила она, — что вы нас приняли.

За ней двинулись и Тафари с Леонаром. Базиль удивлённо крикнул и последовал за компанией.

Они подошли к дому, но внутрь их хозяин не пригласил. Он повёл их к сараю, где в тенистоял стол переговоров.

— Что надо? — без обиняков и подготовки спросил Базиль у Леонара, когда они уселись напротив друг друга.

— Я хочу попросить у тебя вернуть книгу. Ты знаешь, какую. На любых условиях, — сказал торжественно Леонар.

— Ну, ты старый хрыч. Ишь чего захотел, — хохотнул Базиль, протирая лысину.

— Так что вы хотите за неё? — спросила Мэдлин.

Базиль пристально и весьма невежливо оглядел её и уточнил:

— Ты из визидаров, как я погляжу? Ты новая пассия Леонара что ли?

— Нет, — вспыхнула Мэд, — что вы. Мы...мы друзья.

— Дружишь с этим безумным старикашкой и негром? Ты себя полностью скомпрометировала, девушка.

Стыдилась бы и не связывалась с визидарами. Это же вымирающие уродцы.

Мэд вскочила и, дрожа от негодования, сказала:

— Да вы пальца не стоите этих людей. Тафари...он лучший...Он надёжный товарищ...Леонар...я его знаю мало, но он благородный...А вы...Это вы себя компрометируете говоря такие гадости. Вас и человеком то нельзя назвать после этого.

Тафари схватил её за руку, чтобы усадить на место.

— Ну, будет-будет, ишь, как загоношилась. Тебя что ли попросить как плату за книгу? Да ладно, не кипятись, пошутил я, — успокоил её, смеясь, Базиль.

Потом он окинул взглядом друзей ещё раз и сказал:

— Вы меня повеселили. Долго буду вспоминать этот цирк.

— Так что, Базиль, что ты хочешь за книгу? — повторил вопрос Леонар.

— Ничего. Не получишь ты её. Позвал тебя посмеяться. Давно твою рожу не видел, хотел полюбоваться, — сказал, вставая Базиль, потом повернулся к сараю и крикнул, — Сисар, Готье, проводите господ.

Тут же из темноты вышли два крупных, похожих между собой, как близнецы, парня. Они были огромные, как шкафы с руками. Сисар с Готье подошли, поигрывая мышцами, и один из них сказал:

— Господин вас не хочет больше видеть. Извольте вон, — и показал на ворота.

Гостям ничего не оставалось, как встать и отправиться по грязи обратно. Как только они вышли, на них сверху

вылилось три ведра с помоями, а из-за ворот раздалось дружное ржание.

— Поделом тебе Леонар. Выскачка, — крикнул вслед им Базиль, а потом добавил, — и не рассчитывай, что ты проживёшь дольше меня. Что-то мне подсказывает, что скоро всё твоё богатство достанется мне.

Леонар ничего не ответил. Друзья стряхнули грязь, отошли подальше и тут Тафари сказал:

— Побежали скорее домой!

Он рванул вверх по холму, а Мэд и Леонар кинулись за ним, не понимая, что происходит. А Следопыт мчался так, словно за ним гнались.

Когда они вбежали в холл замка Тафари задыхаясь, спросил, у Стурла:

— Сколько?

— Срок пять минут.

— Что сорок пять минут? — уточнил, переводя дыхание Жобен.

Он держался за угол резного выступа и чуть не падал. Мэд присела на кушетку, она тоже не могла отдышаться от бега.

— Вас не было сорок пять минут, — сказал Стурла.

— Не волнуйтесь. Его ещё не видно, — крикнула им из гостиной Бернис.

Все отправились к ней.

— Да что происходит?! Кого не видно? — спросил у визидаров растерянный Леонар, падая на диван.

— Лучше скажите, почему от вас так воняет? — спросил Марио, принимаясь.

— А... гадкие происки Базиля. Он всегда был такой, — махнул рукой Леонар, — сейчас переоденемся, — а потом повторил вопрос, — так что происходит?

— С нами ходил Итиро, — объяснил ситуацию Тафари. — Он понюхал Исчезательной пудры. Но мы пока ещё не умеем ею пользоваться, и не знаем, сколько её надо точно вдыхать. Поэтому и боимся, чтобы он не проявился раньше срока.

— Когда Итиро проявится, мы увидим бутылёк вот здесь, на столе, — показала Бёрнис на пустое место.

— Почему же вы мне не рассказали? — удивился Леонар.

— Тогда, возможно, вы бы нервничали сильнее и не справились с ролью, — сказала Бернис.

У невидимого флакончика стали дежурить по очереди. Тафари, Леонар и Мэд успели переодеться, Стурла два раза поел, а она всё не появлялась.

— Может, вы не в это место его положили, и она где-то уже проявилась. Итиро в плену, а мы и не знаем, — нервничал, выдвигая самые тёмные предположения Марио.

— У тебя повышенная тревожность, — обратился к нему Леонар. — Давай решать проблемы по мере их поступления. И не бояться заранее. Самое глупое — тратить внутреннюю энергию на пустые страхи.

— Сюда! — позвала всех к столу Мэдлин.

Бутылёк стал проявляться. Сначала обозначились его золотые грани, потом выступили неограниченные камешки.

— Ну всё. Теперь остаётся ждать. Если Итиро успел выйти за забор, то скоро будет здесь, — выдохнул Тафари.

— Я пойду на холм! — сказала Бёрнис.

И все, не сговариваясь, встали и пошли встречать разведчика. Не успели они выйти с заднего двора, как из-за сарая показался Итиро. Встречали его, как героя.

— Рассказывай! Устал? Было очень страшно? — неслось на него со всех сторон.

— Сейчас всё расскажу, только дайте попить, — таинственно сказал Итиро.

Они толпой отправились на кухню замка.

В кухне, все как-то разом перестали нервничать. Здесь всё располагало к покою: и по-домашнему были выбеленные каменные стены и мелкая терракотовая плиточка на полу. Посреди помещения стояла большая плита над которой нависла вытяжка обвешанная медными кастрюлями, пучками лавра и прочих пряностей, по стенам стояли шкафы, а у окна — большой деревянный стол. За него то и усадили Итиро.

Остальные суетились вокруг. Леонар нашёл в шкафу кофе, Мэдлин кипятила воду, Стурла достал из погреба, куда он давно протоптал дорогу и, кажется, лучшего хозяина знал, что где находится, окорок и мясной пирог. Тафари резал помидоры, Марио — хлеб. Все суетились, поглядывая на Итиро. Постепенно стол завалили сэндвичами и кружками с чаем. Визидары уселись вокруг героя и стали слушать.

— Значит так. Сразу скажу, что у Базиля книги нет. И он не мог бы вам отдать её, даже если бы сильно захотел. Но я знаю, где она, — сказал, откусывая большой кусок пирога Итиро, — но обо всё по порядку. И загадок не стало меньше... Когда Базиль вас выгнал и облил помоями, что было несомненно жестоко с его стороны, они с Сисаром и Готье долго сидели на крыльце и смеялись. Кстати, в доме живёт ещё жена Базиля и его взрослый сын. Но заправляет всем сам Базиль. Дом их большой с кучей незаметных лазов и скрытых комнат...

— Да, — перебил его Леонар, — дом этот строилсам Луи. А он был любителем тайных ходов и спрятанных лестниц.

— Так вот, — продолжил Итиро. — В хозяйстве у них много диковинных шпук, за домом через участок течёт небольшая речушка, но там, где она впадает во двор, тоже не пролезть — там река зарешечена и обвешана колокольчиками. Видимо, чтобы услышать врага.

— Нет, — помотал головой Леонар, — в здешних реках много корриганов, по поверьям они боятся звона колокольчиков, но на самом деле это чепуха. Поэтому скорее их развешивают по традиции. Я бы больше поверил в то, что корриганы любят по ночам в них звенеть.

— А кто такие корриганы? — спросила Бёрнис.

— Вредные речные духи. Днём они страшные, а вот ночью превращаются в красивых девушек и заманивают запоздалых путников. То в темноте корриганы полощут саваны, то поют или зовут к себе. Но только попадёшь к ним в воду, они, словно пираньи, набрасываются, топят и пожирают...

— Да, точно! Про традиции корриганов в имении у Базиля я слышал много, — воскликнул Итиро, — Но знаете, почему Базиль не боится их и даже приваживает?

Итиро замолчал. Он обвёл всех загадочным взглядом, а потом вдруг спросил у Леонара:

— Видели ли вы когда-нибудь жену Базиля?

— Близо нет, — мотнул головой граф. — Кажется, она — восточная женщина и ходит укутанная с ног до головы одеждами. Только глаза видно.

— Потому что она сама корриганка! — быстро сказал Итиро, — вот и прячется днём в покрывалах.

— Но как же?! — подскочил Леонар. — Базиль всю жизнь проклинал визидаров. Хотя его кровь — кровь визидара, его ребёнок — от корриганки, значит он вдвойне визидарец. Ничего не пойму...

— Сдаётся мне, что у вас уже просто кровная вражда между родственниками, — заметил Тафари.

— А что ты видел там ещё? — поторопила Итиро Бернис.

— Из разговоров Базиля с его слугами и семьёй, я понял, что это они пытались проникнуть к вам в замок несколько раз, чтобы найти комнату.

— Какую комнату? — удивился Леонар. — То есть им не нужна перчатка?

— Боюсь, они про неё и не знают, — покачал головой Итиро. — Они хотят попасть в комнату, где когда-то жил ваш дядя Луи — их предок. Вы знаете, где она находится?

— Давно это было, — задумался Леонар. — Но отец и его брат до вражды жили на одном этаже под крышей. Кажется в противоположных комнатах. Папина выходила на восток, а дядина на запад.

— Да, наверняка так! Сейчас я дорасскажу и вы поймёте, что правы. Так вот, — продолжил сбивчивый рассказ Итиро, — потом вышла супруга Базиля, и они стали с ним ругаться. Много чего они вспомнили с вашим приходом. Жена кричала, что Базиль сошёл с ума, как перед смертью его предок Луи, который «рвался помириться с братом, да хорошо, что у него ноги отнялись, безумный старикашка». Из их перепалки я понял, что в подвале сарая есть запечатанное хранилище. Его оставил ваш дядя, тот самый Луи. Но Базиль и его жена не могут его вскрыть. Туда ведёт дверь, в которой есть сто колец.

— Так дядюшка Луи перед смертью жалел о ссоре с братом?! — вскочил Леонар. — Как был бы счастлив отец, узнай он это! До последнего вдоха он вспоминал о брате.

— Луи хотел примирения, но его ноги, как я понял, отказали. И его никуда не пускали. Его же поместье, которое Луи строил как крепость, оказалось для него ловушкой, где его держала родня. Но тогда старый Луи решил спрятать от них книгу. И запер её в хранилище.

— Так ты видел это хранилище? — воскликнул Стурла, подпрыгнув на стуле и опрокинув стакан.

— Да, найти его не так-то трудно. Оно в подвале, но проход туда спрятан в конюшне под соломой. Базиль потребовал, чтобы помощники накидали на лаз побольше сена. Но я в него спустился и дверь внимательно рассмотрел. И внутри был — я же могу пройти сквозь стены. Книга там. Как и много золота.

— Их золото нам не нужно, — отмахнулся Леонар, — так что там с дверью?

Итиро схватил листок, лежавший на столе, и поспешно стал рисовать, макая ручку в чернила. Он так нажимал на перо, что его рисунок быстро покрылся кляксами, но всё же было понятно, что на нём изображено: ряды дверных колец.

— На двери десять рядов по десять колец, — объяснял Итиро, — жена Базиля посетовала, что мужу надо было просить за книгу у Леонара замка. И тогда они бы всё узнали.

— Узнали бы что? — спросил Леонар.

— Вот в этом и отгадка. Они бы узнали, как открыть дверь к их богатствам, — поднял испачканный чернилами палец Итиро, — в каком ряду тянуть кольца, должна подсказать какая-то королевская считалка Жобенов. Но они её не знают.

— Как не знают?! — вскочил Леонар, — это же очень просто! Почему Луи не выучил ей своих детей?! Он то точно её знал!

Граф встал посреди комнаты и стал декламировать:

— В королевстве моём всего много:

три коровы стоят у порога,
пятеро слуг с цветами,
семь кошек с большими носами.

На восьмом столе лимон,
кто не понял — выйди вон!

Леонар засмеялся:

— Все Жобены знают эту считалку с малых лет!

— Ну, как видно, не все, — заметил Итиро.

— Из вашей считалки получается, что надо задействовать третий, пятый, седьмой и восьмые ряды. Но какие именно кольца в этих рядах тянуть? Нужны ещё четыре цифры. Но где их взять? — спросил Тафари.

— А вот тут вторая загадка, — опять загадочно проговорил Итиро, — вот почему семья Базиля так рвалась в ваш дом. Увидеть спальню своего предка Луи. Над входом в их хранилище есть надпись: «Дверь откроется, когда два потомка дружно потянут число, которое я видел каждый закат из своей комнаты замка, когда все еще были вместе и счастливы. С любовью, Луи».

— Но в его комнате, насколько я помню, нет никаких чисел, — растерялся Леонар. — И никогда не было.

— Покажите нам эти покои, — попросил Тафари.

Леонар кивнул и поднялся из-за стола, приглашая всех за собой. По крутой винтовой лестнице визидары взобрались на третий этаж в мансарду. Тут всё выглядело заброшенным. Граф еле открыл одну из разошедшихся дверей, подняв целый столб пыли. Все прошли за ним в старое крыло дома, и Леонар указал на две двери расположенные напротив друг друга:

— Здесь были спальни отца и его брата. Теперь тут никто не живёт, кроме флерусов.

Визидары вошли в большое заброшенное помещение, пол которого был устелен цветами подсолнухов. Цветы зашуршали, и серые тени разбежались по углам.

— Вот удивительно, — оглядывая комнату, сказал Стурла, — флерусы наводят чистоту везде, а сами живут словно в норе.

— Ну, уж такие они создания, дай им чужим хозяйством позаниматься, а до своего дела нету. Вернее, они любят тихие пыльные уголки, — пожал плечами Леонар, — давайте искать цифры.

В спальне стояла большая кровать с простой деревянной спинкой без излишеств, шкаф, который оказался пустым. С покатога потолка свисали три чугунных светильника, в них застыл, почерневший от времени, воск. На стенах висели две помутневшие картины, а большое окно закрывали старые, почти истлевшие шторы.

Все стали тщательно искать хоть какие-то числа. Но даже часов в комнате не было. Отодвигали мебель, заглядывали под кровать, проверяли доски пола. Марио расчихался от пыли, глаза его заслезились, поэтому он отдернул полотно шторы, которая рухнула прямо на него, обдав грязью и паутиной. Из-за неё испуганно вылетело пару летучих мышей и кинулись в щель приоткрытого окна. Марио закашлялся, рванул дверцу на балкон и вышел на воздух.

За ним выбежал Леонар и сказал:

— Я сейчас принесу тебе перчатку. Она снимет кашель.

Граф удалился, а Марио, наконец, перестал чихать и, вдохнув чистого вечернего воздуха, огляделся. Наверное, когда-то здесь было очень красиво. Частично ещё осталась изразцовая плитка на полу и изящные барельефы вокруг окна. Небольшой балкон окружала витая решётка из толстых прутьев кое-где соединённых коваными гирляндами цветов. Марио подошёл к краю балкона. Вид открывался чудесный — на тот самый подсолнуховый холм. Как раз за него сейчас и собиралось нырнуть солнце, само напоминавшее огромный подсолнух, слепивший Марио глаза.

Вдруг в комнате кто-то вскрикнул. Марио обернулся. Тафари и Итиро что-то говорили, показывая на него через стекло. Марио стал крутить головой в поисках опасности. Но ничего не понял.

— Иди сюда! — позвал его Итиро внутрь.

Когда вернулся Леонар, перчатка была уже никому не нужна. Все, как замороженные, стояли и смотрели в окно. Граф подошёл к ним. Солнце успело наполовину скрыться за холмом.

— Красиво, — сказал Леонар.

— Нет, ты не туда смотришь, — покачал головой Итиро.

— Посмотри на пол балкона, — подсказал Тафари.

Леонар перевёл взгляд вниз и тоже вскрикнул.

— И ведь это всегда было здесь! — вскинул он брови, — невероятно! И каждый вечер я мог это видеть!

— Что?! Что невероятно?? — крутил головой Стурла, который один до сих пор ничего не понял.

— Гляди на тень решётки, — указал ему Итиро.

— Ну, какая решётка, такая и её тень, — нервничал Стурла.

— Нет, она получается перевернутой. Посмотри, тень образует римские цифры.

Действительно, на полу среди теней из цветов легко просматривалось: MDCCCLXXVI.

— Тут видны какие-то буквы. М, Д, С...абракадабра, — растерялся Стурла.

— Римские цифры и записывают буквами, — пояснил Леонар.

— Даже если и так, тут их куча. А цифр, которые мы ищем, должно быть всего лишь четыре, — напомнил

Стурла, глядя на окружающих, как на дурачье, которое попусту тратит время.

— Их тут и есть всего четыре цифры, — кивнул Тафари.

— Как это? — не понял Стурла.

— Понимаешь, в римской математике была сложная система обозначения цифр, — начал объяснять Леонар, чертя пальцем по пыльной поверхности подоконника.

Дальше он долго, и как показалось Стурле, очень запутанно, рассказывал, как в математике писали эти самые чёртовы римские числа.

— Понял? — спросил граф у Стурла, закончив.

Стурла ничего не понял, но решил не испытывать судьбу и не слушать сложную лекцию ещё раз, потому спросил, покосившись на сумерки за окном:

— Ну а там то что за число было?

— 1876,- торжественно сказал Тафари.

— Вот это, да. Не могу до сих пор поверить, — потрясённый всей ситуацией, Леонар, сел на пыльную кровать.

Он переводил взгляды с одного визидара на другого, и грустно говорил:

— А ведь если бы мы были дружны... Если бы мы только общались...Мы бы давно раскрыли эту тайну. И всем было бы от этого хорошо.

Его так опечалила эта мысль, что за поздним ужином, когда шли активные рассуждения, как достать книгу, он молчал, подперев голову рукой и вяло мешал ложечкой варенье в блюде.

Бёрнис вместе с Марио пошли погулять в сад. А остальные всё ещё обсуждали, как найти тол Леонара.

— В той книге и должны быть какие-то подсказки, как его достать, — угрюмо заметил граф.

— Ну, хватит уже страдать, — блеснул шлемом Стурла, обращаясь к Леонару, — только ты лучше всех знаешь тонкости местности. Ты же тут хозяин, как пробраться к Базилю?

— Может, я могла бы остановить время? — спросила Мэд.

— Но как это поможет? Ты можешь остановить его на минуту, это раз. А два, что и мы тоже остановимся, что ты сможешь сделать одна? — рассуждал Стурла.

— Я думаю, что мне опять надо проникнуть на участок Базиля, став прозрачным, а потом, когда я снова проявлюсь, открыть вам ворота, — вмешался Итиро.

— План хороший, — кивнул Тафари, — надо решить, когда пойдём.

Распахнулись французские окна и из сада, словно ураган, внеслись Марио с Бёрнис.

— Мы знаем, когда надо идти! — воскликнула девушка.

Она откинулась на диване и пыталась отдышаться. Марио же, поправив взлохмаченные от бега волосы, стал объяснять, что случилось:

— Мы взяли с собой Переводные медальоны и прогуливались в парке, как увидели двух белых цапель. Они за самшитами на поле ловили лягушек...

— Одна сказала, что надо завтра с утра лететь на участок Базиля. Там, где протекает река, самые жирные лягушки в округе, — добавила быстро Волчица.

— И как нам помогут жирные лягушки Базиля? — не понял Стурла.

Он достал из кармана мятый неаппетитный сэндвич, который непонятно сколько там пролежал, и, откусив от него, уставился на Бёрнис.

— Дело не в лягушках, а в том, что завтра выходной, и Базиль с семьёй с самого утра отправляются на ярмарку. В доме остаются лишь слуги, но они обычно спят! — ответил за неё Марио.

— Какая нужная информация и как во время! — в волнении вскочил Леонар, — это всё меняет.

До вторых звёзд команда обсуждала план действий.

Леонар сказал, что ворота владений Базиля видно с западной башни замка. Там с утра решили выставить дозорных, которые бы наблюдая в бинокль, следили, когда семейство Базиля покинет поместье. На том и сговорились. И все отправились спать.

Посреди ночи Итиро проснулся от того, что почувствовал чьё-то присутствие в своей спальне. Он огляделся. В углу висела тень в плаще. Итиро окликнул её. Тень вздрогнула. Капюшон шелохнулся, на секунду оголив белый череп. Тень скользнула по воздуху к двери и сквозь закрытую дверь плавно выплыла в коридор. Парень выскочил за ней. Он видел, как тень плывёт мимо дверей спален. На мгновение она вплыла в комнату Леонара, но потом снова появилась в коридоре и исчезла в тупике.

Итиро постоял в раздумье, прислушиваясь, но было тихо, только издали раздавался сочный храп Стурлы. Итиро решил никого не будить. Он вернулся в постель, подумал, что сейчас из-за увиденного не сомкнёт глаз, но тут же провалился в сон. Кажется, закрыл глаза только на секунду, но сразу подскочил — в дверь тарабанила Мэдлин, а в окно заглядывали первые лучи.

Завтракали на веранде. Небо было безоблачным, но солнце ещё до конца не проснулось, поэтому было прохладно. С полей опять пахло разнотравьем и, гоня мошкарку, посвистывали стрижи... В этом утреннем умиротворении Итиро вдруг вспомнил ночной призрак. Он рассказал о нём визидарам.

— Ты сильно испугался? — спросил его Рыболов.

— Наверное, нет. Но призрак как будто кого-то искал, — вспоминал Итиро, — ну, мне так показалось.

— Так это же Анку, — вестник смерти, — побледнел Леонар, — в замке он появляется лишь тогда, когда должен умереть кто-то из Жобенов.

— Может, тебе не ходить сегодня с нами? — тихо предложила Волчица.

— Нет! Жобены никогда не были трусами, — гордо сказал Леонар и отхлебнул кофе, — и если мне дано встретиться со смертью сегодня, я приму это достойно. Во имя предков.

Марио уважительно посмотрел на него и незаметно постарался сесть так же: выпрямив плечи и спину, как Леонар.

Итиро и Тафари пошли нести дежурство на западную башню, но очень скоро спустились с вестями — семья Базиля выехала из ворот и отправилась в сторону города.

— В повозке они были всем составом: Базиль, его сын и укутанная с ног до головы жена, — докладывал Итиро.

— Готовность номер один! — заорал Стурла, хотя сам он давно был готов — сидел в коридоре на диване в полном боевом облачении, обвешавшись ножами, топориком и мечом.

Тафари даже на задание оделся изысканно — на нём был изумрудный жилет с золотым рисунком и костюм для охоты шоколадного цвета, под цвет его глаз. Брюки он заправил в высокие сапоги. Под мышкой и на поясе поблёскивало оружие, а на груди висело неизменное крыло летучей мыши.

— Тафари, ты настоящий модник! — сказала увидев его Волчица.

— Спасибо. Это моя привычка: чем серьёзнее дело, тем тщательнее я продумываю детали. Вплоть до одежды, — объяснил Следопыт.

— А вот ещё один элегантный господин, — добавила Бёрнис, глядя на подошедшего Леонара.

Он тоже вышел в костюме, и, конечно же, опирался на свою трость.

Когда спустились остальные, Итиро аккуратно поставил на стол шкатулку с Исчезательным порошком. Он бережно открыл её, окунул туда палец и коснулся им кончика носа. Итиро сделал маленький вдох, чтобы пропасть совсем ненадолго.

Все смотрели, как парень исчезает: сначала пропало тело, потом постепенно растворилась одежда, последними исчезли его ботинки с пряжками.

Стурла сказал:

— Выдвигаемся!

И первым пошёл к двери заднего хода.

Они молча цепочкой шли по полю подсолнухов. Цветы шуршали листьями. Высокого Тафари они постоянно били по шапочке, норовя её сбросить. Но команда не сбавляла ходу. Вскоре они вышли к знакомым воротам. На всякий случай визидары остались в зарослях цветов, пристально глядя на дверь. Оставалось только ждать, когда Итиро сможет её открыть.

Прошёл мучительный час. Что-то скрипнуло, все напряглись. Из дверей высунулась голова Итиро, и он громко зашептал:

— Идите сюда, здесь никого нет!

Команда быстро прокралась во двор.

Он выглядел совсем не таким, каким его видели визидары вчера: дорожки были расчищены, грязь засыпана песком, загнанные свиньи хрюкали в просторном загоне.

— Идём за мной, — махнул визидарам Итиро и повёл их вокруг построек.

За домом открывался чудесный вид на сад, через который проложила путь мелкая речушка, блестящая влажными камнями на солнце. В стороне от дома стоял большой добротный каменный сарай. Туда то Итиро и повёл визидаров.

Они вместе распахнули тяжёлые двери и вошли внутрь. В полосках солнечного света, пробивавшегося сквозь щели крыши, танцевали позолоченные пылинки. Везде было навалено сено. Мэд и Марио начали чихать. Итиро же ткнул в самую внушительную копну сена и сказал:

— Вот здесь в полу проход в подвал.

Он первый схватил вилы, стоявшие в стороне. За ним последовали другие. Кому вилок не досталось, действовали

руками. Визидары сосредоточенно расчищали большой люк в полу, и даже не заметили, что за ними следят.

Это были корриганы, охранявшие дом своей сестры. Небольшие человечки со сморщенной кожей, впалыми глазами и волосами, напоминавшими стгнившую тину. Они медленно выбрались на речные камни и внимательно смотрели на то, чем занимаются визидары. Потом корриганы выползли из воды на берег и направились к сараю. Они двигались словно ящерицы — когда кто-то из визидаров поворачивался, корриганы мгновенно замирали, припадая к земле, а потом вдруг молниеносно бросались вперёд. Так они смогли подобраться очень близко к сараю.

Когда, наконец, Леонар убрал с люка последний ворох сена и разогнулся, сзади на него с визгами запрыгнули сразу штук шесть корриганов. Граф повалился в сено, но когда открыл глаза, сдувая с глаз сухую траву, то увидел, что все визидары пойманы. Каждого облепила куча корриганов. Их было несметное количество, откуда только взялись? Тафари пытался с ними разговаривать, но они только визжали и шипели в ответ. Из их цепких ручек вырваться не было никакой возможности.

Скоро все услышали, как заскрипели ворота, потом раздались быстрые шаги, голоса, и в сарай заглянул довольный Базиль со слугами.

— Ага, — сказал он удовлетворённо, — ловушка захлопнулась! Я же говорил, Леонар, что ты дурак. Попасться на такую простую удочку!

И Базиль весело захохотал.

— Помнишь, Леонар, я говорил тебе наемни, что скоро всё твоё богатство достанется мне? А знаешь, почему? — спросил Базиль, заливаясь, — как же долго я этого ждал! Ух, какой тебя сейчас ждёт сюрприз! Как представлю, остановиться не могу от смеха!

Он подпрыгивал от радости, живот его мелко трясся, на лысине от хохота проступила испарина. Базиль беспрестанно вытирал слёзы, выступившие от безудержного хохота.

Потом он вмиг стал серьёзным и сухо сказал:

— Тащите их куда следует!

Шкафоподобный Сисар схватил Тафари, Готье — Леонара, остальных потащили корриганы. Их выволокли во двор и повели в заброшенную часть сада. Там, где плодовые деревья одичали и давно заросли высокой травой, среди прочих выделялась старая яблоня. Её большой чёрный ствол искорёжило время, перекрученные ветки раскидало в стороны. Листья этой яблони были гнилы и не было среди них здорового. А плоды, росшие на ней, были мелкими и скукоженными. Под яблоней стоял колодец, заваленный массивной плитой, которую, видимо, приводило в движение старое колесо на цепях.

— Ты помнишь, что это такое? — спросил у Леонара Базиль, указывая на колодец.

— Нет, — мотнул головой Леонар, потом подумал и предположил, — неужели это то место, куда наши отцы загнали малумов?

— Да, — кивнул Базиль, — оно самое. Только мой пострадал больше, чем твой. А тебе досталась ещё и живучесть. Где справедливость, Леонар? Где она?! Никогда её не было в нашем роду: лучшее — всё вам, а нам — что похуже.

Базиль подошёл ближе к родственнику и затряс кулаком перед его лицом.

— Однако же, если старуха Смерть о тебе забыла, я ей напомню. Кто тебя может погубить, кроме малумов? Сидя в замке, я буду о тебе вспоминать. За бокалом хорошего вина, — Базиль опять засмеялся. Готье и Сисар подхватили его дружным ржанием.

— Не надо, Базиль. Прошу тебя, — сказал Леонар, — ведь это опасно и для тебя, и для твоего сына.

— За меня не беспокойся! — весело сказал Базиль, прохаживаясь мимо пойманных, — хотел тебя одного заманить, но отдать малумам сразу столько визидаров — ещё лучше.

— Может, вы отпустите хотя бы девушек? — спросил Стурла.

— Нет, — мотнул головой Сисар, — в таких делах свидетелей оставлять нельзя.

— Правильно, — кивнул Базиль слуге, а потом скомандовал, — Готье, открывай!

Слуга стал крутить колесо. Сначала загремели ржавые цепи, они натянулись, потом со скрипом стала приподниматься плита. Марио в панике глядел на увеличивающуюся чёрную щель под ней. Леонар не прекращал уговаривать Базиля бросить эту ужасную затею, но тот его не слушал.

— Вы не знаете малумов, — вступила Мэдлин, — они слишком быстры и опасны.

— Ах, брось, меня пугать, — отмахнулся Базиль, — я живу рядом с корриганами и такого насмотрелся, что лучше тебе не знать... Мне ничего не страшно.

Когда плита была наполовину открыта, Готье остановился и вытер пот со лба:

— Быка легче поднять, — пожаловался он.

— И так хватит, — махнул рукой Базиль, — да что ж оттуда никто не лезет? Передохли они там все что ли? Было бы жаль.

Базиль подошёл к колодцу, заглянул в него. Потом взял камень, валявшийся под ногами, и бросил внутрь. Но

опять ничего не произошло. Базиль подождал ещё, потом разочарованно отвернулся, глянув на визидаров, пожал плечами и сказал:

— Ну что ж, план не удался. Приходится придумывать на ходу новый. Пожалуй, мы просто вас туда кинем. Тоже хорошая идея.

Он опять весело рассмеялся, почесав пузо.

Вдруг его перегнуло и подбросило в воздух. Лицо Базиля исказилось в удивлении, рот открылся и тело его стало рвать на части. Тут же у края колодца стал проявляться огромный высохший малум, успевший напиться крови Базиля.

Сисар заорал, бросил Тафари и Стурлу, корриганы в ужасе тоже побросали всех, кого держали и кинулись с визгом врассыпную. Готье, застыв от страха, отпустил колесо, и крышка с грохотом упала, разрубив малума на две части. Но, та половина, что осталась на поверхности, даже перерубленная, всё-равно двигалась. Малум цепляясь за камни, потащился к упавшей Мэдлин. Девушка не могла встать, подвернув ногу. Она поползла от малума, но тот настигал её быстрее.

Следопыт кинулся вперёд, чтобы защитить Мэд. Но Готье испугался, что Тафари хочет убить его. Закрыв глаза от ужаса, он начал хаотично махать перед визидаром ножом и кричать: «Не подходите ко мне! Не подходите! Зарублю!»

Тафари же был сосредоточен на одном — остановить ползущего к Мэдлин малума. Подбежал, и с размаху воткнул меч в голову малума. Тот, наконец, затих. Готье же, вопя несурзности, так и продолжал носиться, махая ножом. Леонар схватил какое-то полено, и ударил обезумевшего по голове. Тот замолчал и повалился на землю.

Визидары хотели поговорить с женой и сыном Базиля, рассказать им, что случилось, но обойдя дом и двор, нигде их не нашли.

— Мне кажется, они спрятались в одной из тайных комнат, — предположил Итиро.

— Надо им всё объяснить, — сокрушался Леонар, — вот чью смерть чуял Анку. И вот за кем приходил. За Базилем.

— Я думаю, надо оставить им записку с приглашением в замок для разговора. Когда они придут, всё им расскажем, — предложила Бёрнис.

— Пойдёмте за тем, за чем сюда пришли. Надо довести дело до конца, — сказал Стурла и первый двинулся в сарай.

Визидары подняли крышку и спустились в тёмный подвал. Там, как и рассказывал Итиро, их встретила толстая металлическая дверь. Полотно двери было испещрено царапинами, вмятинами и даже следами поджогов. Посередине неё, действительно, ровными рядами висели круглые ручки.

— Ну что же, давайте ещё раз вспомним, в каких рядах надо дёргать кольца? — приглушённо сказал Тафари.

— Третий, пятый, седьмой и восьмой, — напомнил Леонар.

Итиро отметил нужные ряды мелом, который Мэд вытащила из Бездонной сумочки, и напомнил:

— А второе число 1876. Значит, в третьем ряду мы берёмся за первое кольцо, в пятом за восьмое... Леонар, хватай, — показал он нужные ручки графу, — А я возьмусь за седьмую в седьмом ряду и за шестую в восьмом...

Визидары потянули за нужные ручки. Дверь со скрипом поддалась и легко открылась. На них пахло сыростью и спёртым воздухом. Зайти сюда смогли не все: лишь Тафари, Леонар и Стурла. Остальные заглядывали в подвал, стоя на лестнице.

Это была небольшая кладовка, заваленная мешками с каким-то добром. На полках лежала позолоченная посуда, слитки металлов и драгоценности. Но Леонар сразу увидел главную ценность — книгу в чёрном кожаном перелёте. Она была перетянута плотным ремешком, завязанным наподобие ремня.

Леонар прижал книгу, как матери прижимают детей и зашептал:

— Мы спасены. Мы спасены. Теперь мы сможем двигаться дальше. Я ждал этого слишком долго.

Тафари же неожиданно осел у порога.

— Что с тобой? — заволновалась Бёрнис, глядя на него.

Она была ближе всех к Следопыту и начала рвать ворот его рубашки, чтобы Тафари легче дышалось, но он потерял сознание.

Визидары вытащили его на улицу. Положили на траву и склонились над ним. Кто-то расстегнул его жилет. Белоснежная рубашка под жилетом стала изумрудной. Возможно, намочивший жилет окрасил рубашку? Визидары растерянно думали, отчего Тафари стало дурно и как ему помочь.

Но тут Итиро закричал:

— Это кровь... Я вспомнил... у Тафари зелёная кровь.

Только сейчас на жилете и рубашке обнаружили рваные дыры. Видимо, Готье, махая ножом, успел ранить Тафари.

— Почему же он не сказал нам? — всхлипнула Мэдлин.

— Нельзя медлить! Он потерял слишком много крови. Понесем Тафари в замок к перчатке, — скомандовал Леонар.

Они с Итиро подхватили Следопыта и потащили его.

— Ах, почему же я не взял перчатку с собой? — ругал себя Леонар, — с ней так всегда. Как с зонтом — не возьмёшь, и он обязательно будет нужен. Возьмёшь — и протаскаешь зря...

— Чего уж теперь, — сказал Стурла, глядя на хрипящего Тафари, — тащите быстрее!!!

Их хлестали подсолнухи, но визида́ры бежали, насколько могли быстро. Прихрамывавшую Мэдлин поддерживала Бёрнис. Они сильно отстали, но тоже спешили, видя, как за Тафари на земле остаётся зелёный след.

Когда визида́ры внесли раненого в замок, пульс Следопыта уже не прощупывался. Его положили прямо на пол, и Леонар быстрее пули принёс перчатку. Её приложили к ране на животе Тафари.

— Пожалуйста, живи, — держа за руку Тафари, говорил Марио.

Потом Рыболов замер, прислушался и сказал:

— Кажется, у него бьётся сердце.

...Только через час веки Тафари дрогнули, и он пришёл в себя.

Следопыта перенесли в библиотеку, устроили ему там настоящую царскую лежанку, подперев его подушками, обставив подносами с едой. Сами же визида́ры окружили принесённую книгу. Леонар расстегнул ремешок обложки, но никак не мог решиться её открыть.

— Какие знания нас ждут внутри? — спрашивал он, нежно поглаживая книгу, — что мы узнаем, когда прочтём её старинные записи? Какой тол отыщем с помощью неё? Мои пальцы дрожат от волнения. Ах, подождите... Сейчас только соберусь с силами...

— Ну, хватит уже, — Стурла взобрался на стул, и сам открыл книгу.

Визида́ры склонились над её страницами.

— Что там? Что там? — заинтригованно спрашивал Тафари со своей лежанки. Он вытягивал шею, но за спинами других ничего не мог увидеть.

Толпа расступилась, и Леонар показал Следопыту то, на что они смотрели.

Внутри толстая книга состояла из абсолютно чистых листов. В них было сделано углубление в котором лежала... солонка из набора Жобенов.

— Ну вот, наплась, — растерянно сказал Стурла и сел на пуф, — а ты, Леонар, переживал. Теперь твоё столовое серебро в полном наборе.

— И что с ней делать? — разочарованно спросил Леонар, — как она поможет найти тол? Я же думал, с книгой нам откроются сакраментальные древние знания. Да что думал, я был в этом уверен. Мне говорил об этом отец...

— Ну, она не такая и простая, эта солонка, — сказала, взяв её в руки Мэдлин, — у тебя на приборах никаких надписей, кроме большой «Ж» не было. А здесь есть.

Она указала на слово, выгравированное с обратной стороны.

— Тут написано Ma-ni-fes-tum, — по слогам прочла она.

— Кажется, это обозначает «проявись», — положив руку на лоб, вспомнил Тафари.

Леонар взял из рук Мэдлин солонку, встряхнул её. Там была соль.

— Где и чему теперь проявляться? — задумался он.

Леонар потрянул солонкой над столом — высыпались белые кристаллы. Граф лизнул пару крошек — обычная соль.

— Может, с ней что-то надо сделать другими толами? — предположил Стурла.

Остатки дня над солью колдовали: трясли браслетом, сметали крылом, поливали водой из бамбуковой палочки, нагревали Огненной. Ничего не происходило.

— Пойдёмте, поедим, — сказал, наконец, утомлённый Леонар, когда увидел, что за окнами оранжереи стемнело.

Но еду решили притащить сюда, в библиотеку.

Тафари попросил подать ему книгу и солонку. Он внимательно рассмотрел фолиант, перелистал каждую страницу, но они все, до последней, были чистые. Потом Тафари взялся изучать солонку. Она, действительно, повторяла перечницу: такой же каплевидной формы, увитая двумя кольцами орнамента из мелких цветов. Верхнее кольцо, на горлышке, было подвижным. Покрутишь его по часовой стрелке, и наверху открываются окошки сквозь которые сыпется соль.

Тафари случайно сделал неловкое движение и часть соли просыпалась на книгу, Отчего страницы засветились. Следопыт даже о боли забыл. Он склонился над книгой и прошептал:

— Манифестум.

И тут же на светящейся поверхности появились записи. Но, первая, самая главная, гласила: «Ты двигаешься в правильном направлении. Но это только начало. То же самое тебе предстоит проделать сотню раз».

Тафари позвал друзей.

— Так вот, как она действует, — взяв в руки солонку, присвистнул Стурла.

— А что предстоит сделать сотню раз? — спросила Бернис.

— Кажется, я знаю, — сел рядом с Тафари, задумавшись, Леонар. — Эта проявляющая письменна соль и есть мой тол.

— И тебе придётся перешерстить всю библиотеку? — догадался Тафари, обведя взглядом бесконечные ряды книг.

— Да, — кивнул Леонар, — отец всегда говорил, что мы — владельцы бесценных визидарских знаний. Представляете, сколько работы впереди?

— Ну, мы тебе поможем, — приободрила его Мэдлин.

В эту ночь в замке никто не спал. Флерусы, привыкшие в темноте хозяйничать, испуганно рассыпались по сторонам, когда кто-нибудь из визидаров проносился по коридору. В воздухе царил возбуждение.

Сегодня ремесленников ждало одно открытие за другим.

Сначала они брали книги по одной, и посыпали их. Потом Итиро придумал раскладывать их раскрытыми десятками и трясти солью сразу над множеством страниц — так дела пошли лучше. Радовало то, что тол Леонара работал исправно и пока не выходил из строя.

Одни книги, когда их посыпали, оставались прежними — их снова клали на место. А другие легонько дрожали, начинали светиться и записи в них менялись. Эти книги складывали в стопки.

И постепенно ремесленникам открывалась старинная библиотека визидаров. Каких трудов тут только не было! Сказки эльфов, трактаты о сражениях гномов, правила боя одноглазых визидаров-троллей, история Визидарии, рецепты снадобий и целые энциклопедии волшебства. Но самые важные книги были ремесленные — о том, какие существовали толы и ауксилы, сложные рецепты их созданий... Нашли фолиант о прославленных мастерах — его листала Мэд и не могла сдержать слёз, натываясь на фамилии их родов.

— Сколько мастеров-ремесленников погибло! — плакала она, — остались только мы, а здесь длинные списки.

— Действительно, как я предполагал, толы после мастерских ремесленников должны работать безотказно! — поднял палец Тафари, прочитав это в очередной книге, — но пока мы не знаем, где эти мастерские.

— А здесь какие-то карты с городами, — листал толстую рукопись Стурла, — но я таких стран и не знаю.

Каждый устроился, где мог, захлёб читая попавшую на глаза информацию. Даже Леонар вдруг отставил солонку в сторону и вцепился в очередной проявившийся фолиант:

— Смотрите, — в волнении сказал граф, — книги «Драконы и охотники»!

Итиро с Бернис продолжали преобразовывать книги, а другие прерывали тишину словами: «А вы знали, что...» или «Послушайте, удивительно, но...» И дальше зачитывался интересный кусок из книги, от которого остальные визидары часто подсакивали и говорили: «Не может быть!»

— Послушайте, как же интересно, — сказал глухо Леонар и тоже стал цитировать, — в древности на каждом континенте существовало до десяти видов драконов. Водные обитали в Китае и были похожи на змей с ящеричными лапами, от них пошли все тамошние виды... Были подземные, которые изрыгали огонь, потому что устраивали гнёзда на лаве вулканов, которой питались, были...

Тут Бернис сыпанула очередную порцию соли на книги, засветились новые, и все кинулись их выбирать из кучи.

К утру вся библиотека была перелопачена. Книги визидаров отложили в сторону и решили после сложить их в сумочку Мэдлин, а пока разбрелись по спальням, потому что еле стояли на ногах.

Через пятнадцать минут, когда солнце заглянуло в окна, оно с удивлением увидело, что все обитатели замка спят. Солнце пощекотало щёки сонь, но ничего не добившись, бросило затею и стало карабкаться по шторам выше, чтобы заняться более важными делами.

Но визидарам не дано было выспаться.

Мэдлин так устала, что легла не раздеваясь (но так поступили абсолютно все визидары, кроме Тафари). Когда девушка видела уже второй сон, вдруг ей стало казаться, что её кто-то душит. Дышать было всё труднее. Она открыла глаза и заорала: прямо на ней сидел серый шар и давил на грудь — от этого ей и было не вздохнуть. Оглядевшись, она увидела, что серые тени клубились по всей комнате. Они подсакивали и тоненько верещали. Но, оказывается, это происходило в каждой спальне. Мэд сбросила серую тень на пол и выбежала в коридор, где столпились остальные.

— Что это было?! — подпрыгивал Стурла.

— Где Леонар?! — восклицал Итиро.

— Я здесь, — выскочил в коридор граф, — флерусы словно взбесились. Я помню такое лишь раз, когда началась французская революция и поджигали богатые дома... Поджигали... богатые... дома... — потянул он носом, — я чувствую запах гари! Надо срочно найти источник!

И Леонар кинулся вниз по лестнице. Все побежали за ним.

Найти где был пожар оказалось нетрудно — из библиотечного крыла валил дым.

Визидары ворвались в зал с книгами и закашлялись — из-за чёрной едкой завесы здесь почти ничего было не видно. В углу разгорались оранжево-алые языки пламени. Они с удовольствием пожирали книги с полок самого дальнего стеллажа.

Визидары стали хватать, что попадалось под руку — пледы, подушки, и пытаться ими затушить огонь, но этим они только подбавляли ему сил.

Мэд первая подбежала к садовому фонтану, но он отчего-то был выключен и вода слита. Кто-то это сделал намеренно.

— Что делать? — схватился за голову Леонар. — Здесь нужно чудо! Сгорят труды наших предков!

Одна и та же мысль вдруг возникла в двух головах. И эти двое переглянулись и словно прочитали мысли друг друга. В любом случае, с этой секунды они начали двигаться синхронно и отлажено: Итиро вытащил из кармашка пояса бамбуковую палочку, а Рыболов — свою линзу. Один воткнул палочку в кафельную плитку пола, куда она вошла, словно горячий нож в масло. Как только образовалась лужа, на неё направил линзу Марио и произнес увеличивающее заклинание. Тот час из воды выкинуло струи, они взлетели до потолка, ливнем осели на огонь и быстро затушили его.

В белом дыму проступали контуры кашляющих визидаров. Все были мокрыми, в гари и копоти.

— Кто это сделал?! — спросила, тряся сосульками волос Волчица.

— Они, — указал вглубь оранжереи Тафари, который выглядел вполне бодрым — перчатка Леонара сделала своё дело.

Все посмотрели в зимний сад. Там, опутанные тёмным туманом, облепленные серой массой флерусов, стояли две фигуры. Когда ремесленники подошли поближе, то увидели, что это жена Базиля и его сын — парень был ужасно похож на отца, только моложе и худее. А жена Базиля выглядела тощей, высохшей морщинистой старухой с зеленоватой кожей, покрытой бородавками. Когда один флерус отлепился от рта юноши, тот закричал:

— Вы убили отца и должны сгореть!

— Как зовут тебя? — спокойно спросил у него, стряхивая грязь с домашнего халата Тафари.

— Мараис...

— А ваше имя? — спросил Тафари, у корриганки, скалившей зубы.

— Муж звал меня Лулу.

— Слава Богу, визидарские книги не повреждены! — воскликнул Леонар, осмотрев отложенную в стороне гору литературы.

— Что же, — подошёл он к родственникам, — пришло время поговорить и узнать всю правду. Предлагаю пойти попить чая, кто хочет спать, отправляйтесь обратно по постелям. Я думаю, ничего страшного больше уже не произойдёт, — обратился он уже к визидарам.

Спать пошли только Бёрнис и Мэдлин.

Когда в обед, выспавшись, они спустились в столовую, то застали неожиданную картину: из большого котла, который держал Мараис, корриганка Лулу накладывала всем в тарелки аппетитную луковую похлёбку. Увидев девушек, она улыбнулась им сморщённым как старая тыква, лицом, и сказала:

— Мэд и Берн? Садитесь, такого супа вы ещё не едали!

Девушки переглянулись и подсели к столу. Мэдлин наклонилась к Рыболову и тихо спросила:

— Что за чудеса? Сначала они нас поджигают, теперь угощают?

Марио шёпотом разъяснил:

— У них с Леонаром было бурное объяснение. Он всё подробно рассказал, но только уже свою версию событий. И потом... он оставил им замок, как наследникам.

Лулу ходила по комнате хозяйкой, поправляла портьеры говорила:

— Леонар, ты всегда будешь у нас долгожданным гостем.

— Вы точно не пойдёте с нами? — спрашивал у неё граф.

— Нет, мы останемся здесь, — ответил за Лулу сын.

— Мараис, не забывай, что ты из славного рода визидаров! Тебе надо учиться, — кивнул ему Леонар.

— Дядя, спасибо, — по-доброму улыбнулся щербатым ртом Мараис, — знаешь, я тебе не сказал ещё одной вещи. Ведь была ещё одна книга... Тайная... Хочу тебе её отдать...

Мараис расстегнул ворот рубашки, и вытащил маленькую книжонку в металлическом переплёте, висящую у него на шее. Она была больше похожа на книгу для мышей — такая крохотная.

— Мой отец собирал маленькие издания, но это, самое древнее издание в его коллекции, — объяснил Мараис.

— Базиль говорил, — добавила Лулу, — что Луи стащил её у брата после их ссоры. Значит, эта книга принадлежала вам. Только в ней ничего нет. Она пустая.

Мараис снял её с шеи и протянул Леонару. Тотщёлкнул застёжкой книжечки, открыл её белые страницы — были не больше ногтя. Граф достал из кармана солонку и, тряхнув ею, произнёс заклинание.

На лилипутских страницах проступила запись: «Мими-Доу, с тремя глазами, Лицзян, Юньнань»

— Что за странные слова? — удивился Стурла, — это какое-то заклинание?

— Нет, — сказал Леонар, — кажется, это адрес, где надо искать следующего визидара. Где-то у меня был подробный атлас. Надо посмотреть в нём.

— Наверное, это опять какое-то несуществующее название, — предположил Стурла, — навроде тех выдуманных карт, что я видел накануне...

Все, кроме девушек, севших есть, отправились в библиотеку. Оттуда всё ещё не выветрился запах гари, но Леонар, не обращая на него внимания, как и на развал после пожара. Он сосредоточенно пододвинул лестницу, забрался к верхним полкам одного из шкафов и вытащил толстую книгу с картами. Тафари помог спустить её вниз. Они разложили её на столике.

— Но где искать? — задумался Леонар.

— Кажется, Юньнань находится рядом с Лаосом, Тибетом и Китаем, — блеснул очередной раз энциклопедическими знаниями Тафари.

По оглавлению визидары быстро нашли нужную страницу и, действительно, обнаружили в землях Юньнаньгород Лицзян.

— А как найти в большом городе этих Мими-Доу с тремя глазами, решим, как всегда, по пути, — сказал Итиро.

...В это путешествие ремесленники собирались недолго.

Мэдлин складывала в свою бездонную сумку библиотеку и нужные Леонару вещи. Сам граф занимался документами: он переписал все своё имущество на Мараиса и его мать. Леонар попросил у визидаров сделать для парня Переводной медальон и кошелек с золотыми монетами. Первое — чтобы Мараис развивался и читал книги на любых языках, а второе — чтобы его семья ни в чём не нуждалась.

Итиро со Стурлой подхватили эту идею.

— Почему же мы не додумались раньше? Я тоже хочу, чтобы моя любимая жёнушка Дэгни ни в чём не нуждалась, ведь каждую ночь думаю — хватило ли ей того запаса, который я ей оставил, не голодает ли она?! — отчаянно бил себя по лбу Стурла, но попадал по шлему, отчего тот гудел.

— И я, — расстроился Итиро, — такой же дурак. Мог бы позаботиться о дедушке раньше. Как он там?

В Японию и Норвегию отправились строго запечатанные посылки. В каждой было по визидарскому кошельку с сопровождающим письмом.

Через неделю визидары покидали замок Дурдуа-Кашон. Им вслед с балкона махали Лулу, Мараис и на каждом окне колыхались серые плотные облачка.

За неделю сборов Лулу сама всё заново перечистила и переставила в замке. Флерусы признали за строгой корриганкой новую хозяйку, и повиновались ей. Леонар был удивлён, что они слушаются, и не пытаются ей перечить: флёрусы не двигали обратно поставленные ею вещи, не прятали предметы и продукты, как они делали это раньше, если им что-то было не по нраву.

Пусть днём Лулу была неказиста, и только в лунном свете превращалась в приятную на лицо смешливую женщину, но она оказалась доброй, энергичной и, к тому же, безумно вкусно готовила. А флерусам Лулу не просто оставляла еду. Нет. С её появлением в замке тут же появилась новая традиция: на ночь все столы первого этажа были заставлены тарелками с едой, специально приготовленной для флерусов. Кажется, они от этого пришли в полный восторг и обожали новую хозяйку.

— Я покидаю замок с лёгкой душой, — улыбнулся, взмахнув модным цилиндром, Леонар.

Он смотрел в окно машины, крепко сжимал любимую трость, провожая глазами знакомые места:

— Уезжаю, но испытываю радость. Я ждал этого не одну сотню лет! — сказал он, набрав полную грудь воздуха, — вперёд, я чувствую, что нас очень ждут!

Теперь, когда заработал Вещающий глаз Дракона, сэр Хьюго Хармус везде таскал его с собой, чтобы не пропустить ни мгновения, когда тот ненадолго прояснится. Тогда его хрусталик становился прозрачным и были видны передвижения визидаров.

Хьюго, как помешанный обсуждал их одежду, критиковал все, что видит, и даже если ремесленникам удавалось преодолеть новое препятствие, он высмеивал их глупость, и несообразительность.

— Ничего, — сцепил он зубы, когда увидел, что Тафари не погиб от чужого меча на землях Базиля, — ничего, это для того, чтобы я убил его своей рукой.

Вещающий Глаз показывал такую малость, всего несколько минут, но оставшееся время Хьюго ходил по подвалам замка и сочинял, что случилось с визидарами между увиденными эпизодами.

Джи и Тим ему боязливо поддакивали — больше всего на свете они боялись Хозяина в гневе. Алаун этих разговоров не поддерживала — они её утомляли. Но однажды, когда они с Хьюго случайно остались в столовой одни, девушка сказала:

— Хьюго, ты стал одержим этими ремесленниками. Твой мир сузился до размеров Драконова Глаза. Раньше ты...изобретал. Пусть и непонятные мне вещи. Но ты создавал.

— Ты не понимаешь?! Визидары приведут меня в Визидарию. Они откроют для меня двери. Они соберут все толы. И тогда я заберу всё разом у этих дурацких визидаров, мнящих себя ремесленниками. Дурачье, полувыродки, не люди и не чудовища.

— Но ты же сам визидар, — возразила Алаун.

— Я — исключительная личность. Божественная. Я — создатель. Они могут собрать живую тварь, как я?!! Нет! А я могу! Один на всём белом свете!!! Они беспомощные и самовлюблённые. Думают, что великие Прославленные мастера. А на самом деле Прославленный я один. Да, сейчас мы с ними в одинаковом положении: нам не хватает толов. Но зачем они им? Создавать всякий никчёмный бред, которым заполнен мой кабинет? Вернуть к жизни волшебные палочки? Им нельзя давать толы, как их нельзя было бы доверить безмозглым мышам или тупым паукам. Визидары несправедливы, это скоты мнящие себя добренькими. Когда ты выслушаешь мою историю в подробностях, то никогда больше не будешь называть меня визидаром.

Хьюго помолчал. Алаун встала, подошла ближе к очагу, протянула к огню руки, погреться. Её тело всегда было холодным, поэтому девушка мёрзла. По её сосудам текла кровь, но она была гуще и гораздо меньшей температуры, чем у живых. Да, её сердце стучало в груди. Но девушка была консунтом — мёртвой, собранной из чужих тел. В очередной раз Алаун подумала: чья в ней души и есть ли эта душа в ней вообще?

Хьюго подошёл к ней, обнял сзади, она же боялась пошевелиться, чтобы не вызвать его неудовольствие или гнев и сама же в этот момент ненавидела себя за подчинённость. Алаун который раз поймала себя на мысли, что сломана, что-то важное в ней перебито, как у любого консунта. Волю в них заменил страх. А Хьюго, не замечая её состояния, прижался к ней и стал бормотать:

— Я никогда тебе не рассказывал... поэтому ты не знаешь моего детства. Меня никто не принимал таким, каков я есть. Мать... Мать вечно ныла и пугалась моих мыслей. Поэтому я слишком рано понял, что она — глупая курица, которая всего боится... Только отец меня понимал... Вернее, я его...В силу моего возраста мы с ним мало общались.

Хьюго вздохнул.

— Пойдём, сядем, и я расскажу тебе, как всё было. Может, тогда ты до конца поймёшь меня, моя дорогая Алаун... Рейчел, принеси нам чая, — крикнул он служанке, показавшейся в проёме двери, и та тенью кинулась исполнять приказание.

Хьюго потянул Алаун к диванам. Она и там опять села ближе к огню, а Хозяин долго смотрел на её профиль, прежде чем продолжить.

— Ты должна меня понять, — сказал он глухо. — Наше семейство относилось к известным визидарам. Мою мать звали Сирия, отца — сэр Джеймс Итон Хармус. У матери был сильный ауксил, который по традиции после замужества она принесла в род Хармусов — Перстень Воли. Наденешь его и все, на кого укажет палец с перстнем, будут слушать тебя. Но у Джеймса Итона было кое-что в тысячу раз круче. То, что досталось ему от предков. Отец всегда говорил матери, что мы — лучшие из визидаров, сильнейшие из них. И это не было бахвальством... Однажды, много лет до рождения моего отца, отряд визидаров, которые по всему миру в экспедициях искали толы, в далёких джунглях у затерянного племени выкупил один ауксил. Это было Семечко Жизни. В этот отряд входил и мой прадед — смелый и отважный Сэмюэль Хармус. Именно от него пошёл наш славный род.

Хьюго подошел к череде портретов на стене и показал на один, самый большой и старый. На нём был изображён одноглазый мужчина с суровым выражением надменного лица, обрамлённого пышными бакенбардами. Видно, хороший художник рисовал эту картину: сюртук мужчины с портера отливал золотом, а его рука в перстнях

крепко вцепилась в рыцарскую шпагу.

— Вот это и есть драгоценный Сэмюэль Хармус! Если бы в старости он не разбился, упав с башни, то жил бы и сейчас. Как жаль! Иего сына, который являлся моим дедом, славного Ричарда Хармуса, ждала страшная смерть: только ему объявили о рождении сына — моего отца, как Ричард поехал в Медикат. Напился там и свернул себе шею в канаве, — вздохнул Хьюго.

Потом он снова указал на портрет Сэмюэля, и пафосно продолжил:

— Он — наш герой. Наш спаситель! Как бы я хотел так же прославить наш род, как Сэмюэль! И я обязательно это сделаю!

Хьюго стал любоваться портретом, нежно поглаживая раму, касаясь нарисованной руки Сэмюэля, словно хотел пожать её. Потом Хармус опять присел к Алаун и продолжил.

— Визидары везли Семечко Жизни морем. Но попали в сильный шторм. Спасся только Сэмюэль. Его выбросило на берег вместе с сундучком, в котором было то самое драгоценное Семечко. Когда он вернулся домой, то рассказал о шторме, но оказался таким умным, что никому из Совета Визидаров не сказал о Семени. Семейные легенды гласят, что Сэмюэль посадил его в маленьком саду своего дома, и со временем из него выросло дерево. Чудесное дерево. На десятый год оно заплодоносило. Сначала на нём появились большие кровавые цветы. В их серединках зажёгся огонь и горел три недели. Казалось, всё дерево охвачено пламенем, но оно не обжигало и не ранило. Потом цветы потухли и на их месте завязались плоды. Они росли, увеличивались, краснели. Плоды Древа Жизни по форме напоминали настоящие сердца. В день, когда они созрели, начали сокращаться и стучать, словно действительно были живыми сердцами. И эти плоды лечили. Если капнуть сладким соком Плода Жизни на губы умирающего, то он выздоравливал... Конечно, все визидары хотели эти плоды. Так мои предки заработали много денег, приобрели могущество, выстроили вокруг Древа наш замок, чьи развалины ты видишь каждую ночь. А потом со временем выяснилось, ещё более важное: тот, кто дважды вкусил плодов Древа Жизни, приобретал ещё и долголетие. Эти визидары жили по триста, а то пятьсот лет. Им надо было беречься только несчастных случаев. И наше Древо Жизни стали ценить ещё больше. Каждый его плод мы стали продавать за огромные деньги, потому что подарили визидарам долголетие. Мы осчастливили этот народ. И чем отплатили они нам? О! Когда, Алаун, ты узнаешь об их чёрной неблагодарности, то будешь возмущена!

Алаун слушая, украдкой взглянула на другую картину — свадебный портрет родителей Хьюго. Она смотрела на печальный, словно живой, взгляд Сирии Хармус, на букет жёлтых астр у неё на коленях. Знала ли тогда эта девушка с портрета, кого родит и что случится после?

А Хьюго продолжал рассказывать историю своего рода:

— Плоды Древа Жизни пытались сажать, но из них ничего не выросло. Такое дерево было только одно. Оно переходило по наследству лишь в нашем роду. И вот когда им владел мой отец, визидары стали просить, чтобы Древо Жизни разрешили исследовать Ремесленникам. Я был тогда мал, но всё понимал. Помню, как я сидел в зале под столом, когда к отцу впервые во всём составе пришёл Совет Визидаров. Они говорили, что Ремесленники выведут лекарство, которое будет помогать и лечить всех. Что с помощью толлов попробуют вырастить новые Деревья Жизни, чтобы они были в саду у каждого. Представляешь?! Особо распинался старый Гослинг. Он тряс бородой, гремел цепью городского главы на своей груди. Они обещали моему отцу множество благ, звали к благородству. Но умный Джеймс Хармус отверг все их предложения. Он сказал, что подумает, а потом отказал.

Хьюго стиснул кулаки, вскочил и стал нервно прохаживаться мимо портретов, забыв об Алаун. Теперь он обращался к предкам, звал к справедливости.

— Они захотели отобрать наш источник! Нашу силу! Меня трясло от всех этих нечестных разговоров, что наши плоды должны помогать всем. Почему?! С какой стати?!!

Хьюго pokrылся потом и вцепился себе в волосы. Рейчел внесла чай. Он, схватив с подноса чашку, жадно её опустошил, и стал рассказывать дальше:

— Дальнейшая история развернулась, когда мне исполнилось двенадцать, и я учился в школе. Особых школ для избранных у нас не было — тогда одновременно в классах учились дети всех визидаров вперемешку. Мой отец справедливо считал, что это не очень честно. Порой он выговаривал матери: «Мой сын не должен сидеть с ребёнком лавочника или сапожника...» Но тогда в Визидарии были такие несправедливые законы. После того, как визидарам наступало двенадцать лет, и им вручали Документ Совершеннолетия, они могли впервые сдать экзамены в Великие Ремесленники. Многие дети хотели ими стать, но удавалось лишь избранным. Ремесленники имели толы, они изготавливали и совершенствовали ауксилы... Мы играли в Великих Ремесленников. Все их уважали, называли создателями. Но особо их стали почитать в моём детстве. В то время Ремесленники как раз подошли к созданию волшебных палочек. Говорили, что вскоре их будут иметь все визидары. И волшебные палочки заменят многие инструменты в быту. Первые волшебные палочки стали раздавать самым важным фигурам и нам, ученикам школ. У нас ввели новый урок — Палочководение. На нём мы изучали основы изготовления волшебных палочек и применения их в жизни. Остальным визидарам, при большом желании, Волшебную палочку можно было купить за

огромные деньги в Магазине «Пять стихий», который находился недалеко от рыночной площади в Медикате. Как известно, пять стихий — это и есть основа этого инструмента.

Хьюго почесал голову, вспоминая и продолжил:

— Палочка состояла из магического металла, который был стержнем и изготавливался из различных сплавов. Самым сильным и мощным, но и самым дорогим, считался сплав серебра с золотом. Затем металлическую основу вставляли в тонкую деревянную оболочку, сделанную из священных деревьев. Потом волшебные палочки погружали в магический эликсир, приготовленный из порошка, чей состав я не совсем понял, потому что пропустил те уроки. А после палочки подвешивали на ветру Сакрального Холма. И только тогда она была готова...

— А как же пятый элемент? — спросила Алаун, — Хьюго ты перечислил четыре: металл, дерево, воду и воздух. А что было ещё?

— Ещё была сила самого визидача, который палочкой владел. И она становилась его частью, его усилителем и помощником. Чужого она могла и не послушаться. Но это не столь важно... Как раз в то время Ремесленники возвели Башню Силы. Именно она, стоя посреди долины Сиреневых ветров, недалеко от дуба Эо Мугна, питала своей мощью все волшебные палочки страны визидагов. И Ремесленники бились над задачей, чтобы эту силу передать палочкам навсегда. И чтобы больше волшебные палочки не зависели от Башни Силы. Вот в какие времена, Алаун, я хотел стать Великим Ремесленником. Я бы точно открыл эти законы, и в моё правление волшебная палочка обрела бы окончательную силу!!!

Хьюго встал, выпятил грудь, ходившую ходуном и, какое-то время молчал, оценивая, понимает ли Алаун глубину его слов и их значимость. Видимо, её лицо выражало достаточную почтительность для такого момента, и он продолжил:

— Теперь ты можешь представить, насколько мне был важен тот экзамен?!!! Какие я возлагал на него надежды?! Перед самым экзаменом я сильно поссорился с матерью. Боясь, что не сдам так, как мне нужно, я попросил её Перстень Воли. Но она так тряслась над ним, запирала его, и не дала мне его даже тогда, сказав, что им можно пользоваться лишь в исключительных случаях. А разве экзамен — это не исключительный случай?! И разве этот её поступок не говорит, что она не любила меня?! — спросил Хьюго у Алаун.

Она, держа в руках чашку, которую так и не пригубила, подняла на него глаза и помотала головой.

— Хьюго, мать любила тебя, — сказала Алаун, склонив голову, — мне кажется, даже слишком сильно.

— Ах, что ты можешь знать?! Сейчас я тебя разочарую, — досадно заметил он, — из-за матери я так и не стал Ремесленником, потому что она пожалела для единственного сына своего дурацкого перстня. Хотя мать, после гнала, выкручиваясь, и убеждала меня, что я не сдал из-за моей лени. Что стоит через год попытаться ещё. Но больше я не хотел переживать этот позор... Экзамены были сложными, их проводили в большом зале школы. Там вывесили флаги визидагов, стены украшали знаки ремесленников. И принимал экзамены Совет Визидагов. Жирный Гослинг, который когда-то уговаривал отца отдать Древо Жизни, был со мной весьма холоден. Пожурил, что я не знаю главных правил ремесленников, нёс какой-то бред про то, что я не знаком с этикой работы с толлами. Он прервал меня, и его морда перекосилась, когда я рассказал про свои чудесные идеи сшивания разных животных и человеко-людей. И ведь это наверняка от зависти!!! Когда во дворе школы всем, кто перешёл в класс Ремесленников, прикалывали голубые розетки с эмблемой на грудь, мне хотелось сорвать каждую. Растоптать их. Уничтожить этих уродцев, размазать их улыбающиеся рожи. Конечно же, когда все им аплодировали, я гордо стоял, опустив руки — они не достойны, чтобы, такой как я, их чествовал. Именно тогда я решил, что докажу им всем, что они ничто по сравнению со мной. Вернувшись домой, я в ярости рассказал всё родителям. И лишь отец меня поддержал. Он приказал сделать в подвале замка мою личную ремесленную мастерскую. Мать была против, но кто её слушал? На моё тринадцатилетие отец торжественно вручил мне ключи от подвалов. Отныне это была лишь моя территория. Сюда без разрешения не смел заходить никто. Только я и мой прирученный чёрный волк, которого наши слуги нашли в Забытых скалах щенком. Я его выкормил, назвал Стормом, и он следовал за мной везде по пятам... Но в тот год везение отвернулось от нашей семьи окончательно. Совет визидагов принял решение всё же изучить Древо Жизни без нашего на то согласия. Они прислали послание, в котором обещали, что постараются не принести нам никакого ущерба, но отец был в гневе — они не имели на это никакого права. Узнав о решении Совета, отец весь вечер бегал по замку и громил все, что встречалось ему на пути. Было слышно, как он орал: «Они разорят нас! С помощью толлов и магии волшебных палочек, они смогут в конце концов его размножить! Это конец!!!» Мне было страшно. Я взял Сторма и спустился сюда, в подвал. Но даже здесь, пусть и приглушённо, были слышны крики отца. Я сочувствовал ему, но под руку лезть не хотел — в гневе отец был страшен.

Хьюго замолчал и поднял голову, взглянув на Алаун. Его плечи вздымались, грудь ходила ходуном. Он, накрутив себя рассказом до изнеможения, часто дышал. Девушка видела отражение языков пламени в его глазах, и Хьюго, как никогда, казался ей безумным.

— А под утро, — продолжил Хозяин, — отец спустился ко мне в мастерскую, где я заночевал, и бросил к моим ногам щепки от Древа Жизни, сказав: «Оно не достанется никому». Оказывается, всю ночь он рубил дерево... Я не

осуждаю его за это. Много раз, думая о той ночи, я понимаю, что, наверное, сделал бы так же. Потом отец поднялся наверх и скинулся в колодезь. Когда днём приехали представители Совета визидаров, чтобы приступить к изучению Древа, на его месте уже была лишь яма. А в замке везде висели траурные гирлянды, и шла подготовка к похоронам. Ты бы видела их рожи, когда они уехали ни с чем. Я же, пока всем было не до меня, с помощью слуг, стащил всё, что осталось от Древа к себе в мастерскую. Пока шла поминальная неделя, я сидел у себя и пилил Древо Жизни не доски. Потом смастерил из них ящик. Я не знал, для чего это делаю, пока Сторм не поймал в подвале крысу. Он задушил её и притащил ко мне, я, испугавшись, откинул её от себя, но крыса попала в ящик. И там вдруг ожила.

Глаза Хьюго заблестели от воспоминаний. Он опять выпрямился, гордо встал. Сейчас Хьюго отчаянно напоминал Алаун его отца, чей портрет висел прямо за ним — Джеймса Итона Хармуса.

— И тогда, — величественно сказал Хьюго, поправив сюртук, — тогда я понял, что победил их всех. Всех! Я начал ежедневные опыты. Походы в школу меня больше не интересовали, нытье матери утомляло. Она не понимала величия сына, а я не хотел опускаться до её куриного разума и объяснять. Глупая визидарка. Я же, создав Ящик Воскрешения, стал новым типом визидача. Высшим. Божественным.

— Высшим... — тихо повторила одними губами Алаун и отрицательно качнула головой.

Но Хьюго этого не видел. Его жидкие волосы растрепались, от расширившихся зрачков взгляд потемнел.

— Я проводил в лаборатории один опыт за другим. Да, это стало настоящей мастерской. Открытия следовали одно за другим. Ящик Воскрешения не переставал удивлять: больные в нём выздоравливали, словно в них вдыхали жизнь. У недавно умерших животных срастались ткани, приживались отрезанные конечности.

Алаун боялась спросить, где он достал так много раненых животных. Да и спрашивать было не надо. Зная девиз Хьюго — «всегда иди самым простым путём», она догадывалась. А он продолжал свою исповедь:

— Мать пыталась воздействовать на меня своим Перстнем Воли. Ха! Поздно же она об этом вспомнила. Я сделал так, что не подчинялся ему. Потом изготовил себе ещё более сильный защитный амулет. Вот этот.

Хьюго показал на треугольник на груди.

— Мой Амулет Мощи, закалённый в Воскрешающем ящике.

— И как на это отреагировала твоя мать? — спросила Алаун.

— Отстала от меня... А что она могла? Порой я сутками не поднимался на поверхность. Забывал даже поесть, но иногда приходилось идти наверх, чтобы заказать у кузнеца новые инструменты, заточить те, которые затупились. Мне было интересно зайти в опытах дальше. Я не мог спать. Кажется, валился от усталости, но только закрывал глаза, как в голове крутились мысли. Но я никак не мог решиться на главный опыт. Опыт всей своей жизни. Свою мечту...

Хьюго замолчал, он нервно сжимал и разжимал пальцы, глядя перед собой.

— Но случай представился сам... Однажды, когда очередной раз я ставил опыты на Сторме, ко мне, чтобы накормить, спустилась мать. Она зашла так тихо, что я не услышал. Когда она увидела привязанного и разрезанного на шесть частей Сторма, то не разобравшись и не выслушав, стала кричать. Она... говорила жуткие вещи. Что я болен, что мне нужно к врачу. Что сейчас она поднимется наверх и позовет на помощь. Она...

Он поднял на Алаун глаза, полные слёз, и, с упреком в голосе, продолжил:

— И это говорила сама родная мне женщина. Та, которая должна была беспрекословно поддерживать. Поэтому... только поэтому... я тогда ударил её... Чтобы она замолчала и перестала говорить гадости... А она упала. И больше не встала...

Он сделал паузу и посмотрел на Алаун.

— У тебя сейчас такой взгляд... как у матери тогда, — сказал он.

— Тебе кажется. Ты под влиянием эмоций, — девушка быстро опустила глаза.

— Я мог её спасти. Но не хотел. Она сильно меня обидела... Зато появился материал, которого я так долго ждал... Я сшил этот материал и Сторма. И получил первого консунта из которого и сделал первого малума...

— Ты называешь материалом... — тихо проговорила Алаун.

Но он не дал ей договорить. Хьюго не слушал её.

— Видишь? Теперь ты понимаешь, что меня покинули и предали все? Все кто должен был поддержать?! Визидамы уничтожили нашу семью. Я остался сиротой. И они за это поплатятся. После смерти матери меня никто, кроме слуг не видел. Какое-то время по округе ходили легенды, что я умер. Но позже я вернулся к визидарам, выпустив малумов. Вернулся триумфатором. Мне было всего восемнадцать лет, а я заставил вздрогнуть каждого визидача на Земле. Правда, они разрушили мой замок, и пришлось уйти на многие столетия в подземелье. Но я вернусь. И вся Визидария будет моей. И уже очень скоро!

Он грозно посмотрел в камин и в его глазах опять заплескали огоньки.

— Ну, — повернулся он к ней, — что ты скажешь в ответ на мою исповедь?

Алаун медлила. Зашла Рейчел, чтобы убрать со стола посуду, но Хьюго махнул ей рукой и она, поклонившись, удалилась. Он повернулся к Алаун:

— Ты понимаешь, каково мне было? — спросил Хьюго.

— Я могу сказать только одно, — ответила она, — я действительно никогда больше не смогу назвать тебя визидаром.

В поисках Мими-Доу

Гуанг стоял под навесом, но это не спасало от косога дождя. Из бани выскочил Дэкунь и сладко потянулся. Его розовое лицо было весело, не смотря даже на то, что одежда тут же намочила. Дэкунь заметил тощую фигурку Гуанга, жмушгегося к стене.

— Ну, давай я тебя подвезу до деревни! — предложил подобревший от водных процедур Дэкунь, — скоро за мной приедет повозка. А там и еды навалом. К утру мы будем дома.

— Нет. Мне нужно тут остаться, — мотнул головой Гуанг, — работка есть. Заплатят хорошо. Золотом.

— Ты дурак? В городе неспокойно. Вчера повесили еще двадцать человек. Даже по бедным кварталам ходить небезопасно, — сказал Дэкунь.

Оба взглянули на Лицзян, раскинувшийся перед ними. Отсюда, с горы, он хорошо просмтаривался. Над хмурым городом клубились низкие серые тучи, выливающиеся дождём на его крыши. Было видно, как вдали, закрывая собой взбирающиеся по склону рисовые поля, стелется белый дым.

— Вон, до сих пор горят склады дворца, — указал на клубы дыма Дэкунь. — Теперь в Лицзяне очень опасно.

Дэкунь потянул носом, почуяв запах еды, и добавил:

— Гляди, потом тебе и золото не понадобится. Тем более, раз ты так громко о нём говоришь, — толстяк огляделся по сторонам и добавил тише, — увидишь, скоро будет восстание. Много крови прольётся.

Гуанг с досады только крякнул. То, что говорил Дэкунь, ему и самому было понятно.

Но вчера начальник почты, на которой служил Гуанг, тощий господин Сяо, попросил его зайти после работы. Когда парень, беспрестанно кланяясь, вплыл в кабинетик начальника, тот спросил:

— Гуанг, ты ведь знаешь Лицзян, как свои десять пальцев?

— Да, господин Сяо, — всё ещё кланяясь, ответил парень.

Гуанг боялся потерять и эту работу. Он напряжённо вглядывался в лицо начальника, пытаясь угадать, что случилось. Уволит? Или кто пожаловался? И теперь старый жук Сяо хочет вычесть у него из жалования?

— Тут такое дело, — начальник замаялся, ибо и сам не мог понять до конца, что же от него нужно, — ко мне обратились из дворца.

Гуанг перестал трясти головой и замер.

— Сам понимаешь, сейчас такие смутные времена, того и гляди грянет революция, — сказал, заложив руки за спину и глядя в мокрое окно, господин Сяо.

— Да-да, — подтвердил Гуанг.

Он всё ещё не понимал, для чего здесь находится. А начальник продолжил:

— Есть дело. Платят очень хорошо... Но так как замолвили слово из самого дворца, сделать всё надо тихо.

— Я — маленький человек, — сказал несмело Гуанг, — как я могу помочь большим дворцовым делам?

— Тут такой щепетильный вопрос... Как я понял, завтра в Лицзян придут какие-то важные гости из Европы. Их надо укрыть и помочьим в деле, — разъяснил господин Сяо.

— В каком деле? — уточнил Гуанг, понимая, что точно откажется от такого рискованного поручения. Но только надо придумать причину.

— Я не знаю, в каком деле им надо помочь, — мотнул головой начальник. — Но платят золотом.

Он бросил на стол перед Гуангом мешочек.

— Развяжи, — кивнул ему господин Сяо.

Парень растянул завязки и увидел золотые монеты. Да столько, что на них в деревне можно было бы купить землю и лучший дом. Или построить его у мельницы, там, где расходятся дороги... Да, построить выйдет лучше. В два этажа, да чтобы черепичная крыша и сад. И потом посвятаться к Джие. Ах, красавица Джия...

— Так ты согласен? — вырвал его из мечтаний начальник.

— Да... Но смогу ли я им помочь? — засомневался Гуанг, не отрываясь от золотых монет.

— Там уж будет видно, — выдохнул господин Сяо, — и вот ещё что. С тобой расплатятся позже. Дадут больше, чем здесь, — он кивнул на мешок. — Это золото на то, чтобы договориться о надёжном укрытии для семи гостей, двое из них дамы. Купи хорошую крытую повозку и жди их завтра у постоянного двора «Кривые ворота». Возможно, там же договоришься и с постоем. Только меньше болтай об этом деле. Целее будешь.

Гуанг сгрёб мешок и завязал его. Начальник бросил на стол маленький свиток и конверт.

— А это, — сказал он парню, — разрешение из дворца на помощь и всеобщее вспоможение в любых вопросах тому, кто эту бумагу покажет. Но, конечно, ты понимаешь, что на мятежников это не подействует. Они за такое ещё и прирежут, так что будь осторожнее. А письмо — от приезжающих господ. Прочтешь позже. Там, видимо, разъяснения. Ну, всё, иди, — махнул он Гуангу и, когда тот вышел, выдохнул.

Сяо и самому не нравилось это странное поручение, и он был очень рад, что спихнул его со своих плеч. Он вытащил из ящика свою долю монет, которую предусмотрительно отложил отдельно. И крадучись вышел из здания

почты.

Гуанг же ушёл от начальника в смешанных чувствах: его грели перспективы, но смущало то, что он не знал, что от него потребуется.

И вот сейчас он стоял у бани постоянного двора «Кривые ворота», смотрел на большие, действительно, покосившиеся ставни ворот, размышляя, что принесёт ему это приключение — радость или беду?

— Пойдём, поедим, — позвал его Дэкунь зайти в харчевню, — выпьешь рисового вина или чая. Чего тут мокнуть? Ты же знаешь — все болезни от холодной воды.

Парни зашли внутрь, и старуха Жу, владелица «Кривых ворот», тут же к ним подскочила, хитро щурясь. Уж она-то разглядела у оборванца Гуанга деньги, когда он заказывал у неё сразу семь постоянных комнат в отдельном крыле для каких-то там важных персон. Жу сразу учуяла навар. А враги это были или друзья, ей было всё равно. Лишь бы платили хорошо.

Жу умела подсесть за столик к любому постояльцу, и чтобы он ни говорил, поддакивать ему, быстро поглощая еду, которой её угостили. Жу много лет ни разу не платила за ужин и так к этому привыкла, что когда месяц шли восстания, и постояльцев не было, она высохла и чуть не померла с голоду — не могла из собственного шкафа взять риса, за который никто не заплатил.

Теперь, когда народ потихоньку возвращался: то торговцы проедут за товаром, то крестьяне в город, она радовалась. И буквально за неделю её снова разнесло, а на обвислых щеках заиграл румянец.

— Что хотят замечательные господа? — спросила Жу у Гуанга с Дэкуном елейным голосом.

В этот вечер из всех посетителей эта парочка казалась ей самыми перспективными. Ну, может, она могла бы раскошелить ещё того недотёпу-крестьянина, сидящего в углу, который горланил песню. Он сегодня хорошо распродал кур и всем об этом громко рассказывал. Да только с ним была его жена — сухая строгая крестьянка, поджавшая губы и зло на всех косившая. Такая не даст раскрутить муженька на монеты.

Гуанг и Дэкунь сделали заказ, Жу отдала распоряжение служанке, а сама так и кружила, вокруг парней, словно большая навозная муха, вокруг медовых сот. Когда принесли лепёшки и рисовое вино, госпожа Жу выхватила его из рук служанки и услужливо разлила его по стаканчикам, подтолкнув к парням:

— Отведайте, господа, — сладко сказала она, — а я на вас люблюсь.

Она присела на самый краешек скамьи, ожидая приглашения. Но его не последовало. Парни молчали, а её распирало любопытство и желание поесть за их счёт. Когда принесли плошки с супом, тарелку с мясом и чай в большом чайнике, госпожа Жу сделала новую попытку:

— Я сама разолью вам чай, — она схватила чашки и стала наливать в них напиток, — о, этот славный пуэр, который подарит вам долголетие. Во истину лучший чай на свете! Пока мы с вами едим, он как раз остынет.

И она уже смело плюхнулась на скамью напротив Гуанга, ловко пододвинув к себе мясо.

— Эй, нет, — невежливо сказал ей Дэкунь, — нам тут лишний рот и уши не нужны!

Когда она, обиженно сопя, отошла, парень перегнулся к Гуангу и тихо сказал:

— Ну, рассказывай, во что ты ввязался.

— Да, понимаешь, Дэ, я и сам толком не понимаю, — закачал головой, захмелевший от вина парень, — вчера вечером обмыслил я задание, которое дал мне начальник, да хотел уж было сегодня подойти к господину Сяо и отказаться. С тем и лёг — не хочется погибать молодым. Но во сне явилась мне бабка моя покойная — достопочтимая Сонг.

— Помню я бабку твою. Злая была, гоняла нас клюкой из сливового сада, — шумно втягивая лапшу из супа, вспомнил Дэкунь.

— А в моём сне бабка Сонг была добрая и ласковая. Сидела в белых одеждах на небесном драконе и говорила: «Не вздумай, Гуанг, сбежать. Идут к тебе семь господ. И если сможешь им помочь, будешь богатым, будешь счастливым, и сама прекрасная Джия выйдет за тебя замуж».

Дэкунь подавился супом, прокашлялся и сказал:

— Ну, это ты выдумываешь! Джия даже на богача Мяо не смотрит. Ждёт китайского принца, не меньше! И кто такие эти семь господ?

Гуанг посмотрел по сторонам, вытащил из-за пазухи письмо и сунул его другу. Дэкунь вытер об штаны руки и развернул бумагу:

«Достопочтимый Дзи Кунь. Знакомство с вашим родом со времён Шёлкового пути даёт мне надежду, что могу я обратиться к Вам с личной просьбой. В городе Лицзян проживают древние люди-монстры по фамилии Мими-Доу. О них, конечно, никто не должен знать. Для того они и скрылись среди людей. Одно у них отличие — третий глаз. Нам надо найти эту семью и спасти. Для этого выезжают к вам семь ремесленников, они сами из родов-монстров, хотя очень похожи на людей, ибо уже давно их кровь смешивается с человеческой. Их приезд должен держаться в тайне. Но найдите кого-то половчее, посообразительнее, чтобы он был этим семерым помощником и посыльным. Человеком незаменимым для них. За оплатой дело не встанет. С глубоким уважением к вам граф

Леонар Жобен...»

Дальше шла длинная неразборчивая подпись...

— Ты понял, кто они? Эти семеро? — зашептал в ухо Дэкуню друг, — они те, про кого говорила в моём сне бабка Сонг.

— Да я бы прочитав такое, сбежал тут же. Нехорошая история. Странная. Ввязаться недолго, но недолго и проблемы получить. А ты веришь сну! Да ещё какому? В котором тебе всё это пророчит Сонг. Видно, спина твоя забыла её клюку, — сказал Дэкунь, отдав письмо, — поедем домой. Я спрячу тебя в сарае на рисовых полях. Пересидишь, а потом уедешь. У тебя же остались те монеты?

— Я не могу, — мотнул головой Гуанг, — и потом мне бабка во сне сказала, что один из приезжих вполонину человеческого роста, другой чёрный великан, волчица и белая фея...

— А не пил ли ты часом перед сном чего крепкого? — перебив его, засмеялся Дэкунь, — вот уж приснится же такое. А кто там был ещё, твоя бабка не сказала?

И он отхлебнул супа из плошки. Но Гуанг не успел ему ответить, дверь распахнулась, и в зал вошли высокий темный мужчина, рядом с ним семенял маленький человек ростом с ребёнка, но с бородой и в шлеме. За ними в темноте навеса толпились ещё пятеро.

У Дэкуня открылся рот, а на губе повисла лапша. Немногочисленные посетители даже повскакивали с мест, когда за первыми двумя вошли остальные. Особенно, когда увидели девушек — одну белую, как луна, другую, словно дочь солнца — с шоколадной кожей. Но обе были прекрасны. Таких красавиц здесь ещё не видели. Посетители, не скрывая, указывали на них пальцами и шумно переговаривались. К чудным гостям подскочила госпожа Жу и старательно раскланялась. Да так, что её седые патлы подметали пол.

— Что надобно таким высокочтимым господам в моём скромном обиталище? — спросила она, обращаясь к девушкам, которые казались ей божествами, сошедшими с неба.

— Нам назначена здесь встреча, — робко ответила темнокожая и обвела всех в харчевне взглядом.

Маленький же человечек подсочил к столу, за которым сидели Дэкунь и Гуанг и спросил:

— А не вас ли мы ищем?

Застывший Дэкунь больно пнул друга под столом, чтобы тот ни в коем случае не обозначался. Да Гуанг и не мог. Когда человечек повернул к нему своё лицо, едва высовываясь из-за стола, и переспросил:

— Не вы ли наши проводничие?

Гуанг смог только промычать в ответ. От страха он не мог даже проглотить слюны, отчего они полились у него через край рта. Оглядев его внимательнее, человечек повернулся к Дэкуню и сказал ему:

— Что же ты не покормишь своего умственно-отсталого друга? Он ведь немой, помоги ему.

И, повернувшись, к чёрному великану, пожал плечами:

— Видно, проводник ещё не пришёл.

Компания устроилась за большим столом в углу и заказала еду. Дэкунь в это время быстро доел, бросил деньги на стол и, наклонившись к Гуангу, прошептал:

— Дело хуже, чем я думал. Это, действительно, люди-монстры. И они наверняка съедят тебя на ужин, если ты заявишь о себе. А иначе, зачем твоему начальнику посылать тебя, безродного, на такое дело? Уходим тихо.

Он, стараясь не шуметь, расплатился за еду, взял окостеневшего Гуанга за рукав и потащил к двери. Но уйти им не дали. Когда друзья совсем уж было подошли к выходу, дорогу им преградил тёмный великан. Он наклонился к Гуангу и, глядя ему прямо в глаза, спросил:

— Это же ты?

Дэкунь с ужасом увидел, как друг медленно кивнул.

— А он тебе помогает? — указала великан на Дэкуня.

Гуанг покачал головой из стороны в сторону, как покачивалась кобра из горшка. С ней приезжал к ним в город индийский заклинатель. Друзья тогда битый час любовались на выдрессированную змею.

— Ты тогда иди, — открыл дверь Дэкуню великан, — А Гуанг останется с нами.

Дэкунь, не помня себя, выскочил из харчевни, подбежал к повозке, которая уже ждала его, и поспешно крикнул возникшему: «Гони!» стараясь не думать о собственной трусости.

Великан же пригласил Гуанга за их стол.

— Меня зовут Тафари, — сказал он, — или Следопыт.

Потом он представил остальных. Старика, похожего на лекаря, звали граф Леонар, девушек — Бернис-Волчица и Мэдлин, коротышку — Стурла, восточного парня с необычными большими глазами — Итиро, а молодого человека с копной вьющихся волос — Марио-Рыболов.

— Скажите, — выпив чаю и немного успокоившись, спросил Гуанг, — а вы действительно люди-монстры?

— Мы называемся визидарами. Монстры — всё же не совсем подходящее слово, — спокойно ответил ему Тафари.

— Мы здесь, чтобы найти одну семью. Они тоже визидары, — сказал Леонар, — ты нам поможешь?

— Я уже размышлял об этом. О семьях можно узнать покатограм в районных управах. В городе таких немало.

Придётся обойти каждую и заплатить...

— За этим дело не станет, — коснулся его руки Стурла, — главное — найти семью Мими-Доу.

— Я договорился вам о постое здесь, в Кривых воротах, — кивнул Гуанг на госпожу Жу, которая напряжённо следила за их столом, приоткрыв шторы кухни.

— Ты молодец, Гуанг, — поблагодарила его Волчица, — давайте тогда пройдем в комнаты.

Как только они встали, подскочила Жу, и Гуанг попросил её сопроводить гостей в их покои. Выйдя на задний двор, длинной процессией, компания отправилась за хозяйкой по мостику через ручеёк.

— Как здесь красиво! — окинула взглядом аккуратный дворик Мэд, — вы живёте в чудесном краю! Чего мы только не видели по дороге сюда: каменный лес, кружевные рисовые поля, пагоды...

Услышав её слова, Гуанг улыбнулся и расслабился — не могут быть злыми люди, которые видят красоту в окружающем мире, подумал он.

Процессия двинулась через сад, где светило всего пару фонарей. Свернув на песчаную дорожку, госпожа Жу споткнулась о кошечку, которая заснула, свернувшись у статуи.

— Опять эта мерзавка! — вскрикнула хозяйка, потирая ногу, — да, так и есть, — вглядываясь в испуганную кошку, кивнула Жу, — эта... с одним ухом. Прибилась во двор и не вывести её.

Госпожа Жу брезгливо скривила лицо. В ярости она хотела пнуть животное. Но граф Леонар подхватил кошечку и сказал:

— Мы заберём её себе.

Гуанг опять улыбнулся: доброе сердце не обидит того, кто слабее.

Госпожа Жу отвела гостям целое крыло. Это было одноэтажное деревянное здание с покатой черепичной крышей, раскрашенное в жёлтый и алый. Внутри были спальни для каждого и большая общая комната для чаепитий. Хозяйка показала покои, и, когда её попросили удалиться, с сожалением захлопнула за собой дверь, немного за ней постояв, прислушиваясь, так ей хотелось остаться!

И посмотреть было на что. Гуанг видел, как Тафари обошёл все комнаты, освещая их маленьким фонариком. Как Итиро с помощью бамбуковой палочки наполнил чайник водой, а потом другой палочкой разжёл огонь.

«Расскажу потом Дэкуню — не поверит», — подумал Гуанг.

А чудеса не прекращались. На столе госпожа Жу оставила сладости, но так как она была экономной, то положила каждому ровно по тоненькому кусочку.

— М-м-м, вот это вкусно, — проглотил слюну Гуанг, показывая на поднос, — обязательно попробуйте!

— Как мало! — сказал Стурла, оглядывая сласти. — Тут только мне одному на один присест. Марио!

— Ага, я уже понял, — кивнул ему Рыболов и достал из кармана стекляшку. Он что-то прошептал, наведя её на поднос, и сладостей стало больше. Марио повторил это действие несколько раз, пока сласти не стали падать со стола — Гуанг едва их успел подхватить.

— Надеюсь, ты понимаешь, что пока не должен никому рассказывать, что здесь видел? — спросил Стурла у Гуанга.

Тот кивнул головой — мол, не дурак, понимаю.

Леонар вышел из своих покоев с кошечкой на руках. Он вымыл её и привёл в порядок. Это была маленькая, но юркая чернушка. Только один бок с белым пятном. У неё действительно не было одного уха. Леонар накормил животное и, поглаживая её бочок, размышлял:

— Как же тебя назвать?

— Назовите Хэй Сё, это значит чёрная, — предложил Гуанг.

— Ну что ж, — поднял кошку перед собой Леонар, — теперь у тебя есть имя — Хэй Сё... Ты согласна?

Кошка мяукнула в ответ.

— Она говорит, что ей нравится, — перевёл Стурла.

— Гуанг, — вышла в чайную Бёрнис, — а что это за звенящие горшочки с дырочками, подвешены у изголовья кровати?

— О, это для покоя, — улыбнулся парень, — в эти глиняные горшки собирают сверчков. Они стрекочут и настраивают человека на сон или приятные мысли.

— Ну что ж, — в чайную зашёл в расписном халате и шапочке Тафари, — прекрасные условия. Давайте обсудим, что делать дальше.

Все собрались вокруг низенького столика, и какое-то время церемонно пили чай, который разливал Гуанг. Он же расслабился и рассказывал им о чайных традициях. Ему всё больше нравились визидары. Ну, во-первых, они были необычными: выглядели диковинно, совершали чудеса. А, во-вторых, от них исходило необъяснимое спокойствие и уверенность. И чем больше он находился рядом, тем сильнее это чувствовал.

— Так что? — прервал его на полуслове Леонар, — кто завтра пойдёт в город с Гуангом обходить управы, чтобы найти семью Мими-Доу?

— Так как здесь беспокойно, — сказал Стурла, — должен пойти я.

— Я тоже согласен идти в разведку, — кивнул Леонар.

— Если позволите сказать, — робко вклинился в разговор Гуанг, то лучше, чтобы со мной пошла Мэдлин. И Итиро.

— Почему? — удивился Стурла.

— У нас, — пояснил Гуанг, — командуют и управляют женщины. Именно им отведено больше уважения. Но темнокожая привлекла бы слишком много внимания. А Итиро немного похож на местного. Такой компанией мы не слишком бы бросались в глаза. А если ещё и одеться как местные, то совсем бы слились с толпой.

С парнем все согласились.

— Позвольте спросить, — осмелев, сказал Гуанг, — меня давно мучает вопрос: а что такое «третий глаз»? Неужели в Лицзян живёт семья с тремя глазами? Но я бы точно об этом знал!

— Порой удивительное гораздо ближе, чем мы думаем, — покачал головой Тафари, — но, если честно, мы и сами не знаем, что это обозначает. Вот найдём эту семью и поймём.

Сговорились пойти в город с самого утра, и Гуанг ушёл с постоянного двора.

...Лишь рассвет порозовил верхушки гор, но ещё не отразился в воде рисовых полей, как Гуанг уже стучал в Кривые ворота. Сонная госпожа Жу открыла дверь. Она выглядела, как взлохмаченная гора одежды, которую носят на себе прачки к ручью по субботам.

— Чего тебе? — зевая, невежливо рыкнула она.

— Я к господам, — поклонился Гуанг и ловко проскользнул мимо Жу, таща за собой большой тюк.

— Что там? — ткнула в мягкий бок тюка любопытная хозяйка.

— То, что понадобится господам, — уклончиво ответил Гуанг и побежал по мостику к беседке с покатою крыше, где поселили визидаров.

В домике было тихо, все ещё отдыхали. Только Леонар сидел под навесом и смотрел, как по камешкам в ручейке струится вода, колыхая изумрудные водоросли.

— Господин Леонар, — обратился к нему Гуанг, — почему вы не спите, ведь ещё так рано?

— Ах, я уже наспался за жизнь, — вздохнул Леонар, — когда ты молод, то и сон крепкий и глубокий, но сон старика чуткий и хрупкий, как крылья бабочки.

— В Китае говорят, — сказал, присев рядом с ним, парень, — что у старых фарфоровый сон, потому что в чашу их разума положено много мудрых мыслей. Они звенят, перекатываются, и будят старика. Но крылья бабочки — тоже красиво. Вам бы книги писать.

— Я вот об этом и думаю, — кивнул Леонар, — когда мы дойдём до дома, а я верю, что так и будет, тогда я начну писать книгу.

— Правильно, — одобрил Гуанг.

К ним, потягиваясь, вышли Бернис с Мэдлин. Потом, услышав голоса, проснулись и другие. Через двадцать минут, причёсанная розовощёкая Жу внесла в чайную поднос с едой, косясь на тюк Гуанга. Когда она вышла, парень развязал узел и вытащил оттуда одежду.

— Вот, — протянул он длинное льняное платье и расшитую жилетку Мэдлин, — в этой одежде вам здесь будет легче слиться с толпой.

Потом он достал шаровары и плотную пёструю рубаху до пола для Итиро. И последним вытащил целую кучу нарядных бус:

— О! Это всё мне на себя надеть? — смеясь, спросила Мэдлин, взяв в руки тяжёлые ряды бусин.

— Нет, — мотнул головой Гуанг, — тебе одни, а остальные Итиро. Мужчины здесь носят украшений больше женщин.

Через полчаса из Кривых ворот вышла и села в повозку бледенькая молодая китайская госпожа в красивой шапочке с нашитыми цветами и бубенчиками. Через плечо у неё висела милая европейская сумочка, которая контрастировала с нарядом. С нею в повозку сели и двое её слуг.

За первую половину дня в Лицзяне эту повозку видели у многих городских управ. Везде повторялось одно и то же. Слуги спешили и помогали сойти красавице-госпоже. Сначала в контору заходила Мэдлин, за ней семенил Итиро, он нёс над ней зонтик, рядом шёл Гуанг. Он, обращаясь к служкам, рассказывал одну и ту же историю: его госпожа разыскивает тётушку, чтобы отблагодарить её за помощь. Но тётушка затерялась, а фамилия тетки — Мими-Доу.

Работники управ выслушивали, сочувственно качали головами, но всегда неизменно отказывались помочь, ссылаясь на занятость. Но потом Итиро подносил им кулёк с подарками и монетами. И только после этого Гуанг вытаскивал пергамент из дворца с красивой золотой печатью, который производил на работников окончательное

впечатление, вызывая у них острое желание подосбить. И служащие тут же бежали рыться в картотеке.

К обеду компания постела уже шесть контор, но Мими-Доу не нашли. Гуанг предложил перекусить.

— Я сейчас вас угощу лучшим кофе! — сказал он.

— Я думал, что в Китае только чай пьют, — удивился Итиро.

Гуанг загадочно улыбнулся и повёл их к площади.

Они зашли в кофейню старого города и сделали заказ. Сейчас, днём, город жил обычной жизнью, только чуть больше стражи ходило по улицам, чуть тише шептались, переглядываясь, крестьяне, собиравшиеся кучками по углам. Но всё так же светило солнце, освещая загнутую черепицу крыши; у каналов шалили дети; стайкам ходили девушки, прикрывая смеющиеся рты ладошками.

Гуанг, глядя по сторонам, загрустил.

— Почему ты расстроен? — спросила его Мэдлин.

— Я люблю свой Лицзян. Мои предки всегда жили здесь. Но теперь мне страшно, что всё это будет разрушено. Жизнь перестала быть прежней. Люди изменились, — вздохнул Гуанг.

— Жизнь всегда разная, поверь. Наши дети будут говорить то же самое, — успокоил его Итиро. — Но мне жаль, что всё у вас идёт к восстанию. Это чувствуется в самом воздухе. И тогда точно будут жертвы. А это уже точно печально.

Им принесли кофе и заставили весь столик цветными пиалками с едой. Компания молча стала есть, каждый думал освоен.

Кофе был очень терпким и насыщенным. Отхлебнув из чашки, Мэд сказала:

— Какой необычный напиток!

Гуанг снова ожил, рассказывая, что у них в провинции выращивают не только лучший пуэрский чай, за которым приезжают со всего света, но и редкий сорт кофе.

— Мой отец служил у французского миссионера, который привёз в нашу провинцию кофе, — воодушевлённо объяснял Гуанг, — и теперь недалеко от Лицзяна есть своя кофейная плантация. Отец говорил, что за кофе — будущее. Он мечтал его разводить, хотя в нашей деревне над ним смеялись. Ведь все у нас растят только чай и рис. Я, когда заработаю денег, у себя в деревне посажу кофе! У меня будет своя кофейная плантация, — мечтал Гуанг.

После кофе у компании поднялось настроение, и возродились надежды. Воодушевлённые, они поехали в очередную контору.

— Вот увидите, мы найдём этих Мими-Доу! И очень скоро, — убедительно говорил Итиро, махая зонтиком.

Та управа, в которую они приехали, находилась на самой окраине Лицзяна. У самого её порога сидел старый китаец и курил длинную трубку.

— Не работаем, — коротко бросил он Мэд, которая уж было собралась взойти на ступеньку.

— Ну, что ж... — растерялась девушка и разочарованно шагнула назад к повозке.

— Это Китай, так дела не делаются, — мотнул головой Гуанг, — отойдите, я попытаюсь договориться.

Он подошёл к китаюцу и стал с ним шептаться. Визидары видели, как старик качает головой. Но потом Гуанг махнул Итиро, чтобы тот принёс денег. Он подбежал и радостно развязал сумку, достав монеты. Старик бесцеремонно заглянул в мешок Итиро и увидел, что он набит ценностями. Мэд видела, что Гуанг недовольно нахмурился, заметив взгляд старика. Но старый китаец казался девушке безобидным, хоть и излишне любопытным.

Китаец схватил мешочек с монетами и сказал:

— В конторе сегодня никого нет, но я могу пустить вас в картотеку. Если вы пообещаете оставить там всё, как есть. А то не сносить мне головы. И ищите там сами своих Мими-Доу, сколько вам влезет.

— Да-да, — закивали ребята.

Старик повёл их в переулок рядом. Итиро видел, как напрягся Гуанг, схватившись за нож, висящий на поясе и до этого надёжно спрятанный в складках его широкой накидки. Старик перехватил взгляд парня и захихикал беззубым ртом:

— Приятно, что вы меня боитесь. Но неужели я могу что-то сделать таким сильным и молодым?

И его лысая голова, покрытая старческими пятнами, затряслась.

Он завёл их потайной дверью в контору и показал комнатку без окон, где стояли низенькие шкафчики с карточками, покрытыми иероглифами. Сказал:

— Ищите.

И, выскользнув за дверь, щёлкнул ключом.

— Эй! — подскочил к закрытой двери Гуанг, — открой!

— Что ты так боишься? — сказал из-за двери старик, — или хотел ограбить контору? Я приду через три часа и вас открою. Ищите пока своих Мими-Доу.

И опять хрипло рассмеялся, словно кто-то тряс мешок, набитый мелким песком.

— Не нравится мне он, — сказал, вздохнув Гуанг. — И потом у него из-под рукава выглядывала полустёртая

татуировка — хвост рыбы.

— Ну и что тут такого? — спросила Мэдлин, открывая первый ящик. Она потрогала свой Переводной медальон и порадовалась, что с помощью него сможет ловко разбирать вязь иероглифов.

— А то, что раньше такие тату носили бандиты, — оглядел закрытую дверь Гуанг. Потом подошёл, поднял из угла тяжёлую доску — это оказался засов. К нему подскочил Итиро, и они вместе закрыли на него дверь изнутри.

— Зачем это? — подняла глаза от ящика с карточками Мэдлин.

— На всякий случай, — пробормотал Итиро.

И они втроём углубились в картотеку. Шкафчиков с фамилиями оказалось шесть. Каждый взял себе по два. Быстрее всех проверил свои карточки Гуанг, но нужной фамилии не нашёл и начал помогать Мэдлин.

За дверью раздался шум и голоса. Итиро подошёл ближе и, посмотрев на Мэд и Гуанга, приложил палец к губам. Потом прислонил ухо к замочной скавжине дверного полотна. Послушал, что происходит снаружи. И жестом позвал к себе Гуанга. На ногах парня были плетёные соломенные шлёпки, поэтому он смог тихо, словно кошка, подойти к Итиро и тоже прислушался.

В переулке шёл тихий разговор. По голосам, там было человек шесть-восемь.

— Да не бойтесь, — раздавался приглушённый голос старика-китайца, — дело верное. У них там столько монет — на всех хватит.

— Что будем делать? — одними губами спросил Гуанг у Итиро.

Тот кивнул ему вбок, и они отошли в комнату.

— Продолжай искать, — шепнул побелевшей Мэдлин Итиро.

А потом, повернувшись к Гуангу, сказал:

— Надо подумать о плане побега.

Они осмотрели дверь в основное здание конторы. Постарались её выбить, но она не поддавалась.

— Поищите инструмент здесь, — Мэдлин кинула Итиро свою сумочку.

Парни по очереди засовывали руку в Бесконечную сумку Мэд и доставали оттуда разные предметы. Сначала Гуанг удивился Бесконечной сумке, но близкая опасность заставила сосредоточиться, а не анализировать — как такое возможно. Было ощущение, что засовываешь руку в тёмный чулан, и нащупываешь там вещь. По первости они вытаскивали пудреницы, расчёски и ленты. Потом они нашли пару книг Леонара.

— Ну, тут у тебя полный бардак, — в сердцах сказал Итиро.

— Да вы ничего не понимаете, — подскочила Мэд.

И с первого раза вытащила огромный молоток и долото.

Сначала с помощью долота парни пытались открыть дверь в контору, чтобы выбраться с другой стороны. Но у них ничего не получилось. Тем более, что они старались делать всё максимально тихо.

Вдруг дверь в переулок дёрнулась, и в ней повернули ключ. Все трое замерли. А с улицы кто-то аккуратно повернул ручку.

— Здесь ли вы? — громко спросил старик, и потом сам себе ответил, — здесь-здесь, голубчики, куда же вы денетесь?

— Ты же обещал, что ничего нам не сделаешь, — крикнул ему Гуанг.

Старик за дверью засмеялся.

— Я, конечно, ничего вам сделать не могу. Но позвал тех, кто может.

И его смех подхватили остальные разбойники.

— Откройте. Вам всё равно деваться некуда, — ласковосказал старик.

Молодёжь переглянулась.

— Мы подумаем, — ответил ему Итиро.

— Боюсь, у вас нет времени думать. Дверь мы всё равно выломаем, — мягко донёс до их сведения старик.

Видимо, он подал знак другим, и дверь стали сотрясать глухие удары.

— Есть! — закричала Мэд, держа в дрожащих руках карточку, — здесь всё про семью Мими-Доу!!!

Гуанг взял из её рук кусочек картона. Действительно, мелкой россыпью иероглифов на нём было написано о некоем семействе Мими-Доу.

— Надеюсь, что они одни такие, — пробормотал он, и сунул её за пазуху.

В это время Итиро взял молот и со всей силы стал колотить по стене. Он не знал, куда они попадут, если он пробьёт дыру, но видел в этом единственный выход. Стена была из соломы и глины. Комната быстро наполнилась пылью.

В дверь стали колотить сильнее, но и ребята налегли на стену. Тем более что показался маленький просвет. Мэд и Гуанг стали помогать руками и подручными средствами его увеличить.

Когда они расширили дыру достаточно, то первой помогли выбраться задыхающейся от пыли Мэдлин. Она оказалась а соседнем переулке. Но сами парни вылезти не успели.

Дверь рухнула, и в помещение ворвались разъярённые люди.

— Мэд, беги, спасайся, зови на помощь, — успел сказать Итиро девушке, и тут же, вытащив меч, кинулся к ближайшему китайцу.

Но силы были неравны. Двоих он серьёзно ранил, чем очень разозлил остальных. Их с Гуангом схватили, выволокли на улицу и бросили на колени перед стариком. Тот оглядел их окровавленные лица и спросил:

— А где девчонка? У неё, видимо, сумка с богатствами.

Он стал пинать Гуанга в лицо острым носком своего ботиночка, в то время, когда Итиро держали двое бандитов, а третий бил его в живот. Был момент, когда Итиро вырвался, но его тут же повалили четверо, заломив парню руки, с усердием нанося ему тумаки, куда попало.

— Где девчонка?! — уже в бешенстве кричал старик с перекошенным от ярости лицом. Теперь он вкладывал в удары по Гуангу всю свою злость.

Итиро наконец, вывернул руку и схватил Огненную палочку, которую бандиты посчитали за дудку и поэтому не отобрали, как оружие. Он выкинул руку с ней вперёд и, указав ею на бандита, избивавшего Гуанга, произнёс заклинание. В эту же секунду на разбойнике загорелась одежда. Он отпустил жертву, упал и начал орать, катаясь в пыли. А Итиро поджёт ещё одного.

Остальные, вместе со стариком, отскочили в тупик и спрятались за кучей мусора.

— Не подходите! — крикнул им Итиро и помог подняться сильно ослабшему Гуангу. В этот момент в проулок ворвалась на повозке Мэд. Пока парни садились, Мэдлин стояла с оголённым клинком и кричала:

— Я воткну его в любого, кто приблизится!

Разбойники глядели на них из-под грязных ящиков. Но выходить не торопились, опасаясь обезумевшей девушки, с разлохмаченными белоснежными волосами и ещё больше боясь палочки Итиро.

Но как только повозка выехала из тупика, погнались за ней. Но куда там! Ребят было не догнать. Мэдлин стегала лошадей, постоянно оглядываясь на парней. Их открытые участки кожи были покрыты ранами и синяками. Гуанг истекал кровью — кто-то его тяжело ранил в бок. Он ещё в городе потерял сознание. У Итиро была сломана рука.

Мэд спешила и только успевала кричать «простите» на китайском испуганным прохожим, отскакивающим от повозки к стенам домов. Лошади мчались, не разбирая пути — так отчаянно их подстёгивала Мэдлин. Они снесли пару вывесок, опрокинули столик с товарами, перевернули встречную телегу с чанами — из них разлились молочные реки, но скорости Мэд не сбросила.

Когда в «Кривые ворота» ворвалась повозка, к ней кинулись остальные визидары. Раненных парней перенесли в чайную комнату и осмотрели. Гуанг приходил в себя и стонал. Леонар принёс перчатку.

— Конечно, на людей она действует слабее, но что поделать, — сказал он, прикладывая её к боку Гуанга.

Дверь без стука растворилась и вплыла госпожа Жу.

— Услышала шум, испугалась, — сказала она, прикидываясь озабоченной.

Госпожа Жу слышала, что постояльцы вернулись, но не успела увидеть, что происходило во дворе. И теперь пришла разведать, что и как. Зорко оглядев комнату, не упуская ни одной детали, отстранённо спросила:

— Не нужна ли помощь?

И тут она занервничала, увидев раненых, которые лежали до этого скрытые от неё резными ширмами. Вот так неприятность! Мёртвые? Нет, вроде шевелятся, живые. Но не навлекут ли они на её постоялый двор какую беду?

— Да, госпожа Жу, принесите таз и, если есть, бинты.

— Конечно-конечно, — заторопилась она.

Через пять минут вернулась с мазями и бинтами.

Перевязали Гуанга, Итиро из дощечек сделали на руку лангетку.

Госпожа Жу крутилась рядом, но когда из диалогов поняла, что, кажется, ничего не угрожает её собственности, успокоившись, удалилась. Тафари же достал из своей сумки снадобья, приготовил в чашке белую жижу и напоил ею раненых.

Им от его лекарства стало легче.

Бернис и Мэд сидели рядом с Гуангом, и то вытирали на его лице выступавшую испарину, то поили водой. Когда парня очередной раз переключивали поудобнее, из-за пазухи у него выпала карточка, о которой в суматохе забыли. Стурла подхватил её.

— Это то, что мы нашли о семье Мими-Доу, — пояснила Мэдлин.

Тафари с Леонаром взялись читать мелкие ровные кружева иероглифов.

— Здесь написано, — сдвинув очки на лоб, сказал Леонар, — что семья Мими-Доу живёт за храмом Золотых колоколов. Их четверо: Пинг и Ксия Мими-Доу, и их дети Хи и Янмей.

— Значит, завтра надо будет их разыскать, — сказал Тафари.

Он посмотрел на Гуанга:

— До утра парень вряд ли восстановится. Поэтому будем рассчитывать на себя. Надеюсь, что храм Золотых колоколов в городе один.

На ночь у больных остались дежурить Леонар, Марио и Стурла. Когда к полуночи Гуангу стало чуть легче, Стурла наложил перчатку на руку Итиро. За два часа она у него полностью зажила, синяки рассосались и отёки сошли. Тогда перчатку снова переложили на раны Гуанга. Марио вышел подышать ночным воздухом. Он радовался, что друзьям легче, но его мучила совесть от того, что он не пошёл в город с ними.

«Я изменился, — думал, наблюдая за своими мыслями, Марио, — как хорошо быть визидаром! Уже сейчас я столько увидел и понял, сколько не познал за всю жизнь. Нашёл верных друзей. А впереди столько приключений...» Додумать он не успел. Ему показалось, что в кустах у забора кто-то закопошился. Вроде метнулась какая-то тень. Марио пошёл исследовать то место, но никого не нашёл. «Может, собака?» — подумал он. И вернулся в чайную.

Волшебная девочка и драконы

С самого утра визидары снарядили в город маленький отряд. Мэдлин решила ехать, так как уже знала Лицзян. Итиро тоже собрался, потому что восстановился. С ними напросился и Марио:

— Не прощу себе, если не пойду, — твёрдо сказал он, — я могу пригодиться.

Когда ребята уехали, Тафари пошёл перебинтовать Гуанга. Щёки парня уже порозовел, рана затянулась. Он открыл глаза и улыбнулся. Тафари аккуратно поменял ему повязки. Потом достал пахучие корни и опять долго варил снадобье. Когда масса в котелке стала чёрной и вязкой, Тафари набрал её в ложку и поднёс к губам больного. Гуанг сделал плоток, закашлялся — уж больно горькое было месиво. Но стало легче, мышцы налились силой. Тафари, набирая снадобье по чуть-чуть в ложечку, заставил Гуанга выпить всё содержимое котелка. На это ушёл час, но зато парень поднялся с лежанки.

Пошатываясь, Гуанг вышел на веранду. Тафари помог ему сесть на настил у ручья и ушёл в комнату.

Гуанг сидел, прислушиваясь, как в основном доме Жу визгливо переговаривается со служанкой. Та, вернувшись из города, рассказывала госпоже, что на улицах столпотворения. Мятежники собираются в отряды. Снова подожгли пару богатых домов. Местные жители бегут из города к родственникам в деревни. Кто успеваеет заколотить окна и забить ворота, а кто всё кидает просто так и уезжает. Под разговоры женщин Гуанг задремал. Но тут из-за угла веранды кто-то протянул руку и схватил парня за халат. Гуанг испугался, вскрикнул. Но рот ему успела закрыть чья-то ладонь. Так чтокрик оказался глухим и почти неслышным. Гуанг в страхе обернулся. Перед ним, сев на корточки, прижимал палец к губам Дэкунь.

— Я пришёл за тобой. Друзей нельзя оставлять в беде. Хорошо, что тебя ещё не сожрали, — тихо сказал он Гуангу, — это они так тебя? — Дэкунь, ужаснувшись, показал на синяки на лице друга.

— Нет, — мотнул головой Гуанг.

— Пойдём. Я спасу тебя, — аккуратно потянул его за рукав Дэкунь, — здесь недалеко, у надёжного человека, нас ждут лошади.

— Я сейчас не могу уйти. Не волнуйся за меня, — успокоил друга Гуанг.

— Здесь оставаться вдвойне опасно! — предупредил Дэкунь.

— Я знаю про начавшееся восстание. Но говорят, что повстанцы не пойдут в горы. Их интересует дворец. Значит, сюда они вряд ли заявятся, — сказал Гуанг.

— Нет. Я не про восстание, — помотал головой Дэкунь. — Всё гораздо хуже. Я следил за домом всю ночь, чтобы дожидаться, когда ты выйдешь, но тебя всё не было. В отчаянии я подумал, что тебя уже нет в живых, пока, подкравшись ближе, не услышал твои стоны. Но я увидел, что ещё кое-кто следит за постоянным двором. Ночью с расспросами к госпоже Жу приходили бандиты. Их было много. Управляет ими старик. Они рассказали Жу, что у пришлых много денег и пообещали поделиться с ней добычей. Нападут они завтра к утру, как только начнёт. Вас всех убьют! А госпожа Жу приставлена за вами следить.

Гуанг побледнел и вскочил. От этого у него закружилась голова, и парень повалился на Дэкуня. Услышав грохот, вышли Тафари с Леонаром. А за ними и Стурла с Бёрнис.

— Что тут происходит? — спросил граф Леонар, помогая подняться Гуангу.

Дэкунь, видя, что друг спокойно разговаривает с монстрами, осмелел.

— Я пришёл за Гуангом! — сказал он, — отпустите его!

— Вот поправится твой Гуанг, и уйдёте в родную деревню, — кивнула Бёрнис, — пойдёмте, я вас чаем угощу.

— Какой чай? Мы в беде, — сказал им расстроено Гуанг.

Все зашли в чайную, и Гуанг рассказал, что ночью видел Дэкунь.

— Дела наши плохи. Надо уходить, — закончил он рассказ. — Но так, чтобы Жу не видела. Возможно, через забор за домом? Хоть там и начинается сильный склон, но в паре мест можно было бы спуститься.

— Мы не можем уйти, пока не вернутся наши друзья, — покачал головой Тафари. — Они придут из города, тогда всё решим.

...А Мэдлин в это время из крытой повозкирасстроено наблюдала, как может измениться за одну ночь прекрасный город.

Лицзян был в огне пожаров, везде стелился чёрный едкий дым. Отовсюду неслись крики, плач, раздавались хлопки выстрелов. Бегали группы воинственных повстанцев. Визидары видели, как грабят лавки. Жители, кто ещё не успел, спешно покидали город. Те, что побогаче, уезжали на повозках, но остальные тащили скраб на себе и шли пешком. Поэтому на долгие мили по обочинам растянулись нестройные скорбные процессии навьюченных людей.

Пару раз визидары пытались спросить дорогу к храму Золотых колоколов. Но испуганные горожане косились на них со страхом в глазах, молчали и ускоряли шаг. Только один, обезумевший, схватившись за голову, на их вопрос закричал из окна дома:

— Уезжайте, уезжайте!!!

У одного из мостиков Мэдлин увидела плачущего ребёнка. Китайчонок был в одной рубашонке. Он зашёл в воду и рыдал, размазывая слёзы по грязным щекам. Мэд попросила Итиро остановиться, спустилась к ручью и вытащила малыша. Она обняла его, посадила в повозку и попыталась утешить.

Переводной медальон даёт понимание чужой речи, но не учит говорить. Вернее, ты знаешь, как сказать то, что хочешь, но при этом бывает, что собственный рот тебя не слушается. Только у Тафари с его мышинным крылом получалось не только всё понимать, но и говорить на любом языке мира, словно он был его родным. А вот у Мэдлин сейчас говорить внятно на китайском не выходило. Она пыталась расспросить ребёнка откуда он, но тот не понимая её, заливался ещё горше.

Тогда ей решил помочь Итиро. Он склонился над малышом и медленно спросил:

— Мама? Папа?

Его ребёнок понял.

— Дома мама, — ответил он, хлюпая носом.

Марио схватил поводья и легонько тряхнул ими. Лошади сдвинулись с места.

— Куда ты? — спросила растерянная Мэд, — мы же не знаем, где он живёт.

— Он такой маленький, что вряд ли ушёл далеко от дома, — предположил Марио, — надо просто проехать по округе.

И Рыболов оказался прав. В третьем же переулке, куда они свернули, малыш радостно закричал:

— Дом-дом! Наша киса! — сказал он, показывая на тощую кошку у забора.

Только Итиро хотел попытаться поговорить с животным, но тут из ворот выбежала женщина и кинулась к ним.

Это оказалась мать малыша.

Она схватила ребёнка из рук Мэдлин и запричитала, прижимая его к груди: «Вей, Вей, мой Вей!».

— Спасибо вам, добрые белые! — благодарно сказала она визидарам, торопясь скрыться в воротах и опасливо глядя в конец улицы. — Почему вы в городе? Здесь большая опасность, — показала она на дым пожаров и, прикрывая ребёнка, испуганно пригнулась от взрыва, который раздался совсем рядом.

— Мы ищем храм Золотых колоколов, — как можно медленнее и чётче сказала Мэдлин.

Видимо, всё же китайский был не её язык, потому что женщина уставилась на неё непонимающе.

— Золотые колокола? — спросил её Итиро.

Для надёжности он вытащил из-за пазухи карточку с данными о семье Мими-Доу и протянул женщине. Она оказалась грамотной. Посмотрев на записи, женщина спросила:

— Так вам нужен храм или эта семья?

— Мы ищем семью Мими-Доу, — кивнул ей Марио.

— Вы их здесь не найдёте, — покачал головой женщина, прижимая Вея.

Она опять поглядела в конец улицы.

— Вы знаете, где они? — спросил Итиро, — нам это важно.

Женщина сомневалась, спешила, но потом посмотрела на Вея, который положив голову ей на плечо, заснул, сказала:

— Их дом был вон там.

Она показала в тупик улицы, где был заброшенный, по виду давно нежилой участок.

— Я хорошо их помню. Даже немного общалась с Ксией. Она была славной женщиной.

— Была? — напряглась Мэдлин.

— Да, — женщина печально закивала, — три года назад ночью на них кто-то напал. И убил её мужа и сына. Она сама была ранена. Приползла к нам вся в крови. Просила помощи. Но позже она умерла в больнице... Их как будто кто-то искусал. Поговаривали, что это были демоны. Поэтому на их участке никто больше не поселился...

— А девочка? У них ведь была дочка? — с надеждой спросил Итиро.

— Девочка? — сначала удивилась женщина, а потом взгляд её просветлел, — да-да, у них была дочка. Знаете, у отца и сына Мими-Доу было странное родимое пятно — в виде глаза на лице.

Она ткнула себе в середину лба пальцем:

— Вот здесь. И у девочки было точно такое же.

Визидары переглянулись — с тремя глазами!

— Так вот родилась Янмей какая-то чудная. То ли придурковатая, то ли больная, как шептались люди. Я видела Янмей один раз, когда Ксия несла её на руках, но мне девочка не показалась глупой, как про неё говорили люди. Глазки у неё были умные. Потом я узнала, что Ксия отдала дочку в монастырь. Было девочке тогда годика три. Как раз за месяц до нападения. Ксия чего-то боялась. Возможно, чуяла беду.

— А где этот монастырь? — спросил Марио.

— Монастырь Белых пагод. Он далеко в горах.

Она махнула рукой в сторону вершин. И вдруг кинулась в конец улицы. Оттуда показался мужчина, он шёл,

грустно опустив голову.

— Лунь, ты не нашёл повозки?! Что нам делать?! — заговорила она с ним.

Мужчина же только ещё сильнее склонил голову.

— Может, вам помочь? — спросил Итиро.

Женщина взглянула на их большую повозку и сказала:

— У нас в доме больная мать мужа и дочь. Если бы вы могли довести нас с вещами до развилки дорог за городом, мы были бы вам благодарны.

— Конечно, — кивнула Мэдлин.

Визидары стали помогать таскать тюки со скарбом из дома в повозку. Потом перетащили туда старуху — лёгкую, словно высохшую. Она лопотала на таком странном наречии, что даже переводной медальон отказывался её понимать. В конце сборов посадили в повозку хозяев и их детей, уселись сами и поехали.

Лунь показывал дорогу, его жена нервничала, закрывая уши детям при сильных хлопках взрывов или выстрелах. А потом и вовсе легла с ними на солому наваленную на пол повозки, чтобы укрыться от ужаса улицы.

Когда, наконец, выехали из города, оказалось, что их пути расходятся. Кривые ворота были недалеко, но в другой стороне. Посоветовавшись, визидары отдали повозку семье. Те не верили своему счастью, плакали, кланялись сами и заставляли кланяться детей спасителям, пока те не скрылись из вида.

Пешком в гору подниматься было тяжело, это заняло гораздо больше времени, чем они ожидали.

До Кривых ворот Мэд, Итиро и Марио добрались уставшие и промокшие от начавшегося дождя. Их встретила любезная госпожа Жу, которая самолично протирала входную калитку. Она отчаянно возила тряпкой по одному месту и смотрела на дорогу. Увидев визидаров, сделала вид, что очень занята пятном на покосившемся столбе. Потом, словно только их заметив, расплылась в улыбке:

— Как хорошо, что вы вернулись! А то скоро уже стемнеет! — лебезила она, — я подам вам еду в чайную.

Визидары слишком устали, чтобы ей что-то отвечать. Молча прошли мимо. Марио волочился последним — его ноги были стёрты от долгой ходьбы.

Зайдя в беседку, увидели всю свою компанию в сборе, да ещё и гостя — шумного Дэкуня. За день он освоился, насмотрелся здесь чудес, а сейчас сидел, улыбался во всю ширину круглого лица, и, активно махая руками, рассказывал Леонару о тонкостях выращивания риса.

— О! — закричал вернувшимся по-свойски Дэкунь, — пришли! Ну, наконец-то! Чего так долго?!

Зашедшие удивлённо на него покосились, а Марио, снимая с израненных ног обувь, сказал:

— Леонар, дай свою перчатку ненадолго... Кстати, госпожа Жу очень странно себя ведёт.

— А я знаю, почему, — гордо вышел на середину комнаты Дэкунь, — сейчас расскажу!

И он стал повествовать историю, начав со слов: «Сидел я позавчера дома в деревне...» Рассказывал он медленно, с выражением, меняя лица и жестулируя, разыгрывая сам с собой диалоги. Когда дошёл до диалога разбойников и госпожи Жу, то схватился за задник своей рубахи, натянул её в виде платка на голову, скрючился и прогнусавил тонким скрипучим голосом:

— Что надо господам в такой поздний час?

Тут же за ним открылась дверь и сама госпожа Жу, внося поднос, недоумённо спросила:

— Что здесь происходит?

Дэкунь от ужаса повалился за диванчик, а остальные рассмеялись.

Сели есть, Дэкунь уже быстро дорассказал историю, а Итиро поведал про семью Мими-Доу.

— Если и остался кто из семьи, то только маленькая Янмей, которой сейчас не больше семи лет, — закончил он, — и находится она в Монастыре белых пагод.

— Так это же недалеко от нашей деревни! — воскликнул Гуанг, — но это закрытый монастырь. Туда никого не пускают уже больше ста лет. Лишь с соседней горы, сойдя с дороги, можно увидеть кусочек белых пагод на его территории. Помнишь, Дэкунь, мы бегали смотреть в детстве?

— Ага, — кивнул друг.

— Что будем делать? — спросил, вытирая бороду Стурла.

Он поднялся, поправил шлем и меч на поясе.

— Нам надо уходить, или принять бой! — сказал Стурла, и весь его вид говорил, какой из двух вариантов выбирает он.

— Стурла, с нами люди. Мы не должны подвергать их опасности, — покачал головой Леонар, — раз бандиты придут утром, надо уходить, как станет совсем темно. Так мы сможем покинуть постоянный двор незамеченными.

— Вот что я предлагаю, — поднялся Тафари, — надо сделать вид, что мы ложимся спать, и тихо выбраться с обратной стороны. Для этого ты и используешь, Стурла, свой суперострый меч — прорежешь стену в своей комнате. Я думаю, тебе не составит это труда, ведь она из плетёной соломы.

Стурла воодушевлённый заданием, помчался в спальню, а остальные пошли собирать вещи, стаскивая их для

удобства в комнату Бёрнис, так как она была на пересечении выходов. Гуанг же с Дэкуном сели на веранде, будто бы болтать, но зорко следили за постоянным двором, глядя по сторонам.

Дождь прекратился. Над Лицзяном стелились чёрные туманы, подсвеченные заходящим солнцем. Из кустов вышла Хэй Сё и подбежала к Леонару. Она жалобно мяукала, просясь на руки. Граф поднял её, погладил за ушком, и спросил:

— Ты, наверное, боишься, видя наши сборы? Но мы возьмёт тебя с собой.

Он опустил кошечку на пол и пошёл помогать остальным собираться.

— Всё готово для побега! — радостно сообщил Стурла, выглядывая из комнаты, и гордо добавил, — я пока поставил часть вырезанной стены на место, чтобы не вызывать подозрений! Если не приглядываться, даже и не увидишь, где дыра. Мэдлин, — обратился он к девушке, потому что она стояла ближе всех, — глянь ка.

Мэдлин зашла к нему в комнату. И вдруг оттуда раздался её крик. Все кинулись к ней. Стопились у входа в комнату Стурлы и увидели, что из дырки в стене торчит костлявая рука и держит Мэд. Потом щель расширилась и в ней показалась голова старика-китайца.

— Ни хао. Не ждали? — ласково сказал он.

Старик вытащил длинный кривой нож, приложил его к горлу Мэдлин и хищно улыбнулся гнилым ртом. Все отпрянули, мужчины вытащили оружие, а он продолжил:

— У того входа тоже мои люди. Много людей. Будете резать нас — мы будем резать вас. Начнём с девушки, — нажал он лезвием на горло Мэдлин. — Так что не спешите, — старик нахмурился и пожурил, — что же вы не поторопились уйти? Какая беспечность! Я уж думал, мы не успеем. Здорово, что достопочтимая Жу обладает хорошим слухом и не гнушается подслушивать. Она для этого везде горшки и развесила со сверчками — чтобы к любому окну тихо подойти.

Через пару минут все визидары были схвачены и связаны. Их собрали в чайной. Туда же привели и Гуанга с Дэкуном. Старик сел на высокий стул, а под ноги ему положили топчан. Забежала госпожа Жу, кланяясь, налила бандитам чая, потом оглядела всех в комнате и сказала, склонившись к лысому черепу старика:

— А где еще двое? Чёрная девчонка и япошка?

Старик послала пару бандит проверить комнаты. Но они в них никого не нашли. Пропали и многие вещи визидаров.

— Как же так? — завизжала Жу, — а где их кошельки с золотом? Где перчатка, которой лечили Гуанга? У них было столько несметных богатств!!!

Её глаза вылезли из орбит. Она растолкала остальных разбойников и стала бегать по комнатам.

— Где?! Где богатства!??? — кричала она.

— Может, тебе показалось, Жу? — нахмурился старик, — уж больно ты чудные вещи рассказывала. Не перекурила ли ты своей трубки накануне?

— Нет! — кинулась Жу перед ними на колени, — нет! Это точно японец с девчонкой всё унесли!

— А где же они? — старик ласково погладил по голове Мэдлин, которую связали и посадили рядом с ним. — Где?! — поднял он голос и наотмашь ударил её по скуле, разбив нос.

Тафари и Стурла дёрнулись, но их тут же ударили по голове дубинками. Шлем Стурлы загудел от удара, и гном осел. Это вызвало приступ смеха у старика:

— Вот как котелок твой как забавно гремит!

Он подошёл к Стурле и пару раз сам ударил его по голове, так, что из-под шлема потекла струйка крови:

— Гремит, как подмороженная зимой тыква. Дурная голова твоя, — закашлявшись от смеха, сказал старик. Потом опять серьёзно добавил:

— Где японец и чёрная? Или опять бить... эээ, как тебя деточка зовут? — обратился он к Мэд.

— Мэдлин. Её зовут Мэдлин, — услужливо подсказала Жу.

— Мэдлин, деточка, ты хочешь, чтобы я тебя бил? Ты такая беленькая, хорошенькая... Интересно, кстати, а у тебя внутри органы тоже белые? — задумался старик, — надо бы посмотреть. Любопытство меня разобрало. Так что деточка, отвечай, где ваши друзья?

— Они ушли разведать дорогу, — ответил за неё Тафари, — и скоро вернутся.

— Правда, Мэдлин? — старик ткнул в бок девушки ножом.

Мэд ойкнула, слёзы брызнули из её глаз и она закивала головой. Старик взял её за подбородок и внимательно посмотрел её в глаза:

— Если ты мне лжешь, то я убью тебя первой, потому что лгунишек надо наказывать, — он отпихнул её и обратился к Жу, — принеси мне поесть. Я видел там у тебя мясо в котле.

Хозяйка метнулась исполнять приказ, приговаривая: «Сейчас-сейчас всё сделаю в лучшем виде». Старик обвёл всех в комнате рассеянным взглядом и нравоучительно изрёк:

— Хорошо жить во времена революций и восстаний. У тебя развязаны руки. На пожары разборки всегда можно

списать абсолютно всё. Например, убийство приезжих гостей.

После, расслабившись, он обратился к бандитам:

— Уберите их пока с глаз долой, а то аппетит мне испортят. С этого мелкого вон на пол кровью накапало. Мерзость какая... Как известно, поглощать еду надо в хорошей компании и красоте, тогда и жить будешь долго, — он опять тихо рассмеялся и добавил, — раскидайте их по комнатам, проверьте, чтобы отлично были связаны. Да сторожите хорошенько. А четверых выставьте к воротам, чтобы сразу схватили девчонку и японца, как те вернутся.

Визидаров растащили по спальням и посадили по двое. В комнате с Мэдлин оказался Марио. Рты их были заткнуты кляпами, сами они крепко-накрепко были привязаны к столбам. У девушки текли слёзы, и Марио очень хотелось её успокоить. Но он не знал как, только ласково кивал ей головой.

Тафари, сидя в комнате с Леонаром, пытался развязать узел на руках, но пока это у него не получалось.

Но Стурле было хуже всего. Его бросили в сундук, стоявший в коридоре, заперли, и двое разбойников устроились прямо на нём.

Шло время, но ничего не происходило. Старик-китаец, наевшись, отвалился на диван в чайной и захрапел. Рядом прикорнули пару бандитов, но те, что были в коридоре, не спали.

Даже у Мэд стали слипаться глаза от сверчков, запевших в горшке. Он раскачивался в проёме окна, разливая вокруг себя тихую песню.

«Как должно быть им там тяжело, — подумал вдруг про сверчков Марио, — они так же, как и мы, пойманы и песни их, наверное, о грустном. Жаль, Переводной амулет их не понимает. Хотя о чём можно петь в неволе?»

Вдруг от размышлений Марио что-то привлекло за окном. Может это почудилось? Словно пляшут тени. Или это след лунного света, который просачивался через кружевные ветви? Марио присмотрелся внимательнее — нет, ему не показалось. Марио тихо подал голос, хоть получилось только помычать, но заснувшая Мэд подняла голову, и посмотрела туда, куда он указывал взглядом.

Девушка увидела на подоконнике бутылёк с Исчезательной пудрой. А из тени угла к ним шагнул Итиро. Он снял с пояса нож и срезал пленникам верёвки.

— Мы с Бёрнис успели схватить твою сумку, Мэдлин, засунуть туда все ауксилы и толы и вдохнуть Исчезательной пудры, — тихо объяснял Итиро.

— А где Бёрн? — спросила, потирая затёкшие кисти Мэдлин.

— Мы решили разделиться. Исчезнув, она должна была пробраться в комнату Тафари и Леонара. Потом, когда проявится, помочь им выбраться. Позже мы должны встретиться в садике за домом. Вот такой нехитрый план.

Визидары освободились и тихо вылезли в окно. Ярким светом луна заливала спящий двор. Но вокруг было тихо. Даже собаки не лаяли. Стараясь двигаться бесшумно, визидары обогнули дом и радостно кинулись в объятия Тафари и Леонара. Здесь же была Бёрнис. Она сняла сумочку Мэд и открыла её:

— Разбирайте своё оружие и толы.

— Что будем делать? Как освободить Стурлу, Гуанга и Дэкуня? — спросил Тафари, надевая пояс с мечом.

— Бандитов слишком много. Я насчитал их с тридцать человек, — сказал Итиро, — но ведь мы — визидары.

— Разрабатывать план нет времени, да и обнаружив, что нас нет, других могут убить. Надо идти прямо сейчас. И напасть, пока бандиты спят. Но сначала освободим Дэкуня с Гуангом.

Визидары вычислили комнату, где находились парни. Итиро Огненной палочкой выжег дыру в стене. Они пробрались внутрь, развязали Гуанга с Дэкунем и помогли им вылезти наружу.

— Идите на дорогу, спрячьтесь в канаве и ждите нас, — приказал им Тафари, — а мы пойдём освобождать Стурлу. Итиро, пошли со мной, постараемся схватить тех, кто на сундуке. Мы свяжем их и оставим в дальней комнате.

Сквозь дыру в стене визидары залезли в дом и приоткрыли дверь в коридор. На сундуке, прислонившись друг к другу, спали охранники Стурлы. Итиро и Тафари переглянулись, тихо подошли и одной рукой схватив бандитов, другой постарались закрыть им рты. У Итиро получилось не так ловко, и его разбойник заорал. Тут же все остальные бандиты повскакивали и вытащили оружие.

Итиро вытащил Огненную палочку и направил на старика.

— Отпустите нас, или я тебя сожгу! — пригрозил Итиро.

Старик подал знак своим, и разбойники замерли. Тафари медленно открывал сундук. Наконец, крышка поддалась и откинулась, оттуда выскочил Стурла. Пока он там сидел, то сам смог освободиться от верёвок. Итиро отвлёкся на него всего лишь на секунду, но её хватило, чтобы старик выхватил из-за спины тонкий гибкий хлыст и одним движением выбил Огненную палочку из рук парня.

Через минуту все визидары были снова схвачены и поставлены на колени на веранде. А от ворот двое бандитов вели перепачканных Гуанга и Дэкуня. Рядом бежала госпожа Жу и приговаривала:

— Я сразу увидела, как они крадучись выходили, и проследила, где спрятались эти паршивцы! Залегли в канаве за дорогой!

Старик, прохаживаясь по веранде, зевал и нехотя разглядывал вещи визидаров, которые сюда сволокли бандиты. Особенно ему понравились кошельки с золотыми монетами. Он их долго изучал, но так и не понял, откуда берётся золото, как только кошелек закрывается.

— Я так понимаю, их устройство вы мне добровольно не расскажете? — стукнул он по лицу сапогом ближайшего из визидаров — Тафари.

Тот молчал.

— А мне и не надо! — засмеялся старик, — зачем знать устройство, когда можно просто доставать деньги?! Пожалуй, это будет моей новой мудростью. Запишу, чтобы не забыть.

Он достал из-за пазухи тетрадочку и, открыв её, застрочил столбцы иероглифов. Потом, удовлетворённый, захлопнул книжицу и снова спрятал.

— Ну, всё пришёл ваш час, — сказал зевая старик.

Потом повернулся к бандитам и отдал приказ:

— Рубите им головы. Потом сложите их в доме и подожгите.

Госпожа Жу хотела было возразить, но старик сказа ей:

— Ты получишь один из кошельков. Отстроишь новый гостевой дом. Всё будет тихо, скажешь всем, подожгли тебя повстанцы.

Визидарам приказали подняться. Их выстроили в шеренгу. Разбойники приготовили оружие.

Неожиданно из-под настила показалась мордочка Хэй Сё. Она мякнула, обвела присутствующих удивлённым взглядом, и кинулась к Леонару. Разбойник-старик, увидев кошку, наступил ей на хвост.

— Мерзкое животное, — скривилась Жу.

— Как же я ненавижу этих тварей, — согласился с ней старик. — Сколько уже их поубивал.

— Хоть кошку то не трогайте, — сказал удручённо Леонар, — она то что вам сделала?

— А вот с неё и начнём, — улыбнулся старик.

Он вытащил меч, и одним махом отрубил кошечке голову.

Покатилась голова Хэй Сё по деревянным ступенькам вниз, но не успела коснуться земли, как дом заходил ходуном, словно началось землетрясение. Зашатались фонари, зазвенели окна, посыпалась черепица. Заорала и кинулась на землю госпожа Жу, бандиты тоже упали на пол, прикрыв головы руками.

А из-под дома, в том самом месте, куда упала маленькая головка с одним ухом, таща за собой огромный длинный хвост, вылезло нечто. Казалось, что это огромный тощий медведь или высокий волосатый человек, но со страшной кошачьей мордой, на которой горели два красных глаза. Чудище хищно скалилось. Оно медленно полностью вылезло, вытянулось во весь свой рост. И его голова закачалась над крышей.

Волосатое тело чудища было покрыто металлическими латами, больше похожими на рёбра. Чудище протянуло лапы с острыми когтями, схватило старика-китайца и приподняв, поднесло к своей зубастой пасти.

— Кто ты? — дрожащим голосом проговорил старик.

Он сжался в комок, его руки и ноги повисли костлявыми плетями.

— Я — Демон Маао. Кошачий демон. Прихожу из нижнего мира Дийю только к тому, кто посмел убить сто кошек. И сегодня я пришёл за твоей душой. Я сожру тебя, но не бойся, ты переродишься кошкой.

И Демон не церемонясь, закинул старика в пасть. Не успел тот даже вякнуть. Потом Маао посмотрел на остальных и сказал, обратившись к Тафари:

— Найдите поскорее Янмей, в ней есть капля и нашего рода.

Маао окинул взглядом жавшихся к земле бандитов, схватил из них парочку и госпожу Жу вместе с ними. И тоже закинул их в пасть, пояснив:

— Эти, тоже обижали кошек, а кто будет считать, сколько?

Остальные бандиты с ужасом разбежались врассыпную. А Демон Маао, развернувшись, опрокинув хвостом один из масляных фонарей, вскочил на крышу, скинув половину черепицы когтями, и скрылся в лесу. Только хруст ломаемых им деревьев ещё долго разносился эхом в ночной тишине.

От масляного фонаря начался пожар.

Визидары оттащили подальше свои вещи — тушить пожар они не собирались. Но вдруг Марио, что-то вспомнил. Он схватил палку и кинулся внутрь горящего здания в сторону спален.

Марио забегал в ещё неохваченные огнём комнаты и сшибал горшки со сверчками, выпуская их на волю. Еле успел выскочить обратно, как пламя встало стеной.

Визидары вышли из Кривых ворот. Они сели на обочине, перевязали раны, разобрали вещи. Дэкунь сходил в ближайшую деревню и привёл оттуда спрятанных там наместники двух своих лошадей. На них посадили Мэд, Бёрнис и Стурлу, у которого была сильно разбита голова.

И компания отправилась по гористой дороге в Монастырь белых пагод.

Вскоре небо начало светлеть. На его фоне стали видны причудливые переплетения силуэтов старого леса, через

который продвигались путники. Пытаясь удержаться на неровностях каменных уступов, деревья, извиваясь всем телом, припадали к камням и одновременно тянулись к небу. От этого складывалось впечатление, будто вокруг высохшие остовы морских волн.

Но компании некогда было любоваться на странный лес: дорога была сложной. То резко вела вверх, то, извиваясь, падала вниз. Иногда она сужалась до тропинки и начинала скакать меж валунов, то, взобравшись повыше, вдруг расширялась, окружённая густыми зарослями

Наконец, взобравшись на очередную гору, они увидели внизу огромную низину. Изумрудные поля перемежались озерами. Меж ними возвышались странные остроконечные горки, словно кто-то здесь посадил в землю гигантские зубы дракона.

— Вот там за холмом наша деревня, — показал Гуанг в сторону. — А под нами монастырь Белых пагод.

Он ткнул вниз, где на середине горы, почти скрытый густыми зарослями сосен, белел массивный забор.

Мэд, Бёрнис и Стурла спешили, Дэкунь же хлопнул лошадей по крупам и те двинулись по дороге дальше уже без седоков.

— Они привыкшие ходить до дома одни, — махнул им вслед Дэкунь.

И компания начала спускаться, свернув на еле заметную тропку.

— Сейчас мы выйдем на выступ, где хоть немного видно крыши пагод, но остальное от глаз скрыто забором, — рассказывал по пути Гуанг.

И, действительно, вскоре они выбрались на маленькое плато. С него было видно шапочки блестящих крыш пагод на территории монастыря.

Полубоавшись на живописный пейзаж, путники продолжили спуск. И уже через полчаса вышли к каменному забору монастыря. Они стали пробираться вдоль него, пока не добрались до огромных ворот. Ни щёлочки, ни замка, ни звоночка, ни ручки на них не было — просто высокие глухие металлические створки, сверху донизу покрытые чеканкой.

Визидары устроились отдохнуть на камнях, наваленных недалеко от входа. Они слушали рассказ Дэкуня, о том, что никто и никогда не видел, как эти ворота открывались. Балагур Дэкунь опять разошёлся и в красках рассказывал байки о Монастыре белых пагод.

«И вообще, странно, — закончил Дэкунь монолог, задумавшись, — как люди туда попадают, и как оттуда выбираются».

Но вдруг медленно, со скрипом металлические ворота распахнулись. За ними показались ещё одни — те были деревянными и чуть ниже.

Из открытых ворот вышла процессия: укутанные женские фигуры. Они были разодеты в красные, расшитые золотом халаты. На голове у каждой девушки возвышалась странная шапочка в виде высоких пагод, привязанная широкими лентами. По краю пагод висели колокольчики. И при каждом шаге девушки мелодично звенели. Лица же их были спрятаны за шёлковыми шарфами так, что видны были только глаза. Женщина, шедшая впереди, поклонилась визидарам и сказала:

— Мы ждём вас уже третий день.

— Нас? — удивился Тафари.

— Да. Живое божество предупредило нас и сказало, что мы должны вас впустить, иначе вы всё равно проберётесь внутрь и по незнанию оскверните дорожки, по которым вам нельзя ходить.

Компания переглянулась, а женщина ещё раз поклонилась и добавила:

— Только мы завяжем вам глаза. Ни наши лица, ни наш монастырь изнутри не должен видеть ни один человек.

Каждому женщины аккуратно повязали на глаза повязки, ласково взяли за руки и повели внутрь монастыря. Сначала хлопали створки, кажется, ворот было семь. Потом компанию долго вели по песчаным дорожкам, после по каменным ступеням, но, наконец, завели в помещение.

— Можете снять повязки и поговорить с Живым божеством. Оно ждёт вас, — сказала им главная монахиня. И удалилась, закрыв за собой двери.

Когда визидары сдёрнули повязки, то увидели, что стоят в огромном зале. От череды колон по стенам, уходящей в темноту, он казался бесконечным. В зале было гулкое эхо, отражавшееся от стен и мраморного пола. Словно в горах. А чтобы увидеть потолок, надо было задрать голову почти вертикально — такой он был высокий. Посреди зала в потолке была круглая дыра. Сквозь неё лился свет полуденного солнца. Там на полу, куда падал луч, было расстелено цветное покрывало. А на нём сидела девочка. Путники подошли к ней поближе.

У девочки были плотно закрыты глаза. Она не двигалась и даже, кажется, не дышала. Она была похожа на цветную скульптуру. Разглядывая девочку, Стурла тихо произнёс вслух то, что крутилось сейчас на языке у каждого из визидаров.

— Мне кажется, — сказал он задумчиво, — я её где-то видел. Но где?

Неожиданно Бёрнис стала шумно копошиться в сумке. Все на неё оглянулись — в зале была такая

торжественная тишина, что хотелось говорить лишь шёпотом. Здесь любой звук казался кощунством. Но Бёрн, перехватив взгляды, не перестала шуметь. Наконец, издав победный клич, с самого дна она достала свою куклку. И повернула её компании.

Все озадаченно переглянулись.

Такие же чёрные заплетённые дугами волосы. Так же сомкнуты глазки. Тот же лёгкий румянец на щёчках. Те же сережки-бубенцы. Даже одежда на кукле повторяла расшитые узоры с платья девочки. Только одно между ними было отличие: ровно посреди лба девочки было родимое пятно в виде зрачка. А у куклы его не было.

Путники подошли поближе. К самому покрывалу, на котором сидело дитя.

Раскинув изящные ручки, девочка сидя крепко спала. Она была необычайно красива. Все застыли в нерешительности, не желая нарушать покой маленькой красавицы.

Вдруг звякнули колокольца-серёжки в ушах девочки, затряслись браслеты на её запястьях. Она открыла смородиновые глаза и радостно вскочила.

— Ой, привет, Тафари, какой ты и, правда, большой и красивый!

Она подошла к опешившему Следопыту и обняла его ногу.

— Леонар, можно я потрогаю твою бороду? — подскочила девочка к графу. — Пригнись ко мне, я же не достану. Какая мягкая! Мэд, у тебя чудесные белые волосы, только я думала, что они будут длиннее...

Мэд растерялась, но ответила:

— Они и были длиннее... до сражения с..

— Ах, кеатли! Точно! — воскликнула девочка и посмотрела на гнома, — Стурла! Ура!!! Как я рада тебя видеть!

Можно я померяю твой шлем?

Не дождавшись ответа, девочка ловко стянула со Стурлы шлем и, звонко смеясь, натянула его себе на голову. Она вся напоминала колокольчики из своих ушек — только тронь, и сразу всех заливала смехом, а на щёчках появлялись две задорные ямочки. С пробуждением девочки ожил и зал. В нём стало больше света. На стенах проявились диковинные рисунки, из скрытых до этого момента окон заплясали блики, а где-то под самым потолком захлопали крыльями невидимые птицы.

— Ты Янмей с тремя глазами? — улыбнувшись, присела перед ней на корточки Бёрнис.

— Да, — кивнула девочка. — Но монашки меня называют Живым божеством. Потому что я вижу то, чего порой не видят другие. Третьи глазом. Он у меня здесь, — Янмей коснулась родимого пятна на лбу, — только внутри.

— Ты видишь будущее? — уточнил Тафари.

— Не всегда. И не всё. Но многое вижу. Например, я видела вас. С рождения. Как только родилась, я умела говорить и видеть. Рассказывали, что таков был и мой отец. Мы из рода демонов, драконов и людей. У каждого из нас третий глаз.

Она потрогала лоб. Потом, словно вспомнив, повернулась к Бёрнис и закидала её вопросами:

— Ты же тоже знала про меня? Ты искала меня? Я тебе снилась? Где твоя кукла?

Бёрнис протянула ей тряпичную фигурку с фарфоровым лицом. Янмей удовлетворённо кивнула, водя пальчиком по кукле. Потом она засунула руку в кармашек и достала амулетик — зрачок на шпильке.

— Я носила его в волосах, — сказала она. — В детстве он помогал мне видеть и чувствовать. Но сейчас, когда я стала сильнее, амулет мне без надобности. И мне надо отдать ауксил той, которой он нужнее.

Девочка воткнула зрачок в середину лба куклы и та... открыла глаза. Такого же смородинового цвета, как у Янмей.

— Здравствуй, Бёрнис, — сказала кукла, обратившись к хозяйке, — меня зовут Мэй.

— Так ты не должна была кричать при опасности? — удивилась Бёрнис.

— Если надо, закричу. Но я могу запоминать речь, могу вбирать в себя то, что вижу и сохранять навсегда. Я кукла — хранительница. Как и мои сёстры. Я создана подсказывать.

— Ты скажешь, где мой тол? Ведь ты должна знать, — спросила у куклы Янмей.

— Твой тол у влюблённого дракона. Ищи у Драконова озера. Но ты его не увидишь, пока не сделаешь важного: сначала вы должны помочь монахиням оживить Золотую богиню, которая останется вместо тебя. Для этого надо наполнить старый бассейн. Он оставался сухим сто лет, из-за чего засох Священный сад.

Янмей кивнула и хлопнула в ладоши. Тут же вдалеке растворились двери и вошли две монахини.

— Я покидаю монастырь, — сказала им Янмей, — но сначала оживлю богиню. Мне помогут мои друзья.

Монахини удивлённо зашептались, одна из них сказала:

— Но, Живое Божество, ты же знаешь: пока Золотая богиня спит, её нельзя видеть людям. Иначе она никогда не проснётся.

— Здесь только двое людей, — Янмей указала на Гуанга с Дэкунем, — остальные — визидары, как и я. Скажите, чтобы монахини ушли из Священного сада. Мы отправляемся туда. А вы пока напоите чаем этих двоих.

Одна монахиня распахнула двери, а другая, жестом пригласила Гуанга и Дэкуня следовать за ней. Парней отвели в комнатку без окон, расписанную картинками, где был накрыт стол. И оставили там.

— Философское содержание, — сказал Дэкунь, оглядывая росписи. На них в садах прохаживались беседующие пары и вели меж собой диалоги мудрецы.

— Вот и пофилософствуем, — кивнул Гуанг и присел за стол, пододвинув к себе пиалу.

Янмей же побежала к другой стороне зала. Визидары двинулись за ней к маленькой дверце. На ней был изображён круг с четырьмя фигурами: драконом, птицей, тигром и черепахой. Дверь была такая низкая, что, не пригибаясь, через неё вышли лишь Янмей и Стурла. Тафари так и вовсе наружу пришлось выползть. Они оказались на улице. Стояли на ступеньках лестницы, у подножия которой начинался большой сад.

Наверное, когда-то это было роскошное место. Сейчас же здесь царило запустение и отовсюду веяло печалью.

Визидары спустились и двинулись к центру мёртвого сада, туда, где виднелись постройки. Когда они подошли ближе, то увидели, что между красивыми беседками расположился огромный круглый бассейн, отделанный серыми плитками. Сейчас он был пустым. На его дне среди изящных завитков были изображены дракон, птица, черепаха и тигр. Точно такие же, как на дверце.

На дальнем краю пустого бассейна, под кружевной крышей, располагалась статуя Золотой богини.

Богиня была почти в той же позе, что и Янмей, когда они увидели её впервые. Только левую руку Золотая богиня завела за спину и опустила в бассейн. Видимо, раньше эта ладонь была погружена в воду.

От статуи по саду разбегались дорожки, окружённые высохшими деревьями. Главная дорога — туда, куда был устремлён взгляд богини, упиралась в большие ворота.

— Говорят, сто лет назад, когда в бассейне была вода, он был тоже золотым. Как и богиня. И ослеплял своим блеском. Те ворота, — Янмей показала заросшие ставни, — были открыты для всех, кто искал утешения или совета. Золотая богиня, если положить ей на руку на правую ладонь, говорила правду. И к ней приходили даже цари, чтобы выслушать её речи. Но потом вода ушла и бассейн потух. Желая его наполнить, монахини таскали воду из озёр, находящихся в долине, но вода снова и снова уходила. Тогда монахини решили, что кто-то осквернил их обитель, закрылись на сто лет и никого не впускали в ожидании, пока Золотая богиня простит их. Если кто заходил сюда, больше не выходил до конца своих дней.

— А как же здесь появились новые монашки? — удивился Марио, — они скрывают лица, но ясно же, что они молоды? Они визидарки-долгожительницы?

— Нет, — покачала головой Янмей. — иногда к стенам монастыря приносили девочек. Монахини их растили. И воспитанницы оставались служить в монастыре Белых пагод. Меня тоже когда-то принесла сюда мать. Но она спасала меня — спрятала от малумов, которые разыскали нашу семью. Видимо, это был молодой выводок... Я помню, как они меня кусали...

Янмей задрала рукав и показала чёрные следы от зубов на запястье.

— В ту ночь, когда мать принесла меня сюда, умерла самая старая монахиня. Последние её слова были: «Сюда несут Живое божество — первую монашку, которая покинет монастырь. Но сначала, Живое божество очистит его от скверны и Золотая богиня опять оживёт». А я могу это сделать лишь с помощью вас, ремесленники.

— Что же... Давай попробуем наполнить бассейн. Кто у нас тут специалист по воде? — сказал Тафари.

Визидары посмотрели на Итиро. Он достал бамбуковую палочку. Воткнул в стенку бассейна, произнёс заклинание, и из неё потекла вода. Марио с помощью лупы усилил поток воды и за час бассейн наполнился до краёв.

Рука Золотой богини, наконец, погрузилась в воду. Но ничего не происходило.

Стурла походил по краю бассейна и, боромча: «Был золотой, говорите?». Он тоже опустил руку в воду. Ту, на которой был браслет. Стурла тряхнул им и сказал: «Аурум».

Тут же бассейн стал золотым и засветился. Узоры вокруг четырёх фигур на дне зашевелились. Тигр, черепаха, птица и дракон встали. И задвигались по дну. Сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее, пока не слились в один цветной круг. От него вода забурлила и стала подниматься. Вместо пузырей, от мелькавших фигур всплывали плотные стайки животных. Сначала показалось, что это карпы, толкающиеся бочками.

Но когда они стали выпрыгивать из воды, то все увидели, что это четыре вида разноцветных маленьких драконов, с развивающимися длинными усами по бокам голов. Вода прибывала — в бассейне началась настоящая буря. Волны поднимались всё выше, пока одна, словно маленькое цунами, не накрыла собой Золотую богиню. Но поток не остановился. Бассейн превратился в безумный фонтан, во все стороны выбрасывавший вместо струй лавины воды.

Визидары еле успели заскочить в одну из беседок и закрыть ставни.

Вода хлынула по дорожкам, затопив весь сад и, наконец, сломав старые ворота, вырвалась наружу и мощным потоком понеслась в долину. Это была искрящаяся живая лавина, из которой то и дело выпрыгивали драконы. И было непонятно — они толкают воду, или вода несёт их.

Визидары вышли из укрытия и подошли к распахнутым воротам. Вода сошла вниз, оголив древнюю лестницу. Видимо, по ней когда-то поднимались гости. Спустившись по ступеням, поток залил собой все поля и озёра долины, и она стала одним большим зеркалом.

Но это продолжалось недолго. Вода закружилась водоворотами, стала быстро опадать, впитываясь в жадную землю, и когда основная её часть ушла, стало понятно, что водоёмы долины приняли иные очертания.

Местность было не узнать: ручейки сменили русла и их направление, одни озёра стали больше, другие, наоборот, — уменьшились. А посередине долины раскинулось незнакомое озеро. По форме оно напоминало извивающегося дракона с загнутым хвостом и открытой пастью.

— Вот оно — Драконово озеро! — воскликнула Янмей, показав на него, засмеялась и, закружившись, захлопала в ладоши. И тут же снова закричала — ой, смотрите!

И показала на сад.

Визидары обернулись и обомлели — сад зацвёл. На каждом дереве, вместо листьев, колыхались пёрышки четырёх цветов: лазоревые, красные, чёрные и белые. А в бассейне медленно ходили по дну дракон, тигр, птица и черепаха.

Леонар подошёл к статуе Золотой богини и внимательно посмотрел ей в лицо. Потом, вложив в её ладонь свою руку, спросил:

— Найдём ли мы затерянный город визидаров? Жив ли он?

Губы богини дрогнули, и гулким голосом она чётко ответила: «Да».

— А куда нам ехать дальше? — спросила у богини Янмей, прикоснувшись к её огромному пальцу крохотной ладошкой.

— Англия, Пензанс, Пинар, — медленно проговорила Золотая богиня.

Янмей улыбнулась и хлопнула в ладоши. На ступени храма высыпали удивлённые монахини. Они оглядывали зацветший сад и восклицали.

— Золотая богиня проснулась! — сказала им Янмей. — Теперь ваши ворота будут снова открыты для людей. А мы уходим. Прощайте. И приведите сюда мальчиков.

Им вывели Дэкуня с Гуангом. И через открытые ворота отряд двинулся в долину.

Когда они спустились по лестнице к дороге, то Тафари сказал Гуангу и Дэкуню:

— Спасибо, возвращайтесь домой. Вы оказались сильными и смелыми. Вот вам за это награда.

Им дали по кошельку с золотыми монетами.

— Ты обязательно вырастишь лучший в округе кофейный сад, — похлопал Леонар по плечу Гуанга.

— И женишься на красавице Джие, — добавила Янмей.

Сняв со своей руки один из браслетов, она хитро улыбнулась, протянула ему и сказала:

— Как придёшь в деревню, подари это ей. Она любит тебя, и всё это время ждала, пока ты осмелеешь. Наконец, это произошло.

Гуанг с благодарностью принял её подарок и низко поклонился Янмей.

Визидары обнялись с друзьями и распрощались. Их пути разошлись — парни пошли по дороге домой, а визидары стали прокладывать себе путь к Драконову озеру. К тому месту, где у дракона была пасть.

Пока они шли по мокрым насыпям, отгораживающим рисовые поля друг от друга, много раз соскальзывали и падали в воду. Янмей при этом смеялась, и её озорной смех каждый раз подхватывали другие.

— А что такое Англия, Пензанс, Пинар? — вдруг спросила, остановившись Янмей.

Да так резко она встала, что Бёрнис, шедшая следом, врезалась в неё и снова соскользнула в воду.

Девушку вытащили, а кукла из её сумки, выглядывавшая через плечо, сказала:

— Англия — это страна, Пензанс — маленький городок. А Пинар — фамилия.

— Когда мы найдём мой тол, то отправимся туда? — уточнила Янмей.

— Да, — ответил ей Тафари.

— Ура! — захлопала в ладоши Янмей, — я давно мечтала повидать мир своими глазами.

И процессия двинулась дальше. Скоро, грязные и мокрые, они добрались до озера Дракона. Вода в нём была тёмной, но прозрачной. Озеро было полно маленьких драконов. Они напоминали змей с лапками, подпрыгивали из воды, искря на солнце чешуёй.

— Что теперь? — спросил Стурла.

— Что теперь? — повторила Янмей, глядя в лицо кукле.

Но куклолка молчала.

— Давайте осмотримся, — дал совет Леонар.

Визидары стали обследовать берег озера, покрытого травами.

— Может, всё же надо искать в воде? Сказано же — у влюблённого дракона, — спросил Стурла, — вон, посмотрите на озеро, там, где у дракона должно быть сердце, торчит кочка. Нам наверняка надо туда!

Леонар подошёл к берегу и, чтобы проверить глубину, опустил в воду свою трость. Тут же вода вокруг неё вспенилась, и дракончики в мгновение ока изгрызли её в труху. Леонар и Стурла отпрянули.

— Не хотел бы я здесь купаться, — изрёк Стурла, — но, может, можно воду поджечь? Мы так с Итиро один раз поступили...

Позвали Итиро. Но сколько бы он ни махал Огненной палочкой, сколько бы ни приказывал воде: «Адолебит!», озеро оставалось прежним.

— Возможно, она сломалась? — растерянно посмотрел Итиро на палочку.

Он решил её проверить. Взмахнув палочкой, произнёс заклинание и направил на траву. Огненная струя рассекла поляну, оставив за собой угольную колею. По пути горячая волна задела Стурлу, опалив ему ботинки. Он еле успел отскочить, опрокинувшись на спину.

— Ну, ты даёшь, — Стурла встал, отряхиваясь. — С одной стороны — драконы, с другой — тебя поджигает друг. Опасности на каждом шагу.

Вдруг он остановился и пробормотал:

— Смотрите, — показывая на след сгоревшей травы.

Там белело нечто странное, изогнутое. Словно удивительный камень. Только это был вовсе не камень. Стурла поддел это ногой. Визидары, которые было разбрелись по окрестности, теперь собрались вокруг находки.

Леонар постарался оттереть предмет от копоти. Потом стал срывать вокруг него траву, а предмет всё не кончался.

— Знаете, что это? — сказал он, распрямляясь, оглядев застывших визидаров. — Это кость скелета дракона. Нам надо полностью его очистить.

Все кинулись сдирать налипшие травы, счищали песок, снимали мох. Через два часа визидары практически полностью очистили огромный скелет дракона. Он повторял своим расположением контур озера, только был перевернутым относительно него. Там, где у озера было очертания пасти, начиналась и голова скелета. Они словно застыли в поцелуе. Как инь и ян.

— Так вот, почему надо было искать влюблённого дракона! — догадался Марио.

— Но что нам это даёт? — спросил Итиро.

Визидары попробовали наугад воздействовать на скелет своими толами, но он не превращался, не менялся и не горел. Уставшие, каждый нашёл место посуше, и устроились отдохнуть.

— Я выдохлась, — положила себе ладонь на лоб Мэд, — не пойму что делать. Голова не соображает.

Она присела у крупной кости и откинулась. К ней подсел Леонар. Среди притихших визидаров, он один оставался нервным и возбуждённым.

— Дай мне свою сумку, — попросил он Мэдлин инетерпеливо открыл её, как только она попала к нему в руки.

Леонар рылся в углу сумки, где лежала его библиотека. Вытаскивал одну книгу за другой и расстроено засовывал обратно: «Не то, не то...» бормотал он. Его волосы растрепались, а глаза горели.

— Вот! — Леонар дрожащими руками в волнении открыл маленький потрёпанный фолиант, — где же это? Где же? — бурчал он себе под нос, листая, — Ага! Слушайте!

Он ткнул пальцем в очередной абзац, поднял руку и стал декламировать:

— Анатомия белогрудых китайских драконов удивительна. Что позволяет легко подниматься в воздух такому массивному животному? Его кости имеют особое облегчённое строение...

— Мы, конечно, рады твоей лекции, — начала было вредничать Бёрнис.

Но Тафари её перебил:

— Постой, Бёрн. Я думаю, тут что-то важное!

А Леонар, не обращая внимания, продолжил:

— К тому же, драконы — единственные существа, в чьём внушительном сердце имеется специальная летательная кость. Именно её искали охотники на драконов, потому что порошок этой кости способен заставить левитировать любой предмет. К сожалению, именно этот вид драконов полностью истреблён...

Леонар перелистнул ещё одну страницу и прочёл:

— Летательная сердечная кость довольно массивная, но у влюблённых драконов она увеличивается ещё больше и способность левитирующего порошка такой кости сильно возрастает.

Леонар повернул книгу к зрителям. Они увидели рисунок. На нём было изображено много разных препарированных частей дракона, разворот его крыльев. Все это испещряли мелкие подписи. Но граф конкретно показывал на кость, отдалённо напоминавшую пропеллер из двух винтов. Она была нарисована обычной и увеличенной.

— Вот она какая, эта кость! — гордо объявил он.

— Так и что? — спросил перепачканный Стурла. Он слушал, нетерпеливо стуча по одной из костей башмаком. Бездействие ему порядком надоело, а думать он, как мы знаем, не очень любил.

— Надо искать там, где должно быть сердце. Только не в озере, а у скелета!

По расположению кочки в озере они определили, где предположительно было сердце у скелета. И Итиро торжественно вручил покрытую мхом косточку Янмей.

— Вот твой тол! Возможно, это последняя на свете летательная сердечная кость. Ты сможешь сделать из неё порошок, а Марио размножит его тебе до бесконечности!

Янмей не могла удержать такой большой предмет в руках. Мужчины его подхватили, и находка переехала в надёжное место — сумочку Мэдли.

— Скажи, — спросила у неё Янмей, — в твоей сумочке столько добра, она, наверное, ужасно тяжёлая?

— Нет, — засмеялась Мэд, — не тяжелее школьной.

— Ну что в путь? В Англию? — спросил Марио.

— Ага, — улыбнулась Янмей, — только давайте Стурла споёт. Много раз я мечтала услышать его вживую.

Через час на залитых полях долины Влюблённого дракона колыхалась трава. Стрекотали кузнечики. Мелкая рябь бежала по озеру там, где из воды выскакивали драконы. А вдалеке, по дороге, поднимая пыль, шла компания из восьми человек, и иногда порывы ветра доносили от них песню низким басом.

Секреты Пинар, которые она не знала

Октябрь, как всегда, начался с дождей. Если с неба не лило, то оно всё-равно хмурилось, хлопотало серыми облаками и тоскливо взирало с высоты на опустевшие пляжи Корнуолла.

Прохожие, поднимая плечи, укутывались посильнее в плащи и куртки, закрываясь от ветра хлипкими зонтами, и удивлённо косились на женщину лет пятидесяти, которая рассеяно шла к променаду. На плече она, конечно, тоже держала зонт. Но весь её вид был такой, будто нет холодного дождя, в городе прекрасная погода, а зонтик она открыла так, от нечаянных солнечных лучей. Одета низенькая женщина была в тёплую длинную кофту грубой вязки. От влаги её золотые короткие волосы с проседью завились в милые кудряшки вокруг круглого лица. А оно у неё было необычным: большие, немного навывкате, глаза, слишком широкий рот и массивный нос с горбинкой. Впрочем, в её немного странной внешности ничего отталкивающего не было. За те, пару секунд, которые незнакомцы тратили на разглядывание её лица, необычность оседала, и в памяти оставался лишь след добра и теплоты взгляда женщины.

Она не обращала ни на кого внимания, словно никого не видела. Женщина хмурилась и порой, задумавшись, наступала в лужи, от чего её туфли с массивными старомодными пряжками давно промокли.

Из старой таверны «Адмирал Бенбой» выглянул седой хозяин и крикнул ей:

— Эй, Пинар, зайти! Ты вся промокла.

Женщина остановилась и взглянула перед собой так, будто только проснулась. Она поморщила лоб, сомневаясь, но когда хозяин добавил: «Я приготовил такую чудесную баранью ногу!», женщина решительно затопала к таверне.

Когда она устроилась на любимом месте у окна, хозяин принёс ей хороший кусок мяса, сдобренный горой картофеля и кружку горячего грога. Он пододвинул к ней тарелку, потом притащил такую же порцию себе и сел напротив неё.

— Спасибо тебе, Грег, — взглянув на него, устало сказала Пинар.

Она пододвинула к себе тарелку и, наколов на вилку большой кусок, отправила его себе в рот. На лице Пинар отразилось блаженство.

— М-м-м-м, — только и смогла сказать она.

— Вот за что я тебя люблю, Пинар, так это за хороший аппетит, — одобрительно крикнул, глядя на собеседницу, старый моряк, откусывая сочный шмат мяса. — Только что это ты расхаживала по городу, словно привидение? Промокла вон вся...

— Знаешь, старина, есть отчего, — мотнула Пинар головой.

— Что-то случилось? — Грег отложил увесистый морской нож, которым резал мясо и приготовился слушать.

На его вопрос она ответила вопросом:

— Грег, а у тебя бывало когда-нибудь ощущение, что ты что-то забыл? Что-то очень важное?

Он задумался, а потом кивнул головой:

— Конечно. Вот на прошлой неделе Мария меня просила заехать на обратной дороге из города в рыбные ряды, а я вспомнил об этом только возвратившись.

— Да нет, не это, — огорчённо отмахнулась Пинар, — мне не даёт покоя мысль, что я что-то забыла из своего прошлого. Что моя жизнь была другой, но я этого не помню. Что я живу какой-то не своей судьбой...

— Э-э-э-э, старушка, да у тебя кризис среднего возраста, — улыбнулся Грег. — Поздненько он у тебя.

— Не думаю, — помотала она головой, — нет, это мучает меня по ночам... И как будто бы что-то тянет меня. Знаешь куда? В тот самый камин.

— В тот самый? — напрягся Грег. — Там где горела твоя мать?

— Грег, может я схожу с ума, как и она? Ведь ей было всего тридцать три года... Я помню, она тоже ходила часами у этого каминка перед... ну, перед тем, как всё случилось... Гладила плитку над каминной полкой. Жалела, что самая первая отколота, а ту, вторую, на которой написано изогнутыми буквами «холь», натирала до блеска...

— Но мы же с тобой переводили смысл этих крючков с иврита. Помнишь? Они всего лишь обозначают «пепел». А что ещё может быть написано над камином? Никакой мистики. А тянет тебя туда, потому что всё же для шестилетней девочки увидеть горящую в камине мать — большой стресс на всю жизнь... Я думаю, что-то тебе об этом напомнило.

— Может, я всё же сумасшедшая? — спросила Пинар у Грега.

— Как человек, который старше тебя на два года и к тому же знающий тебя всю жизнь друг, я скажу — ты определённо здорова.

— Но ты же не психиатр, чтобы знать это наверняка.

— Я — владелец таверны. А это почти одно и то же, что психиатр, — уверенно сказал он. — К тому же я тебе всегда советовал съехать оттуда. Это дом дурных воспоминаний, хоть и ваше родовое гнездо.

— Как странно ты сказал, Грег, — «родовое гнездо». Мама его тоже только так называла.

— Пинар, ты тридцать лет служила секретарём в Королевском геологическом обществе Корнуолла. Ты вечно была занята, потому что слишком ответственная, — он ласково накрыл её руку своей, — тебе просто надо отдохнуть. Поверь, всё пройдёт. Кушай, пока всё окончательно не остыло. Ты же знаешь — баранину следует есть только горячей.

Они углубились в тарелки, болтая о погоде и сетуя на то, что на градуснике 57 фаренгейту, а ощущается, как сорок.

— Но туристов всё равно много, — кивнул на окно Грег, — купальщики сменились любителями подышать остывшим океаническим бризом. А сейчас через день шторм. Сама знаешь, как он восстанавливает здоровье.

— Я тоже люблю подышать бурей, — согласилась она, — когда океан взбил воздух, поднял озон с глубины на поверхность... Потом так сладко спится.

— И нервам твоим успокоение. Только одеться надо получше, — оглядел он её кофту, — укутайся и погуляй сегодня.

Тут в дверь завалилась шумная толпа приезжих, пожелавших увидеть знаменитую таверну изнутри, и кто-то из них закричал фразу, которую здесь слышали регулярно:

— Йо-хо-хо, налейте рому!

Грег встал, распрощался с Пинар, и побежал обслуживать посетителей.

Женщина же, задумчиво глядя в мокрое окно, спокойно доела мясо. Положила у тарелки монеты и, натянув подсохшую кофту, вышла на улицу.

Она быстро поднималась по кривой улочке вверх. Иногда оборачивалась, глядя туда, где в узком просвете между домов виднелись лодки. Взбесившийся океан с силой сталкивал их друг с другом. И жалобный скрип их мачт порой заглушал шторм. Только сейчас, от плача лодок, Пинар почувствовала дрожь в руках и холод в теле. Поэтому практически побежала к небольшому заросшему садику за плотным забором на самом верху холма. Наконец, преодолевая порывы, которые здесь были сильнее, она открыла проржавевшую калитку и зашла в сад. Женщина двинулась к аккуратному домику из серого камня.

Зайдя внутрь, не снимая туфель, она пошла в гостиную, плюхнулась в кресло напротив камина, где в последнее время засиживалась, и замерла.

Дом был обычным снаружи, но несколько странным внутри. Хоть комнаты в нём были оформлены на классический английский манер, сами формы стен были примечательными: с необычными сводами, выпуклостями и неожиданными нишами, которые старые хозяева, по-видимому, стараясь хоть как-то сделать помещения квадратными, заделали, заколотили и выровняли. Где-то эти ниши превратились в кладовочки, где-то обросли полочками, где-то спрятались за весёлыми штгорочками.

Впрочем, ко всему этому Пинар давно привыкла. В детстве ей даже нравились все эти потайные дверцы и укромные уголки — у неё, как у мышки, в доме были свои тайные норки и хранилища её нехитрых маленьких тайн.

Сейчас Пинар рассматривала камин. Портал его дымохода проходил через центр дома и заканчивался на крыше большой трубой украшенной необычным флюгером. На нём чудесная птица с лицом девушки, показывала поднятым крылом направление ветра.

Этот камин стоило бы описать. Для такой небольшой гостиной он был явно великоват и почти полностью занимал одну из стен. С человеческий рост, длиною не меньше, чем два ярда. Каминную полку поддерживали две толстые колонны с барельефами удивительных птиц и цветов.

В детстве мама научила Пинар играть в игру. Они мочили толстый лист бумаги и прикладывали к барельефу. Если аккуратно разглядеть бумагу, подождать, пока высохнет и провести углём, то отпечатывался красивый объёмный рисунок.

Мама. Как хорошо они жили с мамой вдвоём.

Когда Пинар вспоминала мать, то в голове всегда начинал звучать её сочный смех. Хотя тогда, в последние месяцы перед больницей, мама всё чаще грустила и сидела в этом же кресле. Или стояла у камина, трогая медные буквы, вделанные в фарфоровую плитку на каминной полке.

Пинар подошла и коснулась той самой плитки. Три буквы чётко выступали над поверхностью. Они обозначали слово «Холь». Пепел.

Женщина закрыла глаза. На ощупь буквы были гладкими и холодными. Интересно, что было на отбитой плитке перед ними? Пинар потрогала то место, где раньше, давно, до её рождения что-то было написано ещё. Как будто силилась почувствовать и прочесть сквозь время исчезнувшие буквы. Но не получилось. Пинар поймала себя на мысли, что её снова со страшной силой тянет войти в камин. Больше, чем раньше. В страхе она отпрянула. Женщина очнулась, встряхнула головой, огляделась. Увидела мокрые пятна от ботинок на полу, и, вздохнув, пошла в коридор снимать обувь и переодеться.

Через час Пинар принесла из кухни в гостиную поднос с ужином, посмотрела за окно, где разыгрался

настоящий шестибальный шторм, задрнула шторы, включила радио и, устроившись с ногами на кресле, начала пиршество. По радио вещали новости, потом начали передавать песни. Женщина согрелась, заслушалась и задремала. И в сумраке комнаты под грохот урагана и отблеск зарниц сквозь щели штор, перед Пинар, опять встала мать. Такой, какой она выглядела в ту самую злополучную ночь.

...Маленькая Пинар хотела развеселить грустную маму и корчила рожицы, в ванной комнате, чистя зубным порошком зубы. Мама рассеянно улыбалась, но поторапливала дочь. Потом быстро уложила её в кровать и поспешила закрыть дверь, пожелав спокойного сна. Обычно на ночь мама рассказывала сказку, поэтому Пинар никак не могла заснуть. Она поговорила с Максом — плюшевым зайцем, потом побеседовала с высокомерной Мисс Беатрис — куклой в кружевах и шляпке. Но девочке всё равно не засыпалось. И потом снизу слышались какие-то странные звуки. Пинар решила спуститься в гостиную и посмотреть, всё ли в порядке. Мисс Беатрис жеманно поджала губы и отвернулась, зато Макс — настоящий друг, вызвался идти с ней. Они обнялись и открыли дверь в коридор.

Тихо шла Пинар по коридору, неслышно спустилась по лестнице, и вдруг яркий отсвет запылял в окнах и на гардинах. Девочка подбежала к арке в гостиную и увидела, как стоя в камине, горит мама. Девочка в ужасе бросилась на улицу.

Она бежала, спотыкаясь об камни, выронила где-то Макса, мчалась, не останавливаясь, до соседского дома. И отчаянно затарабанила в их дверь маленьким кулачками. Соседи в шоке слушали сбивчивый рассказ босой девочки, стоящей перед ними в ночной сорочке. Срочно завели её к себе, вызвали полицию.

Мать девочки нашли лежащей в камине, но ожогов на ней было немного. То ли она сама сбила пламя, то ли одежда была влажной, но, как ни странно, женщина мало пострадала. Её поместили в больницу, потом перевели в клинику для умалишенных, потому что говорила женщина странные вещи.

Пинар отправили в закрытую школу. Пару раз девочка посещала мать. Но та стала от лекарств вялой, только глядела в стену, ласково гладила дочь по золотым локонам и тихо бормотала небылицы. Однажды мать, глядя прямо в глаза Пинар, чётко проговорила: «Ты тоже так сделаешь. Как я. Потому что ты такая же».

А потом, в очередное посещение матери, Пинар отвели за корпус больницы, где была небольшая часовня при старом кладбище. И показали свежую могилу. На ней было фото мамы ещё до болезни. Со снимка глядела весёлая жизнерадостная женщина, полная сил. Она смеялась, поправляя шляпку на голове. Так Пинар увидела маму в последний раз.

Когда девушка выходила из ворот больницы, её догнала медсестра и отдала вещи матери: расческу с поломанным зубчиком, которой женщина часто расчёсывала дочери волосы; зеркальце с ручкой, треснутое посередине; пару бигудей; пачку документов и остановившиеся часики на цепочке. Всё это было завернуто в мамин платок, который она в любое время года носила на шее.

Вернувшись в школу, Пинар долго перебирала доставшееся ей от матери богатство, вспоминая светлые дни своего детства. Но дороже всего ей был платок. Она развернула его: от долгой носки он выцвел, во многих местах покрылся дырочками, но было в нём кое-что важное — он пах мамой. Пинар долго водила по его дырочкам пальцем, всё время утыкаясь в одну — самую большую, словно выжженную, с краешку. Она напоминала девушке звёздочку. Больше Пинар с платком не расставалась. Она с ним спала, ходила на уроки или прогулки. Платок всегда был с ней.

Когда девушке исполнилось восемнадцать, она вернулась в свой дом. Пинар почти ничего не поменяла в обстановке, только сделала генеральную уборку. Мамин платок она поместила в рамку под стекло и повесила в коридоре. Когда Пинар возвращалась откуда-нибудь, или уходила, девушка всегда смотрела на платок, и ей казалось, что сама мама благословляет её в путь или тепло встречает на пороге.

Потом Пинар закончила курсы стенографии, и её взяли секретарём в Королевское геологическое общество, где она и проработала всю жизнь. Ей было интересно ездить в экспедиции, она с удовольствием помогала в исследованиях. Но с не меньшим удовольствием потом возвращалась в свой дом в Пензансе, где ей никто больше был не нужен. Так прошла её жизнь.

Пинар открыла глаза. Призрак мамы исчез, растворился вместе с воспоминаниями. Мама сошла с ума. От тревог, от жизни. Но сама Пинар, почему её так тянуло встать в камин? «Ты тоже так сделаешь...», — вспомнила она слова матери. «Я точно больна, у меня жар», — потрогала Пинар свой лоб. Он был горячий. Женщина пошла на кухню, выпила таблетку аспирина и, проверив замки на дверях, поднялась к себе.

Закуталась в одеяло, слушая, как дождь отстукивает дробь по черепице, и постаралась заснуть. Но всё тело ломило, Пинар никак не могла найти удобной позы. Сон не шёл. «Кручусь, как больная собака на лежанке, — сердито думала она, — мне бы сейчас хоть немного покоя. Почему его нет? Что меня так тревожит?» Ответ неожиданно пришёл сам. Ей нужен был платок матери. Прямо сейчас. Нет, сейчас же!!!

Пинар вышла из спальни и прислушалась. В доме было тихо. Но вдруг снизу раздалось шуршание, потом звук тихого щелчка и сердце Пинар остановилось.

Но нет — это кукушка из часов прокуковала два раза.

Пинар шла по коридору крадучись, тихо ступая на менее скрипучие половицы пола в шерстяных носках с забавными помпонами. Ей казалось, что в доме кто-то есть. Она почти была уверена в этом.

Неторопливо спустилась по лестнице, медленно, уняв дрожь в руках, отдёрнула штору в гостиную. И... ничего. Одинокий фонарь за окном качало от ветра, от этого блики дождя играли на оконном стекле и по стенам прыгали тени. Тепло, тихо. И одиноко.

Пинар выдохнула и решительно прошла в коридор, щёлкнув выключателем, сняла со стены раму, один из крючков не поддавался, тогда она без колебаний дёрнула за деревяшку, рама развалилась и мамин платок выскользнул. Она подхватила его, ткнулась в него лицом, как это делала в детстве, потом повязала его на шею. На душе стало ясно и спокойно.

И вдруг Пинар поняла, где находится вторая плитка с камина, та, отколотая. Женщина явственно увидела её в сарае, на одной из полок, заваленную мусором и покрытую толстым слоем пыли. Пинар посмотрела за рыдающее окно, поёжилась, но засунула ноги в калоши, накинула плащ и решительно открыла входную дверь.

Она думала, что просто откроет дверь сарая, постоит на его ступеньках, глядя в черноту, ведь там темно, а у неё нет работающего фонаря. Постоит и побойтись зайти. Но нет. Ноги сами несли её... Как она нашла эту плитку в крошечной темноте? В любом случае, домой она вернулась быстро. Держа в руках холодный квадрат плитки.

На ней тоже были медные буквы. Две. Но понять их она не могла. «Решу завтра», — подумала Пинар. Она поднесла плитку к камину и поставила её к сестре. Та легко вошла в углубление и заняла своё место, будто была здесь всё время. Женщина старательно протёрла ладонью плитки, полюбовалась — вот теперь всё замечательно!

И довольная Пинар отправилась спать. В сон она провалилась, как в детстве, так же, как прыгала в океан. Мгновенно. Маленькой она разбегалась, и смело бросалась в воду, одним махом погружаясь в прибрежные волны. От них перехватывало дыхание, и кожа покрывалась мурашками.

Но в эту ночь ей не дано было выспаться.

Сначала ей снился сон, который тревожил с юности. В нём она опять шла по коридору с Максом в руках. И снова горела мама. Но только во сне Пинар, мать всегда была большой птицей, у которой горели перья, и она постепенно исчезала, взвившись и оседая пеплом в комнате. И Пинар стояла зачарованная в гостиной, пока на неё сверху сыпалась серая зола. Она смотрела на свои руки, покрытые пеплом и говорила: «Холь. Это холь». И каждый раз от этого просыпалась.

Проснулась Пинар и сейчас. От этого слова. Сорочка на ней промокла — видимо, температура спала, хотя женщину до сих пор знобило. Пинар встала, нащупав ногами тапки. Подошла к окну. Над миром: городом и океаном сияло чистое ночное небо. И только на горизонте было видно, как молнии сшивают грозовые тучи с океаном. Полная луна подсветила пальмы в саду. Они загадочно махали разлапистыми веерами листьев. А Пинар трясло и тянуло вниз, в гостиную. Теперь уже неумолимо. Она больше не сопротивлялась. Женщина открыла дверь и даже не вздрогнула, увидев мать.

Та стояла, бледная, прозрачная. На ней были какие-то светлые лохмотья, сквозняк шевелил их, и они напоминали перья. Мать двинулась по коридору и поманила за собой. «Сошла с ума, так сошла с ума, — смирилась про себя Пинар. — А что плохого в сумасшествии? Зато я вижу маму». И Пинар отправилась за духом матери. Та спустилась к камину и вошла в него. Она обернулась и, снова поманив Пинар, исчезла. Растворилась. И тут же, как во сне, с потолка посыпался пепел. Пинар глубоко вздохнула. И вступила в камин.

Тут же, безо всякого видимого источника, на ней вспыхнула одежда, потом кожа. Пинар чувствовала, как огонь сжигает её. Но ей не было больно. Она даже испытала облегчение и в пустой голове появилась мысль: «Наконец-то». Женщина смотрела на свои руки, потом, когда испепелились мышцы, разглядывала собственные кости. Но и они в итоге быстро истлели и осели пеплом на каминные кирпичи. Пинар исчезла.

...Утро заглянуло в гостиную и осветило лежащее тело женщины. Она свернулась клубком в камине, только рука свешивалась на пол, по которому скакали узкие солнечные лучи. Вдруг рука женщины дрогнула. Она подняла голову, с удивлением посмотрела на собственные пальцы, потом ощупала тело. Пинар медленно встала. Её мучила жажда, и она, качаясь, двинулась на кухню, где вылебала целый ковш воды. А потом подошла к зеркалу. Кожа была светлой, на ней не было следов от огня, но там, где одежда касалась тела, оно горело как от лёгкого ожога, словно солнечного. В голову Пинар пришла мысль, которой она удивилась: когда буду гореть в следующий раз, надо раздеться.

Там, где кожа женщины была свободной, она была посветлевшей, помолодевшей и налитой силами. Эти же силы Пинар чувствовала внутри. Но случилось ещё кое-что. Пинар знала. Знала с этой минуты много нового. Она знала рецепты снадобий и то, что у неё есть ведьмина сумка, которая лежит в подвале. Нужно только пойти и взять. Знала, что она визидарка, хоть и не понимала до конца значения этого слово. И она знала, что сейчас... Прямо сейчас... за ней...

Тут в дверь постучали. И она додумала: «Придут... Придут те, кого она долго ждала, но не догадывалась об

этом до последней минуты».

Женщина открыла дверь, за которой стояла группа из восьми странных людей. Две девушки, мужчины и одна девочка, с не по возрасту умным взглядом. Она мгновенно, с порога, оглядела всё, что могла увидеть в доме Пинар. И было видно, что от неё ничего не ускользнуло.

— Здравствуйте, Пинар. Я — граф Леонар Жобен. Можно войти? — улыбнувшись, спросил у неё, мужчина с модной бородкой клинышком в костюме с тростью в руке.

Пинар стояла, обескураженная, натягивая на себя кофту, которую схватила по дороге к двери. Она молча отошла, пропуская группу в комнату.

— О, — подошёл к камину и уважительно потрогал его Леонар, — я читал недавно о таком. В «Летописи визитаров».

Пинар вздрогнула, услышав слово, которое пришло ей этой ночью в голову.

— Визитаров? Такие существуют? Я думала, что сошла с ума, — сказала она.

— Нет. Вы в своём уме. Разве вы не знаете, что из рода фениксов? Офхоль с иврита. Птица из пепла.

— Офхоль? — с удивлением переспросила она.

— Ну да, — удивился уже он её реакции. — Вот же у вас над камином надпись. Он указала тростью на плитки, — вот, оф и холь...

Она с минуту не знала, что сказать, смотрела то на девушек, то на ребёнка, то переводила взгляд на темнокожего мужчину, который ходил и светил по углам каким-то фонарём, внимательно вглядываясь в тени.

— Понимаете, я ничего этого не знала. До сегодняшней ночи, — торопливо стала говорить Пинар, — мой мозг разрывается от новой информации.

Она села в любимое кресло и схватилась за голову. Женщина стала раскачиваться, вслушиваясь в себя.

— Я знаю, как варить зелье из лягушачьих спинок, — медленно сказала Пинар. — Именно из спинок, лапки для этого дела годятся гораздо хуже. Их чаще используют, как амулет. Знаю, как по дну океана ползают семипалые чудовища. Умею создавать для них ловушки, и понимаю как вытянуть из их железы, находящейся под ушами, жидкость, которая нейтрализует любые яды... У меня знания ведьмы! У меня!!! Секретаря геологического общества Корнуолла!!! Подождите, а знаю ли я что-нибудь новое про камни? — задумалась Пинар, и почти тут же кивнула, — да, я знаю, как искать камни единорогов, те, которые раскалываются, а внутри них находишь разводы всех цветов радуги... Их прикладываете ко лбу, и на тебя нападает веселье. Знаю о русалочьих камнях. Если взять их за щеку, то можно долго плыть под водой. Ещё есть такие ма-а-аленькие разноцветные камешки, словно стеклянные. Они попадают в руслах рек. Если их горсть кинуть в огонь, то пламя будет долго гореть и не гаснуть... Может, это и есть сумасшествие?

Она вскочила, прикрыла рот ладонью и обвела испуганным взглядом всех присутствующих. Но они смотрели на неё совершенно спокойно, а коротышка в шлеме даже зевнул, правда, аккуратно, чтобы никто не заметил.

— Я..я не знаю, как это уложить в голове... — взволнованно сказала Пинар.

Потом она подошла к камину и потрогала плитку с буквами, которую только ночью приладила сюда:

— На иврите это означает «оф». Это и есть мой ауксил. Вернее, моего рода. «Офхоль» — феникс... Где эти плитки ни прикрепил, там можешь переродиться. Только мы это можем делать всего лишь трижды за жизнь... Откуда я это знаю? — потрогала она свой висок. — Всё время удивляюсь прибывающей информации.

Она нервно заходила по комнате, потом, чуть успокоившись, продолжила:

— Что происходит? Что?! У меня масса вопросов.

— Каких? — спросила у неё маленькая девочка.

Казалось, она тоже всё это время слушала Пинар рассеянно — сходила на кухню, ловко нашла тайничок с конфетами за банками фасоли, будто точно знала, где он, и теперь сосала леденец.

— Так каких вопросов? — переспросив, легонько дёрнула Пинар за рукав девочка.

— Ну, например, — сжалась женщина, боясь произнести, — кто... такие... малумы?

К Пинар подошёл коротенький мужчина, стянул свой шлем, протёр лысину платочком и сказал:

— Ну, тогда садитесь обратно. Во-первых, нам нужно познакомиться, во-вторых, Марио, приготовь что-нибудь, — попросил он одного из парней, потом снова обратился к Пинар, — а, в-третьих, нам о многом надо поговорить.

Те, кто проходил в тот день мимо сада Пинар, слышали, как из её дома доносятся возгласы удивления, взрывы хохота испоры. А к вечеру из её окон на всю округу разошёлся запах жареной рыбы. Конечно, это Марио с помощью волшебного крючка наловил целую корзину славных сардин прямо в раковине. Из них Пинар выпекла пирог.

Она занесла его в комнату и торжественно поставила на стол. Стурла, который давно давился слюнками от запаха, уставившись на головы рыб, торчащие из запеканки, расстроено и весьма невежливо спросил:

— Что за фигня?! Это почему рыбины смотрят на меня из этого пирога?

Его, конечно, одновременно толкнули ногами под столом Мэдлин и Бёрнис, но дело было сделано.

— Ну, ты неотёсанный болван, — зашипела Бёрн.

— А чего? — пожал плечами Стурла, — ты, Бёрнис, вредничаешь опять, потому что полнолуние? Ты ж в него дикая... А это не пирог. Это похоже на сметанную кашу, которую готовила моя разлюбленная Дэгни, только с рыбьими головами...

— Не ругайтесь. Это «Пирог Звездочёта». Корнуоллский деликатес, — улыбнулась Пинар, — очень вкусно. Попробуйте.

— Нет уж, ешьте сами. Плохо у вас с деликатесами. У нас такое только кошкам дают, — насупился Стурла.

Пока остальные с удовольствием уминали пирог, оказавшимся весьма вкусным, Пинар принесла гному паштета.

— Может, вам подойдёт это? — спросила она, — Корнуолл славится и паштетами.

Это была замечательна маленькая баночка, наполненная до краёв невероятным кушаньем. Нежная паштетная масса была покрыта слоем восхитительного жирка на котором примостился душистый лавровый листик, присыпанный тёртым мускатом. И тут уж Стурла разошёлся — слопал целых три банки паштета, жирно намазывая его на хрустящие тосты — благо под рукой было множительное стекло Марио. Стурла опять перепачкал бороду, но урчал, как дикое животное, пока не облизал последнюю ложку.

После ужина у Янмей стали закрываться глазки. Бёрнис помогла ей умыться, пока хозяйка готовила девочке кровать. К полуночи все разместились по комнатам, и на кухне убирать посуду остались Итиро и Пинар. Парень ловко расправлялся с тарелками, расставляя их по местам, но заметил слезу на щеке хозяйки. Хотя она постаралась смахнуть её как можно скорее.

— Что ты? — сочувственно спросил он Пинар.

— Я думаю о матери, получается, она была здорова... Но я же не знала...

— Что случилось, то прошло. Ты должна жить дальше без груза вины. Да и что ты могла сделать? В чём виновата? На тот момент ты поступила правильно, — успокоил Итиро женщину, — кстати, ты не думала, где твой тол? — попытался он её отвлечь.

— Я думаю об это весь вечер. Мне кажется, надо сходить в подвал дома. Спустишься со мной туда? Прямо сейчас? — попросила она его.

Он кивнул, и Пинар стала ему объяснять, что вход в подвал находится со стороны сада. Они собрались, тихо вышли, освещая себе путь большим фонарём, добрались до перекошенной двери с торца дома и с трудом её отворили:

— Давно я здесь не была, — сказала Пинар, войдя в низкое помещение, забитое рухлядью, — но как будто знаю, что делать.

Она медленно обошла полки, сняла с крючка большую кожаную сумку, повесив её себе на плечо.

— Это и есть ведьмина сумка, — похлопала по ней женщина, — с нужными инструментами и снадобьями. И потом... есть ещё что-то. Очень и очень важное. Такое важное, что меня сейчас разорвёт, если мы этого не откроем.

— Что? — спросил Итиро.

— Не что, а где... — медленно сказала она, поворачиваясь вокруг своей оси и оглядывая всё вокруг.

Потом она решительно показала на стеллажи у каменной стены.

— Надо что-то найти среди вещей? — спросил Итиро.

— Нет. Помоги мне отодвинуть его, — попросила Пинар, схватившись за край полка.

Они сдвинули стеллаж, и за ними открылась гладкая каменная плита. Лишь посередине было маленькое углубление. В виде бокала, но только вместо ножки у бокала был шарик. Пинар издала радостный боевой клич.

— Странно, — оглядел Итиро углубление в плите, — что-то оно мне напоминает, но не могу понять что.

Через час, так ничего и не поняв, они поднялись в дом.

Итиро пошёл спать, а Пинар села рыться в ведьминой сумке, изучая содержимое.

Когда утром визидары спустились вниз, то застали в гостиной хозяйку, которая в эту ночь так и не легла спать, вокруг неё сидели Янмей, Бёрнис и кукла Мэй. А Пинар рассказывала им о приспособлениях ведьмы. Она доставала то огарок свечи без фитиля, которым надо было прижигать раны, то снадобья от высыпаний, то расческу, помогавшую заснуть. Иногда Мэй оживала, подавала голос и, хлопая глазками, уточняла рассказы Пинар, а порой просто объясняла назначения предметов.

— Но вот до главной истины мы не добрались, — с грустью вздохнула Пинар и пока все завтракали, она поведала про каменную стену с углублением в подвале.

Позавтракав, все вместе пошли изучать подвал, оставив маленькую Янмей за главную в доме. Визидары обошли здание и спустились по лестнице под дом.

— Вот, смотрите, — войдя первым, показал на стену Итиро.

Все осмотрели каменную глыбу и маленькую резную выбоину в ней.

— Как же она на что-то похожа, — сказал Тафари. Он сморщил лоб и сдвинул свою шапочку на затылок,

задумавшись.

— И мне так показалось, — кивнул Итиро, — Но на что?

Расселись, кто где мог, и стали размышлять, что делать с выемкой в стене. Решили попробовать свои толы и имеющиеся ауксилы.

Камень нагревали, пробовали в выемку налить воды, Стурла помахал перед ней браслетом, шепча заклинания. Но ничего не выходило.

— Эх, сказал, — толстячок, отходя, — какие же мы визидары? Вот предкам нашим, о которых читал нам Леонар, было чем гордиться. У них были волшебные палочки и разные диковинные приспособления. Они могли почти всё. А мы?! Что мы можем со своей горсткой малонужных толлов и немощных ауксиллов, у которых порой по одной функции? Да настоящий визидар смог бы решить эту задачу за пять секунд!

— На то мы и собрались, чтобы возродить старые достижения. И достичь нового. Подумай, были те, кто прошли эту дорогу до нас, — ответил ему Тафари, — мне кажется, вторым идти чуть легче. Как бы ни заросла дорога, но она была. Так что первым визидарам было куда сложнее.

— Но они были ближе к предкам, к чуду и духам, от которых произошли. Они и сами были наделены магией, которой пользовались, — возразил ему Стурла, — а мы... Мы уже ближе к людям. Говорят, куры тоже были птицами. Однако же теперь они домашние и вряд ли когда смогут летать.

— Не думал я, что услышу такие речи от тебя, — покачал седой головой Леонар, поглаживая бородку, — ты сравнил себя с курицей?

— Я? — встрепенулся Стурла, вскочив, — какая же я курица?! Это же я сказал, как ты любишь выражаться, образно.

— Нет, это называется «провести параллель», — покачал головой Леонар, — значит, ты назвал себя курицей.

Стурла, ища поддержки, посмотрел на Бёрнис и Мэд, примостившихся на ступеньках. Они утвердительно покивали, подтверждая слова Леонара. Стурла насупился, запыхтел, почесал ухо и сплюнул:

— Нет, мы не куры. Я просто порой от-ча-и-ва-юсь. Правильно выразился? — покосился он на Леонара.

Тот улыбнулся, соглашаясь.

— Хотел сказать по-умному, — вздохнул Стурла. — Да не получилось. Что делать то нам? Э-х-х...

Он подскочил к глыбе, вытащил из-за пояса меч, да как с размаху дал по нему, только искры полетели! Раздалось что-то вроде маленького взрыва, поднялась пыль. Земля под ногами зашаталась, и дом тряхнуло. Все, закашлявшись, выбежали из подвала.

Когда пыль улеглась, то оказалось, что камень на месте, как и раньше.

Но на громкие звуки прибежали соседи и пару человек настойчиво зазвонили в колокольчик у ворот. Пинар пошла с ними поговорить. Янмей незаметно выглянула в окно и внимательно разглядывала людей за калиткой.

— Что за шум? — поздоровавшись, спросила у Пинар соседка, принявываясь и испуганно заглядывая через плечо туда, где рассеивался дым. — Ой, воняет то как. Что-то загорелось?

— Приехали мои дальние родственники, мы жарили мясо и не рассчитали силу огня. Простите, — заулыбалась Пинар.

Соседи, поговорив, разошлись. Когда Пинар закрыла за ними калитку, Янмей вышла на крыльцо и тихо ей сказала:

— За тобой придут. Соседи не верят тебе. И решили сообщить в больницу. Тебя заберут завтра на рассвете, они думают, что ты сошла с ума, как и твоя мать.

— Откуда ты знаешь? — напряглась Пинар.

— Я немного читаю мысли, — улыбнулась ей Янмей. — Но только иногда.

Когда Пинар спустилась в подвал, она поделилась тревожными вестями. Все расстроились.

— Надо уходить, — нервно забегал по кругу Стурла.

— Значит, надо успеть всё сделать за сегодня, — мрачно сказал Марио, — но как, если мы даже не знаем что?

Итиро вытащил ключ, висевший у него на шее, и в волнении сказал:

— Видно, пришёл мой час. В дневнике у моей бабушки Минами было написано, что наша семья не просто визидары, а ключеносцы. Вот, чем мы откроем эту дверь! — Итиро поднял вверх цепочку, чтобы все увидели висящий на ней ключик.

Его волнение передалось присутствующим. Итиро подошёл к плите, торжественно вставил ключик в скважину и...ничего не случилось. Ключ явно не подходил.

— Как же так? — растерялся Итиро.

— Видно, не эту дверь он открывает, — успокоил его Тафари. — Но он наверняка понадобится нам впереди.

— Понадобится ли? Если меня заберут в больницу? — вздохнула Пинар. — Видно, надо спрятаться.

Все пригорюнились, размышляя, что делать дальше.

Бёрнис вытащила куклу и решила спросить совета у неё. Она поднесла Мей к каменной двери и спросила:

— Как её открыть?

Кукла распахнула глаза и сказала:

— Это твоё, — указывая на дверь.

— Что моё? — удивилась Бёрнис.

— Это твоё, — повторила кукла. И замолчала. Что бы больше ни спрашивала Бёрн, кукла, замерев, закрывала глаза.

— Мэй иногда говорит форменными загадками! Моё? Что моё? — только всё усложнила, досадливо покачала головой девушка, убрав куклу в рюкзак.

— Ну, конечно, — хлопнул себя по лбу Тафари. — Я всё понял.

— Что ты понял? — визидары встрепенулись, переглядываясь.

— Итиро, помнишь, что нам эта скважина-рюмкачто-то напоминала? — спросил у друга Тафари, тот кивнул, — а кукла сказала, что это Бёрнис.

— Что это я? — указывая на дверь, спросила девушка. — Но что это значит?

— Да нет же, это не ты. Это — твоё, — подошёл Итиро ближе.

Он тоже догадался. Тафари понял это, увидев, как засверкали у юноши глаза.

— А что у тебя, Бёрнис, есть магического? — спросил Итиро.

— Ну, кукла, — сказала, не понимая Бёрн, — так я же её доставала. Или её надо приложить к этой выемке?

— А ещё что? Кроме куклы? — настаивал Тафари.

— Подсказываю: мысленно переверни эту необычную скважину. Что она напоминает?

— Да говорите уже. Я не понимаю, — взорвалась Бёрн.

— Они говорят про твою пешку, — в полной тишине сказал Стурла. — Так ведь? Ту, на которой написано: «Аперта». Она же должна открывать. Вот для неё дверца и нашлась.

— Ну, так она и открыла... шахматную доску... Помните? — растерялась Бёрнис, побледнев. — Хотя, — она подошла к плите, — если бы ту пешку перевернуть, она, и правда, повторяет это углубление... Но... кажется... кажется пешка так и осталась дома.

В подвале наступила абсолютная тишина.

— Если только... если только я случайно её не взяла, — добавила Бёрн.

Она вывалила всё из своего рюкзака прямо на грязный пол и стала искать пешку. Но среди содержимого её не было. Бёрнис в отчаянии подняла глаза, оглядев всех вокруг:

— Что же делать? Я всех подвела... Нам придётся возвращаться.

Тафари задумался, стараясь прикинуть обратный маршрут и связанные с этим сложности.

— Не расстраивайся, — попыталась успокоить девушку Пинар.

— Поищи ещё, — присела рядом с Бёрн Янмей и коснулась её руки, стараясь успокоить.

Но Бёрн отдернула кисть. Её трясло: как она могла забыть дома такую важную вещь?

— Расскажи мне о том, что за вещи в твоём рюкзаке, — не отступала от Бёрн Янмей. Девочка села перед ней на ступеньку и приготовилась слушать.

Бёрнис опять стала перебирать содержимое, но только уже спокойно. Один за другим она складывала предметы с пола обратно в рюкзак.

— Это мои часы, — говорила она, — это сэндвич в салфетке, я его не доела и никак не выкину. Это ленточки для волос. Это крем для рук. Кошелёк. А это мешочек с ключами. Папа вручил мне его со словами, что наш дом всегда меня ждёт.

Она достала ключики из мешка. На них, вместо брелка висела... пешка. С нею выпала бумажка. Бёрнис развернула её. Там крупным отцовским почерком было написано: «Я думаю, это тебе ещё понадобится».

Девушка всхлипнула:

— Он знал. Он чувствовал! — и в волнении прижала листик к губам.

Все молча ждали, пока Бёрнис снимала пешку с колечка. Потом девушка подошла к камню и, перевернув, поставила пешку в углубление. Визидары затаили дыхание. Бёрнис произнесла: «Аперта».

Пешка завибрировала и... провалилась. Было слышно, как она скачет и катится куда-то, а гулкое эхо разносит звук от её падения, будто из колодца. Потом завибрировала и плита. Подняв новое облако пыли, она отодвинулась и утопилась в стене. Перед визидарами открылся тёмный проход, уходивший вниз.

Где-то далеко шумел океан — отсюда он был слышен, словно звук из морской раковины, приложенной к уху. Из глубокой норы пахло тинной и сырой землёй.

Проход был тёмным, но достаточно широким, со сводчатым потолком, покрытым сталактитами. Почти всё подземное пространство заросло странными растениями, похожими на лианы, каждая из которых опиралась на три толстые ножки — их надземные корни. Они напоминали раздутые треноги, а листья выглядели, словно длинные водоросли. Да и развевались они так же, как ламинарии в море, только цвета были неясного, блёклого, почти

полупрозрачного.

Вперёд выступил Тафари. Он раздвинул заросли и осветил пространство фонариком. Когда Следопыт внимательно всё изучил, то сказал:

— Если здесь и были малумы, то очень давно. Их следов нет. Пойдём внутрь.

— Но что мы там будем делать? — спросила осторожно Пинар.

— Решим, как всегда, прямо там, — ответил ей Итиро, — надо достать фонари и нам.

Все вытащили маленькие походные фонарики и стали аккуратно спускаться по крутым ступеням вниз. По стенам стекали грунтовые воды, каждый выступ был плотно обвит теми самыми странными растениями.

— Чем так вкусно пахнет? — принялась Бёрнис, сверкнув в темноте глазами.

— Ага. Словно... Ванильным пудингом, — подтвердила Мэд.

Девушки переглянулись и одновременно потянулись к блёклым листьям. Да, точно! Этот восхитительный запах шёл от длинных невзрачных листьев.

— Если такой лист положить в пирог, наверное, он будет незабываемым, — мечтательно сказала Мэд.

— И, возможно, последним, — сурово пихнул её в спину Стурла, — пойдёмте дальше. Не задерживайтесь.

Все двинулись вниз, тихо переговариваясь и оглядываясь. Лианам не было конца. Они почти скрыли стены коридора. Если длинного листа случайно коснуться, то он начинал себя вести как змея. Листья цеплялись за руки, обвивали ноги, и не пускали визидаров вниз. Приходилось останавливаться и помогать друг другу выпутываться из склизких длинных пут. На это уходило много времени.

— Я отчего-то так устала, — подала голос Мэд.

— И я, — вторила ей Берн.

— Какие вы неженки, — сдвинул шлем на затылок Стурла и вытер пот со лба, — устали они, а надо идти вперёд.

— У меня тоже кружится голова, — призналась Пинар, — но, возможно, это из-за того, что здесь мало воздуха...

Чем ниже спускались визидары, тем агрессивнее вели себя растения. И какой-то момент, когда визидары расслабились, листья молниеносно кинулись на каждого и облепили всех одновременно. Девочки завизжали от ужаса, но листья тут же завязали им собой рты. Растения быстро двигались на своих толстых ножках, окружая жертвы. Никто не успел толком ничего понять, в стороны летели сумки, фонарики, кого-то из визидаров перевернуло в воздухе. Ещё секунда, и хаос закончился, а команда напоминала туго спелёнутые египетские мумии. Каждый лист-змея по отдельности был очень сильным, словно внутри него находился стальной костяк. Что уж говорить о сотне листьев на вокруг тела одного визидара?

У Мэд началась истерика, она дёргалась, пытаясь вырваться, но цепкие листья держали крепко. Мэд стала задыхаться, покрылась испариной. В темноте светились только полные ужаса глаза Бёрнис. Она хотела бы утешить подругу. Но её рот был крепко запелёнут.

— Тихе-тише, — попытался привести в себя Мэдлин Леонар.

Ему повезло — его рот оказался свободным, но зато глаза завязаны — он ничего не видел. Лишь слышал, как рядом бьётся девушка.

— Мы обязательно найдём выход. Просто успокойся и поверь мне, — Леонар пытался подобрать слова, чтобы Мэд, наконец, успокоилась.

От нехватки воздуха или от того, что паника достигла предела, но Мэдлин затихла. Наступила полная тишина. Но Стурла, чей нос и рот тоже оказались на свободе, приняв себя, сказал:

— Чувствуете? Всё же как приятно пахнут эти листья! И чем больше вдыхаешь, тем спокойнее на душе. Тем меньше болят раны!

И Стурла расслабленно засмеялся. Потом громко зевнул и, буркнув: «Как хочется спать», обмяк.

Леонар тоже чувствовал пряный запах, который усиливался, как только ты начинал шевелиться. И вдохнув его, появлялась апатия и безразличие. Превозмогая себя, он громко прошептал остальным:

— Не шевелитесь и не вдыхайте глубоко! Иначе мы все погибнем!

Тафари и Марио пытались достать оружие. Но оно было далеко. Вскоре Марио тоже обмяк и повис, поддерживаемый только цепкими листьями, которые пригвоздили его к выступу.

В тот момент, когда листья только начали опутывать жертвы, Итиро споткнулся и инстинктивно потянул руки вперёд. И теперь одна его ладонь была прижата к поясу с ножнами. Он, с трудом преодолевая дремоту, аккуратно и медленно стал вращать рукой, пока, наконец, не достал нож. И, удивительное дело — только лезвие коснулось одного из листьев, как оно зашипело и свернулось в клубок, отпустив Итиро. Парень быстро разрезал одни листья, а соседние тут же отпускали его сами и сворачивались в жгуты.

Итиро освободился от оков и бросился помогать остальным. Он с остервенением резал листья, пока Тафари, Леонар не оказались на свободе. Втроём они быстро выпутали остальных визидаров.

Тех, кто уже был без сознания, хлопали по щекам, поили из фляжки водой, пока они не пришли в себя.

Марио кашлял — ему сильно передавило грудь, Тафари хрипел — у него пострадало горло. На открытых частях тела и лицах у всех остались красные полосы, какие появляются, когда заснёшь на мягкой подушке, но они быстро пропадали. Только Мэд была покрыта кровоподтёками, которые на глазах превращались в синяки. Особенно у неё болела рука, покрытая длинными рваными ранами.

Пинар стала искать в своей сумке подходящую мазь, Леонар печально сетовал на то, что зря вчера пользовался перчаткой, и теперь она ещё не действовала. Итиро решил соорудить для руки Мэд повязку и не нашёл ничего лучшего, как отрезать длинный лист с лианы рядом. Лист в его руках с шипением свернулся, скукожился, потемнел и стал похож на длинную влажную тряпку. Как только этим самодельным листом промокнули раны Мэдлин, порезы побледнели и кровь прекратила идти:

— Странно, — подняла на всех заплаканные глаза Мэдлин, — рука почти не болит.

Визидары нарубили листьев, свернули их в рулончики и сложили в сумку к Пинар.

— Они обязательно пригодятся! Какими же эти листья оказались полезными! — сказал довольный Стурла.

— Интересно, что бы эти растения стали делать с нами дальше, если бы мы не выпутались? — спросил Марио, потиравший колено.

— Я думаю, выпили бы все наши соки, — спокойно ответил Тафари и указал на потолок.

Все разглядывали то, на что показывал Тафари — в зарослях висели сухие скелеты. Их было бесконечно много. Если приглядеться, то это не сталактиты вездесвисали с потолка, а замотанные высохшие скелетики.

— Боже, — закрыла рот рукой Бёрнис, — эти листья убивали детей?

— Возможно, — ответил ей Леонар.

Когда разбросанные вещи были собраны, визидары продолжили путь дальше.

Теперь уже шли осторожнее, касаясь свисающих растений остриём ножа или меча. И тогда листья с шорохом испуганно уползали из луча фонарей.

Иногда казалось, что ноги утыкаются во что-то живое, Мэд вскрикивала, но это был всего лишь мох. Он слабо переливался, а когда кто-нибудь поддевал его ботинком, на некоторое время его свечение становилось сильнее. Если обернуться — за визидарами оставалась дорожка, постепенно тухнущих следов.

Через некоторое время они дошли до разветвления — слева и справа в гору уходили туннели. Визидары разделились. Часть группы пошла налево, а часть направо.

В боковых коридорах не хватало воздуха, начала кружиться голова, только Тафари, который дышал не только лёгкими, но и кожей, оставался бодр. У остальных же головы незаметно затуманились, движения стали вялыми, будто каждый из них хлебнул крепкого рома. Дальше подземные коридоры стали опять разветвляться. Визидары не заметили, как разделились, запутались, заплутали. Не увидели, что каждый оказался в отдельном тупике.

Кажется, где-то в отдалении крикнул Тафари:

— Ребята, берегитесь!

Но, может, Стурле это показалось? Он застыл на месте. Не успел Стурла испугаться, что оказался один: обернулся — вроде за ним шёл Тафари, ему приходилось сильно пригибаться, чтобы с потолка, который он задевал шапкой, не сыпалась труха за шиворот. И где он, этот Тафари? Так вот, не успел Стурла испугаться, как из стены к нему вылезли маленькие, ниже него самого, человечки с лампадками в руках. Они были широкоплечи, сутулы, с торчащими ушами и темной кожей.

— Попался, голубчик! Нюхнул нашего газа? — сказал один из них.

И его остальные собратья засмеялись, переговариваясь. Голоса их были писклявы и противны. Стурла без разбора стукнул самого словоохотливого по лбу кулаком. Тот осел, ойкнул и стал тереть быстро растущую шишку.

— Чего вам надо? — грозно рявкнул вялый Стурла, покачиваясь на маленьких, но крепких ножках. — Кто вы такие? Черти что ли?

— Мы не черти, а портуны, — обиженно пропищал шишкастый. — Нам велено отвести каждого, кто спустится сюда, к главному. К Эу. Для разговора.

— Ну так и веди. К этому самому Эу, — строго сказал ему Стурла.

И портуны, опасливо отойдя от гнома в стороны, повели его по переходам, показывая дорогу.

Вскоре они попали в большой подземный зал, где было пусть и холодно, но светло. И что самое славное — больше не кружилась голова. Сознание постепенно стало проясняться, чему Стурла был очень рад — ведь держался он из последних сил.

Здесь тоже везде по стенам текла вода, которую множество портунов собирали вёдрышками и куда-то уносили. Тут же уже присутствовали все визидары, Мэдлин и Бёрнис лежали на полу, видимо, они опять потеряли сознание, но сейчас приходили в себя.

Визидары сгруппировались вокруг девушек, пытаясь им помочь, а портуны окружили богато расшитый топчан, расположенный посреди зала. На нём восседал главный портун.

Он был с самой тёмной, почти пергаментной кожей, почти весь покрытый седыми волосами с проплешинами. Портун тряс лысой головой, и длинная его тощая борода печально качалась из стороны в сторону.

— Я — Эу, здешний король, — сказал он.

— Чем вы нас отравили? — спросил у него Леонар.

— Это наша защита. Вы, конечно, по пути сюда, не могли не встретить змеелистник...

— Это те жуткие лианы в коридорах, у которых корни как три ноги? — уточнил Тафари.

— Да, они самые. Там, в коридоре Забытых снов, растут змеелистики. Они источают сладкий запах, от которого слабеешь и теряешь силы... Сколько они нас переловили... — вздохнул Эу.

Мэд и Бёрнис переглянулись — так вот чьи останки висели там по стенам и потолку, среди веток. Портунов.

— Змеелистики побеждали, пока мы не поняли, как с ними можно бороться, — продолжал портун, — и дальше они приносили нам лишь пользу. Срезанными листья являются сильным заживляющим лекарством...

— Хм-хм, — покашлял Тафари, — это мы уже знаем.

— Но вы не знаете другого, — хитро прищурился Эу. — Если поджечь высохшие листья, они начинают источать газ, который засыпит любого, кроме тех, кто живёт под водой. Так мы вас на него и поймали.

И главный портун противно засмеялся. Его смех подхватили слуги.

Стурла выскочил вперёд, выхватил из ножен нож и бросился на Эу:

— Я вам покажу, как травить честных визидаров! — закричал он.

Но Стурлу тут же окружили портуны и не дали подойти к главному. А тот бросил короткий взгляд на гнома, встал на карачки, потом выпрямился во весь рост на своей кушеточке. Эу оглядел притихшую толпу. Он поднял вверх кривой палец, украшенный кольцом, и покачал им. За его кольцом портуны следили заморожено, словно украшение их гипнотизировало. А Эу стал вещать:

— Пророчество, наконец, сбылось. Предки этих пленников, — портун указал на ремесленников, — первые визидары, помогли нам спрятаться. Люди истребляли нас, как и всех волшебных чудовищ. Сейчас боязно выходить на белый свет — там уже, наверное, нет ни одного волшебного существа, ни одного животного, кроме людей и вот этих смельчаков?

— А почему вас истребляли люди? — вставила свой вопрос Пинар.

— Ты ещё спрашиваешь, деточка? — удивился портун. — Они же и вас убивали. Потому что мы не такие, как они. Мы их пугали. А всё, чего люди боятся, они истребляют. И хоть вы, визидары, очень теперь уже на них похожи, они доберутся и до вас.

— Я думаю, — мягко сказал Леонар, — люди всё же не такие жестокие. Сейчас наверху всё чаще слышны темы равноправия...

— Ой, бросьте, — махнул рукой главный портун, — и через сто лет равноправия ещё не будет.

— Так о каком пророчестве вы давеча говорили? — уточнил Стурла, уставившись на Эу.

— Ах, да... Древнее пророчество говорило, что когда мы будем погибать, то придут спасители. Визидары, которые помогут нам выбраться наружу.

— Но мы пришли сюда в поисках тола. А вовсе не к вам, — растерялась Пинар.

— Нет-нет, ни о каких толах мы говорить не станем! Вы не видите, что мы, запертые здесь на сотни лет, теперь погибаем? Наш век заканчивается, если вы нас не спасёте. И вы обязаны это сделать.

— Что же происходит? — спросил Тафари.

Главный портун задрал голову, уставившись в лицо Тафари, а потом, нервно притопнув, закричал:

— Ты что, слепой?! Нас затапливает. Море поднимается всё выше. Почти все нижние гроты обвалились. А в воде живёт целое стадо кровожадных келпи, только и поджидающих, чтобы разорвать нас на кусочки...

— Кто такие келпи? — весьма невежливо перебил портуна Марио.

Эу насупился, а потом развёл руки, выпучил глаза и устрашающе зашипел:

— Хорошо тебе, раз ты никогда не встречал келпи! В воде опаснее их разве что марул. Но к нам он не заплывает — слишком марул велик.

— Я видел в воде кое-кого и поопаснее, — возразил Рыболов.

— Не может быть! Ты ещё не видел этих келпи! Это злобные водяные лошади. Вместо морд у них скалящийся скелет, обтянутый кожей, острые зубы и такой сильный хвост, что сбивает с ног одним лёгким движением. Хвать, — он резко махнул рукой, — и ты уже сожран!

Портуны, собиравшие воду, остановились и заморожено слушали главного. Когда он произнёс: «сожран», они задрожали и сбились в кучу.

— Чего застыли? Утопнуть хотите?! Или попасть на зуб к келпи? — прикрикнул на них главный портун, и те снова быстро забегали, черпая воду.

А главный продолжил, опять обращаясь к визидарам:

— Мы в ловушке. Нам нужно выбраться отсюда, но без своего богатства мы не можем подняться. Только с ним

нам не страшно над землёй. Без богатства мы рассыплемся, станем камнями, как только вылезем на поверхность. И есть и ещё одна задача — наверху мы жили в домах людей. Вылезем наружу, и они опять начнут нас истреблять. Пока вы не решите эти проблемы, мы вас не отпустим! Пророчество сбылось, и вы пришли не за толком, а спасти нас. Будете сидеть здесь, пока не решите, как нам быть. Или пока мы не утонем вместе с вами.

Тут все портуны, собиравшие воду, опять остановились и уставились на визидаров. В глазах этих коротышек была усталость и надежда. Последняя надежда. Визидары переглянулись. Что им оставалось делать? Надо было помочь этим заносчивым, вредным, но страдающим портунам.

— Времени у нас меньше, чем у них, — тихо сказала Пинар. — Завтра меня начнут искать. Мы должны постараться решить проблему этих малышей сейчас. Да ещё найти мой тол. Хотя мы даже примерно не знаем, где и что искать.

— Но возможно ли им помочь? — засомневался Марио, а после спросил, обратившись уже к главному портуну, — А что за богатства вы не можете здесь оставить?

— У каждого из нас было кольцо из чистого золота, — седой портун опять поднял палец, и на нём снова засверкало то самое гладкое массивное кольцо. Он показал глазами на него:

— Это наше богатство, на них фамилии родов портунов. Без этих колец портуны не могут подняться на поверхность. Но за четыреста лет рытья туннелей, большая часть родовых колец затерялась... Теперь только пару смельчаков, имеющих кольца, вылезают на землю и добывают еду. Многие из нас никогда наверху не были ни разу за всю жизнь... Нам, конечно, иногда помогают наши братья стуканцы — рудокопы. Если они находят кольцо портуна, то обязательно его приносят. Но как быстро собрать их все сто?

— Давайте сначала определимся, сколько у вас их есть, — попросил Тафари. — У нас будет просьба. Соберите здесь все кольца, которые есть в наличии. И позовите, пожалуйста, стуканцев. Как я понял, они рудокопы и, значит, знают все щели в земле.

Эу кивнул. Он шепнул что-то стоящим рядом подчинённым и те побежали выполнять приказы.

Вскоре перед визидарами стояли разные по размеру чаши, в самой большой лежали двадцать три кольца.

— Так, — пересчитал их Тафари, — значит, надо добыть ещё семьдесят семь. Немало. А зачем столько посуды? — указал он на чашки.

— Вдруг пригодятся. На ваши опыты. Вы же визидары-ремесленники, то есть создатели. Вам всегда нужна мастерская, — объяснил Эу.

Тафари кивнул, соглашаясь.

— Будем решать, как собрать все кольца, чтобы все портуны смогли выйти на поверхность, — вздохнула Пинар.

— И надо придумать способ, как портунам жить среди людей. Это ещё одна сложная задачка, — сказал Марио, меланхолично потряхнув гривой чёрных кудрей.

— И всё это надо сделать за пару часов, как я понимаю, — добавил Тафари.

— А потом надо найти тол Пинар, — размышлял Леонар, — Бог знает, сколько времени уйдёт только на это.

— А что если попробовать их кольца размножить моим увеличительным стеклом? — предложил Марио.

Стурла взял из чаши одно кольцо и протянул его Марио, который уже вытащил волшебную линзу.

Рыболов, волнуясь, прочистил горло, постоял, собираясь с силами, а потом торжественно и чётко произнёс заклинание.

— Мультипликатум!

Стекло затуманилось, нагрелось. Воздух вокруг кольца сгустился, завибрировал. И ... ничего не произошло.

— Как же так? — Марио разочарованно вздохнул, взглянув на потухшую сферу, — как же так? — повторил Марио, — ведь раньше я мог размножить...

— Не расстраивайся, — хлопнул его по плечу Тафари, — отрицательный ответ, тоже ответ. И довольно внятный. Значит, эти кольца не так просты.

Эу, прислушивавшийся к разговорам визидаров, сказал:

— Я убедился, что вы настоящие ремесленники. Мы покидаем вас, как решите задачу, позовёте...

Он махнул рукой, слуги подхватили его прямо с кушеточкой и вынесли из зала. Остались только рабочие портуны, таскавшие воду.

В зале были длинные, хоть и очень низенькие, столы со скамьями. За ними ремесленники и расселись. Леонар попросил Мэд порыться в её бесконечной сумке. Он достал оттуда пару книг из визидарской библиотеки, полистал их, некоторые сложил обратно, оставив две. «Попробую найти ответ в старинных записях», — бурчал Леонар себе под нос, устраиваясь в углу зала, где меньше всего капало на голову.

Тафари поискав себе место поудобнее и, в конце концов не найдя его, просто прилёг на один из столов, подперев голову.

— Потолок то тут какой красивый! — восхищённо показал он вверх, — жаль, что скоро здесь действительно

всё затопит, вода всюду струится уж слишком сильно. Думаю, через месяц этот уровень будет под водой.

Все подняли головы вверх. Над ними в неровных горных породах сверкало... небо. Только вместо звёзд на нём блестели огромные драгоценные камни, чередовавшиеся с кристаллами хрусталя. От их мягкого мерцания трудно было оторвать взгляд.

Пинар всматривалась в эту красоту вместе с остальными. Но отчего вдруг её сердце забилось так быстро и тревожно? Так она и стояла, запрокину голову, застыв на одном месте, пока её легонько не коснулся Итиро.

— Пинар, с тобой всё хорошо? — спросил он тревожно, заглядывая в её побледневшее лицо.

— Итиро... кажется, я знаю, где спрятан мой тол, — взволнованно сказала она.

— Где?

— Вон там, — показала она искусственное небо.

Но не успела договорить. Стены пещеры затряслись, покрываясь трещинами, на пол повалились камешки и из образовавшихся ходов стали вылезать новые человечки. Они чуть отличались от портунов.

У этих малышей почти не было шей, зато их чёрные перепачканные углём лица украшали острые вытянутые носики. Руки у них были длинные и почти доставали до пола, а вот ноги — раза в два короче рук. Каждый держал острую кирку.

— Наверное, вы — стуканцы? — догадался Тафари.

Стуканцы закивали головами, но смотрели недоверчиво. И, кажется, уж было собрались убраться восвояси от этих странных великанов, пропахших духом верхнего мира. Но тут в зал на трясущихся ногах, поддерживаемый приближёнными, вернулся Эу. Увидев его, стуканцы заметно расслабились и даже заулыбались. Они приветствовали главного портуна тонкими хриплыми голосками.

— Братя, — обратился Эу к стуканцам.

Его борода опять заходила ходуном, а лицо покрылось пятнами:

— К нам пришли спасители, как было сказано в древнем пророчестве, — он указал на визидаров, — вы то с водой ушли выше в холмы, а нам пришлось время выйти на свободу. И эти визидары нам помогут. Пожалуйста, послушайте их.

Стуканцы опять закивали и обступили визидаров, опираясь на кирки.

— Чем мы можем помочь своим собратьям-портунам? Им, конечно, досталось от людей. А ведь они жили с ними в мире, и помогали даже, — стало раздаваться со всех сторон.

Тафари поднял руку, и стуканцы замолчали.

— Первое, что нужно сделать, найти в земле все их кольца, — громко сказал им Следопыт. Он поднял из чаши одно кольцо и показал его стуканцам, — один из нас — волшебник по золоту. Выйди сюда, Стурла.

Тот выскочил вперёд, и малыши уважительно уставились на его блестящий шлем.

— Я произнесу заклинание, — важно сказал Стурла, подняв руку, и всё золото в горе засветится. Приносите сюда кольца. Все, которые найдёте. И кидайте в чашу. Справитесь?

Вместо ответа стуканцы подняли свои кирки и закричали. Видимо, это означало согласие.

Стурла торжественно произнёс заклинание золота, и пещера осветилась его сиянием.

— А слитки носить? — обернувшись, спросил, один чумазый стуканец.

— Слитки можете оставлять себе, — махнул Итиро, — нам нужны только кольца.

Эу решил остаться в зале. Он присел на ближайшую скамейку и с удивлением наблюдал, как мелькали туда-сюда стуканцы.

Они быстро выпрыгивали из стен, подбегали к Пинар, державшей чашу. И звенели колечки о металлический край блюда, да тихо подчитывала их количество Бёрнис.

— 36...41...50...,- говорила она.

Ох, как понравилась темнокожая визидарка старому портуну. Эу, улыбаясь, любовался Бёрнис.

Когда стуканцы стали выпрыгивать из стены чуть реже, главный портун подковылял к ней, и предложил остаться у них его королевой. Бёрнис засмеялась, но вежливо отказалась от такой чести.

В это время остальные визидары развернули настоящую походную лабораторию.

— Ответ где-то на поверхности, — задумчиво говорил Итиро, — мы же ремесленники. Мы должны его найти.

— Я думаю, раз кольца волшебные, они у портунов что-то вроде наших ауксиллов, — предположил Марио, — а значит, на них можно серьёзно воздействовать нашими толами. Но не понимаю, почему не сработал мой?

— Потому, — перебил его Леонар, — что кольца портунов — особенные, они из живой ткани. Они — золотые кости портунов... Тут написано.

И Леонар ткнул пальцем в «Визидарскую энциклопедию не-людей, живущих на земле и под землёй», которую читал.

— Тогда давайте попробуем на этих кольцах Исчезательный порошок! — предложил Итиро, — ведь он действует только на живые ткани.

— Но вдруг кольцо исчезнет навсегда, и мы не сможем его найти? — предостерег Тафари.

— В любом случае, у нас нет иного выхода, — сказала Мэдлин, — только осторожнее, не забывайте, что если случайно вдохнёте его, то пропадёте. А нам сейчас это не нужно.

За дело взялись Итиро и Марио. Они перевязали лица платками навроде масок, и осторожно высыпали в небольшую чашу щепоть Исчезательного порошка. А потом Мэд окунула в него колечко портунов, которое аккуратно держала маленькими женскими щипчиками, найденными у себя в сумке.

Но опять ничего не случилось.

— Жаль, — вздохнул Марио, — хотя и странно. Какие-то они особенные — эти золотые кольца.

Бёрнис спросила советы у куклы Мэй, но та не знала, что делать и молчала, хлопая глазками. Леонар в это время полностью ушёл в себя. Он рылся в книгах, срочно что-то чиркал в блокноте, хватался за волосы — его аккуратная, обычно всегда прилизанная, причёска, давно потеряла форму и выглядела взъерошенной копной сена. Пинар подошла к Леонару и предложила помощь. Он не отказался. За пару минут, выслушав его мысли, Пинар упорядочила книги, разложив по стопкам, и предложила порядок поисков.

— Главное, — сказала она Леонару, — составить план. Рекомендую написать его в виде цепочки вопросов. Это очень помогает в научных поисках. Предлагаю такой...

И она быстро накидала на листке целый список, ставя в конце каждого предложения большой знак вопроса, который обводила жирным кружком.

— Когда мы найдём ответы на все эти вопросы, то решим задачу, — удовлетворённо добавила Пинар, оглядывая свою работу.

Леонар уважительно взглянул на неё. Ему всё больше нравилась эта удивительная собранная дама.

— Сразу видна ваша длительная работа секретаря Корнуольского геологического общества, — сказал ей восхищённо граф.

Пинар скромно улыбнулась:

— Да, я помогла написать не одну диссертацию. И знаю, как вести научные изыскания. Рада, что здесь это может пригодиться.

И Леонар с ассистенткой углубились в работу. Теперь уже спокойно, кропотливо, разделив вопросы на двоих. Именно Пинар нашла в одной из энциклопедий информацию о портунах.

— Тут написано, — сказала она, подчёркивая ногтем строку на странице, — что они действительно могут жить на поверхности, только надев волшебные кольца.

— Ну, так мы это и без книги знали, — разочарованно потянул Стурла, перебиравший с Бёрнис золотые колечки.

— Но здесь ещё есть старинный рецепт. Послушайте, — сказала она и начала цитировать, — «Если в воде, взятой из сундука Мертвой Девы, растворить угольную пыль и Пудру Зеркал, которая делает живых невидимыми, а потом дать выпить этот напиток портуну, то это убьёт его...»

— Ой, — всплеснул руками, оживившись, седой портун, — вы нас собираетесь погубить?!

— Постойте, что же вы все меня перебиваете?! — не выдержала Пинар, — дайте дочитать.

Она поставила палец под очередную строку из книги и прочла: «но если на портуне будет кольцо его рода, то он станет навсегда невидимым для людей, но, сняв кольцо, видим для сородичей, животных и визидаров».

— Так вот зачем нужны портунам эти кольца! Не для красоты вовсе, — до конца осознал Стурла, — но где же мы возьмём Пудру Зеркал?

— Если прочесть её описание, очень похоже, что наш Исчезательный порошок и есть эта самая Пудра, — сказала задумчиво Леонар, заглядывая в текст через плечо Пинар.

— Я тоже так думаю, — кивнула она, — даже в этом уверена.

— Значит, мы были недалеко от истины? И я был прав, когда хотел обработать кольца Исчезательным порошком? — обрадовался Марио и его глаза засветились.

— Да. Мы же ремесленники, — кивнул Тафари, — и всё равно бы дошли до этой мысли, будь у нас времени побольше.

— А где мы возьмём угольной пыли? — уточнил Стурла, — и какая должна быть пропорция?

— Вот, ты тоже заговорил, как настоящий ремесленник, — засмеялся Марио.

— Угля мы можем вам дать сколько угодно, — сказал стоявший рядом стуканец.

Он вытер лоб и из кармашка своей рубахи вытащил чёрный камешек.

— Вот, — положив его на стол, подтолкнул его к визидарам, — это и есть уголь. Самый лучший, какой может быть во всём Корнуолле.

— Надо его растолочь в ступке. У меня в подвале она была, такая медная! И ещё там были весы!

— Слышали? — обратился к слугам Эу. — Верните только моим ребятам кольца, и они смогут сбежать наружу. Они это сделают быстрее, потому что научились ловко орудовать с лианами!

Двое самых юрких портунов нашли свои колечки и, надев их, минут через двадцать уже вернулись, обратно таща в руках ступку, весы и ещё кучу блестящих вещей, которые нашли в подвале Пинар и посчитали нужными. Вообще, портуны оказались страшными барахольщиками. Те из них, кто находился в зале, аккуратно, пока не видел Эу, выпрашивали у визидаров то пуговицу, то перочинный ножик. А получив, радостно складывали по своим многочисленным карманам, пришитым у них на одежде везде, где только можно.

Закипела работа: кто-то из визидаров оттирал кольца от грязи, кто-то толлок уголь... Леонар достал толстую тетрадь и стал делать записи. Когда Итиро спросил, что тот пишет, Леонар ответил:

— Хочу, чтобы наши работы, новые рецепты, наши приключения, были записаны. Нам следует продолжать собирать материалы, как и предкам. Если мы не дойдём до цели, то сильно продвинем идущих за нами...

— Идущих за нами нет, — вздохнул Тафари, — на нас вся надежда.

— Тем более, — взмахнул ручкой Леонар и углубился в работу.

Стало тихо. Каждый делал своё. Но быстро обнаружилась проблема: пещера была полна воды, да только не подходила она для найденного рецепта. Надо было добыть не простую, а из какого-то сундука Мертвой девы.

— И где он? — растерянно спросил Марио.

— Сундук Мертвой девы в Изумрудном зале, — сказал главный портун. — Он вроде и недалеко, но почти затоплен, мы туда не ходим. Там бывают лишь келпи. Найти Изумрудный зал очень просто — лестница коридора Забытых снов, если по ней спуститься, ведёт в него.

Вот только за водой к Сундуку Мёртвой девы никто из портунов и стуканцев идти не согласился.

— Там келпи! Там келпи, — с ужасом в глазах говорили они.

Даже Эу, сначала задумался, а потом, закачав головой, сказал:

— Нет, в Изумрудный зал идите сами. От взгляда келпи мы стекленеем, становимся неподвижными. Может, вас они не сожрут? И потом, в нижних отделах появилось столько разных тварей. Теперь там новый, страшный мир. Мы туда не ходим. Нет-нет. Никто не из нас туда не спустится.

Эу подошёл в стене, прислонил ухо к мокрому камню и так постоял какое-то время, а потом, отряхнув голову от воды, изрёк:

— Сейчас отлив. Океан ушёл дальше, келпи не так страшны, может, их там и не будет. Самые опасные они в приливы — возвращаются в подземные гроты голодными и злыми.

В поход за водой из сундука Мёртвой девы решили послать Марио и Стурлу. С ними рвалась воинственная Бёрнис — сейчас в мире было полнолуние, и при круглой луне темноокая Волчица, действительно, как заметил Стурла, жаждала сражений. Но ей отказали.

— Ты можешь всё испортить. Не всегда нужно рубить с плеча. Иногда надо пройти мимо врага крадучись, незаметно, — объяснил ей Тафари.

— Тем более, что на сражений совсем нет времени, — добавил Леонар.

Марио и Стурла быстро собрались. Они обмотали лица одеждой, чтобы меньше вдыхать воздух в коридоре Забытых снов, вытащили оружие, приготовившись ко встрече со змеиным деревом, и пошли к подземной лестнице.

Встречаясь с мечами, длинные листья сворачивались, освобождая проход. Стурла шёл впереди, Марио прикрывал его сзади. Чем ниже они спускались, тем было страшнее, но не от убивающих лиан — в конце концов, сейчас их листьям только дважды удалось обвить путешественникам ноги. Но визидары уже знали, как от них избавиться. И не от засыпляющего воздуха — Марио и Стурла старались дышать поверхностно. Нет, было кое-что более пугающее — из каждого угла и заброшенного ответвления коридора Забытых снов раздавались завывания, чавканье и такой жуткий хруст, что Марио порой зажмуривался и костенел от холода, бегущего по спине. Коридоры запутывались, пересекались. Чем ниже, тем ответвлений становилось больше. В одном из проходов, когда Стурла подсветил туда фонарём, визидары увидели жуткие красные глаза и окровавленные морды больших летучих животных. Завидев свет, те бросились врассыпную, лишь их тени замечались по низким сводам.

— Надеюсь, это были не келпи, — вздрогнув, тихо сказал Марио.

— Не думаю, что это они, — мотнул головой Стурла, потом подойдя поближе к куче того, что терзали хищники, показал на неё фонарём и добавил, — а вот это очень похоже на келпи. Вернее, на то, что от него осталось.

Марио подошёл ближе и чуть не закричал. Везде валялись рваные куски мяса и костей. Из этого месива на них скалилась обглоданная голова огромной лошади. На останках морды, белели маленькие глаза без зрачков и сильные, страшные зубы.

— Резцы, как у бобра. Только в десять раз больше! — уважительно присвистнул Стурла, стукнув кончиком ботинка по зубам келпи.

От этого тошнотворно-глухого звука Марио стало совсем дурно. Он сделал шаг назад, но поскользнулся в густой тёмно-бордовой жиже требухи, растекавшейся от убитого животного. Рыболов, нервно вскочил и стал лихорадочно отряхиваться, но ещё больше весь перемазался.

— Меня сейчас стошнит, — хватал ртом воздух Марио.

— Пойдём. Теперь нам в два раза больше нужна вода, — сурово вздохнул, глядя на спутника, Стурла, стараясь не нюхать вонь, исходившую от Рыболова.

Минут через пятнадцать они дошли до большой неровной дыры, из которой лился мягкий зеленоватый свет. Заглянув в неё, они увидели, что находятся почти под потолком огромного грота неправильной формы. Пещера была вытянутой и, петляя, уходила куда-то вдаль, наверное, до самого океана. В стенах на разных уровнях были видны дыры, и от этого грот напоминал нутро пористого сыра. Здесь было удивительно красиво: снизу доверху пещера была зелёной — в ней разросся тот самый мох с лестницы. Он был везде: и над водой, и, уж тем более, под. Мох заволок каждый камень на дне, облепил любую вещь, которую сюда принёс океан. Далёкий прибой качал воду, которая сейчас затопила пол пещеры метра на два и водоросли беспрестанно светились. Если ближе и внимательнее рассмотреть строение этого моха, то было видно, что на конце каждой его крохотной былинки качается маленький мерцающий шарик. Казалось, что мох покрыт светлячками.

— Видимо, это и есть Изумрудный зал. В прибой все эти пещеры наверняка затапливаются. И через дыры в стенах вода поднимается выше, — прикинул Стурла, — надо как-то спуститься. Смотри, сколько оголилось плоских камней внизу, — он показал на торчавшие из воды островки. — На них нам будет удобно стоять.

Марио достал из рюкзака моток верёвки и, привязав её к выступу, скинул вниз до ближайшего камня. Потом прыгнул и помог спуститься коротышу Стурле.

Визидары осторожно подошли к самой воде и огляделись. Но опасности не было. Марио показал на самое дно:

— Смотри, Стурла! Там кости.

Действительно, на дне кое-где белели кости, не успевшие покрыться мхом.

— Видно, это добыча келпи, — подытожил, оглядевшись Стурла.

Марио присел на корточки, пытаясь оттереться от вонючей жижи, но ему это удавалось плохо. Лицо, руки, одежда — всё покрылось жирными пятнами, словно бурым дёгтем.

Стурла же перескочил с одного камня на другой и заворожено уставился в спокойные воды, наблюдая, как переливаются в них зелёные предметы.

— Гляди! — восхищённо закричал он, подцепив мечом ботинок, который от моха стал бархатным.

Но на ощупь обувь оказалась колючей и жёсткой, словно тёрка из коралла.

— Удивительная штука — этот светящийся мох. Видно, в солёной воде он крепче металла, а вот в пресной — нежный, словно детская мочалка, — сдвинул свой шлем на затылок Стурла, — вот бы его поизучать! Наверняка для чего-нибудь да пригодится такая вещичка! Надо будет набрать его на обратном пути, того, что мягкий, с лестницы. Как думаешь, Марио, а если этот ботинок положить в родник, станет он снова мягким? Марио? Марио?!

Стурла обернулся и увидел, что друг застыл от ужаса. Марио показывал в одну точку.

Туда, где из воды, высунув только верхнюю часть длинных страшных морд, на них уставились белыми глазницами келпи. Их был целый табун. Морды почти не шевелились, лишь гривы медленно плавали на поверхности и чуть раздувались ноздри, вбирая воздух.

— Кажется, они слепые, — прошептал Стурла, и келпи как по команде повернули к нему головы, наострив уши.

— Но, видимо, отлично слышат, — сказал, стараясь не шевелить губами Марио. Хотя на него келпи не реагировали. Они группировались вокруг камня Стурлы.

И вдруг келпи стали по очереди подпрыгивать, щёлкая зубами, наугад пытаясь схватить гнома. Келпи забегали кругами по дну, били по воде хвостами, отчего всё вокруг забурлило и запенилось. Водяные лошади жутко скалили зубы, шумно дышали, издавая то ли стон, то ли ржание от которого холодела душа. Одна из келпи сбила Стурлу с ног, а другая, чуть не схватила его за нос, когда он подскользнулся, и спасло гнома только то, что падая об камень, покрытый острым мхом, он упёрся в него шлемом, но пришлось подставить и руку, которую тут же пронзили тысячи мелких иголок. Кровь мгновенно капельками выступила на содранной коже и тут же попала в воду. Учувя её, келпи одичали и забегали ещё быстрее, взбивая воду так, словно в пещере поднялся ураган.

— Они меня не видят и не чувят, потому что я пахну келпи! — закричал Марио, перекрикивая дикий шум.

Вокруг визидаров начался хаос. Мелькали хвосты, щёлкали зубы, из брызг выныривали бельма глаз келпи. Но всё же больше всего доставалось Стурле. Марио был в стороне от основной бури. Стурла же одной рукой придерживал шлем, а другой схватился за небольшой каменный столбик. Он тоже был покрыт острым мхом, и держаться за него было равносильно тому, что сжать ежа, но выбирать не приходилось. Стурла терпел из последних сил. Иногда из-за порывов вихря его ноги отрывались от поверхности камня и тогда гном думал, что сейчас отпустит руку, потому что боль в ладони становилась невыносимой.

Кровь стекала по столбику, попадала в воду и с каждой новой её порцией келпи становились всё яростнее. Некоторые из них так разогнались, что неслись по стенам, потолку, как по зелёной поляне. Соскакивая в воду, келпи зачёрпывали зубастой пастью кровь и дичали на глазах.

Марио удалось снять с себя штаны, пропитанной жижей келпи, а сам остался в длинной грязной рубашке. Свернув брюки узлом, парень кинул их гному. Тот еле успел схватить за одну штанину и хаотично стал ими натираться. Водяные лошади постепенно присмирели и через пару минут встали как вкопанные, слепо озираясь по сторонам. Запах Стурлы для них исчез.

— Сейчас я попробую их накормить, — опять стараясь не шевелить губами, сказал Марио.

Парень вытащил волшебную верёвочку с крючком, аккуратно закинул в воду и уже через секунду вытащил огромную рыбину. Он снял её с крючка, подкинул высоко в воздух, а Стурла, выхватив меч, за мгновение разрубил рыбу на мелкие части, которые с шумом упали в воду. К ним жадно кинулись голодные келпи.

Визидары проделывали фокус с рыбами снова и снова, пока келпи не насытились. Тогда они просто нырнули под воду, и было видно, как лошади прячутся в чёрных дырах подземных коридоров, где, видимо, находились их убежища. И вот тут, в это самое мгновение, на одном из камней, торчащем из воды, визидары увидели ящик.

— Наверное, это и есть сундук Мертвой Девы, — предположил Марио.

Помогая друг другу, они добрались до него, приоткрыли крышку и увидели скелет женщины, прижимавшей к груди бутылку. Стурла не раздумывая, схватил бутылку — в ней плескалась вода. Скелет дамы, лязгая зубами, тут же потянул к гному руки, пытаясь обхватить ему горло.

— Отдай, отдай, — зашипел скелет.

Марио и Стурла переглянулись и, поняв друг друга без слов, кинулись к дыре, из которой вылезли. Они прыгали от камня к камню, уворачиваясь от мертвой дамы, цеплявшейся за них и перебрасывали друг другу бутылку, чтобы отвлечь её внимание, когда скелет вцеплялся кому-нибудь одному в горло. Рыболов быстро взобрался наверх, потом втянул Стурлу, отбивавшегося мечом от Мёртвой девы. Она же осталась внизу, подпрыгивая и пытаясь до них дотянуться.

Когда Марио и Стурла вернулись в подземный зал к остальным визидарам, на них не было живого места. Измотанные, перемазанные какой-то вонючей гадостью, так что на грязных лицах были видны только глаза, Стурла, сплошь покрытый кровью. Но из рюкзака они вытащили бутылку с той самой океанической водой. В зале наступила гробовая тишина. Портуны перестали собирать воду, стуканцы остановились. Все смотрели на раненых визидаров.

Марио же, сев на ближайшую скамью, сказал:

— Не спрашивайте ни о чём.

Стурла плюхнулся рядом с ним, устало качнув головой.

— Это его так поранил железный мох, — указал на содранную кожу Стурлы Эу. — Когда железный мох сухой, или в пресной воде, то он мягкий, но, попадая в воду солёную, становится прочным и острым. Его надо опасаться. Мы э-э-э забыли вас предупредить...

— Мы забыли вас предупредить... — передразнил его Стурла, насупившись, — вы о многом забыли нас предупредить...

Визидары разделились. Леонар и Пинар стали лечить раненых, а остальные, под руководством Тафари, приступили к изготовлению снадобья для портунов.

Мэд с Итиро ещё раз пересчитала кольца в чаше, и только девушка хотела сказать, что не хватает всего лишь одного, как из расщелины выпрыгнул маленький стуканец, просто кроха, и вытащил из кармашка колечко. Он старательно бросил его в чашу, до которой еле дотянулся и шумно шмыгнул носом.

— Все кольца собраны! — подытожил Итиро и потруны, окружавшие их закричали. Они подпрыгивали, хлопали друг дружку по голове и визжали от радости.

Мэд достала конфету из кармана и протянула маленькому стуканцу, принесшему последнее колечко. В это время в зал из всех щелей опять мгновенно высыпали стуканцы. Они выскакивали из стен и плотно теснились, отпихивая друг друга, вокруг визидаров. Но стуканцы не смотрели на полную чашу колец, которые собрали, а жадно наблюдали, как тот, самый маленький, развернул грязными пальчиками обёртку конфеты и запихнул угощение в рот. Кто-то шумно сглотнул. На рожицах стуканцев заиграли улыбки, они безотрывно смотрели, как жуёт малыш.

— Может, вы тоже хотите? — спросила Мэдли, и все разом закивали.

— Мы страсть как обожаем конфеты, — сказал один шепелявый стуканец.

Он улыбался щербатым ртом и втягивал воздух длинным носом, стараясь уловить запах от обёртки. Стуканцы, как зверьки смотрели, что вытащит из кармана Мэд. Она достала две последние конфеты. По рядам пронёсся вздох разочарования.

— Сейчас, размножим! — пообещал Марио и приступил к работе.

Его облепили стуканцы, наблюдая, как он ловко увеличивает и множит сладости. Досталось всем. Даже предводителю портунов.

Через некоторое время, стуканцы, набрав полные пригоршни конфет, попрощались и занырнули в стены.

— А что мы? — напомнил о себе Эу, — как с нами?

— Ну, в принципе, снадобье готово, — сказал Леонар, наблюдая, как Итиро добавил в смесь воды из бутылки и осторожно размешивает чёрную пузырящуюся жидкость.

— И мы будем живы и невидимы для людей? — уточнил портун, напряжённо глядя в лицо Леонара, и пытаюсь угадать, врёт ему волшебник-великан или нет.

— Так написано в старинной книге, — ответил ему граф, — попробуем?

Седой портун засунул два пальца в рот и лихо протяжно свистнул. И зал стал наполняться портунами. Явились, видимо, все. Потому что, пересчитав подданных, Эу удовлетворённо кивнул — сто!

Портуны перешёптывались, толкались, но боялись подходить к визидарам.

— Сейчас, — торжественно вышел на середину Эу, — я раздам вам родовые кольца. Наденьте их на указательный палец.

Чашу с колечками перевернули, вывалив содержимое на стол, и главный портун стал их передавать по цепочке хозяевам, чьи имена были написаны на обратной стороне. Только и раздавалась: «Громыхало — тебе! Чуй — хватай! Сапожок, бери!»

— Сапожок, — строго приказал Эу тощему портуну, с порванным ухом, который выскочил поближе, чтобы быстрее схватить своё колечко, — ты первый будешь пить Напиток исчезания.

Сапожок задрожал, но не смел послушаться. Когда колечки были разобраны, снова наступила тишина.

— Начинается новая эра для нас, для портунов. Мы опять выйдем наружу и будем дышать сладким воздухом! Мы опять будем жить в домах и есть вдоволь, но теперь...теперь люди нас не будут видеть, — торжественно объявил Эу.

— Возможно, они вас будут слышать, — сказал Итиро.

— А вот это уже весело! Теперь мы их всласть попугаем! — захихикал седой портун, и остальные собратья подхватили его смех.

Когда все нахохотались, вперёд вытолкнули Сапожка. Он стоял, переминаясь с ноги на ножку. Мэдлин увидела, что у него, действительно, на одной ноге сапожок, а на другой — сандалия. «Хоть бы всё получилось», — подумала девушка про себя. Она видела, как страшно портуну с порванным ушком. Сапожок подошёл к Леонару, тот аккуратно набрал маленьким ковшиком волшебное питье и протянул портуну. Сапожок схватил ковшик, затрясся, потом зажмурился и одним махом осушил его. Сначала ничего не происходило. Потом Сапожка подкинуло, он, взвизгнув и, выпучив глаза, упал на пол.

— Ах... — склонилась к нему толстая портуниха, стоявшая ближе всех. Она взяла его ручку в свою лапу и прислушалась, — он не дышит, вы убили его!!! Они убили его!!! — закричала она.

Портуны зашумели, загалдели, стали зло скалиться.

— Мы же предупреждали, — оправдывался, отступая, Леонар.

Толпа наседала, раздавались вопли и призывы. В штанины визидаров вцепились десятки когтистых ручек...

Но тут Сапожок опять взвизгнув, завертелся волчком и...стал исчезать. Вернее, это видели визидары и, кажется, он сам. Сапожок с удивлением наблюдал, как становятся прозрачными его руки. Леонар, который стоял перед медной чашой, в которой было зелье, видел, как портун постепенно перестал отражаться в её изогнутых стенках и указал на это другим...В конце превращения визидары видели только слабую тень от Сапожка. Значит, для людей, он и правда стал невидимым. А потом Сапожок снял кольцо, и все увидели его живым и здоровым.

— Но теперь, даже сняв кольцо, он будет видимым лишь для визидаров, портунов и животных, — напомнил присутствующим Итиро.

Когда портуны убедились, что Сапожок отлично себя чувствует, выстроились за волшебным питьём. И по очереди исчезали. Они радостно визжали, потом бросались из пещеры, собирать вещички, чтобы подняться наверх. Последним был Эу. Он выпил свою порцию, стал невидимым и счастливый побежал к выходу. Путь его слабому силуэту преградила Бёрнис.

— Пойдите, а как же мы? — закричал ему вслед Марио.

— Что — мы? — обернулся недовольный портун и снял кольцо, опять став видимым.

— Ну, мы должны были узнать хотя бы о толе, — уточнил Стурла.

— Я ничего не знаю, — нервно ответил старичок, — вы должны были нас спасти. Спасибо вам. И точка.

Портун отпихнул Пинар и ловко ускакал.

— Но... — ничего не успел сказать ему Тафари, как старика и след простыл, только где-то в отдалении вверх по лестнице стучали его каблуки.

— Не волнуйтесь, — успокоила всех Пинар. — Я думаю, мы справимся без них.

— Ты знаешь что и где искать? — удивился Итиро.

— Я не знаю, что. Но думаю, что знаю, где, — кивнула она.

Пинар достала из-за пазухи платок матери и развернула его.

— И что? И что? — нетерпеливо подсакивал Стурла.

Мэдлин же взяла из рук Пинар платок, внимательно на него посмотрела, потом наверх и удовлетворённо кивнула. Она дала один конец платка владелице, за второй взялась сама, за два других угла схватились Тафари и Леонар. Вчетвером они подняли над Стурлой платок и дырочки на нём в точности совпали с рисунком на потолке. А в самой большой дырочке на платке засветилась синяя звёздочка.

— Вот тут и надо искать, — удовлетворённо сказал Леонар, ткнув в неё пальцем.

Без разговоров, Марио и Итиро стали сдвигать столы и скамьи. К ним присоединились остальные. Они быстро сделали огромную пирамиду.

И хотя пирамида жутко шаталась, но со всех сторон её придерживали визидары. На неё ловко и быстро, как обезьянка, вскарабкался Итиро. Он достал до нужного кристалла, и клинком ножа выковырял его из потолка. Не успел Итиро его рассмотреть, как из образовавшейся щели вырвался вихрь. Он плавно нёс к полу свиток.

Пинар подхватила летящую бумагу и развернула её. Но женщину ждало разочарование — внутри свитка ничего не было, кроме прикреплённого к его краю маленького золотого свистка соединённого цепочкой с кусочком мела.

Визидары окружили Пинар и разглядывали её находку. На свисточке было написано: «Подуй». А на витом металлическом стерженьке мелка выгравировано: «Вечный».

— Это вечный мелок, наверное? — предположил Марио.

— Свисток — твой тол, как ты думаешь? — спросила Бёрнс.

— Не знаю, — покачала головой Пинар.

Она поднесла свисток к губам и подула в него. Раздался жуткий вой, будто разом заголосили все хищники мира. Всё, что было в зале, поднялось в воздух и закружилось в страшном хаосе: визидары, мебель, их рюкзаки, а вода с пола обвивала этот хаос длинными лентами. На абсолютно чистом полу, ровно в середине смерча, осталась стоять только Пинар. Она испуганно отбросила от себя свисточек. И тут же на неё упала Мэд. Остальные тоже повалились на пол, вперемешку со столами, стульями и потоками воды.

Хорошо, что особо никто не получил серьёзных травм, кроме синяков и ссадин. Но в пещере теперь царил бардак: вода залила пол до щиколоток, везде возвышались руины мебели, а вокруг плавал мелкий мусор. У Бёрнс во время несанкционированного полёта раскрылся рюкзак, и теперь все кинулись собирать её вещи.

— А если бы моя сумка-хранительница открылась? — ужаснулась Мэд и погладила бок сумочки.

— Что это было? — спросила Бёрнис, потянувшись за намокшей куклой Мэй, но та вдруг открыла глазки и завертела головой.

— Что ты? — спросила у неё хозяйка.

— Бумагу надо прочитать. Поможет в этом Леонар, — почти пропела кукла.

Все одновременно поняли, что это Мэй сказала про пустой свиток. Бросились его искать среди всего этого хаоса. Быстро нашли и, к радости визидаров, он не намок. Леонар достал солоночку. Мужчины нашли стол, который не развалился, перевернули его, поставили на ножки и расстелили на нём свиток. Граф потряс над ним солонкой, и все склонились над листком, глядя на проявляющиеся рисунки.

Перед ними появились схемы с пояснениями, испещрённые стрелочками; везде бисерным почерком были приписаны инструкции. Даже удивительно, сколько информации поместилось на одном свитке! Но большую часть листа занимал подробный чертёж неведомого летательного аппарата.

— Ой, точь-в-точь как моя сумочка, только с крыльями сверху — удивилась, глядя на рисунок, Мэдлин, — даже замочек наверху.

— Нет, никакая это не сумочка, корабль больше похож на фасолину, — высказался Стурла, глядя на чертёж.

— Или на дирижабль, но с приделанными крыльями и, кажется, этот корабль из металла, — добавил Леонар, — смотрите, сколько нарисовано заклёпок по краям стыков!

— Дирижабль? — удивился Марио. — А что это?

— Такая штука, которая может летать по небу, как птица, — пояснил Леонар.

— Нет ли здесь записей о моём свистке? — спросила растерянно Пинар, вставая на цыпочки и заглядывая через плечи остальных. — От волнения ничего не могу разобрать.

— Кажется, вот здесь, внизу, — приблизив свиток вплотную к глазам, сказал Тафари, — это на древнем языке. Здесь написано, что твой свисток даёт энергию. Если дунуть в него, то поднимется разрушающий вихрь...

— Это мы уже и так знаем, — вздохнул Стурла, почёсывая ноющий зад.

— Если же очертить какое-то пространство вечным мелом, то внутри этого круга урагана не будет. А если нарисовать круг пунктиром, то, наоборот, энергия соберётся только внутри него, — разъяснял Тафари записи дальше.

— Вот это вещь! — присвистнул Итиро, косясь на мелок со свистком, которые Пинар повесила себе на шею, — в твоём свистке сила паровоза!

— Этот летательный аппарат донесёт нас до последнего визидара-ремесленника. Здесь указано, что он живёт в Ирландии и имя его...не разобрать, а-а вот, Пи-тер Пе-тюрс-сон, — прочёл по слогам Тафари, — но точного адреса

нет. Видимо, аппарат сам знает дорогу.

— А ещё здесь сказано, — сказал Леонар, что этот воздушный корабль движется на энергии свистка и... летательного порошка.

— Значит, для этого нужен порошок из драконовой кости, — догадалась Мэд.

— Смотрите, — ткнул в чертёж Леонар, — внутри чудо-самолёта есть конструкция, что-то вроде парового котла. Его надо обвести пунктиром и подуть в свисток, тогда аппарат заработает.

— Это конечно, всё здорово. Но где находится этот самый корабль? Там не написано, где его искать? — напряжённо спросила Пинар.

Свиток пересмотрели сверху до низу несколько раз, но ни адреса, ни координат расположения чудо-корабля не наши.

— И что прикажете делать? — присев на поломанную скамью, расстроено размышляла Пинар.

Она взяла чертежи и ещё раз стала разглядывать рисунок летательного аппарата. Вдруг женщина в волнении подскочила и обратилась к Марио:

— Не мог бы ты мне дать своё увеличительное стекло?

— Ну, сейчас оно вряд ли будет действовать. Я же умножал конфеты для стуканцев. Сомневаюсь, что оно уже зарядилось, — сказал Марио, но всё же достал стекло и протянул его Пинар.

— Мне и не надо его волшебной силы. Мне нужно другое! — успокоила Пинар парня.

Она поднесла стекло к чертежу, внимательно посмотрела в него, бормоча себе под нос: «Неужели? Не может быть...но...но...Силы небесные...ведь это правда!»

Визидары ждали объяснений.

Пинар, разгорячённая, с пунцовыми от волнения щеками, дрожащей рукой ткнула на чертеже под лупой в ту деталь, которую Мэдлин недавно сравнила с замочком своей сумочки.

Сменяя друг друга, визидары склонялись над увеличительным стеклом, вглядывались в небольшой рисунок на чертеже, куда указывала Пинар, и громко охали. Когда очередь дошла до Итиро, он склонился над свитком и всмотрелся в выпуклое изображение детали, находившейся над самой вершиной корабля. Вот это да! Над раздутой, прошитой клепками конструкцией, над большими крыльями, там наверху на толстом флагштоке был изображён... флюгер — птица с лицом девушки, указывавшей крылом направление.

— Так что, твой дом и есть...этот летательный аппарат? — изумлённо выдохнул Итиро.

— Получается так, — кивнула Пинар. — К этой мысли трудно привыкнуть. Впрочем, как и ко всему, что случилось за последние сутки.

— Если твой дом и есть небесный корабль, — сказал Леонар, рассматривая чертёж, — то тогда рубка управления находится на чердаке. Ты там бывала? Там есть что-нибудь?

— Да вряд ли там что-то есть, — задумалась Пинар, — мать говорила, что на чердаке ничего интересного. Мы никогда туда не лазили, и даже каминную трубу трубочист чистил, поднимаясь по черепице с внешней стороны дома.

— Ну, в любом случае, нам нужно туда попасть. И убедиться воочию: есть там механизм, запускающий корабль или нет. Как вылезти на твой чердак?

— Из комнаты матери туда вёл люк в потолке... кажется, — вспомнила Пинар.

— Так чего же мы медлим? Вперёд! — скомандовал Тафари. — Тем более, — он показал на пол, — зал сильно затопило.

Визидары спешно собрали вещи, обвязали лица тряпками, шарфами — всем, что попало под руку, и двинулись к коридору Забытых снов.

Когда они вылезли наружу, уже темнело. Как только Тафари, шедший последним, выбрался в подвал, пол гулко завибрировал и проход за ним закрылся, но теперь уже абсолютно гладким камнем безо всяких выемок.

Визидары поспешили в дом к маленькой Янмей. Они нашли её в гостиной. Девочка сидела в позе лотоса перед камином. К ней подбежала Мэд и крепко обняла:

— Как же я по тебе соскучилась! — улыбнулась она, взъерошив чёрные волосы ребёнка.

— Потому, что я напоминаю тебе сестру? — посмотрела на неё ясным взором Янмей.

— Наверное, — уткнула лицо Мэдлин в плечо девочки, — наверное.

Мэд, действительно, глядя на Янмей, всё-время вспоминала Тину. Хотя девочки были совершенно непохожи, но иногда Мэд казалось, что маленькая черноглазая Ян и правда её сестра. И тогда девушка хотела сделать всё для маленькой проказницы: отдать ей лучший кусочек, охранять её сон, защищать от врагов и опасностей. Впрочем, так к Янмей относились все ремесленники.

— С твоей сестрой всё хорошо, — кивнула Янмей, — она сладко спит. Вот там.

И девочка показала наверх. Потом она посмотрела на остальных визидаров и сказала:

— А знаете, пока вас не было, мне снился сон, что этот дом летает. Я обязательно обыскала бы верхние

комнаты и эти странные закоулки, которыми пронизан дом.

— Это не был сон, — покачал головой Леонар.

Тафари взял девочку на руки и восхищённо сказал:

— Ты самая умная из нас, Янмей. Самый одарённый визидар-ремесленник! Ибо видишь вещи не такими, какими их видят окружающие. Ты можешь почувствовать их внутреннюю суть и содержание. Безо всяких подсказок. Ведь в этом и есть главный дар ремесленника: в куске глины увидеть горшок, который будет из него создан.

— Или там спрятан, — добавил Стурла.

Янмей улыбнулась и с детской непосредственностью сказала:

— Я есть хочу.

Стурла стукнул себя по шлему:

— Хороши мы — забыли ребёнка покормить.

— Да мы и сами голодные, — вздохнул Марио и вытащил свой крючок, — кто со мной в прекрасную ванную Пинар на рыбалку?

С ним вызвались идти Итиро и Янмей, обожавшая наблюдать, как Марио одну за другой вытаскивает блестящих рыбок.

Остальные толпой двинулись наверх, исследовать люк на чердак. Они зашли в спальню матери Пинар и осмотрелись. Здесь, как и во всём доме, стены были выбелены. Стена с окном немного закруглялась к потолку, напоминая мансарды. Мебель в комнате была нехитрой: шкаф, кровать, сундук да столик с лампой. Над сундуком и обнаружился тот самый люк. Видимо, его много раз закрашивали, и о том, что он там, указывали лишь мелкая сеть ровных трещинок на побелке.

— Ты готова, что мы тут немного намусорим? — спросил у Пинар Стурла.

Она кивнула.

Потолки были такие низкие, что даже, когда коротышка Стурла ловко забрался на сундук и вытащил меч, то легко достал им до перекладин. Гном быстро стал сбивать мечом побелку. Она посыпалась во все стороны, поднимая клубы сухой пыли и скоро у всех стали белые носы, ресницы, волосы и брови. При очередном ударе упал большой кусок побелки, от которого Стурла еле успел увернуться. Зато под ней обнажился люк с массивным кольцом. На нём сверкнул знакомый знак визидаров — колесо с треугольниками.

— Мы на верном пути, — откашлявшись от пыли и отряхивая костюм, взволнованно сказал Леонар.

А Стурла подпрыгнул, схватился за кольцо и повис на нём. Крышка чуть посопротивлялась, но вскоре поддалась и откинулась. Гном скатился на пол, наблюдая с остальными, как из люка, под собственным грузом, медленно выдвинулась лесенка. Как только её металлические ступеньки коснулись сундука, он вдавился в пол. По дому прошла вибрация, свет в комнате поморгал и пропал.

— Как будто где-то землетрясение, — сказал, вбежав в комнату Итиро, — везде темно.

Все переглянулись. Вдруг грязный пол комнаты осветил квадрат яркого света сверху — это на чердаке загорелись лампы.

— Ну что, вперёд? — прошептала Пинар и первая, ступив на лесенку, засунула голову в лаз. — Ого, — раздался оттуда её удивлённый голос, — вот это да.

И, сделав пару шагов вверх, Пинар исчезла. Все по очереди поднялись за ней.

Ах, если бы вы оказались там с визидачами! Не верилось, что это чердак старого английского дома. Здесь всё напоминало рубку современного корабля: металлические конструкции, приборы, напротив которых были удобные, вертящиеся стулья. Все стены чердака состояли из окон, спрятанных снаружи за черепицей.

— Мы тут и за месяц не разберёмся, — сник Стурла. — На что моя Дэгнушка толковая, а и она бы за-па-ни-ко-вала. Я правильно говорю, Леонар?

Граф утвердительно качнул головой, подняв облачко белой пыли. Он сам был в растерянности.

— Не дрейфить! — приказал всем Тафари. — Мы во всём разберёмся! Тем более у нас есть инструкции, и поглядите вокруг — всё подписано или отмечено значками, нам остаётся лишь вникнуть.

На одном из столов раскрыли свиток Пинар и стали копаться в схемах. Посреди чердака был огромный встроенный в пол механизм, что-то среднее между трактором и паровым котлом, огороженный низеньким заборчиком. Именно его, следуя инструкциям, надо было обвести пунктиром, чтобы тот заработал, как двигатель аппарата.

— Так, — удовлетворённо хлопнул Леонар медную махину, опутанную шестерёнками разных размеров, — эта штука такая мощная, что с помощью твоего мелка, Пинар, она запросто поднимет в воздух и десять домов.

По одной из стен чердака шёл длинный металлический стол, покрытый большим количеством кнопок и огромным штурвалом посередине.

— Это пуль управления, — объяснил Тафари, показав на столешницу и сверяясь со свитком.

Все кнопки были подписаны странными буквами и значками, но кроме этого, тут были ещё и выемки. Леонар и Тафари стали разбираться с надписями:

— Они на древнем визидарском языке, — пояснил Леонар. — Некоторые понятны. Но другие ставят в тупик. Вот эта выемка, например — показал он на одно из слов вычерненное на меди, — подписана «девушка». Смотрите, даже два малюсеньких следа от обуви. Но ножка меньше, чем у портунов. Где взять такую девушку? А вот эта кнопка — «карта неба»...

И Леонар нажал на кнопку, которую показывал. Тут же из-под главного стола выдвинулись два длинных штыря. На них, по-видимому, следовало поместить некую карту. Но где её взять?

— Пока мы не повесим сюда карту, корабль не найдёт нужный маршрут, — покачал головой Леонар, читая инструкцию, — её надо найти.

— Но мы даже не знаем, как она выглядит, — растерялся Марио. Они с Янмей поднялись наверх и слышали последние слова Леонара.

Визидары отвлеклись от работы на вошедших и начали потягивать носами, а в животах заурчало: Марио принёс целый поднос жареной рыбы, а девочка протянула Бёрнис тарелку с сырой. Все быстро расхватили дымящиеся куски аппетитной рыбы и устроились кто где. Волчица, вцепившись в сырую рыбку острыми ноготочками, закидывала её себе в рот и урчала от удовольствия. Потом, отравившись от еды, вдруг изрекла:

— А, может, та выемка, где написано «девушка» для куклы Мэй?

Бернис в волнении вытерла прямо об себя руки и кинулась доставать куклу. Когда она её вытащила, всем было понятно, что, скорее всего, Волчица права. А уж когда Мэй встала в выемке, как влитая, убедились в этом на сто процентов. А Мэй открыла глазки и сказала:

— Корабль скоро отправится в путь. Я подскажу, как закончить его подготовку к путешествию.

— Мэй, где находится карта? — спросила у куклы Пинар.

— У тебя на шее, — ответила Мэй.

— Правда! — выдохнула женщина и сдернула платок матери, который был повязан у неё на шее поверх рубахи.

Леонар расправил его и аккуратно вдел в штыри. Они вдвинулись в нутро стола и тут же часть механизмов ожила. А рядом с Мэй поднялась дощечка, навроде грифельной. На ней, словно цветными мелками, был нанесён маршрут среди звёздочек. Эта линия плавно вела к левому нижнему краю, где мигал нарисованный воздушный кораблик.

— Мы находимся здесь, — догадался Стурла, ткнув в изображение корабля кончиком меча.

— Угу, — подтвердил, склонившись рядом с ним Тафари. Он тоже рассматривал план маршрута.

— Мэй, подскажи, что делать дальше? — обратился к кукле Леонар.

— Летательная машина «Феникс» поднимается в воздух за счет увеличительной линзы, её нужно вдавить справа от меня. Там есть подпись.

— Ага, действительно! — убедился Леонар.

Марио достал свою линзу и вставил в нужную выемку. Заработала другая часть механизмов. Где-то из-под пола раздался равномерный гул, и дом опять тряхнуло, но уже сильнее.

— В главном механизме есть белая кнопка, её нужно нажать и появится пузырьрёк. Его надо заполнить летательным порошком, — продолжала рассказывать Мэй. — Когда все будут готовы, следует поднять главный красный рычаг слева от штурвала и вести корабль по курсу.

— Я когда-то неплохо водил по фьорду шхуну, так что легко смогу управлять и этой штуковиной, — похвастался Стурла. — Только бы мне какую приступку сюда, — задумался он, глядя на высокий штурвал.

Тафари и Марио спустились вниз, чтобы притащить ящик, который подходил бы Стурле по размеру.

Янмэй достала лёгкую драконову кость и положила на стол.

— Из неё надо сделать порошок.

Визидары сгруппировались около стола, рассматривая и ощупывая кость.

— Может, её поскрести? — предложил Стурла.

Он вытащил нож и, зажав кость между колен, попытался снять с неё стружку. Но не тут-то было. Кость была словно алмазная — лёгкая, но прочная. И усиленное оружие визидаров не оставляло на ней даже небольших отметин.

— Мэй, как добыть порошок? — повернулся к кукле Леонар.

Но Мэй растерянно молчала. Стали пробовать толы. Подошла только Огненная палочка Итиро. От неё кость разогревалась, хоть и слабо, а потом, остывая, осыпалась лёгкой переливающейся пудрой. Она повисала облачком. Новая партия порошка притягивалась к старой, и облачко, искрясь, уплотнялось.

— Этой кости хватит надолго, как я погляжу. Не на одну такую летальную машину. И даже не на сотню, — заметил Леонар, удовлетворённо разглядывая почти не изменившуюся драконову кость.

Пока Итиро заготавливал летальный порошок, Леонар нашёл на главном механизме белую костяную кнопку.

Он нажал на неё, и из середины устройства выдвинулось чёрное яйцо. Оно плавно раскрылось, словно распустился цветок, и в его серединке оказалась длинная стеклянная бутылочка. Она напоминала толстую пробирку с чуть изогнутыми краями и плотной крышечкой в виде знака визидаров.

Вернулись Тафари с Марио. Они, вытирая пот, втянули наверх сундук.

Отдышавшись, Марио сказал:

— Ящика не было, принесли тебе под ноги вот это.

А Тафари добавил:

— Пинар, там внизу, кто-то усиленно звонит в калитку. Выйдешь?

— А это не опасно? — всплеснула руками Бёрнис.

— Сейчас решим, — спокойно сказала Пинар.

Она спустилась по лестнице. За ней последовали Тафари, Марио, Стурла и девушки. Пинар аккуратно отодвинула шторку на окне, долго вглядывалась в одинокую фигуру, немного видневшуюся из-за калитки, а потом, быстро сбежав с лестницы, включила свет и открыла дверь.

Через минуту она ввела в дом мужчину. Визидары настороженно выглядывали из-за гардины, осматривая незнакомца. Но Пинар улыбалась:

— Это мой друг, Грег! — весело и громко представила она его.

Но Грег не понял, кому Пинар кричала, и на минуту недоумённо застыл.

— Я волновался за тебя, — нерешительно сказал он ей. — Я должен тебя предупредить...

Грег оглянулся и закрыл дверь.

— Я должен тебя предупредить, — продолжил он, подойдя к окну и осторожно, как недавно это делала сама Пинар, посмотрел за штору, — здесь скоро будут люди. Тебя подозревают... — Грег осёкся, подбирая слова, — люди думают, что... что ты...немного не в себе...

— Всё хорошо, Грег, всё хорошо, — Пинар хлопала друга по плечу, — когда они придут?

— Думаю, через полчаса.

— Через полчаса нас здесь не будет.

— Нас?

— Ребята, выйдите, — позвала Пинар, оглядываясь на чуть качнувшуюся гардину.

Визидары вышли из тени ниши. Грег опешил и отступил назад. Он удивлённо разглядывал странных людей. Особенно высокого тёмного человека в нелепой шапочке и хорошем костюме. И низенького бородатого мужчину в шлеме. Странная группа была в пыли и грязи. Перехватив его взгляд, Тафари улыбнулся, почесал за ухом коротким копьём, которое держал в руках и сказал:

— Мы там просто машину собираем...

А Пинар добавила:

— Я улетаю в Ирландию. С ними. Это тоже мои друзья.

Грег внимательно посмотрел на Пинар. Взор женщины был светлым и ничуть не безумным. Её глаза сияли, как никогда.

— В Ирландию ты отправляешься в новую экспедицию? — спросил её Грег.

— Нет... Там у меня нашёлся ... родственник.

— Родственник? — удивился Грег. Вопросов у него становилось всё больше.

— Да, — опять кивнула Пинар, — и с работы я увольняюсь. Передай им это заявление, — Женщина протянула ему конверт. — Побуду в Ирландии. Не знаю сколько.

Пинар увидела, что Грег напрягся.

— Сколько ты меня знаешь? — спросила она его и сама же ответила, — сто лет. Грег, ты веришь мне?

Он замешкался, отвёл взгляд и снова взглянул на визидаров. Бёрнис в это время нашла на кухне ещё одну сырую рыбину и, вернувшись в гостиную, с удовольствием её поедала. У Грега открылся рот. Он хотел что-то сказать и передумал.

В это время в калитку застучали.

— Это они. За тобой, — коротко сказал Грег.

Он переминался с ноги на ногу, и в его взгляде усилилось сомнение.

Тафари быстро потушил свет и выглянул в окно.

— Их много. Очень много людей, Пинар, — тихо прошептал Следопыт, став серьёзным, — что будем делать?

— Сражаться! — крикнул Стурла и, вытащив меч, шагнул вперёд.

— Успокойся, какие сражения? — легонько шлёпнула его по шлему Мэдлин.

— Грег, — Пинар потрясла друга за руку, — помоги нам. Выйди и отвлеки их.

— Но они же всё равно ворвутся сюда. Пусть позже, но ворвутся, — рассуждал Грег.

— Мы уже улетим, — махнула ему Пинар.

— На чём? — поднял брови Грег.

— На этом доме, — спокойно ответил за Пинар Тафари.

— Я понимаю, как всё это нелепо звучит, Грег, — сказала Пинар, — но ты мне должен поверить. Я не сумасшедшая. Просто помоги. Отвлеки толпу хотя бы на пару минут. А дальше мы уже сами.

Она увидела, что Грег услышал её. Услышал и поверил.

— Никто не пострадает? — только и спросил Грег.

Пинар покачала головой.

— Ты счастлива, Пинар? — он опять заглянул ей в глаза.

— Как никогда в жизни, — женщина утвердительно покачала головой, — прощай, Грег.

Он протянул ей большую тёплую ладонь, которую она крепко пожала.

— Прощай, Пинар. Я разберусь с ними, — сказал он и двинулся к двери.

Уже схватившись за ручку, обернулся:

— Ты пришлешь мне открытку... из Ирландии? — помедлив, спросил мужчина.

Она опять утвердительно качнула головой. И Грег вышел во двор.

Он что-то говорил людям, те слушали его, перестав шуметь. Визидары быстро закрыли двери на засов, и спешно поднялись наверх, задрав люк.

— Всё готово! — доложил им довольный Леонар.

— Тогда в путь! И побыстрее! — стал подгонять всех Тафари.

Стурла забрался на сундук и крепко вцепился в штурвал.

— Поехали? — спросил Леонар.

— Полетели! В Ирландию!!! — ответил ему Итиро.

И Леонар дёрнул красный рычаг.

Главный двигатель заработал. Дом мелко завибрировал, стены его затрещали. Визидары не видели, но толпа, которая всё же пробралась на участок и уже хотела ломиться в дверь, испуганно отхлынула от двери. Люди ринулись за забор и со страхом наблюдали, как старый дом Пинар, который стоял тут сотню лет, дрожит и рассыпается. Сначала с крыши покатались черепицы. Они падали на землю и разлетались на осколки. Потом из стен стали вываливаться камни, упали несколько окон.

— Что происходит? Что это? — спрашивали друг друга люди и, не находя ответа, не решались приблизиться, а лишь наблюдали издалека. Они не видели, но тут же, между их ног сновали портуны. Человечки собирались кучками и, помогая друг другу, залезали на крыши соседних домов, чтобы проводить тех, кто их освободил.

В это время Тафари, слушая Мэй, уселся на один из крутящихся стульев и надавил ногой на металлическую педальку, приделанную под столом. Дом загудел, его резко тряхнуло. От этого лишние стены полностью обвалились, подняв огромное облако пыли. Когда оно улеглось, удивлённые жители увидели огромный корабль, поблёскивающий медными боками, который держался на четырёх толстых столбах. Какое-то время несколько деревянных полочек с посудой и одна шторка на кранизе из последних сил ещё цеплялись за круглые бока, но от вибрации и они, наконец, отвалились.

Тафари надавил на небольшой рычажок с надписью: «вверх». Пинар, которая до этого с помощью Леонара начертила вокруг двигателя пунктирную линию, сильно дунула в свисток. Вокруг главного механизма поднялся вихрь, и его металлическая колба-яйцо с летательным порошком внутри, раскалилась. А крыша дома, лишённая черепицы, вдруг поднялась и взмахнула крыльями, оголив рубку корабля.

...Потом одни местные жители божились, что видели в стеклянной крыше Пинар и группу неведомых странных людей. Другие утверждали, что там были волшебные чудовища. Но все сходились в одном: в пять утра дом Пинар, превратился в овальный летательный аппарат. Над ним расправились два огромных крыла, обтянутых то ли шкурами, то ли каким-то иным неведомым материалом. А на самом верху беспрестанно крутилась золотая птица с лицом девушки.

...Когда крыша поднялась, открыв обзор, визидары увидели, что все соседние крыши облеплены портунами. Они сняли свои колечки и высоко их подняли в воздух. Восходящее солнце отражалось на золотых кольцах и казалось, что каждый из портунов держит в руках маленький огонёк. Выше всех прыгал тощий Сапозок. Пинар отчаянно ему замахала.

— Надо же, — сказал прослезившийся Марио, — Пришли нас проводить. Это так трогательно!

— А я рада, что мы им помогли. Хотя они и вредные. Иначе портуны погибли бы в своих подземных пещерах, — добавила Мэдлин.

— Что же, наш путь — только вперёд, — вздохнув полной грудью, встал рядом со Стурлой Леонар.

Все визидары подошли к ним и, не сговариваясь, выстроились в линейку. Они наблюдали как, набирая высоту, плавно и неспешно их корабль поворачивается на север, к безбрежному, сверкающему на солнце, океану. Пинар было удивительно видеть чистое небо над октябрьским Корнуоллом. Это было ещё одно чудо.

...После их исчезновения, весь город говорил только о летающем доме Пинар. Этому нашлось множество свидетелей. Другие им не верили, над ними смеялись. Властям даже пришлось пригласить известного профессора из Оксфорда. Он прочитал жителям лекцию о случаях массового гипноза. На том в итоге и сошлись: что это был гипноз, временное помешательство, а дом исчез — от взрыва газового баллона.

И только Грег, сидя в таверне «Адмирал Бенбой», глядел в окно, тихо посмеивался в усы, и порой говорил себе под нос:

— А наша старушка Пинар оказалась не так проста. Не так проста... Дорогая наша достопочтимая птица Феникс. Она ещё покажет, я знаю...

Миры чудовищ и людей сначала развивались параллельно. Никто не понял, когда и как они перемешались и стали прорастать друг в друга. И на стыке этих миров появлялись визидары. Конечно, некоторые из них остались жить среди людей, но всё же больше всего визидаров ушли в страну, которую нашли на самом краю мира.

От одного визидача к другому бежала весть — что есть далёкая страна, где неохватные пространства необитаемых земель. Там можно заново строить свой, новый мир. Мир визидаров.

Так появилась Визидария. Здесь было привычнее и легче: не надо было стесняться своих особенностей или волшебных качеств и прятаться от людей.

Сначала визидары пытались донести свои умения, изобретения и открытия людям. Но те называли их ведьмами, колдунами, и сжигали на кострах. Поэтому постепенно визидары закрыли свою долину Сиреневых ветров ото всех. И в мир выходили только в поисках чудес. Визидары собирали в мире людей то, что могло бы пригодиться в создании толлов и ауксилов.

Визидарцы были разными: одни нуждались в топях, другие в густых лесах, третьи искали тёмные пещеры в горах. Всем в долине Сиреневых ветров было вдоволь места, каждый находил уголок для себя. Главным же городом Визидарии был Медикат. Он располагался на самом западе долины.

Через всю долину, начиная от Медиката, пролегая сквозь Чёрные горы и заканчивая свой бег в океане, текла Счастливая река. Она была самой большой в Визидарии. Счастливой её называли потому, что в ходе своего русла река дважды делала кольца вокруг холмов. Одно кольцо было побольше, другое — поменьше. Раньше, когда долина визидаров была живой, каждая пара, игравшая свадьбу должна была проплыть на лодке оба кольца. А занятие это было нелёгкое — там, где река изгибалась, начинались пороги и сильное течение.

Жених и невеста, стояли в украшенной лодке. Оба празднично одетые. Он — в парадном зелёном сюртуке и белой рубашке, подпоясанной серебряным ремнём в цвет вышитых туфель, которые надевали исключительно на свадьбы и передавали по наследству. Невеста — в белоснежном платье с золотым поясом и такой же круглой свадебной сумочкой через плечо. В волосах девушек были прозрачные ленты и цветы душистой лилеи, которая водилась только у визидаров.

Дружки подавали жениху с невестой вёсла, плавно отталкивали их лодку от берега и отправляли в путь по двум кольцам. И только те влюблённые, кто мог слышать друг друга и работать командой, проплывали эти сложные кольца, не перевернув лодки. В конце второго кольца, когда пара выплывала из последнего грота, её встречал Главный Жрец. Он стоял на каменной площадке у самой воды рядом с Великим Священным Камнем.

Как только лодка жениха с невестой показывалась, сидевший поодаль оркестр, состоящий из низеньких визидарцев-гномов, которые слыли самыми искусными музыкантами, начинал играть весёлый марш. Они не просто играли, а притоптывали, пританцовывали, подбрасывали вверх барабанчики и флейты, которые успевали, сделав кульбит в воздухе, вернуться в руки хозяина. И их одежда, обшитая праздничными бубенчиками, подыгрывала в такт мелодии.

Из шатров, разбитых тут же на поляне, выходили гости и, подняв руки над головой, трижды хлопали в ладоши и кричали: «хоп-хоп»... А жених с невестой выбирались из лодки и подходили к Великому Священному Камню, на котором был выбит знак визидаров. Влюблённые вставали по разные стороны от камня. Они должны были его коснуться, положив по очереди на валун свои руки: сначала правую открытую ладонь клал жених, а на неё с другой стороны водружала ладонь невеста. Потом второй рукой девушка прикрывала свою ладонь. А жених накрывал её кисти рук левой. Получался Цветок Любви, обозначающий, что двое клянутся беречь друг друга, любить и охранять. Их руки накрывал ладонью Жрец и начинался ритуал венчания.

Всё это в детстве, в месяц летнего солнцестояния (ибо именно в это время визидарцы играли свадьбы), часто наблюдали с замковой башни маленький Хьюго вместе с матерью. Сирия Хармус любила смотреть на свадебные процессии. Когда, по её расчётам, лодка должна была выплыть, женщина задерживала дыхание, складывала руки и тихо произносила молитву. Сын наблюдал, как она шепчет слова, которые бормотала по сто раз на дню: «Спаси и укрой их ветер, поддержи и сохрани вода, направи и помоги земля, дай им мудрости и терпения огонь». Лишь тогда, когда суженные выплывали из грота, Сирия успокаивалась и, умиляясь, вытирала слёзы. В этот момент она обычно говорила Хьюго:

— Сынок, взгляни, какая радость — благодати в Визидарии стало больше. Как же я хочу тебе, сын, такого же безбрежного счастья. И чтобы все в этом мире жили в радости и покое!

Но Хьюго обычно грустил и кривился. Он тайно ждал другого сценария: мальчик безумно радовался, когда лодка выплывала с одной фигуркой или же без людей вовсе. Однажды ему повезло — Хьюго увидел, как из грота показались лишь щепки: пару досок и два тела. Вот тут он не смог сдержать смеха. Хьюго стал кататься по полу, не в силах устоять на ногах. Хорошо хоть матери с ним в этот момент не было. А Хьюго только представлял вытянувшееся лицо Главного Жреца. И опять начинал хохотать до колик. Отсюда, с башни, было видно, как

всполошилась толпа. Визидары кинулись в реку, чтобы выгнать из воды жениха с невестой. А как комично выглядели музыканты, побросавшие свои инструменты — они бегали по берегу, создавая какофонию дурацкими бубенцами на одежде.

...Да, давно это было. Когда их долина была зелена и полна диковинных растений. Жаль, что сейчас они, по большей части, погибли от изменившегося климата, который испортился из-за созданной ремесленниками стены.

Так думал Хьюго, взобравшись по ступеням на самый верх той самой башни — она одна осталась целой среди руин замка.

Когда-то из-за формы крестьяне прозвали эту башню — Палец Ведьмы. Отовсюду издали было видно, как она упирается в небо, острой крышей накалывая свинцовые облака. В основании башни была массивная арка. Когда-то все, кто посещал замок Хармусов — Дагхэд, въезжали только через неё. Отец Хьюго гордился огромным замком, который по праву считали самым большим в Визидарии. И даже в людской Ирландии и Англии не было строения больше Дагхэда.

Но особо тешила самолюбие отца эта башня. Каждая её стена была длиною в 42 ярда. И вошедшие в арку успевали отвыкнуть от солнечного света, пока шли под башней. Маленьким Хьюго любил смотреть на выходящих из неё — они все, как один, шурились, прикрывая глаза руками. И выглядели одинаково беззащитными.

Сейчас с башни открывался почти тот же вид, что и четыреста лет назад. Только сумрачный. Всё та же река Счастливая несла свои воды мимо Дагхэда, всё так же она делала петлю вокруг холма, но уже много сотен лет по ней не спускались лодки. А ведь где-то там, вверх по течению, река несла свои воды через Медикат. Что с ним сейчас? Взглянуть бы хоть одним глазком! Как же Хьюго любил этот город! Больше всех визидарцев любил. Интересно, улицы Медиката так же хороши, как и раньше? Стоит ли Дом Десяти Колоколен? Есть ли до сих пор Сад Сладостей? А улица Королевских Бурозубок? На первый взгляд она выглядела обычной: наверху жили визидары. Но если опустить вниз глаза: ах! Это было забавным! По низу домов шла другая улица с маленькими квартирками, магазинчиками, портняжными мастерскими, в которые можно было заглянуть, разве что только сильно пригнувшись. Там жили визидары-бурозубки. Это был самый крошечный род визидаров. Говорят, как-то семейство бурозубок свалилось в котёл ремесленной мастерской, когда там придумывали рецепт Капель Мудрости для тех визидаров, кто к старости ослаб умом. От тех самых искупавшихся в каплях бурозубок и пошла эта удивительная ветка визидаров. Они ещё очень походили на животных, но были разумны. Королевские Бурозубки ходили в одежде, разговаривали, учились и занимались ремеслом. Например, лучшие пуговицы в Медикате можно было купить только у них, как и самые тончайшие кружева. А ещё маленькому Хьюго нравились сахарные булочки с ноготь величиной из бурозубочной булочной. В каждой такой булочке было нежное сырное облачко. Их можно забрасывать в рот сразу целой жменью.

В своих мечтах о новом, правильном, его личном мироустройстве жизни визидаров, Хьюго всегда шадил бурозубок. Других разрывал в клочья, оставляя только тех, кто бы обслуживал и подчинялся. А бурозубок не трогал. Во-первых, именно их создание и натолкнуло Хьюго на запрещённые опыты с животными. А, во-вторых, от бурозубок была польза и забавное развлечение. Будь у Хьюго власть, он обязательно издал бы указ бурозубкам жить в специальном загоне, и с удовольствием наблюдал бы за их жизнью. Это был бы его личный маленький народец.

...От воспоминаний Хьюго отвлёк крупный головастель. Он внезапно вынырнул из-за башни и чуть не задел крылом лицо Хармуса. От неожиданности Хьюго отпрянул, а потом стал наблюдать за его полётом. Головастель взмыл выше и полетел к Чёрным горам.

Сначала головастель полетел направо, туда, где вершины, щерясь острыми пиками, резко обрывались в море. Там, у их подножия, находился Забытый лес. Головастель покружил над ним, а потом полетел направо. Он резко гортанно крикнул и нырнул в подхвативший его поток воздуха, который унёс головастеля в узкое ущелье, разрезавшее горы сверху до низу, будто они в том месте треснули и расступились. Там, в другом конце горного пролома начиналась основная Визидария.

Хьюго прищурился, стараясь разглядеть расщелину, которую отсюда почти не было видно. Только самый её край. Ничего. Чернота. А ведь когда то там кипела жизнь. Через горную цепь в узком каньоне проложила себе дорогу Счастливая река. Там, в этом ущелье, зажатый со всех сторон, цепляясь за скалы над рекой, и находился удивительный город Чудотворцев.

Город- граница, город-рынок, где когда-то собрались самые искусные торговцы.

Город Чудотворцев был не самым крупным, но важным стратегически. Через него шли все известные земные пути в Визидарию.

С этой стороны гор был тихие холмистые земли, на которых располагался замок Дагхэд. Семья Хармусов выкупила их когда-то их из-за удобного положения и, конечно, из-за плодородных земель. И всё пространство, которое сейчас можно было оглядеть с уцелевшей башни до самого ущелья, принадлежало им. Климат здесь был более прохладным и сырым, чем в долине Сиреневых ветров: воздух приходил с моря и, задерживаясь на горах, осенью осыпался на Дагхэд и окрестные деревушки беспросветными дождями, а весной оседал туманами. Эти

земли визидары издавна называли Медовыми холмами. Потому что здесь были самые сочные травы и самый сладкий мёд. А ещё, именно здесь, проводили Медовый праздник сладостей.

Тогда и город Чудотворцев, и окрестные сёла, наводняли жители Визидарии.

Сам город Чудотворцев прилип к ущелью чудными круглыми домишками. Словно кто-то взбил пену, и пузыри разных размеров выросли на скалах, тесня друг друга и взбираясь повыше. Внизу ущелья шумела река, а над ней, соединяя две части города, на разных уровнях, повисли сотни мостов, один другого занятней. Это был вертикальный город-лабиринт, в котором только местные жители могли разобраться в переплетении улиц и разномастных лестниц. И приезжие гости порой могли плутать битый час в поисках нужного дома, когда он просто был над ними.

Но и поглазеть здесь было на что. В вертикальном городе были сотни лавочек, в которых чего только не найдёшь! Чудотворцы были прекрасными торговцами, и каждый старался украсить свою лавку пооригинальнее. В молочной лавке «Сливочные пузыри» продавали разноцветное молоко разных животных, но, конечно, дети тянули сюда родителей за воздушным мороженым. Его продавали в виде сливочных облачков на верёвочке, и можно было заказать любой вкус снежинок: хоть шоколадные, хоть радужные, хоть разноцветное фиалковое ассорти. Хьюго даже сейчас, через четыреста лет, ощутил их вкус на языке. Снежинки падали из облачков так медленно, что даже малыши успевали поймать их ртом. А сама лавка представляла из себя большой раздутый пузырьзелёного стекла. По вечерам, когда в лавке зажигали свет, она светилась изнутри, и сквозь мутные стены было интересно наблюдать, кто что покупает.

В лавке-пузыре в виде большой белой овцы «Тёплая сказочка тётушки Мирь», можно было купить кафтанчики, рукавицы, кофты-самогрейки из шерсти синих овечек, в которых никогда не замёрзнешь. Больше всех их любили покупать визидары-тролли с севера. Вечно они топтались у этого магазина, воняя вялым мясом.

Один магазин напоминал гранёный алмаз, даже ступеньки у него были из горного хрусталя. Его украшала сверкающая вывеска «Сегодня или никогда». Туда ходили за драгоценностями. Хьюго как-то был там с матерью. Сирия Хармус купила брошь-хамелеон — та меняла окраску в зависимости от настроения хозяйки. Многие модницы ходили в серёжках из этого магазина: особым спросом пользовались многоярусные фонтанчики капелек, сверкавшие в ушах бриллиантовыми потоками, и жемчужные карусельки — эти серьги, переливаясь под мелодичную музыку, крутились вокруг своей оси. Девушки любили прекрасные бабочки-серьги из аметистов, трепетавшие крыльями. Девочки же выбирали украшения почудней. Для них здесь была целая детская витрина серёжек и подвесок: в маленьких клетках качались поющие птички, рубиновые божьи коровки махали крыльшками, на тоненьких пластинах лунного камня оживали картинки: на одних плыл кораблик, на других распускались цветы.

Но из всех лавок, Хьюго больше всего любил ходить в маленький пиратский магазинчик розыгрышей «Кошелёк и жизнь». По форме эта лавка напоминала шхуну, украшенную пушками и пиратскими флагами с двумя скелетами у входа. Сколько же Хьюго там всего купил, чтобы всласть посмеяться над одноклассниками! И умертвляющие пирожки, которые на час делали съевшего похожим на разложившийся труп. И чудесные сопливые леденцы — по вкусу то они были мятными, но у проглотившего такой леденец в самый неподходящий момент из носа раздувались пузыри из соплей. Особенно их было смешно наблюдать у девчонок, выступающих перед классом — обхохочешься! Она волнуется, что-то лопочет, и тут вдруг огромные жёлтые сопли! А чего стоили ослепляющие репейники! Однажды один такой репей Хьюго незаметно прицепил на одежду вредной старухе миссис Грин — учительнице естествознания. Она, как и ожидалось, на секунду ослепла и скувырнулась с лестницы, при всей школе сверкнув кружевными панталонами. Вот была потеха! А Зеркальная пена? Хлебнёшь её и человек, которого встретишь, вдруг увидит в твоём лице сам себя, но только словно в кривом зеркале. Ну и морды были тогда у одноклассников! Да что там одноклассники — слуги в замке в обморок падали. Поэтому в своё время Хьюго скупил все запасы Зеркальной пены в пиратском магазинчике. Кажется, они до сих пор пылились в одном из подвалов. Да, «Кошелёк или жизнь» был набит ценностями...

Хьюго вздохнул, вспоминая. Он вглядывался в ущелье, которое медленно заволакивал туман. И сейчас в дымке казалось, что город Чудотворцев такой как и раньше. Но Хьюго за последнее столетие там был не раз: много домов развалилось и упало вниз, мосты почти все были разрушены. Сырость, запустение и разруха — вот что представлял сейчас из себя город Чудотворцев.

А когда-то внизу, у самой реки в городе меж скал начинались зелёные заливные поля. И там, в последних числах лета, в самую жаркую и сухую пору, как раз перед началом занятий в школе, начиналась подготовка к Медовому празднику. Это заставляло всех детей Визидарии не так грустить о наступающей поре уроков и заданий. Праздник подслащивал им последние деньки летних каникул.

Сюда, в город Чудотворцев в это время съезжались все, кто мог. Те, кто был побогаче, селились в многочисленных гостевых домиках горного городка. Это было удивительно интересно: по узким мощёным улочкам взбираться до высоты птичьего полета и устраиваться в домишках из камней и глины с черепичными крышами,

похожих на ласточкины гнёзда. К одним домам приделывали балкончики, рядом с другими хозяева умудрялись даже разбить маленькие садики. Только в городе Чудотворцев, карабаясь по скалам, росли лианы ягодника. Его ствол плотно облепляли овальные ребристые плоды. По их цвету легко было определить, зрелые они или нет. Если плоды были бледно-розовыми, то их сердцевина выглядела навряде мокрого свалывшегося комка кошачьей шерсти и пахла тухлятиной. Зато, если сорвёшь лиловый, внутри тебя ждала сочная волокнистая пена, напоминавшая по вкусу сливочный бисквит. Но теперь из-за мглы, почти весь ягодник погиб. И это сделали визидарцы-ремесленники!

На скулах Хьюго заходили желваки.

...Однажды восьмилетний Хьюго уговорил отца снять на праздники в городе Чудотворцев жильё. На всю Медовую неделю Джеймс Итон Хармус выкупил целую небольшую улочку на огромной высоте, но всё равно через сутки уехал ночевать в Дагхэд — не смог жить «в этом балагане нищеть». Зато Хьюго оставшись с матерью, славноотдохнул, хоть сначала одному на пустой улице было скучновато. Но он быстро нашёл, где находились лестницы, и стал убежать играть вниз, к другим детям.

А по вечерам из окон было забавно наблюдать за полётом чёрных головастелей. У них был яркий вытянутый красно-жёлтый хвост в виде большой пушистой плоской стрелки, которым они ловко лавировали между выступов и домов, а вместо крыльев — чернильные перепонки. Можно было перевеситься через подоконник и смотреть на шумящую далеко внизу реку Счастливую. Или следить за жизнью визидарцев в домах на противоположной стороне ущелья. Здесь, на улице, где Хармусы снимали жильё, до противоположной стороны было далеко. Но в некоторых местах города фасады домов на разных сторонах сильно сближались меж собой. Например, Аметистовая улица и Вонючий переулок были настолько близко, что когда в лавках переулка чистили и жарили рыбу, сизый дым от неё легко преодолевал два ядра и оседал в спальнях жителей Аметистовой улицы.

А между Зеркальными улицами, которые располагались напротив друг друга и ужасно походили, было яров тридцать-тридцать пять. Между ними кто-то натянул целую сеть из верёвочных лестниц и канатов, и молодые парни лазили по ним над ущельём, показывая свою отвагу. Они называли это Беличьи тропы. Как же ловко там прыгали молодые! Они устраивали целые шуточные побоища, пытаясь сшибить друг с друга шапки. Делали кульбиты, крутили сальто.

Когда Хьюго увидел игры на Беличьих тропах впервые, то сразу захотел взглянуть на это поближе. Он вылез в окно, по крышам добрался до верёвочного аттракциона, но с огорчением увидел, что ниже лиан натянута сетка. А он то думал, что если посидеть здесь, среди плазующей малышни, то можно будет дожидаться, чтобы кто-нибудь упал и разбился.

Но детей к таким играм всё-равно не допускали. Зато у них были свои. У Беличьих троп Хьюго познакомился с мальчиками, чуть младше себя, приехавшими из разных районов долины. Эту разношёрстную компанию он сразу же впечатлил богатством, умом и ловкостью.

Помнится, новые знакомые очень боялись лекаря и рассказывали про его лавку небылицы. И когда Хьюго рассмеялся над их глупыми рассказами, они отвели его к белому домику, отделанному изразцовой плиткой, над входом которого красовалось: «Аптека». Мальчишки внутрь не пошли, а Хьюго, хоть и струсил, но решил не унижаться перед этими дурачками, открыл дверь и зашёл.

Там, в глубине старой лавки, всё было уставлено цветными пузырьками и порошками. Что-то булькало, шипело, в банках кто-то шевелился, а по стенам висели сушённые лекарственные ингредиенты. Чего тут только не было! Наколотые на ветки плоды Вывиока, смахивали на моргающие кошачьи глаза. Стебли Гигантской Монстры, сложенные в чанах, были точь-в-точь как раздутые пенящиеся кишки. Над ними висели грибы Слюнявника, которые напоминали покрытые слизью высушенные пальцы. Рядом шевелились пучки шерсти марула, похожие на лапы пауков. Страшнее всего выглядела сухая кожа Человечника — животного из леса, напоминавшего крупного лысого зайца без ушей. Обычно они передвигались прыжками, но когда сильно пугались, подскакивали и убегали на двух лапах. В такой момент издали их, действительно, можно было принять за маленького человечка. По весне Человечники сбрасывали кожу, а лекари собирали её. Если эту кожу сначала высушить, а потом замочить, то вода от неё становилась тёмно-синей, пахнущей чернилами. Такие ванны лечили от подагры.

Хьюго купил такую кожу. Когда он вышел на улицу, подошёл к толпе ожидавших его друзей, то неожиданно вытащил её из-за спины и бросил на самого маленького четырёхлетку, хромоногую визидарца. Все разбежались. А Хромоножка, до этого и так раздражавший тем, что в момент волнения начинал заикаться, сейчас по-идиотски расплакался. Он упал, выбив себе камнем зуб, и его залило изумрудной кровью. Глаза Хромоножки от страха смешно выкатились из орбит, он забавно хватал воздух ртом. Хромоножка так и не смог успокоиться, убрался домой и больше не появлялся. Ну и правильно, такая трусливая малышня им в компании была не нужна.

...Да, тогда Хьюго целые дни напролёт играл с этими мальчишками, и порой мать не могла его загнать пообедать. Он со своей бандой носился по лестницам и мосткам города, лавируя между прохожими, сшибая палками висящее бельё, скидывая с высоты горшки с цветами — так они играли в ремесленников. Или ребята делились на команды и, прячась, выслеживали друг друга, стреляя в противников из луков кошачьими стрелами.

Они назывались кошачьими, потому что заканчивались не остриём, а мохнатой кисточкой. Касаясь тела, кисть расплющивалась и прилипала — попробуй, отдери её! Замучаешься. Самые неудачливые после игры так были облеплены стрелами, что напоминали оштинившихся ежей. Некоторые пытались их отмочить в питьевых фонтанчиках, но где там... Только после хорошего горячего душа кошачьи стрелы отпадали от кожи, оставляя за собой синяки.

...В Медовую неделю, те, кто из приезжих был победнее — разбивали шатры и палатки на полях семьи Хармусов. Хьюго любил побродить среди палаток простолюдинов. Здесь было интересно. Но особенно Хьюго удивляло, что бедные живут довольно весело, могут угостить чем-то вкусным. Щедрый и добрый. Если бы он был бедным, то, наверное, не был бы таким ласковым, думал Хьюго. А ещё ему нравилось наблюдать, как в полях визидады сооружали Медовые дома желаний — огромные сооружения из соломы и досок. В последний день праздника их пропитывали волшебными составами и поджигали. И тогда вверх неслись огромные столпы цветных искр, и высоко в небе распускались цветы. Визидады делали ставки, чей Медовый дом вспыхнет ярче и сильнее. Отгадаешь — твоё желание сбудется! Правда, Хьюго никогда не угадывал — обычно он ставил на самый большой, и всегда выигрывал какой-нибудь с виду неказистый и неприметный.

В Медовую неделю у реки выставляли разноцветные шатры, лавки, временные магазинчики, в которых продавались сласти. Чего тут только не было! Особенно много сладких овощей, фруктов и ягод. Взрослые любили сладкие ромовые вишни, сплетённые в косички. А дети — бисквитные персики, обсыпанные корицей с миндалём и марципаном внутри, которые сами прыгали в рот — только открывай пошире. Из шоколадных овощей Хьюго больше всего любил огурчики с нугой — кусаешь его хрустящую глазированную корочку, а на языке лопаются шарики сладкой начинки. В разноцветных куляках продавали невидимые маленькие арбузики и дыни наполненные земляничной и грушевой пастилой. Знаете, как их есть? Аккуратно лезешь рукой в кулёк. И как только нащупаешь невидимую конфету, хватай и тут же облизывай! И она заискрится, проявится. Правда потом у тебя окрасится и засветится язык. Открываешь рот — а оттуда столп света.

Или дутая карамель. Та ещё забава! Купишь у торговца цветное яичко, которое долго выбираешь из корзины — хочется же получить чего-нибудь пострашнее, да побольше, чтобы все глазающие, отпрянули и ахнули. Хлопнешь этим яйцом тут же об прилавок, и из него вырастает какая-нибудь ящерица или саламандра. Однажды Хьюго повезло, и у него из маленького жёлтого яичка выросла большая шипящая змея. Да такая реалистичная, что пока она, покачиваясь, застыла в его руке, стоявшая рядом компания детей, увидев змею, разоралась, уронив только что открытую ими коробку, полную копошащихся сладких червячков и гусениц, которые мгновенно расползлись, оставив малышку с носом.

...А поющие сахарные розочки на фисташковых маффинах — её откусываешь, а она издаёт ноту?! А полупрозрачные рыбки их фиалкового желе, которые плавали в аквариумах с сиропами, и их разрешали поймать на крючок самим?! А светящийся гранатовый рахат-лукум, который интереснее всего было есть в потёмках?! Всех сластей и не припомнишь!

Мать обычно покупала Хьюго самый большой набор печенья «Гербарий». Это была огромная жестяная коробка с рисунком букета, наполненная стопками шоколадных, марципановых, клубничных листиков и цветов разной конфигурации. От настоящих и не отличишь! Из этого набора Хьюго больше всего нравились одуванчики из сахарной ваты на мятной шоколадной ножке. И тёмное ореховое печенье в виде каштана с тягучей серединкой, украшенного тоненьким резным листком. Такие орешки мгновенно таяли во рту, оставляя изысканное послевкусие. Хьюго сглотнул, вспоминая. И, глядя в серую мглу, простирающуюся до самого горизонта, опять разозлился.

Когда-то за городом Чудотворцев начинались вересковые пустоши. Именно из-за них долину назвали Сиреновой. Сейчас это было царство блёклого тумана, над которым носился ветер и рвал его на части. Хьюго сжал кулаки и ударил по краю башни, отчего пару камней оторвались и, стуча об стены, полетели вниз.

Он никогда не желал плохого! И не думал разрушать эту прекрасную вселенную. Он всего лишь хотел, чтобы визидады любили его. Чтобы признали и чттили. Признали его силу, мощь, чттили его ум. Дрянные визидады. Что же они наделали? Они разозлили его. Вывели из себя, заставили напасть и разрушить мир, который он тоже, между прочим, любил. Любил больше их всех, потому что лучше всех из них его понимал. Только он тоньше всех чувствовал красоту Сиреновой долины, ценность этой земли и тонкие грани бриллианта под названием Медикат. Он единственный видел, что и где надо было подправить в этом мире. И недоумевал: отчего элементарных вещей не видят окружающие? Например, почему визидады-тролли могли ходить по городу в своей обычной одежде: в эти их противных широких полосатых штанах и воняющих кафтанчиках? Они портили собой изумительную внешнюю картину, оскорбляли своим видом. Как этого не замечали другие?! Или эти дурацкие визидады-эльфы, жители севера, что за идиотская любовь носить на себе вонючие шкуры и дурацкие шапки, сшитые из заячьих лапок?! Уродские шапки.

Хьюго был настолько гениален, что единственный понял, что раз визидады пошли от людей и чудовищ, надо было самим остановить этот процесс развития. Кому было нужно такое разнообразие? И как они все могли быть

равны? Естественно, что никак. Ведь ясно было, что венцом творения был единственный вид визидаров — таких, как его род. А остальные? Они были уродцами и высшие силы создали их лишь для одного. Их нельзя было брать ни в школу, ни тем более в ремесленники. Они могли лишь обслуживать. Обслуживать и поклоняться.

В этот момент Хьюго снова вспомнил школу и экзамены... Как бесчувственные толстокожие окружающие не видели несправедливости всего, что происходит с ним двенадцатилетним? Хьюго поражался себе в детстве: какая же у него душа — тонкая, ранимая, словно бриллиантовая былинка. А все эти визидары вокруг чего-то там переживали из-за каких-то несущественных мелочей, не замечая его внутренних страданий. Что были их тупые проблемы по сравнению с его ежесекундной душевной болью из-за того, что Хьюго не признан ими, и этим бесконечно унижен?! Он воскрешал в памяти знакомые лица, и не мог припомнить никого, кто по-настоящему ценил бы его. Родители? Учителя? Одноклассники? Нет, каждый из них, вступая в диалог, хоть единожды, да перебивал, делал замечания или чему-то пытался научить. Его! Когда он был умнее их всех. Глупцы! Познав его, они должны были бы застыть в почтении и слушать сами, закрыв поганые рты.

Как же его бесила школа! Особенно эти темнокожие дылды, которые пошли от рода русалок. Только что ростом вышли. А их кожа? Нет, их кожа совсем не шла ни их городу, ни всей долине. Их надо было бы уничтожить. Всех. Или отправить в каменоломни. Он бы вообще отправлял туда всех, кого не считал красивым. А для слуг сделал бы отдельные улицы и маршруты, чтобы не видеть их лиц.

Хьюго вспомнил, как чествовали одного из мальчиков из соседнего класса — темнокожего Тафари То. Он лучше всех сдал экзамены и председатель отдела образования, Свон Тролль, противный низенький, с коричневой пупырчатой кожей, еле дотянулся до головы Тафари, чтобы надеть ему вшивую медальку за отличную учёбу. И похвалил этого дурака. А тот премеерзко улыбался, и так хотелось дать ему по морде. Хьюго стиснул зубы от злости...

Поэтому чуть позже, через пару лет, малумы получили приказ уничтожить семью Тафари одной из первых. С его дома-Змеи начался Великий погром.

Если бы только Свон Тролль сделал Хьюго ремесленником, он был бы самым лучшим из них. Визидария бы ахнула от такого мастера. Возможно, жители сразу же выбрали бы его, Хьюго, в Совет Визидаров, вместо этого осла Гослинга.

И Хьюго, переполненный злыми мыслями, начал спускаться в подвалы Дагхэда.

По дороге он встретил Алаун. В последнее время она его очень радовала, казалось, стало происходить то чего он ждал от девушки почти четырёхста лет: её сердце стало оттаивать. А как иначе понимать то, что как только началась кампания против ремесленников, она сама вызывалась помогать в дежурстве над Глазом Дракона? Хотя раньше его боялась? Хьюго не хотел пропустить ни минуты, когда око показывало путь сбивавшихся в стаю визидаров. И он был счастлив, что Алаун практически денно и ночью сидела над Всевидящим глазом.

Однако то ли глаз стал показывать меньше, то ли Алаун безумно не везло, но она практически ничего не видела и не записывала в специальный дневник, куда они заносили всё, что могли узнать о визидарах-ремесленниках. Вот и сейчас она отрицательно качнула головой и отдала Хьюго Всевидящее око.

Зайдя в мастерскую, Хьюго пнул первый попавшийся ему на пути предмет. Это был Тим. Тот взвыл и отскочил:

— Не стой на проходе, — поучил его Хьюго, а потом обратился к профессору, — готовы к заседанию?

— Да-да, конечно, — поспешно вскочил Джейкоб, отодвигая тетрадь, в которой делал записи.

— Тогда сейчас же собираемся в моём кабинете.

Через десять минут началось собрание. Во главе вытянутого стола восседал сам Хозяин. Рядом примостился Джейкоб с Тимом. По бокам сидели выбранные профессором консунты.

Выглядели они странной пугающей кучей то ли людей, то ли живых тряпичных кукол, но объединяло их одно: было видно, что Хьюго не заботился о том, как их создаёт. Их швы были кривыми и неровными, кожа, неаккуратно соединённая, кое-где морщинилась из — за чего симметрия лиц была нарушена: у кого-то чуть съехал в сторону глаз, у других перекосило рот или уши оказались на разной высоте. Но Хьюго это совершенно не заботило. В кругу консунтов он всегда чувствовал себя могущественным, создателем, как он любил себя называть. Хозяин ещё раз окинул взглядом тех, кого за этим столом собрал профессор.

Круглолицего коротышку в мастерской все звали Пузырь, дальше шёл Дылда-Дыра (он действительно был высокого роста и вечно дырявой одежде), поодаль сидела Квашня — так прозвали консунтшу с перкошенным ртом, за большую копну блёклых волос, собранных в пучок, разлезающих в разные стороны. На углу стола пристроился Малыш — огромный тюфякообразный консунт, которого Хьюго собрал ради шутки из самых больших частей. Единственное, чего не любил Хьюго, так это то, чтобы консунты были выше его. Но Малыш оказался исключением. И пусть он был малоподвижным, неторопливым, как слон, но очень умным. Говорил Малыш очень медленно, но всегда по делу.

Профессор, волнуясь, представил Хозяину всех сидящих.

— Они точно надёжные? — спросил Хьюго.

— Да, — кивнул Джейкоб, — самые умные из всех консунтов работающих в ремесленных подвалах.

Хьюго вздохнул, оглядел тех, на кого собирался возложить самую главную миссию своей жизни и приглушённо начал говорить.

Консунты никогда не видели его в таком состоянии. Обычно, когда Хозяин выступал, он был сердит, его взгляд был мутен, тонкие губы зло сжимались, а движения длинных нервных пальцев становились порывистыми и резкими. Но сегодня Хьюго был собран и сконцентрирован. Взор его серых глаз был ясен и тих. И отчего-то именно из-за этого спокойствия, Хьюго Хармус сейчас был смертельно страшен, потому что абсолютно непонятен консунтам. Все напряглись. Чувствовалось, что Хозяин в эту самую минуту делает самый серьёзный и важный выбор в своей жизни. Выбор, от которого зависел и их мир.

— Ремесленники собрались почти все, — сказал Хьюго в абсолютной тишине, ни на кого не глядя, — те ауксилы и, что самое важное, толы, которые остались на Земле, находятся у них. В своё время я ставил перед вами задачу найти способы и средства пробить туманную стену в Визидарию. Но вы с ней не справились. И преграда до сих пор не даёт нам попасть в основную часть долины...

Тут Хьюго сделал паузу, и на его щеках выступили нервные пятна. Он вспомнил недавние размышления на башне. Неожиданно для консунтов, Хьюго прошептал:

— Вы не представляете, как я скучаю по Медикату...

Хозяин вцепился в край стола так, что костяшки его пальцев побелели:

— Что они сделали с ним? — его голос был тих и страшен, — с ним и с моей любимой долиной?

— Но, Хозяин, — робко заговорил Тим, — мы старались... но тех ауксиллов, которые есть у нас, явно не хватает, чтобы создать нечто существенное, что пробило бы стену. Ведь мы даже не можем понять, как она действует, туманная стена же неосвязаема. Голов почти нет, ауксиллы по большей части бесполезные.

— Ты прав, — спокойно согласился Хьюго с Тимом, и от непривычной реакции парень вжал голову в плечи.

А Хозяин окинул взглядом стены своего кабинета. Здесь и в соседней комнате, куда ни посмотри, были полки, забитые разными предметами: ауксилами, которые когда-то они собрали по разрушенным домам и окрестным фермам. И неработающими волшебными палочками — здесь их были целые горы — поломанных и целых, но совершенно бесполезных.

После роковой ошибки в Ужасной битве, когда Хьюго не ожидал, что получит быстрый и мощный отпор от мирных и, по большей части глупых визидаров, он остался без того, о чём страстно мечтал. Хьюго рассчитывал, что внезапно напав и обезоружив самых опасных и сильных из ремесленников, он тут же приобретёт влияние над всей долиной, захватит мастерские и объявит себя единственной властью. В его воле и подчинении было бы всё. Все многочисленные толы и ауксиллы.

— Да уж, инструментов у нас немного, — опять вздохнул Хозяин.

И даже те ауксиллы, что он сейчас лицезрел, собирались по круплицам! Сначала консунты бесконечно злили его, принося всякий хлам — всё, что им казалось необычным, они тащили сюда, и мастерская быстро заполнилась горами рухляди. Чего здесь только не было! В одну кучу было свалено: странные стулья, ночные горшки, необычные лампы, вставные челюсти, чучело лебедя, тумбочки, шкафы... Все находки, которые консунтов удивили в домах визидаров, оказывались здесь. А толку от них не оказывалось никакого...

У Хьюго уходило немыслимое количество сил и времени объяснить консунтам простые вещи: что ауксиллы не всегда выглядят странно, как раз чаще всего они похожи на обычные предметы, только на них всегда где-то стоит печать визидаров. И, если предмет рассмотреть повнимательнее, обычно находилась коротенькая инструкция или заклинание, которое его заводило. Но постепенно тупые консунты разобрались, и дело пошло. Они проверили каждый дом в разрушенном городе Чудотворцев, прошерстили всю округу в поисках ауксиллов до невидимых границ, которые они тщетно пытались разрушить.

Хозяин опять оглядел полки.

— Эти ауксиллы — барахло. Куча совершенно ненужных вещей, — сказал он, подойдя к ближайшему шкафу, — бесполезной дребедени вроде вот этой неразливающейся кружки... Цветок в горшке, который не надо поливать... Вечный колокольчик — на кой нам вечный колокольчик, который трезвонит каждый час? Тупой ауксил.

И как назло, именно в эту минуту колокольчик приподнялся в воздухе и издевательски затрепыхал, издавая мелодичный звон. Хьюго накрыл его ладонью.

— Разные бывают ситуации. Зачем-то он кому-то был ну... — сказал профессор, но Хьюго остановил его одним взглядом.

— Но я знаю, что ответ где-то рядом, — продолжил Хозяин, — и вы должны его найти. У нас один счастливый шанс. Добыча сама идёт к нам в руки. Вам нужно придумать ловушку. Чтобы с ремесленниками было покончено раз и навсегда. В долину они войдут только здесь, ибо в Визидарию можно попасть лишь через город Чудотворцев. Вы поняли? С этой минуты не есть, не спать, работать, придумывая план.

Все молчали. Хьюго подошёл к Малышу, взял его за нос и приблизил к себе.

— Вы поняли?! — повторил он в лоб Малышу. Тот замычал от ужаса, хотя был раза в два крупнее Хозяина.

— Да, — пугливо раздалось со всех сторон.

— Тогда вон отсюда. За работу! — отпихнул Хьюго консунта и вышел из кабинета.

«Да, бесконечно мало толков, — думал он, идя по коридору, — и даже тот, который должен быть моим по праву

— перстень Воли Сирии Хармус...где он?! Он так его и не нашёл, хотя единолично по камешкам разобрал то, что осталось от покоев матери.

Хьюго зашёл в комнату Алаун, но её там не было. Слуги сказали, что она ушла на кухню пить чай.

«Какие у неё всё же плебейские манеры, почему её вечно тянет к слугам?» — раздосадовано подумал Хьюго.

Но на кухню за Алаун не пошёл — свернул в зал.

А у девушки было отличное настроение. Она в последние дни часто напевала и была необычайно весела. Вот и сейчас, Алаун сидела на кухне и, глядя в чашку, сама себе улыбалась. Вокруг сновали поварихи, а Алаун заварила себе Чай Чувств и любовалась им.

Чай Чувств был одним из бесполезных ауксиллов, которые Хьюго терпеть не мог. Такие вещи его раздражали. Завариваешь его, и чайники, покругившись, складываются на дне чашки в любовные признания. Хьюго велел выкинуть этот чай, как только увидел. Но Алаун Чай Чувств сохранила, и вот теперь с удовольствием пила. Смотрела на дно чашки и ждала глупые надписи. Вот чайники покругили и сложились в слова: «Скоро тебя ждёт свидание с возлюбленным». Алаун, конечно же знала, что это простой фокус — чай всегда выдавал, общие фразы, которые хотела бы увидеть каждая девушка, но заулыбалась.

А растревоженный воспоминаниями Хьюго, психовал в зале. Ему вдруг стало здесь тесно. В этом подземелье, в этой жизни. Не такая она у него должна была быть. Он ходил по залу кругами, раздражаясь всё больше. Разве он должен был сейчас прятаться, как крыса в подвале?! В этих пыльных портьерах, дышать спёртым воздухом комнат, которые больше похожи на казиматы. За что это ему всё?! Омерзительные визидары. Нет, они будут в ногах вымаливать прощение за его погубленную жизнь. И он ещё не знает, скольких пощадит. Ведь он уже который век должен был жить не здесь... Память опять подкинула сцену из детства. Видимо, такой был сегодня у него день — Печальных воспоминаний...

Как-то гуляя по Медикату, маленький Хьюго выбрал себе будущий дом — один из особняков на Миндальной улице. Там, на берегу реки, стояли дома в виде животных. Здесь был Дом-краб и Дом-рыба, Дом-Бык и Дом-Курица. Но Хьюго нравился переливающийся Дом-Змея. Его построили в виде свернувшейся змеи, которая подняла голову. Покатая закруглённая крыша особняка была покрыта красивой черепицей, опалесцирующей на солнце от синего до красно-зелёного. В этом доме все окна были круглыми, кроме тех, которые располагались в башне-голове — там они были в виде двух больших — жёлто-зелёных глаз-вitraжей. Хьюго так хотел этот дом! Он стоял у забора и плакал, стуча кулачками, пока мать уговаривала его уйти. Позже ему сказали, что там живёт семья ремесленницы Атвы То. И змея — в их роду обозначала символ мудрости. Но для Хьюго змея была знаком силы и хитрости: подкрасться, вот так вот, кольцами сдавить жертву и придушить. Это была ещё одна причина убить семью ремесленников То.

Когда Хьюго отдал приказ и направил малумов на долину, он был уверен, что завтра или, в крайнем случае, послезавтра, будет стоять в башне Дома-Змеи и смотреть на Медикат через жёлто-зелёные окна. Так он думал... Отличный был план. Тщательно подготовленный, но...он не сработал. Хьюго захотелось кому-нибудь пожаловаться на судьбу. Рассказать о злом роке, обидах и визидарах, которые испохабили ему жизнь. Он это мог сделать только с одним живым существом. Самым близким. Единственным. Она была нужна ему срочно. Сейчас.

— Да где эта чертова дрянь Алаун?! — вдруг в нетерпении закричал он, и бледная Рейчел, которая подбрасывала дрова в камин, в страхе побросала поленья и со словами: «Сейчас найду её», пулей выскочила за портьеры.

Когда через десять минут, Алаун тихо зашла в зал, Хьюго кинулся к ней, не заметив румянца на её щеках и блеска в глазах. Он схватил девушку за хрупкое плечо и практически кинул в кресло:

— Послушай... Мне надо высказаться, выпить всё, что на душе. Я расскажу, чего ещё меня лишили эти животные, именующие себя визидарами...

И он стал рассказывать о видах с замковой стены, о Счастливой реке, о Медовом празднике, о городе Чудотворцев, о жизни в долине.

Хьюго разошёлся не на шутку, жестикулировал, вспоминая подробности. И даже когда в зал зашёл Малыш, чтобы что-то сказать, Хьюго, не прерываясь, рукой приказал ему молчать и ждать. А сам продолжил бурный монолог, перемежающийся жалобами на ненавистных ремесленников. Взгляд Алаун потух. Она сникла. Долго слушала его, не прерывая, но потом вдруг спросила:

— В долине прохладно, как же визидары выращивали такие чудные плоды и растили южные цветы? Они их видоизменяли своим волшебством, но ведь таким растениям всё равно нужен особый климат?

Хьюго нервно дёрнулся, из-за того, что она его перебила. Потом хмыкнул над её глупостью и объяснил:

— В лавках Медиката можно было найти столпы погоды. Нам такие были не нужны, а вот в долине они использовались повсеместно. Их придумал ремесленник Пинар, кажется. Столпы погоды представляли собой небольшие каменные глыбы. Их нагревали в печах мастерских до нужной температуры. И столпы держали её очень долгое время, накрыв пространство вокруг себя температурным куполом.

Мальш, который всё это время стоял, облокотившись у стены, вдруг ожил. Он шагнул к Хьюго, вытаращив глаза:

— Температурный купол...столпы погоды...

— Что с тобой?! — оторопел от такой наглости Хьюго.

— Хозяин, кажется, я знаю, как они сделали защитный купол. По-крайней мере, на основе какого волшебства.

Они чем-то поменяли энергию столпов погоды или, помните, вы рассказывали о Башне Силы? Которая заряжала волшебные палочки? А не кажется ли вам, что палочки не работают потому, что Башня Силы сейчас выполняет защитную функцию?

Хьюго задумался, почесал подбородок, дёрнул себя за прядь волос и пожевал их, что он делал только в моменты сильного волнения, а потом медленно сказал:

— Да. Я больше чем уверен, что ты прав. Да что там. Я уверен на сто процентов, что именно на основе этих столпов и Башни Силы и держится защитная стена. Теперь надо понять, как эту информацию использовать.

Хьюго поднял глаза на Алаун и произнёс:

— Сегодня определённо очень счастливый день!

Не может дурак стать умным, а немой — болтуном

Дом-корабль уже три часа, мелодично поскрипывая, плавно махал крыльями. Сначала визидарам было непривычно лететь — они прилипли к окнам и бурно обсуждали то, что видели под собой. Они с удивлением смотрели на изломанную полосу побережья, потом разглядывали проплывающие под ними островки. И только Стурла, спокойный и сосредоточенный, крутил штурвал, сверяясь с картой грифельной доски, на которой появлялся след проделанного ими пути. Гном даже стал что-то напевать, притоптывая ногой в такт. Песня была энергичной. Чувствовалась в ней мощь. Но пел он её на незнакомом языке. Пинар спросила его:

— Что ты поёшь?

— Боевую песню викингов, — прервался ненадолго Стурла и продолжил петь.

— Интересная песня, — кивнул Пинар, — о чём она?

Конечно Пинар не понимала смысла, ведь на ней одной не было переводного медальона, такого, как у других. И Бёрнис стала ей на ходу переводить то, что слышала:

— В песне Стурлы говорится о любви музыканта Виллемана и его девушки Магнхильд...

Но тут Стурла запел так громко, с азартом, что Бёрнис замолкла. И все слушали, пока Стурла в последний раз не притопнул ногой и не замолчал.

— Красивая песня, — сказала Пинар, — но я не пойму, почему она боевая? Хотя звучит вполне угрожающе. Но она же о любви.

Стурла, глядя вперёд, повернул штурвал и ответил ей:

— Музыкант Виллеман был влюблён в девушку Магнхильд и хотел на ней жениться. Но по пророчеству её посулили в жертву водяному троллю. Магнхильд плакала, а Виллеман пообещал ей, что построит мост через озеро, где жил водяной тролль. И тогда тот не сможет забрать девушку. Виллеман выполнил обещание. Но предсказание всё же свершилось: когда Магнхильд ехала к жениху, то соскользнула в воду и всё-таки досталась троллю. Тогда Виллеман взял свою арфу и пошёл на берег озера. И стал играть, как никогда в жизни. Струны рвались под его пальцами, но он играл и играл, пока тролль не выдержал и не отдал ему невесту.

Тут Стурла оглядел визидаров.

— Так знаете, почему эта песня боевая? — спросил он их.

Все отрицательно покачали головой.

— Потому что много раз герой мог остановиться. У него было большое количество оправданий не двигаться дальше и ничего не решать. Но он каждый раз переступал через препятствие и упрямо шёл дальше. Как настоящий викинг... Как визидары. Иногда в достижении цели нам остаётся только упорство.

Сказал, сурово сжал губы, свёл брови, качнул бородой и снова стал неторопливо крутить штурвал.

Через час все постепенно разошлись по делам.

Леонар присел разбираться в хаотичных записках своего дневника и делать новые пометки. Он считал своим долгом продолжать летопись визидарцев, и вот теперь, устроившись за пустующим столиком у окна, тщательно заносил в тетрадь, как визидары-ремесленники находили друг друга, как работали их толы, и все остальные приключения, которые они пережили.

Марио мутило — на него напала морская болезнь, и Пинар с Тафари готовили ему отвар. Итиро на металлическом столике разжег им груды камешков, и теперь они колдовали над кастрюлькой, сыпая туда нужные снадобья.

Бёрнис расчесывала Янмей волосы и заплетала их в косички, а Мэдлин спустилась вниз в одну из комнат, которые все, не заметив, вдруг стали именовать каютами, и задремала.

Итиро подошёл к Стурле и наблюдал, как тот, при подсказках куклы Мэй, ловко ведёт корабль.

— Как думаешь, долго нам лететь? — спросил он у гнома, когда тот отвлёкся.

— Вот уж не знаю, — пожал плечами Стурла, — Я даже не знаю, куда именно в Ирландии мы летим. Корабль нас ведёт сам. И где искать этого самого Питера Петрюссона?

— Давай я попробуем найти ответ у Мэй, — подошёл к ним Тафари.

Он обратился к кукле:

— Скажи, сколько точно в милях нам лететь? И куда?

Мэй хлопнула глазками и чётко ответила:

— Мы летим к Питеру Петрюссону..

— Да, это то мы знаем, — нетерпеливо махнул Стурла.

Но Мэй продолжала:

— Он живёт в деревне Маргун. Она находится от нас в 218-ти милях. Наша скорость примерно 12 миль в час.

Мэй закончила и закрыла глазки.

Тафари, задумался, делая подсчёты в голове:

— Ага, сказал он, — значит к Питеру мы прибудем примерно через... через 18 часов.

— Так у нас куча времени! — воскликнул Леонар, подавая стакан с отваром Марио, — надо бы всем как следует отдохнуть. Только условиться о дежурстве у штурвала.

Быстро составили очередность дежурства у руля. Через два часа пришёл срок вести корабль Тафари, потом Леонару, затем Итиро, после Марио — которому к тому времени стало заметно лучше. Но как бы ни гнали от штурвала Стурлу, он притащил сюда стул и всё-время ревниво следил, чтобы никто из дежурных не сбился с курса, искренне считая, что как только он уйдёт в каюту, то обязательно случится что-нибудь непоправимое. Наконец, под вечер, его уговорили пойти вниз поспать. Но только он лёг, началось дежурство Пинар. Она уж как-то резко с непривычки крутанула руль так, что корабль накренился и сделал сильный поворот в сторону. С полок и столов всё полетело на пол. Стурла скатился с кровати и только успел подумать, что предусмотрительные предки Пинар хорошо прикрутили её к полу, как тут же вскочил и полез в рубку.

От неожиданного крена, вся команда отлетела к задней стенке корабля. Стурла подпрыгивая и перекатываясь, хватаясь за выступы, добрался до висевшей на руле Пинар, отпихнул её, схватил штурвал и быстро вывернул судно на прежний маршрут. Больше Стурла никого не допускал рулить. Когда стемнело, Пинар, Янмей и девушки ушли вниз спать. Мужчины прикорнули здесь, в рубке: Марио и Тафари прямо на полу, а Леонар с Итиро на небольшой кушетке. Вскоре раздался разноголосый храп. Только иногда кто-нибудь из спящих поднимал голову и спрашивал Стурлу:

— Подменить?

Но гном, не поворачиваясь, отрицательно качал головой, тихо мурлыкая в бороду песни. За окном было темно. Лишь звёзды сверкали в чистом небе. Вскоре на горизонте зачернела неровная полоска суши. К ней и направлялся наш летучий дом. Было тихо. Лишь ровно гудел двигатель, поскрипывали крылья да чуть шумел, крутятся, флюгер.

Но неожиданно Мэй открыла глаза и пронзительным голосом закричала:

— Тревога! Тревога!!!

Все вскочили, но тут же повалились обратно: корабль сотряс удар.

Судно врезалось в гору. Оно сильно завалилось. Какое-то время корабль постоял, замерев, а потом быстро стал скатываться по склону, ломая деревья. Налетев на выступ скалы, дом подскочил и упал, развалившись на две большие части. В полной темноте из дымящихся обломков выбирались визидары. Меньшего всего пострадала Янмей — у неё всего лишь была прикушена губа. Мэдлин порезалась, Пинар вывихнула ногу, Леонар и Бёрнис получили ушибы, Тафари содрал кожу и его белая рубаха снова была в зелёных подтёках. Итиро сильно ударился головой.

Долго не могли найти Стурлу. От удара он потерял сознание, и его завалило обломками. Наконец, нашли, вытащили, нахлопали по щекам, и Стурла пришёл в себя. Одной рукой он схватился за шишку на лбу, а другой за грудь, и запричитал, задыхаясь:

— Я не знаю, как это случилось. Мы уже приблизились к земле. Я думал разбудить вас уже на месте... И. не заметил... как закрыл глаза....

— Ладно уж, — вздохнула, сев рядом, грязная Пинар. Она оттирала щёки Янмей от пыли, — но теперь придётся ждать утра. Нам надо собрать вещи — не оставлять же их здесь.

С подветренной стороны обломков, корабль опрокинул три сосны. Они накренились почти до земли, отгородив уголок, словно приглашая присесть. Здесь Итиро и разжёг костёр. Под ветками самой густой сосны устроили лежанку, Пинар достала из своей сумки мази, листья змеёвника и сделала раненым повязки. Леонар вытащил перчатку и отдал Пинар:

— Бери, раны других — это не так страшно, а вот твоя нога завтра может затруднить наши движения.

— Да, ты прав, — согласилась с ним женщина, привязала к ноге перчатку и продолжила перебинтовывать листьями змеёвника, грудь Стурлы.

Леонар обрадовано схватил трость, которую нашёл недалеко от крушения. Он оглядел её, убедился, что трость не повреждена, и они с Тафари пошли осмотреть местность, чтобы понять, где находятся.

Следопыт подсвечивал путь фонарём. Они только отошли за ближайšie кусты, как над ними сомкнулся густой лес. Но путники быстро заметили узкую, почти заросшую тропку. За их спиной высились горы, впереди была холмистая долина. Именно туда сбегала маленькая дорожка, которую они обнаружили. По ней визидары дошли до развилки. Средигустых елей, дорога раздваивалась и расширялась.

— Смотри, — качнул фонариком вперёд Тафари. Он указывал Леонару на столб с табличкой. Но отсюда не было видно, что там написано. Они подошли ближе.

На стволе старого дерева был прибит указатель со стрелкой, указывающей налево. На нём выведено: «Деревня Маргун, 1 миля». Тафари и Леонар переглянулись.

— Вот это везение, — обрадовался Леонар.

— Стурла не долетел совсем немного, — согласился с другом Тафари, — что же, это хорошее известие.

Возвращаемся в лагерь.

У костра никто не спал, кроме Янмей. Девочку укутали одеялом так, что торчал лишь носик, и она сладко сопела, пока взрослые обсуждали крушение. Тафари и Леонар вышли к поляне под причитания Стурлы:

— Я всех подвёл, всех подвёл...

— Успокойся, Стурла. Мы у самой деревни Маргун, — сказал Леонар, — от нас до неё одна миля. Так что главное сейчас восстановиться, отдохнуть и после собрать все вещи.

После таких новостей визидары повеселели. Они перекусили найденными в обломках припасами и даже успели поспать, привалившись, кто где, к деревьям. Только Стурла опять не мог спать, чувствуя себя виноватым. Он вытащил свой топорик, и тихо сопя себе под нос, ходил вокруг лагеря, вглядываясь в ночную мглу, пока она не стала проясняться.

С рассветом стал накрапывать мелкий дождь, который окончательно разбудил команду визидаров. Только над Янмей соорудили что-то вроде палатки, и она всё ещё сладко спала. Сначала посудачили о здоровье: смазали раны, поменяли повязки. Радовало, что от волшебных средств всем стало легче. И нога Пинар зажила. Убедившись, что лодыжка больше не ноет, она первая пошла к кораблю.

Сейчас развалины её дома выглядели угнетающе. Вздыхая, визидары лазили по руинам и собирали вещи. Пригодилась сумка Мэдлин в которую складывали всё, что хоть как-то могло пригодиться. Но искали прежде всего толы и ауксилы. Кажется, собрали всё, кроме куклы Мэй и шлема Стурлы, слетевшего с него, когда корабль падал.

Перерыли, казалось, всё, что могли. Нашли даже каминные плитки с медными буквами. Они оказались в целости и сохранности. Увидев их, Пинар совсем повеселела.

— Их же можно прикрепить где угодно и эти плиточки будут воскрешать любого из рода фениксов! — протирая их локтем, напомнила повеселевшая Пинар.

Она убрала таблички в ведьмину сумку. А вот мамин платок был порван в лоскуты. Пинар взяла самый большой его фрагмент, чтобы оставить себе на память.

— Ну, уж и не знаю, где эта кукла? Не отзывается, хоть и зовём. И, Стурла, где искать твой шлем? — размышлял Тафари, присев на обломок. — Может, он скатился и лежит где-нибудь под кустом?

— Почти так и есть, — звонко сказала Янмей, потягиваясь, — шлем Стурлы вон на той сосне. Его утащили белки. А Мэй завалило, и кукла находится под кучей мусора, прикрытая красной шторой из гостиной.

По подсказкам Янмей Итиро быстро отыскал куклу.

А Стурла бурча под нос: «Да что же это такое и когда закончится», полез на сосну. Слышно было оттуда, как он ругается с белкой. Рыжий зверёк не уступал Стурле его шлем и норовил укунить за палец. Вниз падали ветки, слышались крики, наконец, спор прекратился и довольный Стурла слез в шлеме.

— Ты на неё не сердись, — погладила его по плечу Янмей. — Ей твой шлем очень понравился... Совсем скоро люди сюда привезут других белок. И этим житья не будет. Так что пусть пока веселятся.

— Ты так хорошо видишь некоторые вещи, — подошла к ним Бёрнис, — а что будет с нами, с визидарами, предскажи.

— Мы свою историю делаем сами. Прямо сейчас, — сказала Янмей. — И нам нужно поспешить, миссис Фуамнак уже варит завтрак.

— Какая Фуамнак? — спросила Пинар.

— Обыкновенная. Скоро с ней увидимся, — пожалала плечиками Янмей, потом добавила, — кушать хочу.

— Вот бы ты всё время предсказывала, Янмей, — засмеялась Мэдлин, протягивая девочке кусок хлеба с сыром.

— Не могу. Иногда видится такая мелкая глупость, когда большого впереди не замечаю, — серьёзно сказала Янмей и откусила бутерброд.

Через час команда была готова. Пинар ещё раз подошла к обломкам дома, погладила гладкий бок развалин, успокоила себя тем, что в конце концов, они знают, где находятся корабль и смогут, если что к нему вернуться. И повернулась к остальным.

Визидары начали спуск с горы к той самой развилке, которую ночью нашли Леонар и Тафари. Дождь прекратил капать. Ветер разорвал сырые облака на тысячи мелких кусочков и разметал по небу. Теперь иногда сквозь них просвечивали скудные лучи холодного солнца. Лесок закончился быстро, и перед ними предстала холмистая долина. Казалось, будто над огромной кроватью неведомая хозяйка встряхнула лоскутное одеяло, состоящее из кусочков всех цветов жёлтого и зелёного. И оно, встопорщившись волнами, легло на мягкую перину.

За зелёно-жёлтыми квадратиками начиналось море. По всему этому простору неслись тени от набегавших на солнце тучек.

— Я думаю, нам туда, — указал Леонар тростью вниз, где виднелись группа домишек.

Над их крышами вился дымок. Оттуда раздавался лай кукареканье. У Леонара же на лице отразилось большое волнение. Он положил руку на грудь и сказал:

— Друзья, совсем скоро замкнётся важнейшая цепь визидаров. Мы увидим последнего из нас. Узнаем

ходит, повторяет за старшеклассниками, как они книжонкито листают и лыбятся... Забрали его. Так он только ел да спал. Риманн, чтобы мне Пит в хозяйстве не мешал, везде с собой его брал... Вроде бы и безобидный Питер то. Когда дома был, так и сидел обычно в углу. Уставится на мух в окне, может так и стуки провести. Или уходил в поля. Я, грешным делом думала, может, не вернётся оттуда когда — всем будет лучше... Но Пит всегда возвращался. Недаром говорят, что Бог убогих любит, бережёт их... Вон, мальчонка О,Брайнов в болоте пропал в семь лет, а у кривой Марии сын в девять умер от чахотки. У О,Конноров сразу четверо детишек померли в ту зиму застудившись... А этому...хоть бы что... Живёт, коптит небо...Риманн возил его в Дублин к врачу какому-то. Дорогому. Пси. пси...психу что ли...

— Психиатру? — подсказал ей Леонар.

— А бог знает, к какому. Так тот сказал, что мальчонка, мол, ваш особенный и интересный случай. Мол, возите его ко мне, я его буду изучать. Ага, хорошо сказать — возите. А приём то у него каждый больно дорогой. Да ещё прибавьте деньги на дорогу... Пока ещё муж был жив, мы как-то перебивались. А когда я понесла Неисом, мой Риманн то и умер. И оставил мне в наследство домишко да сына убогого. Горе моё. И вот уже шестой год тяну его одна... Вырос дубина за два ярда, жрёт за троих, а глупый словно собака. Да и хуже собаки. От неё хоть толк есть. Вроде и понимает, взглянет так, словно соображает, и команды выполняет. Но дубина, нет с него толку, сразу вам говорю...

Потом она помолчала и добавила:

— Да и забрали бы вы его в свой цирк — я горевать бы не стала... Знаете, — она перегнулась через забор и оглядевшись, быстро затараторила — у него с восемнадцати лет стали по телу рисунки проявляться. Придёт, бывало, а у него новый узор на плече. Я...я показала его священнику нашему, а он сказал, — тут она перешла на шёпот — он сказал, что рисунки эти языческие. И что наносит их сам сатана. Пит то оказался, ребёнком дьявола. Священник хотел донести на Питера. Поехал в город, да подвоза с ним завалилась в реку, и он утонул. А я что? Только бы с нами беды не было. Только бы нас люди камнями не забили. За дьявола в доме. Заберите вы его. Увезите отсюда... — закончила она жалобно, — пожалейте вы нас с Неисом...

Визидары стояли, потупившись, переваривая рассказ женщины.

— Позовите нам Питера, — сурово сказал Леонар, после паузы.

— Да. Пусть выйдет. Что же теперь сделаешь, — вздохнул Марио.

— Мы не совсем обычные, миссис, немного такие же, как он, — добавил Стурла, — может, мы сможем с ним поговорить?

— Да какими бы вы ни были великими волшебниками, не может дурак стать умным, а немой — болтуном, — покачала головой миссис Фуамнак.

— Но вы уж всё равно, позовите его. Мы вам не враги, — попросила Пинар.

— Дак нету его дома то, — всплеснула руками женщина. — Он за овцами присматривает. Худо-бедно научили его их сторожить. Вот он на пастбище и обитает. Там часто и ночует в шалашике. А я ему еду ночью. Как раз вот завтрак приготовила. Но сегодня подзадержалась дома, обычно то с зарёй я уже у него.

— Может, мы ему отнесём еду? Не забойтся он нас? — спросила Тафари.

— Вот уж не знаю, мил человек. Ты то уж больно чёрен. Может, и забойтся. Кто ж его, дурака то знает. Что у него там в голове? Но как хорошо, если вы ему отнесёте поесть. Очень вы меня выручите.

Миссис Фуамнак засуетилась, побежала в дом. Вынесла им кулёк и вручила Леонару.

— Вот здесь всё для него. А найти его очень просто. Идите во-о-он на ту гору, когда увидите валун, похожий на рог, там и ищите Питера. Узнать его нетрудно. Но только...только я приучила его от люда прятаться. В поле отходит тропинка. К высохшему дереву. На нём висит подкова. Постучите по ней. Он и выйдет.

...От дома Петрюссонов визидары уходили с тяжёлым сердцем. Прошли всю деревню, так никого больше и не встретив. Только, когда вышли в поля, да под громкое пыхтение Стурлы молча протопали нескончаемый каменный забор, Марио вдруг забежал вперёд и в отчаянии обратился к остальным:

— Так что же делать нам, братцы?! Как же так?!

Все остановились. Постояли немного, потом Тафари подошёл к Марио, похлопал по руке и попытался успокоить:

— Не надо впадать в панику. Есть в Африке мудрость: «Не кричи что еда горькая, пока не попробовал».

— Потом, есть во всей этой истории что-то странное, — добавил Итиро. — В любом случае, этот Питер Петрюссон — явно тот, кто нам нужен. Нам надо хотя бы взглянуть на него. Пообщаться...

— Пообщаться?! — встрепнулся Марио, — я не ослышался, ты сказал — по-об-щать-ся?!!

— Да, — твёрдо ответил Леонар за Итиро. — Пообщаться.

— А потом меня всё время мучает одна мысль — а что, если Пит просто говорит на каком-то другом языке? — высказал идею Тафари.

— На каком? — поинтересовался у него Стурла.

— Ну, на особом. Визидарском. Может, он людям не слышим? — объяснил Тафари. — Может, для этого я и знаю все языки. И могу разговаривать с животными? Ты не думал об этом?

Стурла почесал макушку под шлемом.

— А что, вполне себе возможно! — сказал он, приободрившись, — теперь я даже хочу побыстрее его увидеть, этого Питера Петрюссона.

И бодро зашагал вперёд. Компания двинулась за ним. Все повеселели. Тафари и Итиро держали за руки Янмей. Иногда девочка подгибала ножки, и они раскачивали её в воздухе. От этого Янмей заливалась смехом, и на душе от её переливчатого хохота стало совсем светло.

По сторонам тянулся один и тот же пейзаж: холмы с одиноко разбросанными валунами, да перетекающие друг в друга старинные изгороди, сложенные из вековых камней, покрытых всеми видами мха — от ярко-жёлтого до изумрудного. Каждая низина была богато оторочена пышными кустами, на которые кое-где уже дохнула осень. Иногда им встречались овцы. Увидев путников, они как по команде останавливали жевание и провожали визидаров взглядом. Но как только ходоки скрывались, овцы тут же начинали мерно двигать желваками, как борцы, вправляющие себе челюсть.

Наконец, визидары подошли к очередному полю, ничем не отличавшемуся от других: та же густая трава, те же белые былинки и тонкие фиолетовые цветочки. Те же сочные кусты, тот же ветер, и точно такие же лениво жующие овцы, как и везде. Но над полем накренился огромный валун в виде рога. А недалеко от забора, за который вела деревянная калитка, стояло высохшее дерево. К нему была протоптана чуть заметная тропинка.

— Видимо, нам сюда? — предположил Леонар и шагнул к калитке.

Визидары подошли к дереву. Трава около него была сильно примята. Янмей первая увидела подковку, подвешенную на верёвке. Она схватила палку, прислонённую к стволу, и со всей силы ударила ею по подкове. Звук был глухой, хоть и слышимый. Но никто ниоткуда не появился.

— Так Питер же вроде глухой, как говорила его мачеха? — сказал Итиро.

— Но отчего ж тогда она сама стучала по подкове? Как то он к ней выходил? — пожал плечами Тафари.

— Возможно, видел её издалека. Ждал. Вот и выходил. А сегодня миссис Фуамнак задержалась, так Питер и отсиживается где-нибудь, — предположил Марио.

Леонар подошёл к дереву, поднял трость и медным набалдашником стукнул о подкову. Звук стал ярким, сочным, словно зазвонили в колокол. Пару ближайших овец встрепенулись, потрясли толстыми бочками и отошли подальше.

Визидары подождали. Но ничего не произошло. Леонар ещё раз стукнул. Ничего.

— Может, спросить у них? — кивнул на овечек Тафари.

Но они с ним не разговаривали. Только блеяли и разбегались. Что ещё оставалось? Только пойти искать этого самого Питера Петрюссона. Команда разбрелась и стала ходить по полю. К огромному валуну-рогу двинулись Пинар с Янмей.

Там то они его и нашли.

С подветренной стороны к валуну прислонился неказистый шалашик. Из него торчали большие ноги. Осторожно глянув внутрь, Пинар чуть не заорала. Она оттащила Янмей за камень и стала отчаянно жестикулировать, делая пассы руками и страшно вращая глазами, чтобы привлечь внимание других визидаров.

Когда все собрались вокруг неё, она ткнула пальцем за валун. Туда пошли крадучись, переглядываясь, вытянувшись в цепочку. Обступили шалаш и заглянули. В тени соломы спал огромный человек. Его одежда состояла из холщевой рубахи, тёмных штанов и кожаного жилета. Он был широкий, словно платяной шкаф: большие мускулистые руки, широкий торс. Его лицо скрывали светло-рыжие волнистые пряди, но то, что оставалось видимым: одна щека, рот, квадратный подбородок с ямочкой — всё это было покрыто запёкшейся кровью...

— Не дождался завтрака. И съел кого-то... — с отвращением прошептала Пинар.

— Да, зря миссис Фуамнак его с утра не покормила, — уголком рта проговорил Марио, — теперь я понимаю, как он опасен.

В это время великан пошевелился и издал какой-то звук.

— Страшно-то как, — обняла сама себя Мэдли, — а не могли бы мы без него дальше пойти?

— А куда? Ты подумала? — зашептал ей Итиро, — куда мы пойдём? Мы же не знаем.

— Как-будто он в состоянии нам дать какие-то ответы. Ты что, дурак? Не понимаешь что ли?! — зашипела Бернис, вступив в перепалку.

В это время здоровяк выгнулся, потянулся, и стал вылезать из шалаша. Визидары отступили, ожидая. Только Пинар успела спрятать за себя Янмей.

Великан вылез и поднялся. Он уставился на визидаров. А они на него.

Наконец, они увидели его полностью. Он был почти на две головы выше Тафари. На его испачканном лице

сияли, по-другому и не скажешь, иссиня-голубые глаза. И было неожиданным увидеть, что у такого мускулистого чудовища, длинные красивые ресницы. От этого его взгляд казался нежным и кротким.

Неожиданно великан быстро нагнулся и схватил дубинку, лежавшую рядом с шалашом. Он устрашающе взмахнул ею над собой и, не открывая рта, замычал на разные лады.

Девчонки завизжали и отбежали. Но после, Бёрнис, которая из-за очередного полнолуния опять была излишне воинственна, рванула вперёд:

— Пустите, я сейчас ему вправлю мозги! — но Пинар и Мэд вовремя схватили Волчицу и оттащили обратно.

Великан не обратил на эту возню никакого внимания. Он смотрел на Тафари.

— Тише, тише, — выставил вперёд руку Следопыт.

Здоровяк перешёл на грозный утробный рык. Стурла успел выхватить из-за пояса топорик, а Итиро и Марио длинные ножи из ножен. Они приняли защитную стойку, ожидая нападения. Леонар же сделал шаг вперёд, и медленно чётко заговорил, помогая себе выразительной жестикуляцией.

— Пи-тер, — говорил он громко, по слогам, — мы при-шли с ми-ром. Мы хо-тим за-дать те-бе па-ру воп-ро-сов.

Стурла осторожно попытался зайти за спину великана. Но тот увидел это движение краем глаза, оскалился и молниеносно раскидал визидаров с оружием. Они не успели сообразить, как Питер это сделал, а уже катились по траве в разные стороны. Здоровяк ещё раз взмахнул дубиной, нацелив её в голову Леонара. Тот заслонился руками, зажмурил глаза, но скороговоркой продолжил:

— Мы не желаем тебе зла. Мы — визидары...

— Я уж думал вы никогда не придёте, — сказал откуда-то голос.

Леонар открыл глаза.

— Кто, кто это сейчас сказал? — спросил он растерянно.

— Я, — ответил, отряхиваясь, великан. Он поднял голову, поправил лапицей копну волос, нависавшую на глаза, и добавил:

— Ну, вы, братцы, даёте. Чего так долго?

— Так ты разговариваешь? — с недоверием спросила у него подошедшая Пинар.

А Мэд наклонилась к Бёрнис и тихо сказала:

— Может, он и ненормальный, но красив как бог.

Великан покосился на них и сказал:

— Я Питер Петрюссон. Как вас всех зовут?

— Почему же все думают, что ты не умеешь говорить и глух? — перебил его вопросом потрясённый Тафари.

— Ох, это сложный философский вопрос. Но если очень кратко, то в три я понял несовершенство этого мира.

Мне больше не о чем и не с кем было говорить. С кем бы я ни беседовал, все общались со мной, как с неразумным младенцем. В школе я за три дня выучился читать и прочёл все учебники своего класса. За месяц я изучил уже всё, что вообще преподавали в школе. Дальше наступила скука. И потом, у кельтов есть такая пословица: «Те, кто часто открывают рты, открывают для себя в этом мире меньше всего». Уф-ф-ф... Никогда так много не говорил, — выдохнул он.

— Вот это да... — присел на камень Леонар, переваривая увиденное.

— Сказать тут нечего. Неожиданно, — кивнул Стурла и почесал бороду.

В это время Питер стянул с себя рубаху, вытащил из-под камня ведёрко с водой и стал над ним умываться:

— Я был голоден, и ходил за черникой, — объяснял он, — её нынче на болотах много.

Пока он оттирал пятна с лица, визидары разглядывали его мощное тело. Бычью шею Пита, обвивал рисунок из кельтских узоров. Чёрные линии перекрещивались с синими и светло-голубыми. Спускаясь по правой руке, они покрывали кожу до самых пальцев. Такие же знаки были на животе.

— Откуда это? — спросил Тафари, указав на татуировки.

— Не знаю, — повёл плечами Питер и, вытершись рубахой, надел её на себя, — как я понял, в роду у нас такое было. Проступали рисунки и у прадедов. Ну, вот и у меня. Давайте всё же знакомится, — он лучезарно улыбнулся и протянул руку Тафари.

После знакомства визидары устроили за валуном привал. Расстелили на траве одежду, вытащили продукты и стали рассказывать о себе и своих приключениях.

— А ты, Пит, не знаешь, какого рода? — спросила его Мэдлин, отпивая молоко из бутылки.

— Я то? Знаю, — сказал Пит, откусывая от ломтя, — мы от богов.

— Что? Как это? — удивилась Бёрнис, — ведь все визидары от духов и чудищ?

— Сам не знаю, как. Но ходят легенды.

— А ты знаешь, где искать твой тол и есть ли у тебя ауксил?

— Конечно, знаю, — отмахнулся Питер. — Я их нашёл ещё в десять лет. Только вас осталось дожидаться.

— Как?! — вскочили Тафари и Леонар.

— Так просто же. Кое-что прочел в дневниках прадеда, кое-что сопоставил. Сходил пару раз в горы, нашёл секретное место. Разгадал, как его открыть. Съездил кой-куда... Но вот незадача — до конца задача не решалась, хоть так крути, хоть эдак. Тогда я и понял, что кто-то должен прийти и принести то, чего не достаёт. Только не думал, — он оглядел визидаров, — что вас будет так много.

— А мы не думали, что ты такой большой, — обгладывая рыбину, сказал Марио.

— Вот так дела... — опять удивлённо потянул Леонар.

И все заговорили почти одновременно. Со всех сторон на Питера посыпались вопросы:

— Расскажи про свой тол? Как он работает?

— А ауксил у тебя какой?

— Так ты знаешь, куда нам двигаться дальше?

— Может, ты знаешь, где искать Медикат?

— Пит, ты знаешь секрет, откуда мы?

Он оглядел галдящую толпу, выждал, покуда все не успокоятся и, ещё раз обведя всех чарующим взглядом оленёнка, кивнул и с достоинством сказал:

— Я знаю ответы на все ваши вопросы.

Потом помолчал, залез в свой шалаш и вытащил тряпицу. Развернув её, показал стопку тетрадок, испещрённых записями и схемами. Карту, нанесённую на обрывок тонкой шкуры неизвестного животного и тонкую деревянную свирель, покрытую знаками.

— Вот это мой ауксил, как я понимаю, — поднял Пит свирельку.

— А что это за дудка? — уточнил Стурла, — что она делает?

— Когда на ней играешь, она поднимает грузы, отодвигает преграды. Именно так я открыл пещеру, где нашёл вот этот план, — тут он показал на шкуру с картой, — правда, ушло много времени, прежде чем я догадался, как и что делать. Всё детство потратил на изучение свойств свирели, пока не догадался, что она как-то связана с моим знаком.

Пит вытащил из-под рубахи пластинку на кожаном ремешке, которая висела у него на шее. На медном круге был выбит знак визидаров.

— Помещаешь амулет на нужный предмет, дуешь в свирель закрывая одну дырочку, и груз поднимается. Закрываешь другую дырку, и груз опускается. А вот потом было сложнее: пришлось обойти все окрестные холмы. Пока не нашёл нужную пещеру, закрытую куском скалы.

— Ты очень умён, — кивнул восхищённо Стурла.

— Я искал методом тыка в поисках нужного жёлудя на дубе. Просто перебирая по очереди все. Так что, это не ум, а скорее, моё терпение и методичность, — улыбнулся Пит, — а после несколько лет ушло на то, чтобы понять эту шкуру, определить, что она непростая.

Питер расстелил перед ними карту с пояснениями и схемами. Это был изрядно помятый и рваный по краям обрывок шкуры. Все надписи на неё были будто выжженные.

— Надо же, — склонился над листком Леонар, — мне кажется, здесь видны не все записи, возможно, потому что здесь нужен проявляющий порошок?

Леонар достал солоночку и посыпал лист. Рисунок проявился чётче и стал цветным. Так же появились куча других надписей и разъяснений.

— Ну и дела, — почесал затылок Пит, — вы меня сейчас удивили.

— А как же ты сам эти надписи проявил? — спросил его Леонар.

— Опять таки путём проб и ошибок, — застеснялся Пит. — Не было у меня никаких определённых способов. Пробовал всё: Нагревал, погружал в воду, растирал порошками. Вон, даже повредил тут кое-что — показал он на оборванный край плана, где не хватало текста.

— Ну, тут что-то не сильно важное, как я понимаю, вчитываясь в слова, сказал Леонар. — Однако ж, ты очень умный, — повторил он мысль Стурлы.

— Был бы умным, догадался бы раньше, — вздохнул Пит.

И заинтересованно покосился на то, как Леонар копается в Бесконечной сумочке Мэд, доставая книги, в которых граф хотел кое-что уточнить.

— Ух ты! — присвистнул Пит, увидев энциклопедию, — Леонар, а евклидова геометрия у тебя есть?

— Кажется, нет — помотал головой Леонар.

— Жаль, — сказал Питер, а потом продолжил объяснение, — из моей карты я понял, где находится проход в Визидарию. И даже побывал вблизи двери, но...возникли сложности. Поэтому мы отправимся туда вместе. Как и должно быть.

— Как и должно быть, — зачаровано повторила Мэдлин, слушая рассказ Питера. От него и, правда,

невозможно было оторвать глаз.

— Так ты так и размышлял всё-время, сидя здесь, в полях? — спросила Бёрн. — Все дни напролёт?

— О! Когда я не разгадывал наших визидарских загадок, то пас овец и слушал радио.

— Радио?

— Да. Я прочёл статьи Фарадея про электромагнитное поле и работы Максвелла о распространении радиоволн. Увлекаюсь так же тем, что пишет Тесла. Но его статьи достать труднее. Но всё это параллельно с чтением книг по военной истории. Лет с двенадцати я изучаю тактику ведения боя и виды оружия.

Стурла уважительно взглянул на Пита, погладив ножны своего меча.

— Я даже не понимаю, о чём он сейчас тут говорил, — восхищённо шепнула Мэдлин Бёрн.

— Но...но где ты берёшь литературу? — удивился Леонар.

— Так тут, собственно, до Дублина то недалеко. Полдня пешком. Я там подрабатывал носильщиком. И был записан в библиотеку. Вы были когда-нибудь в дублинской библиотеке? Там очень красиво. Кроме того, такое множество материалов, что можно просидеть целый день, не замечая, как летит время. Там я самостоятельно выучил физику и химию. Из Дублина я и привёз чертежи радио. Смастерил и слушаю.

Он залез в шалаш, который, оказывается, скрывал много интересного. И вытащил коробку с дырочками. Покрутил две самодельные ручки и о! чудо! — раздался голос диктора.

Передавали новости.

— Так где же?! Где Визидария? — в образовавшейся тишине вдруг спросила Янмей.

Все, затаив дыхание, повернулись к Питу.

Мэдлин на секундочку стало страшно. Сейчас они услышат то, о чём мечтали столько времени! Самую главную разгадку. Где находится эта далёкая земля предков? Где этот волшебный край? Мэдлин зажмурилась, опустив лицо.

Питер посмотрел на небо, опять взъерошил большой пятернёй чёлку и произнёс:

— Недалеко. В Дублине.

— Как?! — вскочил Итиро.

— Стоило бы сообразить, — задумался Тафари. — Ведь печать визидаров очень похож на кельтские знаки.

— Да, на глаз Одина, — кивнул Пит.

— И на знаки викингов, — насупился Стурла.

— А нам с сестрой, — сказала, задумавшись Мэд, — мать с детства пела колыбельную нашего рода, в которой были такие слова...

И Мэдлин запела:

На зелёных холмах ветер вереск медовый качает.

Где далёкий тот край расположен никто и не знает.

За закрытой тяжёлою дверью я тайны оставлю,

Но вернусь обязательно к ней я, лишь силы прибавлю.

Ведь в воде ведьминой впадины глубоко на дне

Осталось моё сердце и скучает по мне...

Девушка замолчала. А потом грустно добавила:

— Только я думала, что всё это просто красивая песня. А оказывается, это всё о нашей родине. Ведь это песня про Ирландию? Так где в Дублине живут визидары, Пит? У них там свой район? Много ли их осталось?

— Э-э-э, я не говорил, что они живут в Дублине, — покачал он головой. — Они живут в другом мире. А дверь в него находится в подземных коридорах под Дублином. В той карте как раз об этом и сказано.

— Да-да, — закивал Леонар, они с Итиро и Тафари изучали документ, — весьма занятная карта. По ней получается, что Дублин практически испещрён проходами, выходящими во многих местах на поверхность.

— Их сделали давно. Но не люди и не визидары. А огромные черви, — уточнил Пит.

— Ты их видел? — ужаснулась Пинар.

— Червей там больше нет. Но, есть много чего другого... В тех лабиринтах даже с картой заплутать очень просто. Залезаешь в одном месте, но вылезешь совершенно в другом... Иногда оказываешься в чужом подвале. Так меня несколько раз принимали за вора, приходилось выпутываться... Я как-то даже дошёл до нужной двери, что в тех лабиринтах было не так просто. Но открыть её не смог. Она ограждена защитой. Каким-то невидимым полем. К ней даже вплотную не подойти. Нужна вся наша команда.

— Так вперёд, — заспешил Тафари, — но где же твой тол, Питер?

— Сейчас, — великан поднял палец вверх, — мой тол очень прост.

Питер опять полез в шалашик, вытащил оттуда новый кулёк. Все собрались вокруг ладони Питера на которую он этот кулёк водрузил, а другой, как фокусник, стал медленно разворачивать. Визидары затаили дыхание. Последний уголок был развёрнут и...на ладони лежал новенький пистолет.

— Что это? — опешил Марио.

— Это — M1911 — самозарядный пистолет, разработанный Джоном Мозесом Браунингом в 1908 году. Стреляет патронами 45 АСР. Их у меня тоже пару коробок, — объяснил великан.

— Но...но Пит...Это не может быть твоим толлом! — возразил Тафари, — тол — это инструмент визидара. А ты показываешь нам браунинг, который создан людьми. И совсем недавно!

— Нет, я не ошибаюсь. В записях у прадеда есть чёткая фраза: «возьми с собой самое новое оружие, которое можешь достать. Это и будет твоим толлом». Я смог достать только это. Но оно отличное!

— Зачем визидарам такое оружие? — растерялась Пинар

— Видимо, есть нужда. Раз мой прадед хотел меня об этом предупредить, — пожал плечами Пит. — Разберёмся на месте, — добавил он слова, который так любил произносить Тафари и тот одобрительно хмыкнул.

— А как же ты оставишь овец без присмотра? — спросила у Питера Мэдлин, глядя на стадо, разбредшееся по всем полю.

— Ты думаешь, это впервые? — ответил Пит, — матушка Фуамнак потом их сама загонит. Только вот надо бы о ней позаботиться. Всё это время я подкидывал ей монет в котелок, где она держит деньги. Она верит, что он волшебный. Всё же, миссис Фуамнак заменяла мне мать, хоть и была строга.

— Мы позаботимся о ней, — сказал Марио, — вот возьми.

Он достал свой кошелёк с монетой и отдал Питеру. Тот покрутил его в руках и, узнав от визидаров что это, очень обрадовался:

— Ну, Теперь они с братцем Неисом не пропадут.

Пит собрался подкинуть кошелёк мачехе на крыльцо.

— Но пока я обернусь — попросил он визидаров, — не могли бы вы сложить к себе в волшебную сумку мои пожитки?

Из шалаша и укромного места под камнем, он стал вытаскивать связки тетрадей, свёртки, бутылочки, небольшие механизмы и разные инструменты. Сложил это все в кучу перед визидарами и, мурча под нос песенку, ушёл.

Визидары перебирая вещи Пита, рассматривали его тетради. Они были полны схем летательных аппаратов и подземных машин, каких-то неведомых приспособлений. Там было много неразборчивых рисунков, заметок и зарисовок. Куча записей посвящались оружию и сражениям: схемы, высказывания полководцев, наброски планов.

— Да, этот Питер невероятно умён. Пожалуй, таких умных и рассудительных, я и не встречал. С ним мы приумножили не только силы, но и мозги, — сказал задумчиво Тафари.

— Поглядите-ка, — подал голос Стурла.

Он сидел на камне и изучал карту Питера.

В том месте, куда он тыкал пальцем, были нанесены схемы подземных проходов. Рядом рисунок чудного сгустка: то ли комок из корней, то ли из соломы.

— Тут написано, что проходы сделали некие древние животные, вроде гигантских змей. Их, видно, Пит и называл червями. Этих змей уничтожили визидары. Над входом в подземелье росли дубовые рощи, в которых обитали дубовики — опасные и злобные существа. Они жили в кронах и стволах дубов, охотясь на животных и человека. Когда люди срубили дубовые рощи, и вместо них построили дома, дубовики ушли под землю. И теперь сторожат тамошние проходы. Иногда они вылезают в подвалы домов и нападают на мелких животных. Дубовик — это живой нарост корней и веток. У каждого дубовика много ртов, полных зубов с ядом. Передвигаются они, быстро перекатываясь, и набрасываются на любого, кто посмеет к ним спуститься.

Тут из-за камня показался Питер.

— Так ты про дубовиков говорил, когда упомянул, что в пещерах у тебя были проблемы? — спросил его Марио.

— И про них тоже, — кивнул Пит.

Он оголил руку без рисунков и показал бороздки давно заживших шрамов. Будто кто-то неоднократно провёл по его предплечью вилами в разных направлениях.

— Вот это, — сказал Питер, — следы от их зубов. И с ними браунинг не помогает. Но и сама дверь, как я уже говорил, с секретом.

— Что ж. В любом случае, нам придётся туда пойти, как бы там ни было страшно. Там проход в Визидарию, — сказала, вставая, Бёрнис.

Все с ней согласились.

Они собрали вещи и отправились в дорогу. Питер показывал остальным визидарам путь, но приспособиться к его шагам было непросто — один шаг Пита равнялся двумя шагами Тафари и шести — Стурлы. Поэтому Питу пришлось идти очень медленно. Он подхватил маленькую Янмей, посадил её к себе на плечи и потопал дальше.

Овцы семьи Петрюссонов, жевавшие траву у сухого дерева, иногда поднимая головы, еще долго видели силуэты визидаров, которые то пропадали в низинах, то снова показывались, когда компания поднималась на возвышенности. Но вскоре они исчезли насовсем. Погас звонкий детский смех, заглохла песенка басом,

растворились голоса.

А ремесленники тем временем вышли на широкую дорогу, ведущую напрямик в Дублин. Немногочисленные прохожие останавливались и с удивлением глядели им вслед, разглядывая странную компанию. Но даже они до конца не понимали, какое невероятное чудо видят — десять прославленных родов ремесленников, наконец-то, были вместе.

Больше книг на сайте - Knigoed.net